СОБИРАТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Константин Аверьянов

Иван Калита

Становление Московского княжества

Приложения
Труды **Н.М. Карамзина,**
С.М. Соловьева,
В.О. Ключевского

СЗГ

Иван Калита. Становление Московского княжества

Константин Александрович Аверьянов, Николай Михайлович Карамзин, Сергей Михайлович Соловьев, Василий Осипович Ключевский

Аннотация
Константин Аверьянов. Иван Калита. Становление Московского княжества
Дорогой читатель!
Константин Аверьянов. Иван Калита. Становление Московского княжества
Вместо предисловия
Глава 1. Возникновение московского княжества
Глава 2. Духовные грамоты Ивана Калиты
Глава 3. Московские «трети»
Глава 4. Присоединение Коломны
Глава 5. Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества
Глава 6. Приобретение Можайска
Глава 7. «Лопастеньские места»

Глава 8. Переславль и Владимирское великое княжение
Глава 9. Княжил ли Иван Калита в Киеве?
Глава 10. Печорские владения Ивана Калиты. Новгород
Заключение
Именной указатель
Географический указатель
ПРИЛОЖЕНИЕ. Русские историки об эпохе Ивана Калиты
Н. М. КАРАМЗИН. Из «Истории государства Российского»
С. М. СОЛОВЬЕВ. Из «Истории России с древнейших времен»
В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ. Из «Курса русской истории»

Аннотация

Книга ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук К. А. Аверьянова рассказывает о начальной истории возвышения Москвы среди других русских княжеств. История первых «примыслов» московских князей XIV в. (так именовались их земельные приобретения) — Коломны, Звенигорода, Можайска, Переславля-Залесского — вызывает много споров у историков. Не меньшие дискуссии идут по вопросам: княжил ли Иван Калита в Киеве, был ли Великий Новгород боярской республикой?

Работа сопровождается публикацией отрывков, посвященных эпохе Ивана Калиты, из трудов выдающихся русских историков Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского.

Проект «Собиратели Земли Русской» реализуется Российским военно-историческим обществом при поддержке партии «Единая Россия».

Константин Аверьянов
Иван Калита
Становление Московского княжества

Приложения:

Труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского

ebooks@prospekt.org

Изображение на обложке «Иоанн Данилович», отпечаток гравюры для книги Екатерины II «Выпись хронологическая из истории Русской», гравер Г. Т. Харитонов, 1783 г.

Карты к книге выполнены доктором исторических наук С. Н. Темушевым (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь).

Автор:

Аверьянов К. А., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

© Аверьянов К. А., 2022

© Российское военно-историческое общество, 2022

© Оформление. ООО «Проспект», 2022

* * *

Дорогой читатель!

Мы с Вами живем в стране, протянувшейся от Тихого океана до Балтийского моря, от льдов Арктики до субтропиков Черного моря. На этих необозримых пространствах текут полноводные реки, высятся горные хребты, широко раскинулись поля, степи, долины и тысячи километров бескрайнего моря тайги.

Это — Россия, самая большая страна на Земле, наша прекрасная Родина.

Выдающиеся руководители более чем тысячелетнего русского государства — великие князья, цари и императоры — будучи абсолютно разными по образу мышления и стилю правления, вошли в историю как «собиратели Земли Русской». И это не случайно. История России — это история собирания земель. Это не история завоеваний.

Родившись на открытых равнинных пространствах, русское государство не имело естественной географической защиты. Расширение его границ стало единственной возможностью сохранения и развития нашей цивилизации.

Русь издревле становилась объектом опустошающих вторжений. Бывали времена, когда значительные территории исторической России оказывались под властью чужеземных захватчиков.

Восстановление исторической справедливости, воссоединение в границах единой страны оставалось и по сей день остается нашей подлинной национальной идеей. Этой идеей были проникнуты и миллионы простых людей, и те, кто вершил политику государства. Это объединяло и продолжает объединять всех.

И, конечно, одного ума, прозорливости и воли правителей для формирования на протяжении многих веков русского государства как евразийской общности народов было недостаточно. Немалая заслуга в этом принадлежит нашим предкам — выдающимся государственным деятелям, офицерам, дипломатам, деятелям культуры, а также миллионам, сотням миллионов простых тружеников. Их стойкость, мужество, предприимчивость, личная инициатива и есть исторический фундамент, уникальный генетический код российского народа. Их самоотверженным трудом, силой духа и твердостью характера строились дороги и города, двигался научно-

технический прогресс, развивалась культура, защищались от иноземных вторжений границы.

Многократно предпринимались попытки остановить рост русского государства, подчинить и разрушить его. Но наш народ во все времена умел собраться и дать отпор захватчикам. В народной памяти навсегда останутся Ледовое побоище и Куликовская битва, Полтава, Бородино и Сталинград — символы несокрушимого мужества наших воинов при защите своего Отечества.

Народная память хранит имена тех, кто своими ратными подвигами, трудами и походами расширял и защищал просторы родной земли. О них и рассказывает это многотомное издание.

В. Мединский, Б. Грызлов

Константин Аверьянов
Иван Калита. Становление Московского княжества

Вместо предисловия

У отечественных историков существует несколько «вечных» тем, к рассмотрению которых они обращаются вновь и вновь. Интерес к ним определяется их важностью и значимостью для всего процесса исторического развития страны. Одним из них является вопрос: почему именно вокруг Москвы русские земли сплотились в единое государство? Уже в XVII в. московские книжники задумывались над этим: «Почему было Москве царством быти, и кто то знал, что Москве государьством слыти?»[1]

Объяснение причин возвышения Москвы искали в срединном положении города между других русских княжеств, указывали на ее относительную защищенность от ордынских нашествий, отмечали гибкую и мудрую политику московских князей, наконец, просто ссылались на божественное провидение. При этом большинство исследователей придавало решающее значение тому обстоятельству, что город находился на перекрестке торговых путей, связывавших

[1] Примечания: 1
Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 213.

между собой различные районы Руси. Еще в 1830-х годах Н. А. Полевой и Н. В. Станкевич, размышляя о роли Москвы в деле собирания русских княжеств, указывали на выгодное географическое положение города[2]. Это мнение разделяли и такие выдающиеся историки, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Первый из них считал, что город превратился в столицу огромного государства благодаря своему положению на Москве-реке, служившей «посредствующей водной нитью между Северной и Южной Русью». Его идеи углубил В. О. Ключевский, выводивший из географического положения Москвы ее экономический рост и политические успехи[3]. Подобные взгляды на причины возвышения Москвы в целом характерны для всех последующих исследователей и стали общим местом школьных и вузовских учебников.

---

[2] Примечания: 2

Полевой Н. История русского народа. Т. 4. М., 1833. С. 310; *Станкевич Н. О* причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Ученые записки Московского университета. 1834. № 1, июль. С. 42.

[3] Примечания: 3

Соловьев С. М. Сочинения. Т. 1. М., 1988. С. 72; *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 8–9.

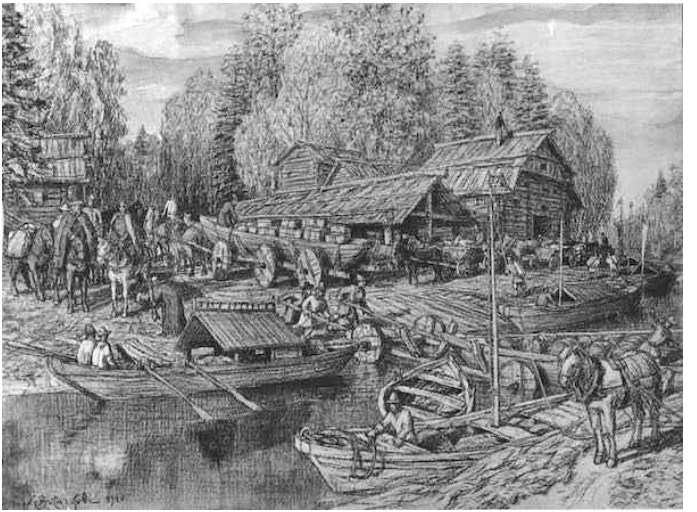


Рис. 1. А. М. Васнецов. Волок Ламский

Но не все, оказывается, так просто. Авторы популярных книг любят рассказывать, что Москва возникла как перевалочный торговый пункт рядом с речным волоком из Москвы-реки в Клязьму через Яузу. В качестве доказательства обычно приводят название современного города Мытищи, то есть места, где ранее находился мыт и собирались таможенные пошлины. Взглянем, однако, на этот водный путь в XIV в. — эпоху начала собирания Москвой русских земель, когда

именно географическое положение города, казалось, должно было бы во многом определять его дальнейшую судьбу. Из духовных и договорных грамот московских князей выясняется, что уже в последней четверти XIV в. Яуза в нескольких местах была запружена и на ней стояли мельницы. Великому князю Дмитрию Донскому на Яузе принадлежало село Луцинское с мельницей. На устье реки располагалась мельница его двоюродного брата князя Владимира Андреевича Серпуховского. Еще выше по течению лежало село Тимофеевское с мельницей, хозяином которого являлся видный боярин Федор Андреевич Свибло[4]. Очевидно, что эти села с мельницами существовали задолго до того времени, когда они впервые упоминаются в грамотах, и поэтому говорить о судоходстве по Яузе в XIV в. было бы весьма опрометчиво.

С данным выводом соглашался выдающийся историк Москвы И. Е. Забелин. На его взгляд, Московский Кремль возник на Боровицком холме при устье речки Неглинки совершенно случайно. Будущей столице России следовало бы появиться не там, где распорядилась история, а при впа-

[4] Примечания: 4

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 34, № 17. С. 48, № 21. С. 58 (Далее: ДДГ).

дении реки Сходни в Москву-реку (в районе современного Тушина). По его мнению, именно здесь через Сходню проходил речной волок из Москвы-реки и далее в верховья Клязьмы. Основанием для подобного утверждения послужило средневековое название реки — Всходня, и по мысли историка суда по ней «всходили» в Клязьму[5]. В подтверждение своей мысли И. Е. Забелин указывал на находившийся здесь Войницкий мыт, располагавшийся у «Спаса на Въсходне»[6].

Однако подобные этимологические упражнения зачастую не имеют под собой реальной почвы. Так, близ Серпухова известна небольшая речка Всходня, приток Речмы, впадающей в Оку. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы убедиться, что по этой Всходне решительно некуда было «всходить». В источниках также нет абсолютно никаких указаний на существование длинного, в несколько километров, волока из Сходни в Клязьму.

Что же касается Войницкого мыта, в исторических источниках он упоминается только во второй половине XV в. и был связан с сухопутной

---

[5] Примечания: 5
Забелин И. Е. История города Москвы. 2-е изд. Ч. 1. М., 1905. С. 12–17.

[6] Примечания: 6
ДДГ. № 69. С. 226.

дорогой из Москвы на Волок Ламский. Также и мыт на месте нынешних Мытищ был устроен на древней дороге на Переславль-Залесский. Это было неслучайно. Известно, что мыты устраивались князьями для сбора проезжих пошлин. Правда, люди, как в древности, так и сегодня, не очень любят расставаться с деньгами. Нередко у купцов возникал соблазн, сделав небольшой крюк, уклониться от платежа пошлин. Поэтому неудивительно, что князья стремились располагать мыты на пересечении торговых путей с водными рубежами.

Несмотря на то, что непрерывная династия московских князей, а затем и царей, начинается с младшего сына Александра Невского — Даниила Московского, которого сменил его старший сын Юрий, впервые добившийся титула великого князя, всеми исследователями возвышение Москвы дружно связывается с именем младшего брата последнего — Ивана Даниловича Калиты.

Правда, и здесь также возникают вопросы. Из летописей известно, что Иван Калита стал московским князем в 1325 г., после гибели в Орде старшего брата Юрия. Между тем историки указывают, что самое значительное расширение территории Московского княжества приходится

на самое начало XIV в.: в 1301 г. к Москве была присоединена Коломна, в 1302 г. москвичам достался Переславль-Залесский, в 1303 г. их собственностью стал Можайск. Подсчитано, что всего за три года московские владения увеличились по площади более чем в два раза. Правда, все эти события происходили более чем за два десятилетия до того, как московский княжеский стол достался Ивану Калите.

В истории первых московских «примыслов» многое для современных исследователей неясно. Известно, что Коломна издавна являлась владением рязанских князей, Переславль после смерти бездетного князя Ивана Дмитриевича Переславского у Москвы оспаривала Тверь, Можайск входил в состав Смоленского княжества. Присоединение этих территорий к Москве резко меняло равновесие сил в Северо-Восточной Руси, и, как следствие этого, следовало бы ожидать создания мощной антимосковской коалиции, которая бы в корне задушила стремление Москвы к первенству. Однако, как известно, этого не произошло. Что же помешало объединению противников Москвы?

Рис. 2. Иван Калита. Миниатюра «Царского титулярника». 1672

В истории возвышения Москвы немалую роль сыграла Церковь. Практически все историки утверждают, что уже при Иване Калите она ста-

новится церковной столицей Руси. Причину этого видят в тесной дружбе московского князя с тогдашним главой Русской церкви митрополитом Петром. Но при этом без ответа остается самый главный вопрос: почему предстоятель Церкви обратил внимание именно на Ивана Калиту? Ведь, по сути дела, в начале их знакомства тот являлся всего лишь, если так можно выразиться, «третьеразрядным князем» (после Михаила Тверского, имевшего на тот момент титул великого князя, и Юрия, возглавлявшего Московское княжество).

Мы обозначили всего лишь несколько вопросов, стоящих перед исследователем, изучающим начальную историю Московского княжества. Для воссоздания реальной картины начальных этапов возвышения Москвы необходимо обратиться к историческим источникам. В силу различных причин их сохранилось крайне мало. Тем не менее комплексный и скрупулезный анализ всей дошедшей до нас совокупности документов позволяет историку выявить в них такие детали, о существовании которых даже не догадывались предшествующие исследователи, и тем самым восстановить прошлую действительность. Прежде всего имеем в виду дошедший до нас уникальный комплекс духовных и договорных

грамот московских князей.

Глава 1. Возникновение московского княжества

Кто основал Москву? Откуда возникло название города? Москва и округа в XII в. Как князья управляли своими владениями? Миграция южнорусского населения в Северо-Восточную Русь и ее последствия. Выделение волостей как личных владений князей.

Прежде чем говорить о возвышении Москвы эпохи Ивана Калиты, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на предшествующую историю Московского княжества.

На Тверской улице в центре Москвы стоит памятник работы скульптора С. М. Орлова (1911–1971) в виде былинного богатыря на боевом коне с короткой надписью «Основателю Москвы Юрию Долгорукому». Его торжественная закладка состоялась 6 сентября 1947 г., когда столица пышно отмечала свое 800-летие. Однако открыт он был только 6 июня 1954 г.

По этому поводу существует легенда, объясняющая столь длительную задержку. Первоначально на памятнике по канонам тех лет планирова-

лось сделать надпись: «Основателю Москвы от Советского правительства». Но этому резко воспротивился скульптор, которому только после смерти Сталина удалось настоять, чтобы советское правительство не упоминалось.

Неудивительно, что реакция тогдашней общественности оказалась крайне негативной. В Моссовет, расположенный на той же Советской (ныне Тверской) площади, что и памятник, посыпались письма с негодованием на «идейно чуждый» монумент «представителю эксплуататорских классов». Высказывались даже предложения о его сносе, но они не нашли поддержки у городских властей, которым пришлось бы оправдываться о затраченных на его возведение 5,5 млн полновесных советских рублей. С тех пор прошло несколько десятилетий, страсти улеглись, а сам памятник стал одним из символов столицы.

Рис. 3. Открытие памятника Юрию Долгорукому на Советской площади Москвы 6 июня 1954 г.

Однако вернемся к надписи, утверждающей, что основателем Москвы является Юрий Долгорукий. Верна ли она?

Наши сведения о ранней истории Москвы весьма скупы и отрывочны. По меткому замечанию выдающегося историка Н. М. Карамзина (1766–1826), летописцы не предвидели блестящего будущего Москвы[7] и поэтому не обращали внимания на этот небольшой пограничный городок Владимиро-Суздальской земли. Неудивительно, что первое упоминание о нем, записанное

[7] Примечания: 7

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 133.

под 1147 г. в Ипатьевской летописи, выглядит довольно случайным. Весной этого года суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий (летописец именует его Гюрги — от «Георгий», вариант имени Юрий) решил встретиться с новгород-северским князем Святославом Ольговичем и его сыновьями Владимиром и Олегом в небольшом пограничном пункте на рубеже Ростово-Суздальского и Черниговского княжеств. Святослав находился в Смоленской земле, когда к нему прибыли послы Юрия. «Приди ко мне, брате, в Московъ», — с такими словами обратился Юрий Долгорукий к своему союзнику. Святослав согласился и впереди себя послал сына Олега с подарком — шкурой барса (пардуса). Вполне вероятно, что подобный выбор был не случаен: именно барса видим на средневековой эмблеме владимиро-суздальских князей.

Встреча состоялась в Москве в пятницу 4 апреля 1147 г. На другой день был устроен пир, или, по выражению летописца, «обедъ силенъ». Князья обменялись богатыми дарами, которые получили и их дружины, и договорились о взаимной помощи. На прощанье Юрий отпустил со Свято-

славом своего сына[8]. Таково первое письменное известие о Москве.

Сообщение летописца ничего не говорит о том, что представляла собой в это время Москва. С определенной долей уверенности можно полагать, что к тому времени она, вероятно, была довольно крупным поселением, раз Юрию Долгорукому было чем угостить и встретить гостей. Но когда здесь возник населенный пункт, остается неизвестным. Некоторый свет на это проливает древнее предание, записанное уже много позже, когда Москва стала столицей огромного государства. Согласно ему, в середине XII в. на месте нынешнего города располагались «села красные», принадлежавшие боярину Стефану Ивановичу Кучке.

Как-то Юрию Долгорукому пришлось отправиться по своим делам из Киева во Владимир к сыну Андрею. По дороге он остановился во владениях боярина Кучки, но торжественный прием, который тот оказал ему, привел к печальным последствиям. Для своего времени боярин был очень богатым человеком, гордился своим состоянием и знатностью, считая себя равным

[8] Примечания: 8

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 339–340. (Далее: ПСРЛ).

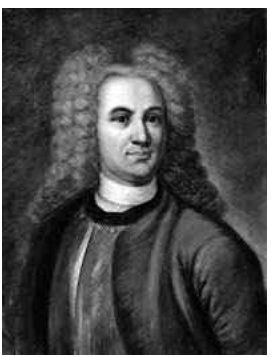
князю, а по деньгам даже превосходившим его. Во время пира зашел разговор о его богатствах. Нет чтобы Кучке приуменьшить количество своих сокровищ, он, наоборот, начал ими хвастать, сравнивая их размеры с тем, чем владел Юрий. Это явно не понравилось князю. Как говорит предание, «той же Кучка возгордевься зело и не почте великого князя подобающею честию, яко же довлеет великим княземъ, но и поносив ему к тому жъ». Рассерженный похвальбой боярина, Юрий Долгорукий велел схватить Кучку и убить его. Оставшихся после Кучки двух малолетних сыновей князь предавать смерти не стал, а отослал во Владимир к своему сыну Андрею. На следующий день Юрий Долгорукий осмотрел владения Кучки, места эти ему понравились, и он приказал заложить здесь небольшой деревянный город[9].

[9] Примечания: 9
Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 175–179.

Рис. 4. Князь Юрий Долгорукий в гостях у боярина Кучки. Рисунок XIX в.

Иную версию передавала ныне утраченная «Раскольничья летопись». По словам историка В. Н. Татищева (1686–1750), он получил ее в Сибири в 1721 г. от некоего раскольника. Это

была копия древней рукописи на пергаменте, завершавшаяся 1197 г. и содержащая в заглавии имя летописца Нестора. В ней повествуется, что Юрий Долгорукий обольстил жену Стефана Кучки, занимавшего тогда важнейшую должность тысяцкого. Обманутый муж, пользуясь отсутствием князя, воевавшего тогда за Киев, увез жену в деревню, на берега Москвы-реки, а сам хотел бежать в Киев к противникам своего князя. Узнав об этом, Юрий Долгорукий поспешил прибыть из-под Торжка на помощь любовнице, убил ее мужа, выдал дочь убитого Улиту за своего сына Андрея, а на месте владений Кучки заложил город[10].



[10] Примечания: 10

Хмыров М. Д. Начало Москвы и судьбы ее до смерти Ивана I Калиты (1147–1340). Исторический очерк. СПб., 1871. С. 3.

Рис. 5. Татищев В. Н.

Так ли это было или по-иному, по прошествии нескольких веков судить трудно. Сохранившиеся летописи ничего не знают о боярине Кучке, но его сыновья, «Кучковичи», — лица исторические. Они служили боярами у сына Юрия Долгорукого — Андрея Боголюбского и упоминаются на страницах летописи под 1174 г.[11]

Что касается закладки города, о котором говорится в повестях о начале Москвы, это событие произошло не на следующий день после знаменитого пира, а лишь через девять лет после первого упоминания Москвы. Известие об этом содержится в Тверской летописи под 1156 г.: «Князь великий Юрий Володимерич (Долгорукий) заложи градъ Москьву на устниже Неглинны, выше рекы Аузы»[12]. Именно с этого года, после строительства деревянной крепости на высоком Боровицком холме на левом берегу Москвы-реки, можно говорить о Москве уже как о городе.

При этом следует уточнить, что здесь под выражением «град» летописец разумел его в древнем

---

[11] Примечания: 11
ПСРЛ. Т. II. Стб. 586.

[12] Примечания: 12
Там же. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 225 (второй пагинации).

значении этого слова, в смысле крепости. Именно так — «градом» или «городом» он именовался достаточно длительное время в русских летописях. Что касается слова «кремль», то оно впервые встречается под 1315 г. в Тверской летописи («загореся градъ Тверь, кремль»), а применительно к Москве употребляется Воскресенской летописью под 1331 г. («бысть пожаръ на Москве, погоре городъ Кремль»)[13]. О происхождении слова «кремль» идут споры. Одни исследователи считают, что оно греческого происхождения и связано с древним греческим акрополем, т. е. с укрепленным городом на холме (производя его от греческого слова «кримнос», обозначающего крутизну, крутую гору). Другие полагают, что оно происходит от русского слова «кремь» (в северных областях России так именуют круглый строевой лес в бору). Третьи выводят его от монгольского слова «керем», обозначающего крепость.

Что же представлял из себя основанный Юрием Долгоруким первый Московский Кремль? Для него был выбран Боровицкий холм на левом берегу Москвы-реки. Ныне его высота составляет 25 м над уровнем воды, но в древности он

[13] Примечания: 13

Там же. Т. XV. Стб. 408 (второй пагинации); Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 202.

был выше и круче. Крепость была поставлена на мысу между Москвой-рекой и впадающей в нее Неглинной. Эти реки надежно защищали подходы к укреплению с юга и запада. К тому же местность вокруг была изрезана оврагами, ручьями и болотами. Об этом до сих пор напоминает московская топонимика: переулок Сивцев Вражек, Козихинские переулки, расположенные на месте Козьего болота, Болотные площадь, набережная и улица. Местность в районе современного храма Христа Спасителя вплоть до середины XVII в. именовалась Чертольем — по ручью Черторый, впадавшему в Москву-реку.

Археологические изыскания дают некоторые представления о размерах Москвы этого периода. Судить об этом можно по расположению древнейшей, первоначально деревянной, кремлевской церкви Рождества Иоанна Предтечи (разобранной в 1847 г.). Она находилась в 120 шагах от Боровицких ворот. Между тем соборные церкви ставились обычно приблизительно в центре крепости. Поэтому можно полагать, что укрепления крепости по другую сторону церкви находились от нее в расстоянии также 100–120 шагов. Это предположение подтверждается остатками вала и рва, которые были найдены при строитель-

ных работах в XIX в. при возведении Большого Кремлевского дворца. Таким образом, первый Кремль Москвы занимал лишь оконечность Боровицкого холма, площадью около 1 га, между Москвой-рекой, Неглинной и зданием современной Оружейной палаты. Следы вала и рва с более пологих северной и восточной сторон крепости были обнаружены археологами уже в следующем столетии, при строительстве в 1959–1960 гг. Кремлевского дворца съездов. Все укрепления представляли собой вал с частоколом и сухой ров. Конструкция рва, имевшего в разрезе форму треугольника, обращенного книзу несколько округленной вершиной, была типичной для русских укреплений этого времени.

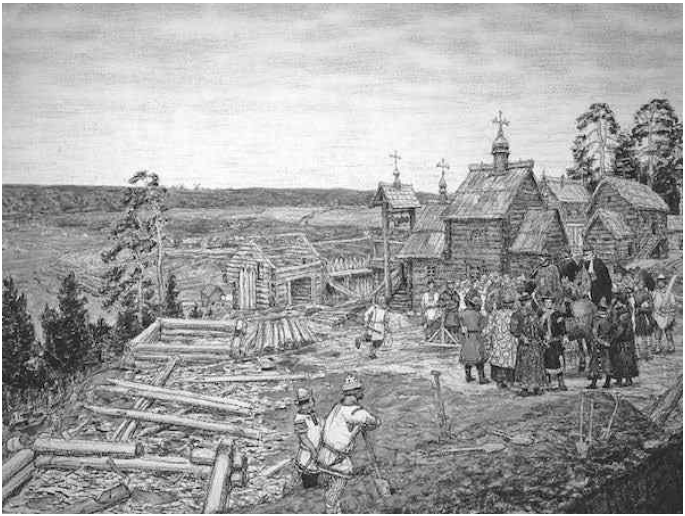


Рис. 6. А. М. Васнецов. Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г. 1917

Внешний вид Московского Кремля времен Юрия Долгорукого можно представить по картине Аполлинария Васнецова (1856–1933) «Основание Москвы». Будучи изумительным художником, мастером исторической реконструкции, он всегда находился в тени своего старшего брата Виктора Васнецова, автора знаменитых полотен «Богатыри», «Аленушка» и других.

После себя А. М. Васнецов оставил множество живописных и графических работ по истории Москвы. Все они отличаются исторической точностью и верностью даже мельчайших деталей. Это объясняется тем, что художник тратил достаточно много времени на подготовительный этап, когда делал выписки из исторических документов, изучал труды историков и археологов, постоянно консультировался со специалистами. Такая работа могла длиться месяцами. Это в полной мере относится к картине «Основание Москвы». При ее написании художник исследовал летописные свидетельства, первые упоминания о Москве XII в. Основной задачей для него стала необходимость показать зрителю, что Москва XII в. — это небольшая крепость. Ему было важно знать, почему именно на этом месте появился город, определить «характер пейзажа», как говорил сам художник. Историческая реконструкция вида здесь сочетается с художественным осмыслением. При этом он был не только художником, но и профессионалом-историком, возглавляя в 1919–1925 гг. основанную еще до революции комиссию по изучению старой Москвы, в которую входили все, интересующиеся историей города.

К востоку от тогдашнего Кремля лежал посад,

спускавшийся с Боровицкого холма, где в ту пору уже очертились контуры улицы с ее городскими дворами. Эта улица тянулась лентой к востоку примерно на две трети территории позднейшего Китай-города. К северу же дворы, видимо, немного не доходили до места, где теперь расположен Успенский собор. Полагают, что поселение времен Юрия Долгорукого охватывало территорию приблизительно в шесть раз большую, чем Кремль, т. е. примерно 6 га.

Также выяснилось, что укрепления строились не на пустом, а на достаточно обжитом месте — под основанием вала были найдены остатки деревянной конюшни, а сам вал был насыпан на культурный слой более раннего времени. Это обстоятельство заставило некоторых историков предположить, что уже до возведения первого известного нам кремля здесь существовало какое-то укрепление, лишь заново перестроенное или расширенное Юрием Долгоруким. Но согласиться с этим вряд ли возможно. С определенной долей уверенности можно полагать, что к середине XII в. тут располагалась довольно большая усадьба, где должны были достаточно долгое время стоять княжеские дружины, а «обедъ силенъ», устроенный Юрием Долгоруким своему гостю,

был невозможен без наличия многочисленных хозяйственных служб. Когда возникла здесь усадьба — сказать затруднительно. Но к моменту первого летописного упоминания она, несомненно, насчитывала несколько десятилетий. Об этом свидетельствует находка в пределах древнейшего московского детинца киевской свинцовой вислой печати конца XI в., которую академик В. Л. Янин (1929–2020) определил временем княжения Святополка Изяславича (1093–1096 гг.)[14].

Рис. 7. Янин В. Л.

Была ли данная усадьба владением непосредственно самого князя или же кого-то из его бояр?

---

[14] Примечания: 14

Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., 1999. С. 40.

Дать ответ на этот вопрос позволяет одно наблюдение. В Северо-Восточной Руси известно немало городов, названных именами князей (Ярославль, Дмитров, Владимир, Юрьев и т. д.). Между тем название, под которым в летописи впервые фиксируется будущая российская столица, совпадает с именем реки, на которой она находилась, а не произошло от какого-либо княжеского имени. Отсюда можно достаточно уверенно говорить о том, что здешнее поселение не было основано кем-либо из князей, а изначально являлось частным владением.

Филологам прекрасно известно еще одно наблюдение: многие поселения названы в честь своих основателей или первопоселенцев. К примеру, в Подмосковье их насчитывается около две трети от общего количества. О принадлежности усадьбы боярину Кучке свидетельствует тот факт, что память о нем сохранялась долгое время: еще во второй половине XII в. Москва имела и второе название — Кучково. Описывая возвращение после убийства Андрея Боголюбского младших сыновей Юрия Долгорукого — Михалка и Всеволода (Большое Гнездо), летописец записал: «Поиде Михалко и Всеволодъ, братъ его и-Щернигова. Святославъ же престави (к ним. — *Авт.*)

сына своего, Володимера, съ полкомъ, месяца мая въ 21 день, въ празникъ Костянтина и Олены. Вышедшю же Михалкови, оуя и болезнь велика на Свине, и възложивше на носилице несяхуть, токмо ле жива, идоша с нимь до Кучкова, рекше до Москвы, и ту стретоша и вълодимерьци съ Андреевичемъ Юрьемъ; одини бо володимерци бяху ему добри»[15]. Интересно отметить, что это же название — Кучково — встречается и в одной из новгородских берестяных грамот (№ 723), найденной во время археологических раскопок в Новгороде в 1990 г. и относящейся к второй половине того же XII столетия[16]. Таким образом, «села красные» боярина Кучки — это историческая реальность.

Об этом же свидетельствует то, что даже в XIV в. район между нынешними Лубянской площадью и Сретенскими воротами был известен как Кучково поле, использовавшееся для выпаса скота горожан, а также для судебных поединков. Также оно стало местом первой публичной казни

[15] Примечания: 15
ПСРЛ. Т. II. Стб. 600.

[16] Примечания: 16
Янин В. Л. Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа (1990 г.) // Археологические вести. Вып. 2. СПб., 1993. С. 116–117; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М., 2000. С. 22.

в Москве, когда в 1379 г. здесь был казнен сын московского тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов[17].

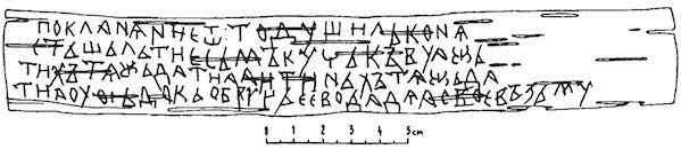


Рис. 8. Прорись новгородской берестяной грамоты № 723 с упоминанием Кучкова

Как видим, поселение на месте современной Москвы существовало, по крайней мере, за несколько десятилетий до ее первого летописного упоминания, а первым известным владельцем здешних мест являлся Степан Кучка. В этой связи встает вопрос: не пора ли заменить памятник князю на монумент боярину? Думается, что нет. Дело в том, что даже в XV в., когда Москва разрослась, москвичи именовали «городом» именно Кремль, под защиту стен которого они уходили от нередких вражеских нападений. А поскольку именно Юрий Долгорукий приказал строить мос-

[17] Примечания: 17

ПСРЛ. Т. XV. Стб. 137 (первой пагинации). См. также: ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 200.

ковскую крепость, только он, по всем критериям, считается основателем города.

Тот факт, что Москва в XII в. именовалась Кучковым, заставляет задать вопрос: почему Москва называется именно так, а не иначе?

Пожалуй, первым по этому поводу в конце XVII в. высказался белорус по происхождению, дьякон Холопьего монастыря Тимофей Каменевич-Рвовский. По его мнению, город основал *Мосох*, внук библейского Ноя. У него была жена *Ква*, сын *Я* и дочь *Вза.* От этих четырех имен возникли названия Москвы-реки и Яузы. Один из первых академиков Петербургской академии наук Готлиб Байер (1694–1738) полагал, что город так назван от мужского монастыря.

Рис. 9. Байер Готлиб

Но уже в XVIII в. исследователи выяснили, что Москва получила свое название от имени реки, на которой она стоит. При этом они обратили внимание на любопытную закономерность: в названиях многих русских рек последние слоги повторяются и образуют своего рода ряды, в которых общими являются окончания: «-га» — *Волга, Пинега, Онега*; «-ма» — *Вязьма, Клязьма, Кострома*; «-ра» — *Печора, Ижора* и т. д. При этом для каждого региона характерен свой набор подобных окончаний.

Имена многих рек, особенно крупных, зачастую были даны первыми людьми, жившими на их берегах, и уходят корнями в далекую древность, от которой не сохранилось никаких письменных свидетельств. Выяснив, почему река называется так или иначе, мы получаем возможность заглянуть в глубокую древность. Сравнительно рано ученые выяснили, что в окрестностях Москвы четко выделяются два хронологических пласта названий рек. Первый из них составляют славянские имена рек: *Неглинная, Пресня, Песочна* и т. п. Однако большинство рек получили свои названия от более раннего населения. Таковы: *Клязьма, Яуза, Пахра.*

Была подмечена интересная особенность: дославянские названия в основном характерны для крупных и средних рек, тогда как славянские имена относятся в первую очередь к средним и, особенно, малым рекам. Это вполне укладывалось в хорошо известную филологам схему о том, что наиболее устойчивыми, а значит, и более древними являются названия самых крупных рек.

Рис. 10. Шлецер А. Л.

Но какой народ оставил название Москвы-реки? А. Л. Шлецер (1735–1809) полагал, что это были древние угро-финны, поскольку окончания — *ва* весьма характерны для приуральских рек:

Куш-ва, Лысь-ва, Сось-ва и т. п., где жили угро-финские племена, давшие названия здешним рекам. При этом во многих угро-финских языках окончание — *ва* означает *вода, река, мокрый.*

Рис. 11. Доленга-Ходаковский З.

Историк В. Н. Татищев выводил имя реки из сарматского языка, в котором оно означает *искривление, излучина.* Действительно, только в пределах современного города Москва-река, причудливо извиваясь, делает 11 крупных изгибов.

Рис. 12. Макаров М. Н.

В начале XIX в. славист З. Доленга-Ходаковский (1784–1825) считал, что название реки образовано от слова «мостки», то есть она — «мостковая река», названная так из-за большого количества мостков (а прежде она была рекой Смородиной). Позднее эту версию поддержал известный историк Москвы И. Е. Забелин (1820–1909). Фольклорист М. Н. Макаров (1785–1847) делил название Москвы на слоги, при этом последний означал азиатское слово *ква*, камень, кремень, откуда кремник или Кремль. Правда, он не знал, что делать с первым слогом, созвучным слову *мас*, означавшему по-цыгански — *мясо*, по-немецки — *мера*, по-казикумыкски — *язык*, по-якутски — *дерево.* Лингвист А. Ф. Вельтман (1800–1870) производил название Москвы от татарского

Масхия, то есть «Христианская земля» (*Мясых — Христос*); историк И. М. Снегирев (1793–1868) — от русского *мох* и старонемецкого *moos* — болотистое место[18].

Рис. 13. Вельтман А. Ф.

Позднее в поисках ответа на вопрос, каков смысл основного компонента названия — *моск*, лингвисты обратили внимание на коми язык, где *моска* означает *телку, корову.* Если это так, то тогда Москва-река — не что иное, как «коровья река».

[18] Примечания: 18
Хмыров М. Д. Начало Москвы. С. 2.

Рис. 14. Снегирев И. М.

И хотя это предположение горячо поддержал выдающийся историк В. О. Ключевский (1841–1911), позднее эта версия была отброшена. Оказалось, что между приуральскими реками на — *ва* и московским ареалом (*Москва, Протва, Смедва*) на протяжении нескольких тысяч верст аналогичных названий не встречается, а во-вторых, предки коми никогда не проживали на территории Подмосковья.

Но понятие «угро-финны» является слишком общим, поскольку включает в себя целый ряд заметно отличающихся друг от друга народов. Поэтому следующее поколение исследователей попыталось вычленить в названиях подмосковных рек отдельные слои, характерные для тех или иных народов. Географ С. К. Кузнецов (1854–1913)

отметил, что, судя по «Повести временных лет», в относительной близости от Москвы жило угро-финское племя меря («*…а на Ростовьскомъ озере меря, а на Клещине озере меря же*» — писал летописец Нестор)[19]. Поэтому название Москвы-реки он объяснял через мерянское *маска* (медведь), а — *ва* через мерянское *ава* (мать, жена).

Критики этой версии справедливо указали, что мерянский язык не сохранился и не известен филологам, а его попытки реконструировать на данных современных марийского и эрзянского языков не слишком удачны. К тому же оказалось, что слово *маска* имеет не мерянское происхождение, а попало в мордовско-эрзянские языки из русского словаря в XIV–XV вв.

К тому же реки с окончанием — *ва* совершенно не известны на непосредственно мерянской территории. Помимо этого филологами было выяснено, что в названиях рек мерянским по происхождению является окончание — *ма* (*Клязьма*).

Также пытались объяснить элемент *моск* через прибалтийско-финские языки (от *musta* — *черный, темный*), а окончание — *ва* — из коми языка

---

[19] Примечания: 19

Повесть временных лет. 2-е испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 10.

(*вода*), то есть *черная, темная вода.* Но здесь перед нами искусственная конструкция из двух достаточно удаленных друг от друга языков.

Рис. 15. Фасмер М.

Между тем выяснилось, что не все реки Северо-Восточной Руси носят угро-финское происхождение, как ранее предполагалось. Уже в 1901 г. А. Л. Погодин (1872–1947) указал на принадлежность *Рузы* (левого притока Москвы-реки) к балтским языкам. Это наблюдение было дополнено в 1930-х годах М. Фасмером (1886–1962), автором знаменитого этимологического словаря, доказавшим балтское происхождение названий подмосковных рек *Лама, Лобь, Нара* и др.

Оказалось, что *Лама* (правый приток Шоши) сопоставима с литовским *loma* и латышским *lama — низинаб узкая длинная долина, болото, маленький прудю Лобь* (левый приток Шоши) и *Лобня* (левый приток Клязьмы) восходят к балтскому *loba, lobas* — долина, русло реки. *Нара* (левый приток Оки) связана с литовским *nara — поток, река.*

Лингвист В. Н. Топоров (1928–2005) выявил массовый характер балтских названий, которых только в Подмосковье оказалось около 300. По его мнению, граница области их распространения в Подмосковье идет примерно по линии Октябрьской железной дороги, включает Москву с ее ближайшим восточным окружением и далее продолжается по течению Москвы-реки до ее впадения в Оку. Восточнее этой линии названия рек главным образом угро-финские, о чем говорят встречающиеся в них окончания — *га* (*Ямуга*), — *ша* (*Икша*), — *ма* (*Клязьма*).

Рис. 16. Топоров В. Н.

При этом угро-финские названия принадлежат в основном малым (до 50 км) рекам, являющимся притоками более крупных рек с балтскими названиями. Подобное сочетание названий малых и крупных рек может свидетельствовать о более позднем появлении здесь угро-финского населения. Более крупные реки сохраняли свои прежние балтские названия. Таковой, к примеру, являлась Москва-река. Ее название можно вывести из балтских слов: литовских и латышских *mazg — узел, mezg — вязать* и *vandou — вода*, то есть *узловая* или *связующая вода.* Это говорит о связующем характере Москвы-реки для расселения и освоения новых мест.

Рис. 17. Соболевский А. И.

Высказывались и более экзотические версии. Лингвист А. И. Соболевский (1856–1929) предложил объяснение слова «Москва» из иранских языков. Взяв за первооснову корень *ама — сила* и *сак — гонщица*, он предполагал, что название реки могло толковаться как *быстрое течение.* Ф. И. Салов, в начале 1950-х годов директор Музея истории и реконструкции Москвы, исходил от первоначальной формы слова — «Москов». Ее он разбил на старославянский *моск — кремень* и русско-украинский корень *ков* — от *ховать — прятать.* Отсюда название города означает «крепкое укрытие», «крепость». Московский учитель и экскурсовод П. Р. Польский пошел другим путем.

По его мнению, слова, заканчивающиеся на — *ква* (клюква, брюква), обозначали ритуальную пищу, приносимую славянским идолам (Клюка, Брюка). Отсюда следовал вывод, что Москва являлась капищем доселе неизвестного духа Моска.

Интересным является вопрос: к какому времени относятся названия рек? Археологами было выдвинуто предположение, что балтские названия Подмосковья оставили представители фатьяновской археологической культуры (вторая половина III — середина II тыс. до н. э.). По мнению некоторых исследователей, именно они являются предками балтийских племен. Около 2 тыс. лет до н. э. фатьяновцы подверглись с востока давлению племен волосовской культуры (III–II тыс. до н. э.), которая этнически соответствует угро-финской языковой общности.

Однако отнесение указанных названий к столь ранним временам вызывает большие сомнения, поскольку первые письменные источники, где фиксируются названия рек, относятся к более поздней эпохе. Поэтому было выдвинуто предположение, что Москва-река получила название от славян, которые, судя по данным археологии, появляются здесь в X–XII вв.

При этом следует анализировать форму *Москы*,

а не *Москва.* Предполагается, что первоначально название реки было не двухкомпонентным «*Моск-ва*», а однокомпонентным «*Москы*», без элемента — *ва*, склонявшееся по характерному для славянских языков типу: букы (буква), тыки (тыква), свекры (свекровь) и т. д. В корне моск элемент — *ск* мог заменяться на — *зг* и тогда имел значение *болото, сырость, влага, жидкость.* До сих пор в русском языке известно слово *промозглый*, то есть *сырой.* Предполагается, что слово *москы* было характерно для диалекта вятичей, пришедших в бассейн Москвы-реки с юга, так же как в диалекте кривичей ему соответствовало в том же значении слово *вълга* (влага), от которого образовано название Волги.

«Повесть временных лет» сообщает, что вятичи вели свое происхождение от их легендарного предводителя Вятко: «…радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясехъ — Радимъ, а другий Вятко, — и пришедъша и седоста Радимъ на Съжю, [и] прозвашася радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ него же прозвашася вятичи»[20]. Филологи давно выяснили, что имя «Вятко» является сокращением от «Вячеслав».

[20] Примечания: 20
Повесть временных лет. С. 10.

Наиболее активно это имя использовалось у западных славян, в частности у чехов и моравов. Это подтверждается упоминаниями в европейских хрониках на территории Чехии и Моравии князей с именами «Witislan» и «Witizla». Учитывая историю этих земель в VIII–IX вв., вполне оправданным может быть предположение, что Вятко со своим родом пришел на Оку из Центральной Европы. Подтверждение этому видим в «Повести временных лет», указывающей на «ляшское» происхождение вятичей.

Такое предположение подтверждается данными филологов, что слово москы по своей семантике связано со значением *влага*, характерным для других славянских и даже балтийских языков. В словацком языке есть даже нарицательное слово *moskwa* со значением *влажный хлеб в зерне*, или *хлеб, сорванный с полей (в дождливую погоду).* В литовском языке имеется глагол *mazgoti — мыть, полоскать*, а в латышском *moskat — мыть.*

Это отразилось и на географической номенклатуре. Укажем на реки *Mozgawa* (или *Moskawa*) в Польше и Германии, реку *Московица* (или *Московка*) — приток Березины, ручей *Московец*, неоднократные балки *Московки* на Украине. Отсюда следует, что значение слова Москва —

топкая, болотистая, мокрая. Очевидно, что река получила название в самых верховьях, так как она вытекает из некогда топкого болота. В «Книге Большому Чертежу» (1627 г.) читаем: «А Москва река вытекла из болота, по Вяземской дороге, за Можайском, верст с 30 и больши»[21]. Именно такой ее впервые увидели славяне. Если это так, то название Москвы-реки следует отнести ко времени, когда здесь появляются первые вятичи.

На протяжении первых десятилетий своего существования Москва становится важной пограничной крепостью на рубежах Северо-Восточной Руси и входит в состав Владимирского княжества. После Юрия Долгорукого городом последовательно владели его сыновья Андрей Юрьевич Боголюбский и Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

Что представляла собой Москва в этот период? Для выяснения данного вопроса наибольший интерес представляют скупые летописные известия, относящиеся к 70-м годам XII в. и связанные с описанием княжеских междоусобиц. Под 1175 г. летописец записал: «Москьвляни же, слышавше, оже идеть на не Ярополкъ, и възратившися

---

[21] Примечания: 21
Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 121.

въспять, блудуче домовъ своихъ»[22]. Под следующим годом описано трагическое событие, когда рязанский князь Глеб Ростиславич по наущению своего шурина, новгородского князя Мстислава, сжег Москву: «Он же еха из Новагорода Рязаню и подъмолви Глеба Рязаньскаго князя, зятя своего. Глебъ же на ту осень приеха на Московъ и пожже городъ весь и села»[23].

Вероятно, именно с этим эпизодом военной истории Москвы связана любопытная находка, сделанная в московском Кремле в 1975 г. В заполнении рва, окружавшего московскую крепость XII в., был найден меч западноевропейской работы с подписным двусторонним клеймом с латинской надписью: «Во имя Божье Этцелин меня изготовил»[24]. По клейму мастера специалистом по средневековому вооружению А. Н. Кирпичниковым (1929–2020) было установлено, что меч был изготовлен в немецкой мастерской, располагавшейся в районе Рейна и работавшей примерно с

---

[22] Примечания: 22
ПСРЛ. Т. II. Стб. 601.

[23] Примечания: 23
ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 382.

[24] Примечания: 24
Шеляпина Н. С., Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. Археологические наблюдения в Московском Кремле // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 98.

1130 по 1170 г. Было высказано предположение, что меч принадлежал одному из защитников Москвы или кому-то из нападавших, погибших во время нападения рязанского князя на город.

Выражение летописца «городъ весь и села» со всей очевидностью говорит о том, что к этому времени Москва являлась уже достаточно крупным пунктом, имевшим свою округу с пригородными селами.

Рис. 18. Кирпичников А. Н.

Несмотря на то, что Москва находилась всего в 200 километрах от столицы Владимирского княжества, наиболее короткая дорога к ней от Владимира возможна была лишь зимой, по льду замерзшей Клязьмы. В другое время к ней добирались окольным путем, делая весьма зна-

чительный крюк к северу — через Ростов и далее на Переславль-Залесский. Прямая дорога была невозможна из-за огромных, еще первобытных лесов, самым известным из которых являлся Шеренский лес к востоку от Москвы, получивший свое название по притоку Клязьмы — реке Шерне. В этих лесных чащах нетрудно было заблудиться даже с проводником — в этом плане особенно показателен случай, приводимый летописцем под 1176 г., когда в здешних лесах разминулись между собой две княжеские рати — одна вышла из Москвы, а навстречу ей другая из Владимира[25]. Лишь только через три с лишним века, на рубеже XV–XVI столетий эти прежде непроходимые места пересекла прямоезжая дорога — Владимирка.

Эти места были малопригодны для земледелия. Огромные лесные чащи перемежались сырыми низинами, мелкими речками и торфяными болотами. Все это приводило к тому, что вплоть до XIII–XIV вв. основным занятием местных жителей являлось не земледелие, а различные лесные промыслы — охота, птичья ловля и бортное пчеловодство. В это время именно экспорт мехов и воска составлял основную статью доходов мос-

---

[25] Примечания: 25
ПСРЛ. Т. I. Стб. 375.

ковских князей.

Подмосковные леса изобиловали пушным зверем: лосями (о них до сих пор напоминает название Национального парка «Лосиный остров»), медведями, волками, куницами, белками, зайцами. Самым ценным из них считался бобер, обитавший в небольших болотистых речках. Охота на него требовала специальных навыков и мастерства, умения выслеживать зверя в лесной чаще. Этим занимались особые люди — бобровники, находившиеся на княжеской службе. Ежегодно за право охоты они платили князю оброк «шерстью», т. е. мехами. Бобры не любят соседства с человеком и уже тогда были довольно редким зверем в Подмосковье. Поэтому места их обитания — так называемые «бобровые гоны» — особо охранялись княжескими указами.

Куньи меха ценились гораздо ниже, чем бобровые, а самым дешевым считался беличий мех. Белки были распространены по всему Подмосковью, но особенно много их встречалось в лесах именно к востоку от Москвы. По всему княжеству славилась водившаяся здесь «шувойская» белка, получившая название по небольшой речке Шувое к востоку от столицы. Шувойская белка была столь высокого качества, что стала стандартом

лучших беличьих мехов по всей Руси. Чтобы выстрелом из лука не повредить драгоценной шкурки, белок ловили силками, сделанными из конского волоса.

Каждую весну в долины рек и на озера прилетали огромные стаи водоплавающей птицы. Охотиться на нее с луком на болотистых берегах было трудно, к тому же огнестрельного оружия еще не было, и для ее ловли применяли особые способы. Один из них состоял в устройстве специальных охотничьих ловушек — «перевесий». Как они делались? В лесу или кустарнике между двумя водоемами зимой вырубалась просека. Когда наступал охотничий сезон, охотники в сумерках подкрадывались к озерцу и начинали громкими криками, хлопками, трещотками пугать уток. Вся стая немедленно поднималась на крыло и в испуге, надеясь на спасение, бросалась через просеку к другому водоему. Здесь ее подстерегали заранее развешанные между деревьев сети, которых в темноте не было видно, и в них сотнями запутывались птицы.

Большое значение имело бортничество — добыча меда диких пчел. Сахара на Руси тогда не знали и вместо него для приготовления варенья, пастилы, морсов и т. п. использовали мед. Из

меда с хмелем делали крепкие напитки. Воск применяли при изготовлении свечей, в ряде ремесленных производств.

Труд бортников был очень сложным. Весной они обходили свои участки леса с бортями (колодами для сбора меда, привязанными к деревьям или выдолбленными в них), или, как тогда говорили, свой «ухожай», осматривали и подчищали борти, удаляли заплесневевшую сушь, очищали дупла вымерших за зиму семей пчел. При этом им приходилось работать без всякой страховки на большой высоте. Напоминанием об этом служат находки при раскопках древолазных «шипов», специальных «люлек», которые подвешивались к деревьям, особых ножей для добычи меда. После осмотра своего хозяйства бортники выделывали на пригодных деревьях новые борти и ставили на них «знамя» — особую отметку со своим личным знаком. В августе начиналась страда. Нужно было внимательно наблюдать, чтобы определить, какие рои следует погасить и взять из борти все содержимое, какие семьи оставить на зимовку. Опасность представляли медведи — большие любители полакомиться медом.

Важную роль играло и рыболовство. Подмосковные реки были довольно рыбными: в них

водились щуки, окуни, голавли, налимы, караси, лини, плотва, язи, пескари, ерши, а также раки. Разумеется, наши предки не сидели с удочками по берегам рек. Обыкновенно рыбная ловля производилась с помощью «езов», представлявших собой плотину из вколоченных в дно реки двух рядов кольев. Сверху они переплетались прутьями, а в воде промежутки между ними заваливались землей или дерном. В плотине оставлялись отверстия различной величины для пропуска воды и рыбы. Во время нерестового хода целые бригады рыболовов вытаскивали из воды переполненные верши. Устройство «езов» было делом хотя и прибыльным, но чрезвычайно трудоемким и дорогим, поэтому князья заставляли заниматься этим целые деревни.

Только к югу леса постепенно редели и их сменяли обширные заливные луга поймы Москвы-реки. Здесь разводили скот, а также занимались землепашеством вдоль речных долин. Именно здесь располагались «села красные» боярина Кучки, упоминаемые в повестях о начале Москвы. В нашем распоряжении имеются сведения, по крайней мере, о двух из них. С запада от Кучкова поля, в районе нынешней Российской государственной библиотеки, стояло село Старое Ваганьково,

место которого и сейчас легко определить по небольшой церкви позади знаменитого Дома Пашкова. С востока к Кучкову полю соседило село Кулишки, непосредственно примыкавшее к московскому посаду. Полагают, что свое название Кулишки получили от слова «кулига» — мокрое, топкое место. Словарь В. И. Даля указывает, что слово «кулижка» обозначало вырубленный, выкорчеванный, выжженный под пашню лес[26]. На ее местоположение указывает церковь Всех святых, «что на Кулишках», расположенная рядом с одним из выходов станции метро «Китай-город». Кулишки были селом богатым, поскольку его обитатели не удовольствовались одним приходским храмом, а поставили еще и вторую церковь Рождества Богородицы «на Кулишках», расположившуюся несколько севернее от первого храма.

[26] Примечания: 26

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II (И — О). М., 1979. С. 219.

Рис. 19. Анучин Д. Н.

Визуальное изображение ближайших окрестностей Москвы можно видеть на известной картине А. М. Васнецова «Москва-городок и окрестности во второй половине XII в.». Поводом для ее написания стало создание в 1921 г. при Музее истории Москвы (тогда он именовался Московским коммунальным музеем) историко-географической комиссии под председательством академика Д. Н. Анучина (1843–1923) — ученого-энциклопедиста, географа, историка, археолога, этнографа. Ее члены, исследовав огромное количество исторических документов, археологического материала, восстановили трассы дорог, проходивших через Москву. Именно на основании

выводов этой комиссии А. М. Васнецов и написал картину, на которой изображена первоначальная Москва и ее окрестности с птичьего полета.

Рис. 20. А. М. Васнецов. Москва-городок и окрестности во второй половине XII в. 1929

При этом, работая над картиной, художник составлял план-карту изображаемой территории, где красной тушью отмечал строения, сохранившиеся до его времени, черной — здания, которые приходилось реконструировать по информации в источниках. К каждой работе делались не только эскизы, но и графический план с пояснительной

запиской.

На картине А. М. Васнецова можно увидеть и некоторые из семи московских холмов. Легенда о них возникла на рубеже XV–XVI вв., появившись по аналогии с семью холмами Древнего Рима. Первым из них всегда считался Боровицкий, или Кремлевский, холм, обозначаемый колокольней Ивана Великого; вторым — Псковская горка (на улице Варварка); третьим — Таганский (или Швивая горка); четвертым — Ивановская горка (по современной улице Забелина, к северу от станции метро «Китай-город»); пятым — Тверской (на месте бывшего Страстного монастыря); шестым — Старо-Ваганьковский (на месте знаменитого Дома Пашкова); седьмым — Чертольский (на Волхонке).

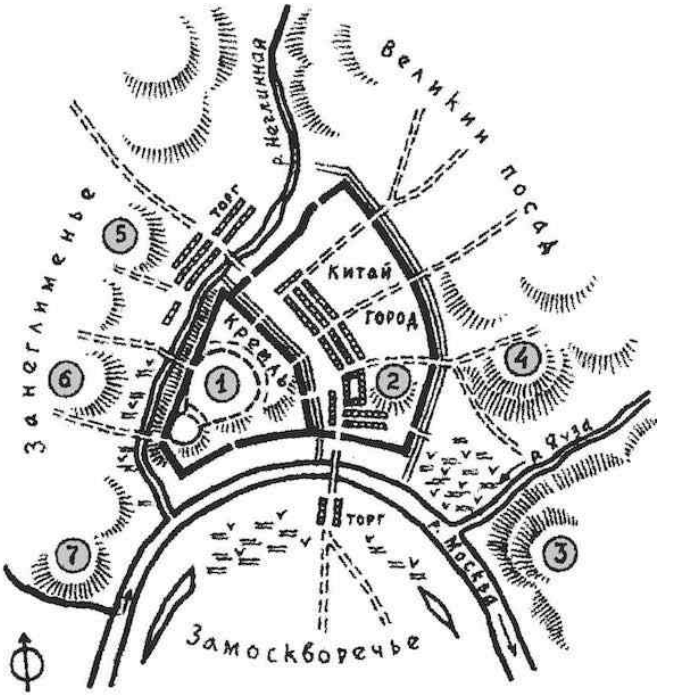


Рис. 21. Семь холмов Москвы. Цифрами обозначены: 1. Боровицкий; 2. Псковская горка; 3. Таганский (Швивая горка); 4. Ивановская горка; 5. Тверской; 6. Старо-Ваганьковский; 7. Чертольский

Но город постоянно расширял свои границы,

и уже с XIX в. московскими холмами стали считаться: Боровицкий, Сретенский, Тверской, Три горы за Пресней, Таганский, Лефортовский (Введенские горы), Воробьевы горы[27].

Судя по летописям, наиболее архаичной формой управления княжеством являлась система полюдья, заключавшаяся в более или менее регулярном объезде (два-три раза в год) князем вместе с дружиной подвластной ему области для сбора дани и других доходов, а также отправления правосудия. Княжеские объезды были приурочены, как правило, к большим церковным праздникам — Рождеству, Пасхе или Петрову дню (обычно за неделю и после указанных праздников). Как правило, князь останавливался в заранее определенных пунктах, получивших название *станов* (от значения слова «стан» в смысле — остановка). Вполне понятно, что станом позднее стала называться и территория вокруг стоянки князя, с которой собирались дань и доходы.

Места княжеских остановок иногда находились в каком-либо селе, но очень часто и вне селений, в зависимости от удобств для окрестных жителей и дальнейшего следования княжеской дружины,

[27] Примечания: 27

Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 262; *Лихачева Э. А.* О семи холмах Москвы. М., 1990.

которая нередко передвигалась по рекам. Именно этим обстоятельством объясняется и то, что многие из подмосковных станов получили свои названия не от крупных сел, а от рек, в бассейне которых находилась территория того или иного стана: Горетов — от речки Горетовки, Пехорский — от речки Пехорки, Вяземский — от речки Вяземки и т. д.

Об этом же говорит и название основной административно-территориальной единицы в России вплоть до начала XX в. — *уезд*. Происхождение данного термина весьма прозрачно: оно восходит к слову «объезд».

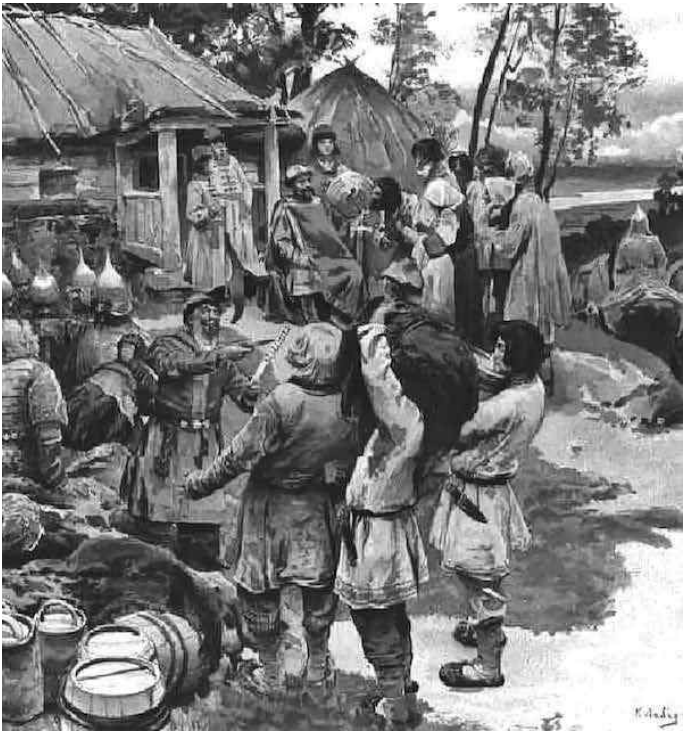


Рис. 22. К. В. Лебедев. Полюдье. 1903

Выяснить маршруты подобных княжеских объездов позволяет изучение расположения *погостов.* В современном языке под этим словом подразумевают кладбище, обычно сельское, с

небольшой церковью. Это неслучайно. Когда в семье крестьянина кто-то умирал, по обычаю его требовалось отпеть и похоронить. Но везти покойника в храм, который мог находиться за десятки верст, не было никакой возможности, и его погребали на местном кладбище, дожидаясь приезда во время полюдья вместе с князем священника. Для этих целей рядом с княжескими станами местным населением возводились небольшие деревянные церкви и часовни. Рядом с ними обычно возникали кладбища, на которых сопровождавший князя священник мог отслужить заупокойную службу. Помимо этого духовные лица исполняли другие церковные требы — крестили, исповедовали, венчали.

Конечно, многие погосты прекратили свое существование еще в древности, другие сменили прежние названия. Однако по имеющимся отдельным материалам все же можно установить, что, как правило, они располагались приблизительно в 20–25 километрах друг от друга, то есть примерно в половине дневного конного перехода.

Это неслучайно. Во время полюдья нередко возникала вероятность различного рода злоупотреблений: избыточного требования припасов

для собиравших доходы, излишнего усердия при выколачивании недоимок или просто грабежа того, что плохо лежит. Поэтому с уже достаточно раннего времени власть, заинтересованная в поддержании нормального функционирования системы сбора доходов, вводила определенные барьеры. Судя по материалам уставных грамот XIV–XV вв., оговаривалось, что сборщики налогов не должны были брать с собой лишних лошадей, снабжать которых фуражом должны были крестьяне, а иногда, для того, чтобы быстрее выпроводить их из села, выдвигалось условие, что где они ночевали, там не должны были обедать и т. п.

В этой связи любопытно упомянуть о таком встречающемся в княжеских духовных и договорных грамотах термине, как «перевары» или «вари». Историки долго гадали о значении этого слова, полагая, что речь идет о местах варки крепких хмельных напитков из меда, давали другие объяснения.

Все встает на свои места, когда в завещании второго сына Ивана Калиты — Ивана Красного — 1359 г. читаем о праве князей «кони ставити

по станамъ и по варямъ»[28]. Когда во время полюдья в малонаселенной местности княжеская дружина не успевала добраться до следующего стана, она вынуждена была останавливаться на ночевку и варить горячую пищу.

Данная система управления не была чисто русским явлением: ее проявления видим и на западноевропейском материале. При больших размерах малонаселенных княжеств подобные регулярные объезды были наиболее целесообразной формой управления, сбора дани, прокормления дружины, суда и управы.

До каких пор в Северо-Восточной Руси сохранялась подобная система управления, сказать точно довольно трудно. Судя по отдельным летописным указаниям, ее расцвет приходится именно на середину XII в., о чем говорит известный факт, что в 1154 г. во время полюдья на реке Яхроме на одном из подмосковных станов у князя Юрия Долгорукого родился сын Всеволод (позднее известный как Всеволод Большое Гнездо)[29]. При крещении

---

[28] Примечания: 28

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 4. С. 15, 17. (Далее: ДДГ).

[29] Примечания: 29

ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 198.

он получил христианское имя Дмитрий — в честь великомученика Дмитрия Солунского, и по этому поводу здесь был основан город Дмитров.

Имеющиеся в нашем распоряжении грамоты XIV–XV столетий, то есть того времени, от которого мы имеем довольно много данных, в чистом виде ее уже не застают, хотя отдельные ее следы продолжают фиксироваться по-прежнему. Из нескольких жалованных грамот середины XV в. становится известным о существовании «проездного суда», когда виновных в тех или иных малозначительных преступлениях князь судил не в своем стольном городе, куда во время распутицы или морозов потерпевшим, свидетелям и другим участникам процесса добраться было довольно проблематично, а во время остановки на станах[30].

[30] Примечания: 30

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952. № 165, 170, 179, 304; Т. 2. М., 1958. № 458.

Рис. 23. Рождение Всеволода Большое Гнездо. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Одной из главных статей княжеских доходов являлись «кормы». Следует отметить их устойчивость во времени. Начиная со времен древнейшей «Русской правды», уставные грамоты, перечисляя доходы, шедшие в пользу князя, всегда перечисляют хлеб, мясо и другие съестные продукты вместе с сеном и овсом для лошадей. Это свидетельствует о том, что эти «кормы» были рассчитаны именно на разъезжающего человека. При этом предусматривалось, что этот разъезжающий человек не должен брать с собой лишних лошадей, а иногда выдвигалось условие, что где он ночевал, там не должен был обедать и т. п.

Все эти явления в XV в. являлись пережитками разлагавшихся старых форм управления. Огромные территории слабонаселенных земель не давали возможности князьям содержать постоянных администраторов на местах, и управлять княжествами целесообразнее было наездами.

Как видим, основные доходы князя складывались, главным образом, из различных сборов (в первую очередь, «кормов»), взимавшихся с населения во время объезда подвластной ему территории. Доходы от ведения своего личного хозяйства играли очень небольшую, практически незаметную роль. Разумеется, у князей в

этот период имелись и их личные села. Но какой характер носило княжеское хозяйство в них? Судя по отдельным упоминаниям источников, оно сводилось главным образом к использованию природных богатств — рыбных и бобровых ловель, бортных угодий, изредка — соляных варниц. Земледелие в собственном смысле слова играло незначительную роль и было рассчитано не на сбыт, а на удовлетворение личных потребностей князя и его дружины. Хозяйство подобного типа можно было легко развернуть, оставить на долгое время без хозяйского присмотра и также легко свернуть, перенеся на новое место, забрав немногочисленный инвентарь и холопов[31].

Данной системе управления и хозяйствования полностью соответствовали тогдашняя система княжеской власти и изначальный «лествичный» характер наследования князьями своих владений, предусматривавший переход княжества от старшего брата к младшему. Вся территория княжества рассматривалась князьями как одно общее достояние всего их рода. Конечно, при этом территория княжества делилась на уделы, но каждый из князей рассматривал эту свою

[31] Примечания: 31

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 48.

собственность лишь как временную, промежуточную ступеньку в его постоянном движении от «младшего», более бедного, к «старшему», более выгодному уделу.

Наследование определялось старшинством внутри рода. Со смертью старшего брата удел умершего переходил к его младшему брату, а прежний стол последнего занимал его более младший родич. После смерти братьев удел переходил к старшему племяннику, сыну старшего брата. Тем самым князья постоянно передвигались с одного княжеского стола на другой. В этом плане типична биография отца Александра Невского — Ярослава Всеволодовича. За свою жизнь он правил поочередно в Переяславле-Русском, Рязани, Переславле-Залесском, Новгороде, Киеве и Владимире (где был утвержден уже ханом Батыем в качестве «старейшего князя русского»). Каждая перемена княжеского стола означала, что князь передвигался на все более доходный стол. Подобная система была характерна для многих стран и уцелела до наших дней в Саудовской Аравии, где братья сменяют друг друга на королевском престоле.

Данный порядок наследования был достаточно подробно проанализирован отечественными

историками, и поэтому не будем останавливаться на его дальнейшей характеристике. Укажем лишь на то, что, зная характер тогдашнего княжеского хозяйства, нетрудно понять: почему князья с такой легкостью и охотой переходили из «младших» уделов в более выгодные «старшие» уделы, что порой у некоторых дореволюционных историков создавалось впечатление о всеобщей «бродячести» тогдашнего населения.

Приблизительно с начала XII в. в Северо-Восточной Руси происходят значительные перемены, связанные с тем, что центр политической и экономической жизни государства начинает перемещаться из Южной Руси на земли Волго-Окского междуречья. Эти изменения в первую очередь были вызваны мощным колонизационным потоком переселенцев с юга, бежавших от постоянных набегов кочевников и княжеских междоусобиц. Князь Андрей Боголюбский, появившись с отцом на юге в середине XII в., не остался там, а поспешил возвратиться в Суздальскую землю. Позднейший летописец оправдывал его: «всегда въ мятежи и въ волнении вси бяху, и многи крови лиашеся, вси желающе и хотяще великого княженiа Киевскаго, и несть никому ни съ кемъ мира, и отъ сего все княженiа опу-

стеша… а от поля половци выпленишa и пусто сотвориша»[32].

[32] Примечания: 32
ПСРЛ. Т. IX. С. 204.

Рис. 24. Андрей Боголюбский. Реконструкция М. М. Герасимова

Письменных источников, характеризующих это явление, к сожалению, сохранилось очень мало. В летописях можно обнаружить лишь отрывочные свидетельства о запустении южнорусских земель и, носящие по преимуществу косвенный характер, сведения о росте народонаселения в междуречье Волги и Оки. Не проходило и года, чтобы на юге страны кочевники не жгли сел, не уводили в плен жителей. Летописец фиксировал наиболее опустошительные из их набегов. Так, в 1172 г. около Киева половцы взяли «множьство селъ… с людми и скоты и кони, поидоша со множьством полона»[33]. В 1185 г. половцы захватили все города по Суле и князь Владимир Глебович Переяславский заявлял великому князю Святославу, что его «волость пуста»[34]. В подобных условиях население уходило в более спокойные места — в основном на северо-восток, и для жителей Южной Руси Ростово-Суздальская земля стала казаться необычайно многолюдной, что отметил уже автор «Слова о полку Игореве». Характеризуя могущество Всеволода Большое Гнездо, он отмечал, что при

[33] Примечания: 33
ПСРЛ. Т. I. Стб. 362–363.

[34] Примечания: 34
Там же. Стб. 395.

желании тот «можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти»[35]. Накануне известной Липицкой битвы 1216 г. в ставке князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей проходил военный совет — вступать ли в бой с их братом Константином и его союзниками — новгородцами и смолянами. Один из бояр Юрия, убеждая князя принять бой, говорил: «никогда же было ни при прадедехъ, ни при дедехъ, ни при отцехъ вашихъ кто бы ратью вшелъ въ землю вашу Суздальскую, а вышелъ бы добръ здоровъ совсемъ, и свое хотение получилъ, никако же бывало сего; аще бы и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Чрънигoвская, и Рязанская, и Смоленьская, и Новогородцкая, и Полотцкая и Псковская никако же противу сей силе возмогутъ успети. Но что глаголю сих? Аще и вся земля Половецкая придетъ къ симъ, то во истинну всехъ техъ седлы намечемъ и кулаки побиемъ»[36]. В данной речи, конечно же, есть преувеличения, но боярин бахвалился так, как хвастались впоследствии многие, видевшие в многочисленности русского

[35] Примечания: 35

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 262.

[36] Примечания: 36

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 72.

народа его силу: шапками-де закидаем (в данном случае седлами).

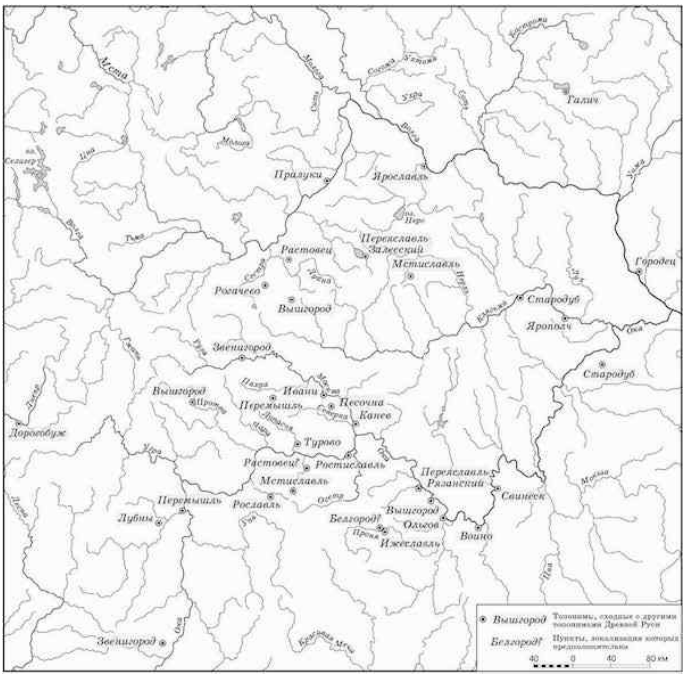
Рис. 25. Шлем князя Ярослава Всеволодовича, потерянный при бегстве с Липицкой битвы 1216 г.

Рис. 26. Б. А. Чориков. Бегство Юрия (Георгия)

Всеволодовича после Липицкой битвы. 1836

В каких районах оседала основная масса переселенцев? Историки, начиная еще с В. Н. Татищева, обратили внимание на то, что целый ряд городов и поселений Северо-Восточной Руси носит те же названия, что и города Южной Руси. Достаточно открыть карту, как в глаза бросаются подобные примеры: Галич на Украине и Галич в Костромской области, село Звенигород подо Львовом и город Звенигород под Москвой, киевский Вышгород и село Вышгород близ подмосковной Вереи. Наиболее ярким в этом плане является пример с тремя Переславлями — южным и двумя северными — Залесским и Рязанским, стоящими на реках с одинаковым названием Трубеж. Это объясняется просто: переселенцы называли вновь основанные города и природные объекты привычными им названиями. Любопытно, что наибольший сгусток этих топонимов приходится как раз на территорию современного Подмосковья. Археологические наблюдения фиксируют здесь очень большую плотность археологических памятников этого времени по сравнению с

другими районами Северо-Восточной Руси[37].



Карта 1. Южнорусские топонимы в Северо-Восточной Руси

[37] Примечания: 37

Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С 8–9, 36; *Герцен А. А.* Историко-географический контекст перенесенных топонимов // Вопросы географии. 2018. № 146. С. 27–73.

Притоку населения способствовало то, что свободных мест в Подмосковье хватало с избытком. Вплоть до XV в. расселение здесь носило очаговый характер и не представляло собой сплошного района поселений. Отражением этого является известная формула тогдашних купчих грамот, определявшая границы отдельных владений: «куда топор, соха и коса ходили».

Миграция населения на Русский Северо-Восток, естественно, не могла пройти мимо внимания здешних князей, что в свою очередь породило несколько довольно важных обстоятельств.

Появление новых сел и деревень, распашка земель приводили к тому, что лес отступал, становилось меньше бортных угодий, уменьшалось количество зверей и т. п., что в итоге приводило к меньшей рентабельности и доходности привычных методов ведения княжеского хозяйства. Все это заставляло князей постепенно переходить от экстенсивного использования природных богатств к более интенсивным методам ведения своего хозяйства. Приблизительно с XIII в. в Северо-Восточной Руси все большую роль начинает играть земледелие. Оказалось, что гораздо выгоднее поставлять в Новгород выращенный здесь хлеб, чем довольствоваться привычными

доходами. При этом начинает цениться земля не просто как таковая, а именно распаханная и обрабатываемая.

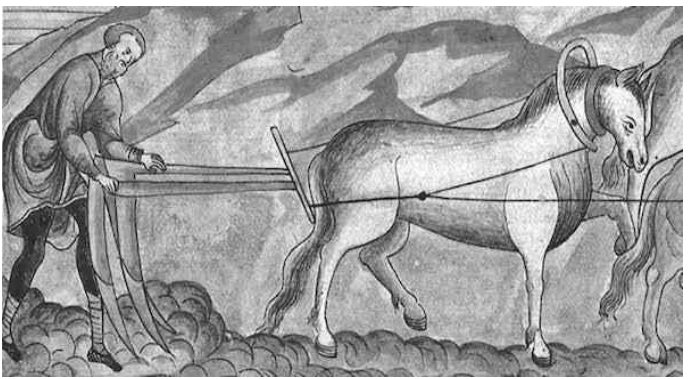


Рис. 27. Пахота. Миниатюра из Жития Сергия Радонежского. XVI в.

Вполне понятным становится желание князей привлечь к себе людей «из иных княжений». По источникам XIII, XIV и даже XV вв. хорошо прослеживается политика князей по земледельческой колонизации своих земель. Основным, если не самым главным методом призыва вольных людей являлась слободская форма, когда переселенцев привлекали на новые, еще не освоенные места ссудами, льготами в уплате налогов, широкой

внутренней автономией. Судя по позднейшим жалованным грамотам, у слобожан было только единственное ограничение — не сманивать и не привлекать к себе «тяглых и письменных людей» из собственных владений князя — устроителя слободы. Известно, что князья употребляли и чисто хозяйственные способы заселения своих территорий, сажая на землю холопов. О большом распространении этого явления свидетельствуют некоторые из духовных грамот, упоминающие как общее явление княжеские села страдников, которых князь отпускал на волю по своему завещанию.

Другой формой создания слобод был путь, когда князь поручал своим людям «сажать слободы» и «копить их на князя», привлекая переселенцев со стороны землей, льготами и ссудами. По материалам XV–XVI вв. видим, что в основном слободы в порядке служебного поручения создавались писцами и другими незначительными агентами княжеской власти, но нередко этим занимались и представители боярской верхушки. Разумеется, бывали и случаи, когда слободы возникали и самостоятельно, по инициативе какого-либо предприимчивого человека. Но ни одна из подобных слобод не сохраняла долго сво-

ей самостоятельности, в конце концов попадая в зависимость от княжеской власти[38]. По размаху слободской формы заселения, пожалуй, наиболее отличился Звенигородский уезд, где по княжеским духовным грамотам XIV в. обнаруживаем целый ряд слобод: Великую или Юрьеву, Замошскую, Окатьеву, Дмитриеву, Скирмановскую.

Рис. 28. Возникновение слободы. Рисунок XX в.

Вполне понятно, что на эти поселения и слободы князья смотрели уже не как на общее владение всех представителей своего княжеского дома, а

[38] Примечания: 38

Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 7–33.

как на свою личную собственность, созданную их стараниями и средствами, с которой именно они должны были получать доходы. Очень скоро в повседневной практике перед князьями встала проблема: если князь переходил в соответствии с принятым порядком старшинства на другой удел, оставляя прежний, то кому должна была принадлежать вновь возникшая слобода — князю-устроителю или же его младшему родичу, новому владельцу удела?

К тому же нередко возникала ситуация, когда более «младший» удел по доходам оказывался выгоднее «старшего». Все это приводило к тому, что князья предпочитали оставаться на прежних уделах. Уже сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, заставив признать себя великим князем, остался в Северо-Восточной Руси и не поехал в Киев, отправив туда вместо себя своего младшего брата Глеба.

Подобные действия Андрея Боголюбского стали отражением процесса индивидуализации земельной собственности и перехода от принципа общей собственности всего княжеского рода к принципу личной собственности каждого из князей. Переход князей к новым методам ведения своего хозяйства, требовавшим определенных

и довольно значительных затрат и усилий, в свою очередь приводил к изменению характера княжеских владений.

Эти владения стали именоваться *волостями.* Историки давно пытались выяснить разницу между станом и волостью — двумя самыми мелкими административно-территориальными единицами, меньшими, чем уезд. Ими было подмечено, что в волостях чаще жили черносошные крестьяне, то есть сидевшие на княжеских землях, а в станах больше было развито вотчинное землевладение[39]. Однако совершенно непонятным оставалось их взаимное соотношение: в большинстве случаев они выступают как равнозначные части уезда, но иногда видим, что волость являлась подразделением стана, и, наоборот, нередко несколько станов образовывали одну волость.

Достоверно лишь то, что происхождение этих терминов уходит корнями в глубокую старину. Несомненно, что первоначальное их значение было различным, причем разница между ними отлично улавливалась людьми Средневековья, и эти понятия ими не смешивались. Так, в XIV–

[39] Примечания: 39

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) М., 1985. С. 27.

XV вв. ни одна конкретная волость никогда не называлась станом, и наоборот. Позднее, в XVI–XVII вв. разница между этими двумя понятиями стирается и термин «стан» постепенно вытесняет «волость». В этом смысле характерно наблюдение Ю. В. Готье (1873–1943), что в XVI–XVII вв. многие прежние волости начинают именоваться станами[40]. В это время они обозначали определенную часть уезда, что отразилось в известной формуле купчих грамот: «се, яз, такой-то купил есми у такого-то его село в таком-то стану или волости».

Рис. 29. Готье Ю. В.

Свою лепту в запутывание этого вопроса внесла

[40] Примечания: 40
Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. 2-е изд. М., 1937. С. 94.

и знаменитая полемика XIX в. между «западниками» и «славянофилами». Последние доказывали исконность земельной общины на Руси и связанного с ней крестьянского самоуправления. Однако им не пришел в голову тот простой факт, что в средневековой Руси не существовало даже термина для обозначения понятия «община». Позднейшие сторонники этой теории, чувствуя, что дело неладно, искали выход и нашли его в волости. Действительно, термина «община» в Средневековье не существовало, соглашались они, но была волость, которая, по их мнению, была предшественником термина «община» — самоуправляющимся союзом крестьян, административно-тягловым и в то же время судебным.

Не вступая в рассмотрение сложнейшего вопроса об общине, необходимо обратиться к этимологии слов «волость» и «стан» и выяснить: какое из них в значении «часть уезда» более раннее. Судя по всему, древнейшим из них был термин «стан», а слово «волость» в указанном значении имеет более позднее происхождение.

Анализируя княжеские духовные и договорные грамоты XIV–XVI вв., видим, что последнее употребляется в них в двух значениях. В древнейшее время термин «волость» (от слова «власть») был

синонимом целого княжения. Вся территория, находившаяся под властью князя, именовалась его волостью. Этим же термином можно было определить и его права на известные доходы. Именно в этом, более широком значении московские князья употребляют слово «волость» в своих духовных грамотах. В свое время Н. М. Карамзин обратил внимание на одно место из завещания Ивана Калиты: «А из городьскихъ волостии даю княгине своеи осмничее. А тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои…»[41]. В данном случае «волостьми» называются не административно-территориальные единицы, а права князя на известные доходы — тамгу, осмничее и другие старинные торговые сборы и пошлины, взимавшиеся с купцов. Вместе с тем, духовные грамоты Ивана Калиты употребляют это слово и в более узком значении — «часть уезда», когда перечисляются отдельные коломенские волости: Городенку, Мезыню, Песочну и т. д.

Ту же двойственность в употреблении слова «волость» видим и в духовной грамоте его сына Ивана Красного: «А се даю сыну своему, князю Дмитрью: Можаескъ со всеми волостми, и съ

[41] Примечания: 41
ДДГ. № 1. С. 8, 10.

селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами, Коломну со всеми волостми, с тамгою, и с мытомъ, и селы, и з бортью, с оброчники и с пошлинами». Чуть ниже он упоминает отдельные коломенские волости: «Городна, Мезыни, Песочна» и т. д.[42], которыми на тот момент владела вдова Семена Гордого Мария. Тем самым можно констатировать, что «волостьми» здесь называются как права князя на доходы, так и конкретные волости. В духовной грамоте 1389 г. внука Ивана Калиты — Дмитрия Донского также наблюдаем, что термин «волость» употребляется как в первом, так и во втором значении.

Даже более чем столетие спустя данный термин по-прежнему используется в тех же двух значениях. В завещании Ивана III читаем: «Да ему ж даю волости Сурожык, да Лучинское, да Радонеж с волостми, и з путми, и з селы, и со всеми пошлинами»[43]. Сурожик являлся волостью в привычном для нас узком значении «часть уезда». Лучинское ранее известно как село. Что же касается Радонежа, бывшего удела серпуховских князей, то если в нем и были «волости», то

[42] Примечания: 42
ДДГ. № 4. С. 15, 17.

[43] Примечания: 43
ДДГ. № 89. С. 354.

в старом, более широком значении слова. При серпуховских князьях он представлял собой одну административную единицу, управлявшуюся то наместниками, то волостелями, сидевшими в самом Радонеже. Под «волостьми и путми» духовная грамота Ивана III, вероятно, подразумевала различные доходные статьи: рыбные и бобровые ловли, борти, таможню, княжеские села и т. п.

Неустановившееся даже в начале XVI в. значение слова «волость» является верным отражением того, что самое явление, которое обозначалось им, находилось в процессе образования и, следовательно, имеет более позднее происхождение[44].

В связи с созданием князьями новых сел и слобод, организованных благодаря их средствам и усилиям, следует ответить на поставленный выше вопрос: кому они должны были принадлежать в случае перехода их устроителя на более выгодный стол? Необходимо полагать, что в случае ухода князя-устроителя слободы на другой удел, следующий по старшинству член княжеского рода не имел права владеть ею, хотя бы в силу

[44] Примечания: 44

Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 175–177.

того, что данная конкретная слобода являлась не общей собственностью всего княжеского дома, а личным владением ее создателя.

Если раньше князь мог спокойно на долгий срок оставить свои владения без присмотра, то теперь за хозяйством требовался постоянный уход: землю необходимо было вспахать, засеять, собрать выращенный хлеб, сжать, обмолотить, внести удобрения в почву ради будущего урожая и т. д. С течением времени для управления хозяйством в своих селах князья стали назначать особых лиц, которые являлись уже не разъезжими, а постоянными администраторами. При этом подвластная им территория изымалась из юрисдикции княжеских наместников того или иного удела или же права последних на ней существенно ограничивались.

Выше отмечалось, что слово «волость» являлось синонимом целого княжения. Но им же можно было обозначить его часть — в данном случае отдельное село или слободу. Княжеские администраторы, управлявшие ими, получили название волостелей.

Волости вырастали из созданных переселенцами сел, которые, все более и более расширяясь, превращались в волости. Применительно к Под-

московью следует отметить вывод С. З. Чернова, относящего (исключительно по археологическим данным) возникновение здесь волостей к XIII — началу XIV в[45].

Разумеется, переход от общей коллективной собственности всего княжеского рода к индивидуальной, каждого из князей, не был каким-то одномоментным событием, а являлся достаточно длительным процессом, растянувшимся на десятилетия и даже столетия. Судя по княжеским духовным грамотам, он продолжался и в XIV, и в XV вв. В этом плане наиболее показателен пример села Рогожь (ныне город Ногинск к востоку от Москвы). Если в духовных грамотах Ивана Калиты Рогожь первоначально упоминается как село, то спустя всего несколько десятилетий, при его внуке Дмитрии Донском, — как волость[46]. Аналогичную ситуацию наблюдаем в Звенигородском уезде, когда княжеские села XIV в. Андреевское и Кляповское в позднейшее время

[45] Примечания: 45

Чернов С. З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С. 128–129.

[46] Примечания: 46

ДДГ. № 1. С. 9; № 12. С. 34.

именуются волостями[47].

Таким образом, выясняется, что древняя волость, вопреки рассуждениям «славянофилов» и их последователей, изначально представляла собой не что иное, как княжеское село или группу сел, к которым «тянуло» большее или меньшее число деревень. При образовании волостей некоторые из них выделялись из части стана, как это видим на примере Звенигорода. Там же, где у князей были огромные массивы полупустых и малонаселенных земель — на Белоозере, в Костроме и других районах, волости при своем образовании поглотили два-три стана. Это хорошо видно по позднейшим северным материалам, описывающим волости в составе нескольких станов.

Особый интерес для нас представляет вопрос: где располагались волости Московского княжества? Для этого необходимо обратиться к духовным грамотам (завещаниям) Ивана Калиты, представляющим первые по времени из сохранившихся описаний территории Подмосковья.

---

[47] Примечания: 47

ДДГ. № 4. С. 14, 16, 18, № 12. С. 34, № 58. С. 180.

Глава 2. Духовные грамоты Ивана Калиты

Развитие методики локализации пунктов, упомянутых в завещании Ивана Калиты. Волости и села удела Семена Гордого. Волости и села удела Ивана Красного. Волости и села удела Андрея. Волости и села, выделенные княгине «с меншими детьми». Локализация пунктов второй духовной грамоты Ивана Калиты. Постановка вопросов для дальнейшего исследования.

До нас дошли две духовные грамоты Ивана Калиты. Они представляют собой, что очень важно, подлинники, написанные на пергамене и скрепленные печатями Ивана Калиты. На второй грамоте к печати московского князя привешена была еще одна — «татарская» печать, ныне утраченная. Грамоты содержат указания Ивана Калиты относительно своих владений и имущества, предназначавшегося сыновьям и княгине «с меншими детьми». По содержанию они практически повторяют друг друга, разнясь лишь в нескольких местах, самым существенным из

которых является то, что во второй духовной грамоте имеются указания относительно отдельных сел, расположенных вне территории Московского княжества[48].

Завещания московского князя впервые были опубликованы еще в XVIII в. За это время они неоднократно анализировались в литературе, и, казалось бы, современному исследователю трудно что-то добавить к выводам предшественников. Тем не менее такой пробел обнаруживается. Речь идет об историко-географическом анализе духовных грамот Ивана Калиты, или, проще говоря, о выяснении, где находились упомянутые в них пункты, и определении их местоположения на современной карте. Это описание может показаться на первый взгляд довольно скучным для чтения, но оно необходимо, ибо только с картами в руках можно попытаться выяснить реальную историю Московского княжества конца XIII — первой трети XIV в.

[48] Примечания: 48

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7–11 (Далее: ДДГ).

Рис. 30. Печать Ивана Калиты. Рисунок из публикации 1813 г.

Указанная проблема интересовала историков давно, и уже Н. М. Карамзин, предпринявший попытку локализовать перечисленные московским князем волости и села, отмечал, что многие из них «известны и ныне под теми же именами»[49].

Основная трудность, с которой столкнулись

[49] Примечания: 49
Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 300.

исследователи, — это то, что духовные грамоты Ивана Калиты, как и другие завещания московских князей, практически не содержат никаких указаний о местонахождении названных в них волостей и сел. «Привязки» к каким-либо географическим объектам или административно-территориальным образованиям («село на Северьсце в Похрянъском оуезде») даются в ней только в виде исключения. Это обстоятельство сильно затруднило историков. Тем не менее в ходе последующей двухвековой работы была выработана методика, позволившая уверенно поместить на карте подавляющее большинство пунктов, упоминаемых завещаниями Ивана Калиты.

Поставив перед собой цель — определить местоположение пунктов завещаний московских князей, историки XIX в. прежде всего обратились к современным им картам. Данный подход был методически верен, ибо большинство географических названий весьма устойчиво во времени и имеет значительную давность. На картах был найден целый ряд пунктов, упоминавшихся в княжеских завещаниях, но подавляющее большинство из них так и не было обнаружено. Причиной этого было то, что самые распростра-

ненные карты губерний того времени (а это был самый оптимальный вариант для поиска селений) имели весьма мелкий масштаб и на них были показаны далеко не все существующие населенные пункты, а примерно только десятая их часть. Еще меньшей полнотой страдали различные географические словари, самым известным из которых на тот момент являлся словарь Афанасия Щекатова (1753–1814)[50]. Указанные материалы составили базу работы Н. П. Барсова (1839–1889). Правда, он касался вопросов локализации пунктов духовных грамот Ивана Калиты не специально, а на общем фоне всей историко-географической номенклатуры Руси IX–XIV вв.[51]

Следующим шагом в разработке методики локализации стало привлечение к работе составленных в середине XIX в. Центральным статистическим комитетом МВД «Списков населенных мест Российской империи». В 1861–1885 гг. были изданы 43 тома этого фундаментального

[50] Примечания: 50

Щекатов А. Географический словарь Российского государства… М., 1801–1809.

[51] Примечания: 51

Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря России. Географический словарь Русской земли (IX–XIV вв.). Вильна, 1865.

издания, охватившего практически всю Европейскую часть России и содержавшего данные по всем селениям, существовавшим на тот период. По выражению известного путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, «Списки» сразу же сделались «необходимейшей настольной книгой всякого серьезного статистика, географа, этнографа, экономиста и историка»[52]. Именно привлечение к работе «Списков» позволило С. М. Соловьеву (1820–1879) поместить на карте до половины упомянутых Иваном Калитой объектов, исправив многие ошибки предшественников. Он дал локализацию пунктов завещаний московского князя в примечаниях к своей «Истории России с древнейших времен»[53].

Но сплошное картографирование пунктов завещаний на этой стадии было невозможно: многие села XIV в. через пять столетий поменяли

---

[52] Примечания: 52

Цит. по работе об истории создания «Списков»: *Панин Л. И.* «Списки населенных мест» Российской империи как исторический источник // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 178–193. Из данного свода территорию владений Ивана Калиты охватывают тома: Т. 6. Владимирская губерния. СПб., 1863 (Далее: СпВлад); Т. 15. Калужская губерния. СПб., 1862 (Далее: СпКал); Т. 18. Костромская губерния. СПб., 1887 (Далее: СпКостр); Т. 24. Московская губерния. СПб., 1862 (Далее: СпМоск); Т. 35. Рязанская губерния. Спб., 1862 (Далее: СпРяз); Т. 50. Ярославская губерния. СПб., 1865 (Далее: СпЯросл).

[53] Примечания: 53

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 653–654, Прим. 158–164.

названия или исчезли с лица земли. Новым этапом стало введение в широкий научный оборот во второй половине XIX в. комплекса массовых источников — писцовых и переписных книг XVI–XVII вв., охватывающих территорию многих районов центральной России, в том числе и интересующий нас регион[54]. Из этой совокупности источников выяснилось, что многие волости, упомянутые Иваном Калитой, практически под теми же названиями фигурируют и в писцовых описаниях. Значительный шаг к этому времени сделало и развитие картографии. Появились новые, более подробные карты России («десятиверстка» Генштаба и др.). Писцовые книги не только содержали упоминания волостей, но и давали перечень входивших в них селений, многие из которых отыскиваются на современной карте — это в свою очередь позволило определить местонахождение многих перечисленных московским князем волостей. Кроме того, писцы тщательно фиксировали все известные им наименования населенных пунктов (в средневековой Руси села, как правило, имели не одно, а два или даже три названия), что дало возмож-

[54] Примечания: 54

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872; Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877; Указатель. СПб., 1895 (Далее: ПКМГ).

ность локализовать значительную часть сел из духовных грамот Ивана Калиты.

В. Н. Дебольский (1876–1917) первым из историков специально обратился к разработке вопросов локализации объектов, упомянутых в духовных и договорных грамотах московских князей, начав свою работу с анализа завещаний Ивана Калиты[55]. М. К. Любавский (1860–1936) разрабатывал эту тему на общем фоне истории России XIV–XVI вв., расширения границ Московского княжества и колонизационных процессов в этот период[56]. Очень важны для локализации волостей, упомянутых Иваном Калитой, историко-географические материалы и карта Ю. В. Готье, составленные им по описаниям первой половины XVII в. Они вошли в качестве приложения к его монографии «Замосковный

[55] Примечания: 55

Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник. Вып. 1. СПб., 1901; Вып. 2. СПб., 1902.

[56] Примечания: 56

Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

край в XVII в.»[57].

Рис. 31. Любавский М. К.

С. Б. Веселовский (1876–1952) специально не занимался вопросами исторической географии духовных грамот Ивана Калиты, но ни один серьезный исследователь данной проблемы не может пройти мимо его крупномасштабных историко-географических карт, составленных вместе с В. Н. Перцовым по материалам писцо-

[57] Примечания: 57

Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906 (2-е изд.: М., 1937). Историко-географические материалы к книге были также изданы отдельно: Материалы по исторической географии Московской Руси. Замосковные уезды и входившие в их состав станы и волости по писцовым и переписным книгам XVII ст. М., 1906.

вых описаний 20-х годов XVII в[58].

Рис. 32. Рабинович М. Г.

Некоторые из объектов, перечисленных Иваном Калитой, перестали существовать в начале XVII в., в период Смутного времени или даже раньше. Поэтому вполне понятно, что следующей ступенью в развитии методики локализации пунктов XIV в. на современной карте стало привлечение данных археологии, развившееся с 40-х годов XX в. Не перечисляя многочисленных работ по археологии Москвы и Подмосковья, укажем

[58] Примечания: 58

Веселовский С. Б., Перцов В. Н. Исторические карты Подмосковья. М., 1993. (История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 4.)

лишь на авторов: М. Г. Рабинович (1916–2000), П. А. Раппопорт (1913–1988), Р. Л. Розенфельд (1921–1989), М. В. Фехнер (1909–1996), С. З. Чернов, А. А. Юшко и др. Их деятельность способствовала значительному накоплению археологических данных, а в ряде случаев привела к сплошному археологическому обследованию отдельных районов Подмосковья.

Рис. 33. Раппопорт П. А.

Благодаря этому появились археологические обзоры отдельных регионов страны, издаваемые в рамках «Археологической карты России». В них дается всесторонняя характеристика археоло-

гических памятников определенного региона, показывается степень его изученности с археологической точки зрения[59].

Рис. 34. Фехнер М. В.

Не остались в стороне филологи. Г. П. Смолицкая (1926–2006) собрала данные обо всех гидронимах бассейна Оки, что позволяет более уверенно локализовать волости духовных грамот Ивана Калиты, многие из которых получили свои

[59] Примечания: 59

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М., 1994; Ч. 2. М., 1995; Ч. 3. М., 1996; Ч. 4. М., 1997 (см. также аналогичные издания по другим регионам).

названия от рек[60].

Кроме того, совершенствовалась и сама методика локализации. М. В. Витовым (1923–1968) была предложена методика локализации селений, суть которой заключается в том, чтобы проследить историю конкретного населенного пункта с момента зарождения до времени составления первых точных карт той или иной местности[61]. При этом, если М. В. Витов в качестве основной источниковой базы предлагал использовать в основном писцовые и переписные книги, то широкая публикаторская работа второй половины XX и начала XXI в. привела к тому, что были опубликованы и вошли в широкий научный оборот практически все известные к настоящему времени актовые источники XIV–XVI вв.[62]

---

[60] Примечания: 60

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. (2-е изд.: Рязань, 2012).

[61] Примечания: 61

Витов М. В. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1956. С. 240–245.

[62] Примечания: 62

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1–3. М., 1951–1961; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1958 (Далее: АСЭИ); Акты Русского государства. 1505–1526 гг. М., 1975 (Далее: АРГ); Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613). Л., 1983 (Далее: АМСМ); Акты московских

монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1985 (Далее: АММС); Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. из архива московского Новодевичьего монастыря. М., 1985; Савин Сторожевский монастырь в документах XVI в. М., 1992 (Далее: ССМД); Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв. М., 1998; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 1–4. М., 1997–2008.

Рис. 35. Витов М. В.

Следует учитывать то, что многие подмосковные селения получили названия от имен и прозвищ своих первых владельцев и первопоселенцев. С. Б. Веселовским была разработана весьма ценная методика привлечения топонимических данных[63].

Необходимо также упомянуть работы В. С. Кусова (1935–2009), основанные на материалах Генерального межевания XVIII в., позволяющие дать точную «привязку» тех или иных объектов из духовных грамот Ивана Калиты[64].

---

[63] Примечания: 63

Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 24–52.

[64] Примечания: 64

Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII в. Карты уездов. Описания землевладений. Т. 1. М., 2004; Т. 2. М., 2004; Т. 3. Карты. М., 2004.

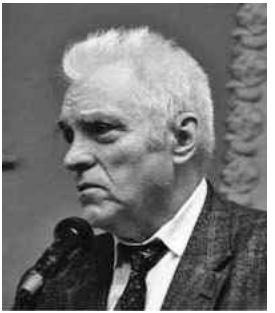


Рис. 36. Кусов В. С.

Из исследований последнего времени, посвященных исторической географии духовных грамот Ивана Калиты, укажем на работы В. А. Кучкина, А. А. Юшко, С. З. Чернова, А. Б. Мазурова, А. Ю. Никандрова, А. В. Дедука, В. Н. Темушева (1975–2011)[65].

---

[65] Примечания: 65

Кучкин В. А. Из истории средневековой топонимии Поочья (названия древних московских волостей) // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. С. 175–182; *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 281–287; *Она же.* О пределах Московского княжества Ивана Калиты // Советская археология. 1985. № 2. С. 116–129; *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) // Советская археология. 1980. № 2. С. 116–125; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008; *Дедук А. В.* Московско-рязанское порубежье XIV–XVI вв. Методика локализации. Дисс. … канд. ист. наук.

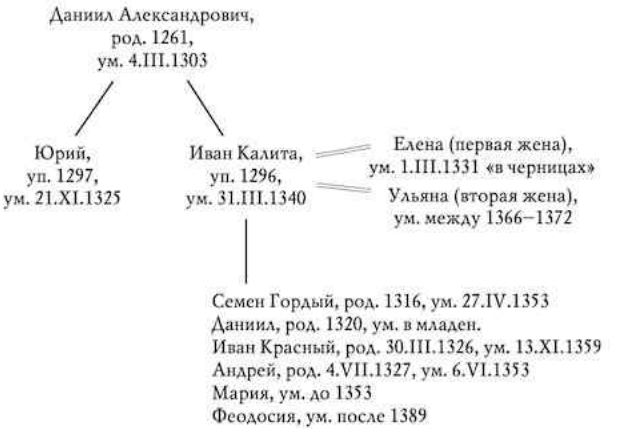
М., 2018; *Темушев В. Н.* Московское великое княжество: Территория и границы в конце XIII — первой половине XIV в. М., 2022.

Таким образом, привлечение актовых источников, писцовых и переписных книг, данных археологии, топонимики, использование различных картографических материалов (включая данные Генерального межевания XVIII в.) в ходе длительной работы нескольких поколений историков позволило уверенно поместить на карте практически все, за отдельными исключениями, волости и села, упоминаемые в завещаниях Ивана Калиты. Ниже дается обзор результатов этой работы.

Рис. 37. Темушев В. Н.

Обратившись к завещаниям Ивана Калиты, видим, что все свои владения он разделил на четыре

части — между сыновьями Семеном, Иваном и Андреем и не названной по имени княгиней с «меншими детьми».



Старший из сыновей Семен Гордый получил от отца два города — *Можайск* и *Коломну*, местоположение которых хорошо известно. Первый лежит в верховьях Москвы-реки, а второй — близ ее впадения в Оку. При этом следует отметить, что первая духовная грамота Ивана Калиты называет только Можайск, в то время как вторая грамота московского князя именует его «со всими

волостьми», хотя и не дает их перечня[66].

[66] Примечания: 66
ДДГ. № 1. С. 9.

Рис. 38. Первая духовная грамота Ивана Кали-

ты. 1331

После упоминания Коломны следует перечисление коломенских волостей: Городенка, Мезыня, Песочна, Похряне, Оусть-Мерьска, Брошевая, Гвоздна, Ивани, Деревни, Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжеля, Горетова, Горки. Разница между первой и второй грамотами заключается в том, что во второй грамоте между волостями Песочна и Похряне добавляется волость Середокоротна.

Первая из коломенских волостей — *Городенка* — получила свое наименование по правому притоку Северки — речке Городенке. Название древней волости сохранилось и в имени села Городня к северо-западу от Коломны, которое, видимо, было ее центром[67].

Волость *Мезыня*, именовавшаяся по Мезенке, левому притоку Москвы-реки, локализуется по данным писцовой книги Коломенского уезда XVI в., где имеются сведения о Мезынской воло-

[67] Примечания: 67

СпМоск № 3994; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 2–3; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 67; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 136.

сти[68].

Волость *Песочна* лежала в бассейне реки Отры и ее правого притока Песоченки. Н. П. Барсов ошибочно отыскивал ее по одноименному селению на реке Гжати в Гжатском уезде Смоленской губернии, но уточнить ее реальное местоположение позволяет коломенская писцовая книга, в которой имеется описание Песоченского стана. По мнению А. Б. Мазурова, ее центром было село Никитское на речке Песоченке[69].

К югу от предыдущей находилась волость *Похряне*, названная по речке Похрянке, левому притоку Северки. Коломенская писцовая книга содержит данные о Похрянском стане, а «Списки» дают упоминание Похрянского погоста (близ современного села Карпова под Воскресенском)[70].

---

[68] Примечания: 68

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 595–603; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 3; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 568; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 67; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 136.

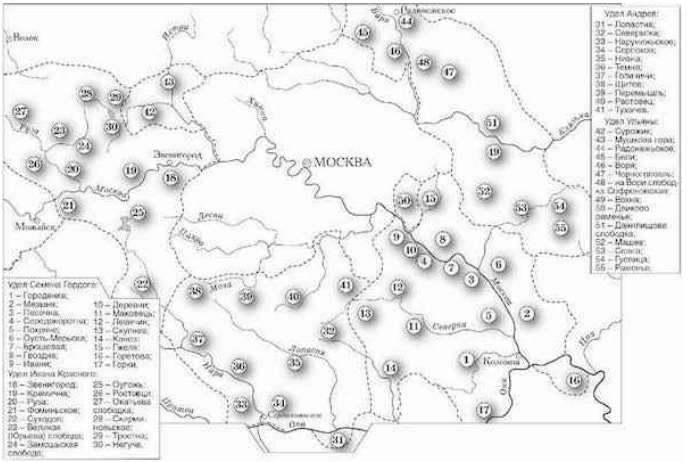
[69] Примечания: 69

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 472–482; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 161; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 3–4; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 568; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 67; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 136.

[70] Примечания: 70

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 482–492; СпМоск № 3751; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 4–5; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 568; *Кучкин В. А.* Из истории…

С. 180; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 68–69; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 136.



Карта 2. Московское княжество по первой духовной грамоте Ивана Калиты 1331 г.

Волость *Оусть-Мерьска*, как свидетельствует ее название, располагалась близ устья левого притока Москвы-реки Нерской (в старину именовавшейся Мерьской). В писцовой книге Коломенского уезда имеются сведения об Усть-Мерском стане, а «Списки» фиксируют Устьмерский погост (близ современного села

Барановское под Воскресенском[71]). Уточнить местоположение волости помогают и актовые источники. В частности, в митрополичьем архиве сохранилась разъезжая грамота А. Ф. Наумова, датируемая концом XV — началом XVI в., между московскими, владимирскими и коломенскими волостями, среди которых видим и волость Усть-Мерску[72]. К последней четверти XV в. относятся две купчие грамоты Ф. И. Сабурова на два села по Москве-реке — Степановское и Сабурово (последнее названо в грамоте безлично: «село коломенское»)[73]. Из указной грамоты 1554 г. царя Ивана IV волостелю Усть-Мерской волости П. И. Таптыкову узнаем, что здесь существовал мыт, располагавшийся, вероятно, при слиянии Нерской с Москвой-рекой[74].

Рядом лежала волость *Брошевая*, локализовать которую помогают сведения писцовой книги

---

[71] Примечания: 71

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 575–591; СпМоск № 1102; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 5; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 569; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 178; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 69–70; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 137.

[72] Примечания: 72

АФЗХ. Ч. 1. С. 191.

[73] Примечания: 73

АСЭИ. Т. 1. № 448–449.

[74] Примечания: 74

АММС. С. 113–114, 304.

Коломенского уезда о Брошевском стане и упоминание «Списками» селения Боршева и погоста Никола-Боршевка на Москве-реке[75]. Название волости, по всей видимости, происходит от речки Барашевки, притока Мезыни[76]. А. А. Юшко сомневалась в отождествлении волости Боршева с Брошевским станом, но, как показывают исторические карты С. Б. Веселовского и В. Н. Перцова, стан, как, вероятно, и волость XIV в., лежал в двух отдельных участках, расположенных по соседству[77]. В митрополичьем архиве сохранились акты на принадлежавшее кафедре село Бисерово «в Брашеве» — жалованная грамота Ивана III 1504 г., где упоминаются «волостели брашевские», и сотница с книг 1535/36 г. В. П. Бороздина[78].

---

[75] Примечания: 75

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 493–501; СпМоск № 1013, 1147; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 5; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 567; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 70–71; *Темушев В. Н.* Указ. соч. 137–138.

[76] Примечания: 76

Кучкин В. А. Из истории… С. 180–181.

[77] Примечания: 77

Юшко А. А. О некоторых волостях… С. 284–286; *Веселовский С. Б., Перцов В. Н.* Указ. соч. С. 36–37.

[78] Примечания: 78

АФЗХ. Ч. 1. С. 39, 105, 106; *Крис Х. И., Станюкович А. К.* Раннесредневековая Брашева // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 179. М., 1984. С. 88–93.

Севернее существовала волость *Гвоздна*, данные о которой дают писцовые книги Московского уезда 20-х годов XVII в.[79] В. А. Кучкин, локализуя волость, дал ошибочное указание на речку Гвоздню, протекающую в юго-восточной части Коломенского уезда, которая упоминается писцовой книгой[80]. Но название «Гвоздна» вплоть до начала XX в. сохранялось за местностью по речке Дорне, впадающей в Гжелку. По мнению А. А. Юшко и С. З. Чернова, центром волости являлся погост Космы и Дамиана на озере Гвоздинском, где обнаружено селище дьяковского типа[81].

Н. П. Барсов затруднялся с локализацией следующей по порядку следования волости *Ивани* и давал ее неправильное отождествление с тремя селами Ивановскими соответственно в Дмитровском, Кашинском и Звенигородском уездах[82].

---

[79] Примечания: 79

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 6; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 138.

[80] Примечания: 80

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 532–533; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 181.

[81] Примечания: 81

Юшко А. А., Чернов С. З. Из исторической географии… С. 124; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 71.

[82] Примечания: 82

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 80–81.

Но, как свидетельствуют упоминание в клировых ведомостях начала XIX в. погоста Иван и археологические данные, волость Ивани находилась на правом берегу Москвы-реки, напротив Гвоздны[83].

По поводу волости *Деревни* следует сказать особо. Как известно, в Древней Руси на письме не употребляли знаков препинания и прописных букв. Современные издатели источников того времени ставят их для облегчения смыслового понимания. В духовной грамоте Ивана Калиты после упоминания волости Гвоздны идет текст: «Ивани деревни Маковець». Где следует ставить запятую? Издатели 1813 г. поставили ее после слова «деревни», отнеся это определение к Ивани[84]. Издатели 1950 г. отнесли это определение к Маковцу[85]. Термин «деревни» может говорить об административной единице, большей, чем отдельное село, но меньшей волости. Если мы не

[83] Примечания: 83

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 6–7; *Любавский М. К.* С. 41; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 72; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 138.

[84] Примечания: 84

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. С. 31.

[85] Примечания: 85

ДДГ. № 1. С. 7, 9.

ошибаемся, то это первое по времени употребление слова «деревня» в источниках. Во всяком случае, так полагает «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»[86]. Но известна ли подобная административно-территориальная единица? Судя по всему, слово «деревни» в данном контексте является именем собственным и географическим названием. Писцовая книга XVI в. Коломенского уезда знает здесь Деревенский стан, а в одном из актов 1504 г. упоминается сотник «Деревеньские волости»[87].

Относительно волости *Маковець* Н. П. Барсов дал неверное отождествление с селом Маково Перемышльского уезда Калужской губернии[88]. Ее точное местоположение на правобережье Москвы-реки, к югу от среднего течения Северки, определяется описанием Маковского стана в коломенской писцовой книге. А. Б. Мазуров объясняет этимологию названия волости как «сухое,

---

[86] Примечания: 86

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. II (възалкати — добродетельникъ). М., 1989. С. 454.

[87] Примечания: 87

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 454–462; АСЭИ. Т. 2. № 429; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 72–73.

[88] Примечания: 88

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 121.

возвышенное место, взгорок»[89].

Рядом, по нижнему течению Малой Северки и в верховьях Отры, располагалась волость *Левичин*, название которой сохранилось в наименовании деревни Левычино, фиксируемой «Списками», а писцовая книга Коломенского уезда знает Левичинский стан[90].

По верхней Северке и ее правым притокам лежала волость *Скулнев*, название которой сохранилось в наименовании села Ильинского-Скульнева, упоминаемого «Списками». Коломенская писцовая книга дает описание Скульневского стана[91].

Южнее, по среднему течению Каширки, располагалась волость *Канев.* С. М. Соловьев ошибочно предлагал локализовать ее по деревне Конев Бор

---

[89] Примечания: 89

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 432–444; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып.1. С. 7; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 568; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 73; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 139.

[90] Примечания: 90

СпМоск № 1135; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 462–472; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 7; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 568; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 73; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 139.

[91] Примечания: 91

СпМоск № 5738; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 407–432; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 8; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 568; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 73; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 139–140.

к северу от Коломны[92]. Определить местоположение древней волости помогает писцовая книга Коломенского уезда, знающая Каневский стан[93]. В этом районе в Каширку впадает речка Каниковка-Березниковка, одно из названий которой следует сближать с названием волости Канев[94]. Центром волости, судя по всему, являлось село Каневское, попавшее затем в собственность московского Чудова монастыря, в актах которого упоминается позднее[95]. Уточнить местоположение волости помогают и акты. Около середины XV в. Чудов монастырь от В. Селифонтова приобрел село Торусинское «в Каневском». Имеется жалованная грамота Ивана III от 1471 г. на село Митрополиче «в Каневе»[96]. В архиве Троице-Сергиева монастыря сохранились акты местных

[92] Примечания: 92

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 653.

[93] Примечания: 93

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 407–432; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 8; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 567–568; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 74; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 140.

[94] Примечания: 94

Кучкин В. А. Из истории… С. 181.

[95] Примечания: 95

АСЭИ. Т. 3. № 28.

[96] Примечания: 96

АСЭИ. Т. 3. № 36, 42; СпМоск № 3770.

вотчинников Ворыпаевых на село Некиматово в «Каневской волости» и село Остафьево, приобретенное В. И. Волынским[97].

Волость *Гжель* все исследователи правильно связывали с сохранившимся и доныне одноименным селом на левом притоке Москвы-реки Гжелке, позднее ставшим центром известного промысла. По писцовым книгам 20-х годов XVII в. в Московском уезде известна волость Гжель[98].

Относительно локализации волости *Горетова* следует сказать отдельно. Н. П. Барсов неправильно отождествлял ее с селом Горетово к северо-западу от Можайска[99]. Практически все последующие исследователи помещали ее около Москвы, там, где по актам XV–XVI вв. известен Горетов стан Московского уезда, получивший свое название от притока Сходни речки Горе-

[97] Примечания: 97

АСЭИ. Т. 1. № 489, 527, 528; АРГ. № 119, 202.

[98] Примечания: 98

СпМоск № 1061; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 50; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 8; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 75; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 140.

[99] Примечания: 99

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 58.

товки[100].

Тождество названий волости Горетовы и Горетова стана несомненно, но, основываясь только на нем, нельзя делать вывод об идентичности этих двух административно-территориальных единиц. В завещаниях Ивана Калиты Горетова упоминается среди коломенских волостей. В том же соседстве она названа и в духовной грамоте Ивана Красного, на основании чего С. М. Соловьев считал ее коломенской волостью, хотя и не дал ее точной локализации[101].

Попытаемся определить ее местоположение на карте. В своем завещании Иван Красный оговорил, что Горетова и другие коломенские волости, владелицей которых являлась вдова Семена Гордого Марья, после ее смерти переходят к его сыну Дмитрию (будущему Донскому)[102]. Хотя Марья умерла лишь в 1399 г., ее владения перешли к Дмитрию задолго до ее кончины. А. Е. Пресня-

[100] Примечания: 100

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 8–10; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576; *Забелин И. Е.* История города Москвы. Ч. 1. М., 1905. С. 12–17; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 75–76; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 89.

[101] Примечания: 101

ДДГ. № 1. С. 9; № 4. С. 15, 17; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 444, 447.

[102] Примечания: 102

ДДГ. № 4. С. 15, 17.

ков полагал, что в конце жизни она удалилась в монастырь. Во всяком случае, волости Марьи упоминаются в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского как его полная собственность[103]. Но Горетова в их числе не названа.

Это можно объяснить тем, что договором 1381 г. между Дмитрием Донским и Олегом Рязанским граница их владений была установлена по рекам Оке и Цне[104]. Горетова, очевидно, находилась на правом берегу Оки и, как следствие этого, отошла к Рязани. Данное предположение подтверждают «Списки». Неподалеку от Луховиц они фиксируют существующее и ныне село Горетово[105]. Встречается оно в источниках и более раннего времени. В платежной книге Зарайска и ряда соседних станов 1594–1597 гг. в Перевитском стану упоминается «монастырь Горетовский да слободка»[106]. К сожалению, наши сведения о

[103] Примечания: 103

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. Стб. 5 (Далее: ПСРЛ); *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 123; ДДГ. С. 33.

[104] Примечания: 104

ДДГ. № 10. С. 29.

[105] Примечания: 105

СпРяз № 3848.

[106] Примечания: 106

Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1898. С. 186.

мелких монастырьках России весьма скудны — во многих случаях не известны даже приблизительные даты их основания. Это относится и к Горетову монастырю[107]. Предложенную локализацию подтверждают и археологические данные. Вблизи Горетова известны группа из 11 курганов и два городища, имеющие слой славянского времени[108].

В тексте договора 1381 г. среди обмениваемых земель Горетова не названа. На рубеже 70–80-х годов XIV в. этот район стал ареной многочисленных военных столкновений. Здесь происходил московско-рязанский конфликт 1372 г.[109] Недалеко отсюда состоялось известное сражение на реке Воже (1378 г.), после чего Мамай опустошил Рязанскую землю[110]. Волость, вероятно, была

---

[107] Примечания: 107

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб, 1897. С. 130. № 1901.

[108] Примечания: 108

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 43–45, 240–242.

[109] Примечания: 109

ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 16–17.

[110] Примечания: 110

Там же. С. 42–43.

разорена и прекратила свое существование как территориально-административная единица, а ее центр, возможно, был перенесен в более безопасное место, во вновь основанный городок Перевитск, впервые упоминаемый с 1389 г.[111]

Что касается последней коломенской волости *Горки*, Н. П. Барсов ошибочно соотносил ее с одноименной деревней Михайловского уезда Рязанской губернии[112], но все последующие исследователи помещают ее на левом берегу Оки, вверх от устья Москвы-реки, там, где до сих пор известно село Горы и находилась дворцовая Горская волость[113]. С этим не согласился А. Б. Мазуров, по мнению которого Горская волость является поздним новообразованием XVII — начала XVIII в. (коломенская писцовая книга XVI в. ее не знает). По мнению исследователя, ее следует искать не на левом, а на правом берегу Оки, где известно село Горки в непосредственной

---

[111] Примечания: 111
Там же. С. 95.

[112] Примечания: 112
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 54.

[113] Примечания: 113
СпМоск № 3848; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 41; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 567; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 9–10.

близости от Перевитского городища[114].

Кроме волостей Иван Калита выделил Семену и отдельные села: Астафьевьское, «село на Северьсце в Похрянъском оуезде», Костянтиновское, Ориниьское, Островьское, Копотеньское, селце Микульское, Малаховьское, Напрудское «оу города».

Астафьевское точно локализовать на карте не представляется возможным. По «Спискам» в Подмосковье известно четыре села с подобными названиями. С. М. Соловьев первым обратил внимание на то, что село располагалось на Клязьме — указание на это видим в духовной грамоте Семена Гордого[115], но ни одно из селений «Списков» не находилось на этой реке. В. Н. Дебольский подметил, что на Клязьме существует село Осташково, но связать его с древним Астафьевским не решился[116]. А. П. Прусаковым была предпринята попытка отождествить село XIV в. с Остафьевом, известной усадьбой Вяземских

[114] Примечания: 114
Мазуров А. Б. Указ. соч. С. 76–78.

[115] Примечания: 115
ДДГ. № 3. С. 14; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653.

[116] Примечания: 116
Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 11.

рядом с Подольском[117].

Говоря об Астафьевском, необходимо сказать, что за несколько столетий оригиналы духовных грамот Ивана Калиты получили различные механические повреждения, появились лакуны, в ряде мест чернила угасли. Поэтому при публикации текст одной грамоты восстанавливается по тексту другой. 10-я строка первой грамоты московского князя, где упоминается Астафьевское, имеет лакуну, а в аналогичном месте второй грамоты начальные буквы названия села ныне читаются с трудом, что дало основание В. А. Кучкину усомниться в правоте Н. Н. Бантыш-Каменского (1737–1814), читавшего здесь слово «Астафьевское», и предположить, что название села — Лысцевское. Последнее располагалось под Коломной[118]. Но им не был объяснен простой факт. Судя по завещаниям московских князей, Лысцевское в XIV–XV вв. постоянно отдавалось во владение княгиням[119]. Состав земель,

[117] Примечания: 117

Прусаков А. П. Чем нам дорого Остафьево // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 216.

[118] Примечания: 118

Кучкин В. А. Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // Отечественная история. 1992. № 6. С. 67–69.

[119] Примечания: 119

ДДГ. № 4. С. 16, 18; № 12. С. 34, 35; № 57. С. 176; № 61. С. 196.

отдаваемых в «опричное» владение женщинам московского княжеского дома, был достаточно устойчивым. Непонятно почему Иван Калита отдавал Лысцевское (если предположить чтение В. А. Кучкина) Семену, а не своей жене.

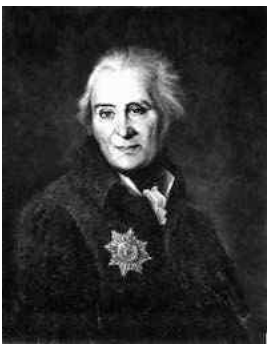


Рис. 39. Бантыш-Каменский Н. Н.

«Село на Северьсце в Похрянъском оуезде» большинство исследователей отождествляет с современным селом Северским на устье Северки, к северу от Коломны[120]. Судя по всему, это село следует отождествить со Свирелеском, центром одноименной волости, упоминаемой летописью

[120] Примечания: 120

СпМоск № 3757; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 11.

под 1176 г.[121] Если быть абсолютно точным, то городище, которое можно связать с древним Свирилеском, находится чуть севернее нынешнего села Северского — недалеко от соседнего Мячкова и устья реки Северки[122].

Впрочем, была высказана иная точка зрения о местоположении названного села. Она идет от Н. М. Карамзина, указавшего на якобы одноименное село «в 60 верстах от Москвы к Серпухову». Но уже в XIX в. исследователи выяснили, что в районе реки Нары близ Серпухова такого села нет: имеются лишь деревни Свирино и Свиринка, которые нельзя отождествлять со Свирилеском[123]. Свою лепту внесла и А. А. Юшко, отметившая, что Свирилеск и Северское лингвистически не согласуются между собой. Это дало основание В. Н. Темушеву предположить, что древний Сви-

---

[121] Примечания: 121

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 78; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 602.

[122] Примечания: 122

Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 150.

[123] Примечания: 123

Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II–III. С. 528. Прим. 39; *Погодин М. П.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Кн. 9. С. 458–459; СпМоск № 4404.

рилеск есть не что иное, как волость Северьска в верховьях одноименной реки. Впрочем, относительно «села на Северсце» он согласился, что речь должна идти о современном Северском[124].

Все историки согласны с тем, что «село на Северьсце» находилось в упоминавшейся выше волости Похряне, но не обращали внимания на то, что в данном случае Иван Калита почему-то именует ее «Похрянъским оуездом».

По данным «Списков» легко локализуются расположенные к юго-востоку от Москвы села *Копотеньское* (современный микрорайон Капотня на юго-востоке города), *Орининьское* (нынешнее Молоково, переименованное в честь советского полярного летчика), *Островьское* (ныне Остров)[125]. В одной из разъезжих грамот 90-х годов XV в. упоминается «земля великого князя Островская», что подтверждает данную локализацию[126].

Неподалеку, в низовьях Пахры, находилось *Ко-*

---

[124] Примечания: 124

Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 107, 143; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 56–57, 136–137.

[125] Примечания: 125

СпМоск № 38, 4930, 4933; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[126] Примечания: 126

АСЭИ. Т. 2. № 411.

стянтиновское. Н. П. Барсов неверно отождествлял его с селом Константиновским Кашинского уезда Тверской губернии, а М. К. Любавский ошибочно соотносил его с одноименным селом на реке Рожае[127]. Причиной этого стало то, что по «Спискам» в Московской губернии известно семь топонимов «Константиново». Но поскольку во всех духовных грамотах московских князей оно постоянно упоминается вместе с Ориниьским, Островьским и Копотеньским, его следует связать с ближайшим одноименным селом в низовьях Пахры, где его правильно локализовал С. М. Соловьев[128]. Подтверждение данной локализации дают две разъезжие грамоты 90-х годов XV в., из которых выясняется, что к этому времени село стало собственностью Николо-Угрешского монастыря[129].

При впадении в Москву-реку Гжелки на месте фиксируемого «Списками» села Малахова лежало *Малаховьское.* Вероятно, именно к нему относится жалованная кормленная грамота великой

---

[127] Примечания: 127
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 102; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34.

[128] Примечания: 128
СпМоск № 1278; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 653.

[129] Примечания: 129
АСЭИ. Т. 2. № 411, 412.

княгини Марии Ярославны, выданная в третьей четверти XV в. И. Г. Осоке[130].

Сельцо *Микульское* располагалось к северо-востоку от Москвы на речке Пруженке. С. М. Соловьев полагал, что оно находилось под Коломной, где его упоминает духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского. Но данный источник уточняет, что здешнее Микульское являлось «примыслом» самого Дмитрия и таким образом не имеет отношения к селу из завещаний Ивана Калиты[131]. М. К. Любавский локализовал его на месте Микульского, ныне Архангельского, на истоке одного из притоков Пехорки[132]. Очевидно, что название Микульское со временем должно было трансформироваться в Никольское. В Подмосковье очень много сел с подобными именами. Уточнить его местоположение позволяет указание договора 1341 г. Семена Гордого с братьями, что село находилось на речке Пруженке. Действительно, в актах находим сведения о церкви

---

[130] Примечания: 130
СпМоск № 1172; АСЭИ. Т. 3. № 73; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[131] Примечания: 131
Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 653; ДДГ. № 12. С. 35.

[132] Примечания: 132
Любавский М. К. Указ. соч. С. 34.

Николы на погосте в Пружках[133]. Неподалеку, уже ближе к реке Воре, по документам Троице-Сергиева монастыря прослеживается село Никольское, поступившее в обитель в 1446/47 г. от Г. Ф. Муромцева[134]. По «Спискам» оно отмечено как деревня Степоньково-Никольское[135].

Напрудское находилось в непосредственной близости от тогдашнего города, примыкая к нему, и получило свое название от притока Неглинки речки Напрудной[136].

Средний сын Ивана Калиты Иван Красный по завещаниям отца получил волости: Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходол, Великую слободу, Замошьскую слободу, Оугожь, Ростовци, Окатьеву слободку, Скирминовьское, Тростну и Негучу.

Местоположение *Звенигорода* хорошо известно. Он находится на Москве-реке, примерно на

---

[133] Примечания: 133

АСЭИ. Т. 3. № 52; *Чернов С. З.* Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6. Канонизация святых на Руси. М., 1999. С. 316–349.

[134] Примечания: 134

Там же. Т. 1. № 182.

[135] Примечания: 135

СпМоск 3 939.

[136] Примечания: 136

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 11; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34.

равном расстоянии от столицы и Можайска. Внимание обращает тот факт, что Иван Калита не называет Звенигород городом или селом, а упоминает его в перечне волостей. Видимо, в завещаниях московского князя речь идет не о городе, а о волости Звенигород, занимавшей территорию Городского стана Звенигородского уезда, известного по писцовым книгам XVI–XVII вв[137].

Волость *Кремичну* Н. П. Барсов неверно отождествлял с селом Кременским на реке Луже в Медынском уезде Калужской губернии[138]. Отыскать ее на карте помогают рузские писцовые книги, в которых дается описание волости. Она лежала к югу от озера Глубокого, доходя до Москвы-реки, и получила свое название по одноименной речке, в бассейне которой и находилась[139]. «Списки» упоминают погост Кремична на Москве-реке. Правда, по мнению С. З. Чернова и А. А. Юшко, погост был перенесен на это место уже в XVII в. и основную территорию волости

[137] Примечания: 137
Темушев В. Н. Указ. соч. С. 75.

[138] Примечания: 138
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 108.

[139] Примечания: 139
Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 11; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 590–591; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 181.

следует локализовать не близ него, а по течению речки Кремичны, где очень высока плотность археологических памятников[140]. Среди актового материала, связанного с этой волостью, укажем на грамоты местных вотчинников Бортеневых и Кулибакиных. В жалованной грамоте 1466 г. князя Бориса Васильевича Н. Кулибакину упоминаются «волостели мои кремиченские»[141].

Говоря о волости Кремична, укажем на следующее обстоятельство. Духовная грамота Ивана Красного 1358 г. дважды называет волость Кремичну. Можно думать, что здесь перед нами описка, но возможно и другое объяснение. По материалам гидронимии известна и другая река Кремична, левый приток Нары[142]. Более предпочтительна иная локализация. Как показала Е. П. Маматова, по материалам рузских писцовых книг волость Кремична состояла из двух частей, меньшая из которых находилась около города Рузы. За это говорит и порядок перечисления

[140] Примечания: 140

СпМоск № 5335; *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии… С. 116–117.

[141] Примечания: 141

АСЭИ. Т. 3. № 66; С. 483, № 10; ССМД. № 1, 3, 33.

[142] Примечания: 142

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С. 96, 105.

волостей в завещании Ивана Красного[143].

К западу от Кремичны располагалась волость *Руза*, тянувшаяся по левому берегу одноименной реки до ее впадения в Москву-реку. Позднее, с образованием Рузского уезда в XV в. территория волости Руза, очевидно, превратилась в Городской стан Рузского уезда, известный по писцовым описаниям. Акты Иосифо-Волоколамского монастыря XV–XVI вв. знают находившиеся здесь села Яковлевское, Комлево, Семеновское и ряд деревень[144].

Волость *Фоминьское* Н. П. Барсов неверно предлагал локализовать по селу Фоминское на реке Дубровке Малоярославецкого уезда Калужской губернии, а С. М. Соловьев ошибочно отождествлял ее с деревней Фомкиной[145]. В действительности она располагалась по двум берегам Москвы-реки, выше впадения в нее Рузы, и граничила

---

[143] Примечания: 143

ДДГ. № 4. С. 15, 17; Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. Карты (карта к статье Е. П. Маматовой «Рузский уезд в первой четверти XVII в.»); *Темушев В. Н.* Указ. соч. 76.

[144] Примечания: 144

АФЗХ. Ч. 2. № 1, 151, 152, 318, 323, 334, 363, 364; *Темушев В. Н.* Указ. соч. 76.

[145] Примечания: 145

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 220; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; СпМоск № 5285.

с можайскими землями. Ее местоположение определяется упоминанием волости в разъезжей грамоте 1504 г.[146] Сохранилась жалованная грамота князя Бориса Васильевича рубежа 60–70-х годов XV в. фоминским волостелям, освобождавшая провоз плотов Троице-Сергиева монастыря от сбора пошлин[147].

Волость *Суходол* лежала в междуречье рек Нары и Протвы и частью на левом берегу Нары, в районе впадения в нее Иневки. Свое название она получила, вероятно, от своего расположения на водоразделе указанных рек. Локализуется по боровским писцовым книгам, знающим Суходольский стан, и упоминанию разъезжей грамотой 1504 г.[148] С. М. Соловьев определял ее местоположение по деревне Суходол Боровского

---

[146] Примечания: 146

ДДГ. № 96. С. 397; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 11–12; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* С. 591; *Юшко А. А.* О пределах… С. 121; *Лелецкий В. В.* Фоминское // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2(20). С. 41–47; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 76–77.

[147] Примечания: 147

АСЭИ. Т. 1. № 377.

[148] Примечания: 148

ДДГ. №. 95. С. 379; Боровский уезд в XVII в. (материалы дозора 1613 г.). М., 1992. С. 58–60, 101–103; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 12; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 550; *Юшко А. А.* О пределах… С. 120; *Митрошенкова Л. В.* Волость Суходол в XIV–XVI вв. // Боровск: страницы истории. 2000. № 2. Историко-краеведческий сборник. С. 4–8; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 77.

уезда[149].

Великая или *Юрьева слобода* (как она называется духовной грамотой Ивана Красного[150]) располагалась по среднему течению реки Рузы, доходя в направлении волоколамского рубежа почти до верховьев Ламы, а на востоке почти до озера Тростенского[151]. Ее местоположение определяется по упоминанию целого ряда ее селений в актах Иосифо-Волоколамского и Саввино-Сторожевского монастырей, описанию волости в рузских писцовых книгах, а также картографическими данными Генерального межевания[152]. А. А. Юшко обратила внимание на топоним Юрьево в северной части волости, где, по ее мнению, мог находиться волостной центр[153]. Первое упоминание этого населенного пункта, судя по

---

[149] Примечания: 149

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654.

[150] Примечания: 150

ДДГ. № 4. С. 16, 18.

[151] Примечания: 151

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 12–13; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 177–178; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 77–78.

[152] Примечания: 152

АФЗХ. Ч. 2. № 35, 47, 64, 71, 112, 135, 246, 255, 261, 302, 347, 359; ССМД. № 22, 29, 30; Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. М., 1997. С. 72–102 (Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 4).

[153] Примечания: 153

Юшко А. А. О пределах… С. 121–122.

всему, относится к 1545 г.[154] В акте 1579/80 г. упоминается «Юрьевского села земской дияк» А. В. Окулов[155], что можно рассматривать как подтверждение ее версии.

Свое название слобода получила от старшего брата Ивана Калиты князя Юрия Даниловича, основавшего ее в начале XIV в. Великой она именовалась по своим размерам, некоторое представление о которых дает завещание 1389 г. Дмитрия Донского. В счет ордынского «выхода» со всех звенигородских волостей собиралось 272 рубля, куда входили и 50 рублей, взимавшихся с населения Юрьевой слободы[156].

К юго-востоку от Великой слободы по реке Озерне и ее притоку Вейне лежала *Замошьская слобода.* Н. П. Барсов дал ошибочные указания на село Замошье в Мосальском уезде Калужской губернии и посад Замош в Ельнинском уезде Смоленской губернии[157]. Последующие историки

---

[154] Примечания: 154
АФЗХ. Ч. 2. № 183.

[155] Примечания: 155
АФЗХ. Ч. 2. № 370.

[156] Примечания: 156
ДДГ. № 12. С. 35.

[157] Примечания: 157
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 76.

исправили его ошибку, опираясь на упоминание волости Замошье в писцовых книгах Рузского уезда[158]. Некоторые селения волости упоминаются и в актах XVI в.[159]

Волость *Оугожь*, благодаря описанию Угожского стана в звенигородских писцовых книгах и упоминаниям в разъезжей грамоте 1504 г., локализуется по верховьям реки Нары и ее притока Тарусы[160]. Из жалованной грамоты рубежа 60–70-х годов XV в. князя Андрея Васильевича становится известным о существовании здесь мыта[161].

Волость *Ростовци* лежала по течению правого притока Рузы речки Педни, на границе с Можайском[162]. С. М. Соловьев неверно помещал волость около деревни Ростовцево, упоминаемой

---

[158] Примечания: 158

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 13; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 590; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 78; Рузский уезд… С. 103–132.

[159] Примечания: 159

АФЗХ. Ч. 2. № 37, 347; АСЭИ. Т. 3. С. 483, п. 18; СММД. № 13, 20, 21, 33.

[160] Примечания: 160

ДДГ. № 96. С. 396; № 97. С. 405–406; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 709–727; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 13; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 562; *Юшко А. А.* О пределах… С. 120; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 79.

[161] Примечания: 161

АСЭИ. Т. 1. № 366; ССМД. № 8, 9, 23.

[162] Примечания: 162

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 13–14; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 591; *Юшко А. А.* О пределах… С. 121; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 79.

«Списками». Ошибочна и локализация В. А. Кучкина по левому притоку Нары речке Растовке[163]. Правильное ее местоположение определяется по упоминаниям в разъезжей грамоте 1504 г., описанию Ростовецкого стана в писцовых книгах Рузского уезда, данным Генерального межевания XVIII в. и актовому материалу[164].

Название *Окатьевой слободки*, по мнению С. Б. Веселовского, происходит от ее вероятного устроителя Окатия, родоначальника боярского рода Валуевых[165]. Оно сохранилось в наименовании деревни Акатово к северо-западу от Рузы, фиксируемой «Списками», что подтверждается и археологическими данными: здесь имеется селище с материалами XIV в.[166] В одном из актов Иосифо-Волоколамского монастыря 1514/15 г.

---

[163] Примечания: 163

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654; СпМоск № 3093; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 181–182.

[164] Примечания: 164

ДДГ. № 96. С. 399; АСЭИ. Т. 3. № 57; АФЗХ. Ч. 2. № 27, 71–73, 135, 247, 302, 364; Рузский уезд… С. 41–59.

[165] Примечания: 165

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 231.

[166] Примечания: 166

СпМоск № 5102; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 14; *Юшко А. А.* О пределах… С. 121; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 80.

упоминается «Окатовская земля»[167].

Местоположение волости *Скирминовьское* определяется по описанию Скирмановского стана в рузских писцовых книгах, упоминанию в разъезжей грамоте 1504 г. и фиксации «Списками» названия деревни Скирманово. Волость локализуется по течению реки Озерны и ее притоков Гряды и Розвадни[168]. Сохранилось довольно много актов, помогающих определить ее место на карте. Укажем на три акта второй половины XV — начала XVI в. местных вотчинников Ельчаниновых, где упоминаются «волостели скирмановские»[169]. Известны две купчие второй половины XV в. слуги князя Д. Д. Холмского и Н. Ф. Москотиньева на земли, приобретенные в этой волости, две жалованные грамоты 1513 и 1526 гг. князя Юрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю на село Андреевское «в

[167] Примечания: 167

АФЗХ. Ч. 2. № 60.

[168] Примечания: 168

ДДГ. № 95. С. 385–387; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 658–659; СпМоск № 5225; Рузский уезд... С. 132–150; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 14; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 591; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 80.

[169] Примечания: 169

АСЭИ. Т. 3. № 63–65.

Скирманове»[170]. Гораздо больше материала для локализации волости дают грамоты Иосифо-Волоколамского монастыря. Ее центром, очевидно, было село Пречистое-Скирманово, поступившее в обитель в начале XVI в. от князя А. А. Голенина. Судя по духовной грамоте 1477 г. князя Бориса Васильевича, оно было дано его отцу[171]. Кроме этого, в волости упоминаются села Бели, Мамошино и ряд деревень[172].

Относительно волости *Тростна* С. М. Соловьев ошибочно указывал на ее местоположение в позднейшей Калужской губернии[173]. Правильно локализовать ее помогает описание Тростенского стана в звенигородских писцовых книгах. Свое название она получила от одноименной реки и располагалась вокруг Тростенского озера[174].

---

[170] Примечания: 170

АСЭИ. Т. 1. № 384, 478; АРГ. № 107, 272.

[171] Примечания: 171

АФЗХ. Ч. 2. № 41; ДДГ. № 71. С. 251.

[172] Примечания: 172

АФЗХ. Ч. 2. № 16, 31, 39, 48, 77, 114, 117, 133, 192, 222, 227 (последний акт переиздан: ССМД. № 36).

[173] Примечания: 173

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654.

[174] Примечания: 174

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 695–709; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 201; *Деболь-ский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 14; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 562; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 81.

Рядом находилась и последняя из звенигородских волостей *Негуча*, получившая имя по притоку Озерны Негуче и лежавшая по ее течению[175]. Сохранилось упоминание «негучских волостелей» в жалованной грамоте 1470 г. князя Андрея Васильевича Савво-Сторожевскому монастырю[176].

Кроме названных волостей Иван Красный, согласно воле отца, получил ряд сел: Рюховьское, Каменичьское, Рузьское, Белжиньское, Максимовское, Андреевское, Вяземьское, Домонтовьское, село в Замошьской слободе и Семьцинское. Практически все они отыскиваются на современной карте.

Село *Рюховьское* все исследователи правильно отождествляли с современным селом Рюховским в 10 км к югу от Волоколамска. А. А. Юшко подтвердила эту локализацию археологическими данными[177].

---

[175] Примечания: 175

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 14; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 81.

[176] Примечания: 176

АСЭИ. Т. 3. № 58.

[177] Примечания: 177

СпМоск № 1656; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 180; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 14; *Юшко А. А.* О пределах… С. 122.

Каменичьское лежало там, где ныне находится современное село Каменское на реке Наре[178]. Н. П. Барсов колебался в выборе между ошибочным указанием на село Каменка в Рузском уезде и правильным. С. М. Соловьев поддержал первую локализацию, а В. Н. Дебольский сомневался в выборе между ними[179]. Правильный выбор позволяет сделать привлечение актовых источников — около середины XVI в. село, находившееся в волости Суходол, поступило от Ивана IV московскому Архангельскому собору, в собственности которого упоминается боровской дозорной книгой 1613 г.[180]

Относительно села *Рузьского* С. М. Соловьев ошибочно указывал на деревню Рузино в Звенигородском уезде. В. Н. Дебольский обращал внимание на два селения с подобными названиями[181]. Анализ завещаний московских князей

---

[178] Примечания: 178
СпКал № 445.

[179] Примечания: 179
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 88; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 14–15.

[180] Примечания: 180
АСЭИ. Т. 3. № 51; Боровский уезд… С. 102.

[181] Примечания: 181
Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 15.

показывает, что село Рузьское упоминается только в духовных грамотах Ивана Калиты. В завещании 1389 г. Дмитрия Донского назван «Руза городок». На основании этого можно было бы соотнести село Рузьское с городом Руза, ставшим позднее центром удела. Но в духовной грамоте Ивана Красного, хронологически находящейся в промежутке между этими двумя упоминаниями, не встречается ни села Рузьского, ни городка Рузы. В этой связи особого внимания требует предложенная А. А. Юшко локализация села Рузьского на месте села Старая Руза на Москве-реке, что подтверждается археологическими данными — здесь имеется городище со слоем славянского времени еще с XI в.

Историю этих мест в целом можно представить следующим образом. Село Рузьское духовных грамот Ивана Калиты первоначально находилось на Москве-реке на месте нынешней Старой Рузы. Под 1341 г. летопись сообщает: «того же лета приходи рать литовъская ко Можаиску, и пожгоша посад, а города не взяша»[182]. Несомненно, что во время этого похода литовцы опустошили и окрестности, включая, видимо, и село Рузьское,

[182] Примечания: 182
ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 173.

которое прекратило свое существование, и, как следствие этого, не упоминается в завещании Ивана Красного. В конце 60-х годов XIV в. вновь обостряются московско-литовские отношения и правительство Дмитрия Донского, обеспокоенное угрозой внешнего нашествия, срочно воздвигает целую сеть укреплений по западной границе Московского княжества. В это время обновляются или строятся заново оборонительные системы многих городов. А. А. Юшко, анализируя географическое расположение этих пунктов, показала, что единственной целью, которую преследовала градостроительная деятельность московских князей, являлись исключительно интересы обороны. Среди новых городов была и Руза, возникшая на месте поселения несколько более раннего времени, где в XIV в. были воздвигнуты мощные земляные валы. Летописцем новый городок упоминается только с XV в., а впервые его имя встречается в «Списке городов русских» 1374 г. и духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского[183].

Село *Белжиньское* М. К. Любавский ошибочно

[183] Примечания: 183

ДДГ. № 12. С. 33; *Юшко А. А.* Московская земля… С. 93, 125–127; *Темушев В. Н.* Указ. соч. 74.

локализовал к северу от Тростенского озера[184]. А. А. Юшко и С. З. Чернову удалось, используя средневековые чертежи, определить его местоположение на окраине современной Саввинской слободы близ Звенигорода[185]. В начале XV в. село досталось Савво-Сторожевскому монастырю[186]. Исчезло оно в период Смутного времени начала XVII в.

Максимовское располагалось в волости Скирминовьское. С. М. Соловьев отождествлял его с деревней Максимовкой в 26 км от Звенигорода, М. К. Любавский указывал его местоположение на одном из притоков Истры, а В. Н. Темушев — на реке Негуче[187]. Уточнить его локализацию помогают акты. В XV в. село стало собственностью князя А. Ф. Голенина, в духовной грамоте которого оно упоминается, а затем попало в Ио-

[184] Примечания: 184
Любавский М. К. Указ. соч. С. 34.

[185] Примечания: 185
Юшко А. А., Чернов С. З. Из исторической географии… С. 117–121.

[186] Примечания: 186
АСЭИ. Т. 3. № 53, 53а, 60.

[187] Примечания: 187
Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 81.

сифо-Волоколамский монастырь[188].

Село *Андреевское* лежало к северо-западу от Звенигорода, на месте нынешнего одноименного села. Н. П. Барсов дал неверные указания на одноименные села в Покровском и Суздальском уездах Владимирской губернии, а также в Калужском уезде Калужской губернии. С. М. Соловьев колебался в выборе между одноименными двумя селами и тремя деревнями в Звенигородском уезде. М. К. Любавский определял место села на реке Истре[189]. Первым правильно отождествил его при помощи упоминания в разъезжей грамоте 1504 г. В. Н. Дебольский[190]. В середине XVI в. село попало в Троице-Сергиев монастырь, в документах которого упоминается позднее.

Село *Вяземьское* располагалось там, где находится теперь Успенское, вплоть до середины XIX в. носившее двойное название: Успенское, Вя-

[188] Примечания: 188
АФЗХ. Ч. 2. № 15, 41, 347.

[189] Примечания: 189
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 24; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34.

[190] Примечания: 190
ДДГ. № 95. С. 384; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 15.

земское тож[191]. На точное его местоположение указывает разъезжая грамота 1504 г. Тогда это была вотчина рода Овцыных[192].

Южнее Вяземьского лежало *Домонтовьское.* В. Н. Дебольский приблизительно локализовал его по упоминанию Домантовской волости в разъезжей грамоте 1504 г.[193] Более точную локализацию дал Г. И. Фивейский, использовавший писцовые книги 1620-х годов, в которых упоминалась «пустошь, что была деревня Домантова». Она находилась приблизительно в районе современной деревни Горышкино, что подтверждают археологические материалы[194].

Село в Замошьской слободе находилось в указанной волости. М. К. Любавский неверно отмечал его местоположение по реке Рузе[195]. Судя

---

[191] Примечания: 191

СпМоск № 2841; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 47; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 15–16; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Юшко А. А.* Московская земля… С. 80; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[192] Примечания: 192

ДДГ. № 95. С. 381.

[193] Примечания: 193

ДДГ. № 95. С. 381; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 16.

[194] Примечания: 194

Фивейский Г. И. Летопись Спасопреображенской церкви Звенигородского уезда, что в селе Введенском, Першино тож, с древних времен до Литвы // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1879. № 8. С. 63; *Рожков В. Н.* О месте расположения села Домонтовского

Московского княжества // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 67–82; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[195] Примечания: 195

Любавский М. К. Указ. соч. С. 34.

по всему, это село Замошье («у Василия Святого»), которое князь Юрий Дмитриевич в начале XV в. отдал Савво-Сторожевскому монастырю, в актах которого оно упоминается впоследствии[196].

Последнее из сел, принадлежавших Ивану Красному, — *Семьцинское* — примыкало к тогдашней Москве, располагаясь в районе современных московских улиц Остоженки и Пречистенки[197]. В литературе было высказано мнение, что оно находилось на месте нынешнего Петровско-Разумовского, которое в XVI в. называлось Семчиным. Но Семчино впервые упоминается только в писцовой книге 1584–1586 гг. как владение князя А. И. Шуйского. При этом писцовая книга содержит отсылку («что было преже сего») на недошедшее до нас описание конца 1550-х годов, согласно которому Семчино было владением его брата. Между тем Семьцинское в духовной грамоте Ивана IV 70-х годов XVI в. упоминается

[196] Примечания: 196

АСЭИ. Т. 3. № 53, 53а. Ср.: ССМД. № 24 (л. 29).

[197] Примечания: 197

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 183; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 16; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34.

как дворцовое[198]. Таким образом, Семьцинское и Семчино (будущее Петровско-Разумовское) не имеют между собой ничего общего.

Младший из сыновей Ивана Калиты Андрей получил от отца волости: Лопастну, Северьску, Нарунижьское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Растовец и Тухачев.

Относительно точной локализации волости *Лопастны* среди историков более ста лет идут споры, хотя все исследователи так или иначе связывают волость с рекой Лопасней, впадающей в Оку. Эту проблему целесообразно рассмотреть ниже, при определении местоположения села Лопастеньского в обзоре владений вдовы Ивана Калиты.

Волость *Северьску* С. М. Соловьев ошибочно предлагал локализовать по упоминаемой «Списками» деревне Северова в 4 км от Подольска[199], но в действительности она лежала по течению

[198] Примечания: 198

Веселовский С. Б. и др. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв. М., 1962 (см. указатель); ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 181; ДДГ. № 104. С. 433.

[199] Примечания: 199

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654; СпМоск № 4557.

верховьев реки Северки[200].

Название волости *Нарунижьское*, несомненно, происходит от реки Нары. Судя по всему, она находилась в ее низовьях. Локализации помогает упоминание «Списками» села Успенского (Нижнего) на Наре, в 4 км от известного по войне 1812 г. села Тарутина[201].

Волость *Серпохов* получила свое название от реки Серпейки (левого притока Нары), на которой стоит современный город Серпухов, и в дальнейшем занимала территорию Окологородного стана Серпуховского уезда[202]. Сохранилась купчая середины XV в. на расположенное в этой волости село Халдеевское на реке Каменке, правом притоке Речмы, впадающей в Оку[203].

Местонахождение волости *Нивны* определяется

---

[200] Примечания: 200

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 16; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 30; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 146.

[201] Примечания: 201

Кучкин В. А. Из истории… С. 181; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 147; СпКал № 483.

[202] Примечания: 202

Готье Ю. В. Указ. соч. С. 591; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Юшко А. А.* О пределах… С. 118; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 30, 32; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 147.

[203] Примечания: 203

АСЭИ. Т. 2. № 377.

по речке Нивенке, притоку Волбушевки, впадающей в Нару с левой стороны. Видимо, здесь и лежала эта волость[204].

Волость *Темна* получила свое наименование по речке Теменке, впадающей в Нару, и лежала по левому берегу последней. Она локализуется по фиксируемому «Списками» селу Спас-Темна в 20 км к северо-западу от Серпухова и описанию Теменского стана в серпуховских писцовых книгах. Проведенные А. А. Юшко археологические исследования выявили на территории села большое поселение XIV в. площадью около 3,3 га[205].

Волость *Голичичи* С. М. Соловьев связывал с сельцом Голичино в 26 км от Подольска[206]. Волость располагалась по обоим берегам Нары[207]. А. А. Юшко, ссылаясь на «Запись о душегубстве»

---

[204] Примечания: 204

Кучкин В. А. Из истории… С. 181; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 32; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 147.

[205] Примечания: 205

СпМоск № 5506; *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей. Б.м., 1992 (репринтное воспроизведение издания 1880 г.). С. 9; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 16; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 42; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 591; *Юшко А. А.* О пределах… С. 118; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 32; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 147.

[206] Примечания: 206

СпМоск № 4975; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654.

[207] Примечания: 207

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 550;

Любавский М. К. Указ. соч. С. 42; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 32; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 147–148.

середины XV в., считала, что Голичичи лежали по ее левому берегу. Действительно, «Запись», определяя пределы московского судебного округа, говорит: «Голичицы по Нару». Но из данного контекста все же следует, что часть волости находилась и на другом берегу реки. Это подтверждают и боровские писцовые книги, в частности дозор 1613 г.[208]

Волость *Щитов* лежала по верховьям реки Мочи, доходя до Нары, а ее местоположение определяется описанием Щитовского стана в боровских писцовых книгах[209]. В. Н. Дебольский, локализуя волость, обратил внимание на упоминаемое «Списками» сельцо Щитово у истоков Мочи, в 35 км от Подольска[210]. Оно, вероятно, было центром волости. А. А. Юшко указала, что в начале XV в. волость была поделена между сыновьями князя Владимира Андреевича по реке Кремичне, левому притоку Нары, впадающей в

[208] Примечания: 208

Юшко А. А. О пределах… С. 120; АСЭИ. Т. 3. № 12; Боровский уезд… С. 61–81.

[209] Примечания: 209

Боровский уезд… С. 60–61; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 551; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 32; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 148.

[210] Примечания: 210

СпМоск № 4635; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17.

нее южнее современного Наро-Фоминска[211]. В архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилось несколько актов на село Романовское «в Щитове», среди которых укажем на жалованную грамоту 1512 г. Василия III, где упоминаются «волостели щитовские»[212].

Волость *Перемышль* Н. П. Барсов соотносил с городком Перемышль Калужской губернии. Этой же точки зрения первоначально придерживался и В. Н. Дебольский, изменивший ее позднее на правильную. Писцовые книги 20-х годов XVII в. свидетельствуют, что волость располагалась по течению реки Мочи[213].

Определяя местонахождение волости *Растовец*, С. М. Соловьев дал ошибочное указание на деревню Ростовку[214]. В. Н. Дебольский первоначально

---

[211] Примечания: 211

Юшко А. А. О пределах… С. 120; ДДГ. № 17. С. 46.

[212] Примечания: 212

АРГ. № 80, 81, 99, 253.

[213] Примечания: 213

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 158; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17, Вып. 2. С. 10–11; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 579–580; *Шполянский С. В.* Перемышль Московский. К вопросу о времени возникновения и статуса города // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. М., 1999. С. 147–154 (Труды ГИМ. Вып. 111); *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 32–34; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 113–114.

[214] Примечания: 214

СпМоск № 5542; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654.

предлагал локализовать ее на месте Растовицкой волости в районе рек Осетр и Мордвес, но вскоре сумел правильно поместить волость на карте, благодаря московским писцовым книгам 20-х годов XVII в., где она упоминается. Волость лежала по верховьям реки Рожаи[215].

Рядом обнаруживается и последняя из волостей, выделенных Андрею, — *Тухачев.* Она располагалась по реке Гнилой Северке[216]. В актах первой четверти XVI в. Троице-Сергиева монастыря упоминается сельцо Румянцево волости Тухачев Боровского уезда[217]. Позднее волость вошла в состав Московского уезда[218].

Кроме волостей младший из сыновей Ивана Калиты получил села: Талежьское, Серпоховьское, Колбасиньское, Нарьское, Перемышльское,

---

[215] Примечания: 215

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 17, Вып. 2. С. 11; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 580; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 34–35; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 114.

[216] Примечания: 216

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 580; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 35; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 114.

[217] Примечания: 217

АРГ. № 136, 252.

[218] Примечания: 218

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 95, 290.

Битяговьское, Труфоновьское, Ясиновьское, Коломниньское и Ногатиньское.

Село *Талежьское* всеми историками локализуется по современному селу Талеж, фиксируемому «Списками» по течению реки Лопасни и ее притоку Талеженке[219]. Эту локализацию подтверждает и одна межевая грамота 1518/19 г. из архива Троице-Сергиева монастыря[220].

Село *Серпоховьское* позднее превратилось в город Серпухов[221].

Все без исключения исследователи затруднялись определить местоположение села *Колбасиньского.* Краевед А. Н. Фролов предложил отождествить его с урочищем Колбасино на речке Колбасинке в 6 км к северо-западу от Зарайска, на месте одноименной деревни, снесенной в 1984 г. Эту локализацию, хотя и с оговорками, в целом

[219] Примечания: 219

СпМоск № 5639; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 194; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 42; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 61.

[220] Примечания: 220

АРГ. № 169.

[221] Примечания: 221

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 184; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 42; *Симсон П. Ф.* Указ. соч.

поддержали А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров[222].

Село *Нарьское*, вероятнее всего, располагалось на месте села Нара, ставшего позднее частью города Наро-Фоминска[223]. Однако А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров предложили поместить его в волости Нарунижьское в низовьях реки Нары[224].

Село *Перемышльское* уже в XIV в. превратилось в небольшой городок Перемышль на реке Моче, ставший в XV в. центром особого удела[225].

Битяговьское находилось на месте современного одноименного села, лежащего по реке Рожае[226].

Село *Труфоновьское* В. Н. Дебольский ошибочно предлагал отождествить с селом Труфоновским в юго-западной части Мосальского уезда Калужской губернии. Было также высказано мнение,

---

[222] Примечания: 222

Фролов А. Н. О локализации некоторых сел и волостей из духовных грамот Ивана Калиты // «…В трубы трубят на Коломне…» Ч. 2. Коломна, 2005. С. 177–180; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 61.

[223] Примечания: 223

СпМоск № 1616; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 133; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17.

[224] Примечания: 224

Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Указ. соч. С. 30.

[225] Примечания: 225

Рабинович М. Г. К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского) // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 209–214.

[226] Примечания: 226

СпМоск № 4893; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли (из предыстории с. Битяговского) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 146. М., 1976. С. 71–75; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 61.

что село находилось близ тогдашней Москвы, где известна церковь Трифона в Напрудной слободе[227]. Но, судя по всему, оно располагалось в совершенно ином районе: в одной из жалованных грамот царя Бориса Годунова начала XVII в. московскому Архангельскому собору упоминается пустошь, «что была деревня Труфаново». Тут же названо и село Каменское (Каменичьское завещаний Калиты, отданное им среднему сыну Ивану Красному). Можно предположить, что Труфоновьское находилось неподалеку от Каменичьского, но уже на территории удела Андрея. За это говорит и то, что та же пустошь упоминается и боровской дозорной книгой 1613 г.[228]

Село *Ясиновьское* отождествляется по «Спискам» с Ясеневым, ныне микрорайоном на юго-западе современной Москвы[229].

Села *Коломниньское* и *Ногатиньское* — ны-

---

[227] Примечания: 227

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 61.

[228] Примечания: 228

АСЭИ. Т. 3. № 51; Боровский уезд... С. 102.

[229] Примечания: 229

СпМоск № 422; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 220; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Молева Н. М.* Ясенево // Вопросы истории. 1984. № 4. С. 184–188; *Разумневич И.* Ясенево // Россия молодая. 1995. № 11. С. 28–30; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 61; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

нешние микрорайоны Коломенское и Нагатино, также вошедшие в черту Москвы[230].

Волости на северо-востоке и частично на северо-западе Подмосковья стали владением княгини совместно с «меншими детьми». Она получила Сурожик, Мушкову гору, Радонежьское, Бели, Ворю, Черноголовль, слободку Софроновскую «на Вори», Вохну, Деиково раменье, Данилищову слободку, Машев, Селну, Гуслицу и Раменье, «что было за княгинею».

Волость *Сурожик* лежала по среднему течению Истры, ее притоку Малой Истре и притокам последней Маглуше и Молодильне[231]. Ее местоположение устанавливается по описанию границ волости в разъезжей грамоте 1504 г., характеристике Сурожского стана в писцовых книгах Московского уезда, многочисленным упомина-

[230] Примечания: 230

СпМоск № 423, 428; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 17; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Белянчиков Н. Н.* Подмосковные села «Коломниньское» и «Ногатиньское» // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 217–220; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 61–62; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[231] Примечания: 231

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 18; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 578; *Юшко А. А.* О пределах… С. 122–123; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 87–88, 90–91.

ниям в актах[232].

Севернее лежала *Мушкова гора*, располагавшаяся по верхнему течению Истры, центром которой был Мушков погост[233]. В конце XIV в. волость была поделена[234], хотя, вероятно, существовавший здесь мыт находился в общем владении князей, а между ними делились только получаемые с него доходы. Думать так заставляет тот факт, что в 1504 г. князь Юрий Иванович дал жалованную грамоту Симонову монастырю на беспошлинный проезд, в которой упоминаются «мытники мои дву третей Мушковских». Тогда же подобную грамоту дал и его отец Иван III, за которым была треть волости[235].

Волости Радонежьское, Бели и Воря локализуются благодаря писцовым описаниям, разъезжей

---

[232] Примечания: 232

ДДГ. № 95. С. 382–387; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 96–122; АРГ. № 78, 84, 255; АММС. С. 205, 228; АСЭИ. Т. 1. № 381; АФЗХ. Ч. 2. № 114, 173, 233, 302, 325, 326, 435.

[233] Примечания: 233

СпМоск № 2976; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 18; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 561–562; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 88.

[234] Примечания: 234

Юшко А. А. О пределах… С. 123–125.

[235] Примечания: 235

АСЭИ. Т. 2. № 427, 432.

грамоте 1504 г. и многочисленным упоминаниям в актах Троице-Сергиева монастыря[236].

Радонежьское лежало по верхней Воре и ее притоку Торгоше. *Бели* (Н. П. Барсов неверно отождествлял ее с одноименным селом Тверского уезда) располагалась между притоком Учи речкой Вязью и притоком Вори речкой Талицей. Название волости *Воря* происходит от одноименной реки, в среднем течении которой она располагалась[237].

Волость *Черноголовль* не упоминается в актовых источниках, но, исходя из ее названия, можно полагать, что она получила наименование от речки Черноголовль, левого притока Клязьмы, и в дальнейшем прослеживается по писцовым книгам в бассейне этой реки[238].

Местонахождение слободки *Софроновской*, к сожалению, точно установлено быть не может,

---

[236] Примечания: 236

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 27–33, 71–86, 233–253, 284–287; ДДГ. № 94. С. 373, 374; АСЭИ. Т. 1; АРГ (см. по указателю).

[237] Примечания: 237

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 19; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 18–19; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576, 578; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 178; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 101–104.

[238] Примечания: 238

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 19; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 578–579; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 107.

хотя известно, что она находилась на реке Воре. С некоторой долей уверенности можно предположить, что она позднее превратилась в Отъезжую волость (а позже — стан) Московского уезда, известную по писцовым описаниям и актам[239].

Волость *Вохна* лежала по течению Клязьмы, в районе впадения в нее небольшой речки Вохонки (притока Ходцы, впадавшей в Клязьму), от которой произошло ее название, и легко локализуется по писцовым книгам Московского уезда. Современный город Павловский посад вплоть до середины XIX в. именовался Вохной[240].

Данилищову слободку Н. П. Барсов неверно отождествлял с Даниловой слободой близ московского Данилова монастыря. Она отыскивается на месте позднейшей волости Кунья, где «Списками» фиксируется Христорождественский погост на Данилищове озере (впервые волость Кунья

---

[239] Примечания: 239

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 50–53, 265–276, 287–290; АРГ. № 160; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 19; *Веселовский С. Б., Перцов В. Н.* Указ. соч. С. 21–22; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 109.

[240] Примечания: 240

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 86–95, 253–254; СпМоск № 557; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 42; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 19–20; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 108.

упоминается под 1433 г.)[241].

Разыскивая волость *Машев,* Н. П. Барсов указывал на озеро Машево в Бронницком уезде, но, по мнению М. К. Любавского, она находилась по соседству, вероятнее всего, на месте волости Загарье, упоминаемой в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского[242].

Волость *Селну* В. Н. Дебольский неверно помещал на границе Московского и Дмитровского уездов (на месте митрополичьей Селецкой волости). В реальности она располагалась по правым притокам Нерской и локализуется благодаря тому, что фигурирует в писцовых описаниях 20-х годов XVII в. Московского уезда[243].

Волость *Гуслицу* все исследователи помещали в бассейне одноименной реки, левого притока Нерской, от которой она получила свое название. Как административная единица она дожила

---

[241] Примечания: 241

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 59; СпМоск № 778; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 109; *Веселовский С. Б., Перцов В. Н.* Указ. соч. С. 29; ДДГ. № 29. С. 74.

[242] Примечания: 242

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 122; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; ДДГ. № 12. С. 34.

[243] Примечания: 243

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 20; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 578; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 109–110.

вплоть до середины XIX в.[244] В актах московского Богоявленского монастыря встречается село Захаринское «в Гуслице». В 1561 г. князь Владимир Андреевич дал на него жалованную грамоту, где упоминаются «волостели Гуслицкие волости»[245]. Волость граничила с владимирскими землями, о чем свидетельствует разъезжая грамота А. Ф. Наумова рубежа XV–XVI вв.[246]

Завещания Ивана Калиты упоминают еще две волости, отданные княгине, — Раменье и Деиково раменье. Отыскивая первую из них, Н. П. Барсов дал неправильные указания на село Рамейки Гжатского уезда Смоленской губернии и село Раменки Зарайского уезда Рязанской губернии. Волость *Раменье* отыскивается благодаря писцовым книгам 20-х годов XVII в. и локализуется к западу от Гжели[247]. Сохранилась жалованная грамота 1447 г. Василия Темного Симонову мона-

[244] Примечания: 244

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 59; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 20; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 180; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 110.

[245] Примечания: 245

АММС. С. 65, 142, 144, 215, 217.

[246] Примечания: 246

АФЗХ. Ч. 1. № 217. С. 191–192.

[247] Примечания: 247

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 71; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 578; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 111.

стырю на расположенные здесь села Окуловское, Семеновское, Кононовское, Литвиново, в которой упоминаются «волостели раменские»[248].

Волость Раменье с трех сторон обнимала территорию *Деикова раменья*, которое позднее стало именоваться Замосковным Раменейцем, для отличия от одноименных дмитровской и коломенской волостей. В. Н. Темушев предположил, что ее центром являлось село Рождествено, позднее вошедшее в состав современного города Жуковский[249].

Кроме волостей княгине были выделены и села: Михаиловское, Луциньское, «село у озера», Радонежьское, Деигуниньское, Тыловское, Рогожь, Протасьевское, Аристовьское, Лопастеньское, Михаиловское «на Яоузе» и не названные по именам два «селе коломенскии».

Михаиловское, первое из этих сел, Н. П. Барсов предлагал отождествить с одноименным селом Московского уезда. М. К. Любавский помещал его

[248] Примечания: 248
АСЭИ. Т. 2. № 349.

[249] Примечания: 249
Веселовский С. Б., Перцов В. Н. Указ. соч. С. 36; *Темушев В. Н.* Указ. соч. 111.

на реке Пехорке[250]. Но, судя по «Спискам», его, вероятно, следует локализовать на месте усадьбы Михайловское при реке Наре и ее притоке Язвенке, находящейся в 18 км к западу от Подольска (ныне в «Новой Москве»)[251].

Луциньское С. М. Соловьев ошибочно связывал с селом Лучинским в 15 км от Подольска[252]. В. Н. Дебольский правильно определил его местонахождение на месте современного села Лучинского близ города Истры. Позднее оно выросло в волость, уточнить локализацию которой помогают разъезжая грамота 1504 г. и акты с упоминанием входивших в нее селений[253].

«Село у озера» предлагали отождествить с селом Озерецким к северу от Москвы[254]. Но впервые в собственности московских князей оно упоминается лишь в завещании 1461 г. Василия

---

[250] Примечания: 250
Барсов Н. П. Указ. соч. С. 124; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34.

[251] Примечания: 251
СпМоск № 4594.

[252] Примечания: 252
Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 654.

[253] Примечания: 253
СпМоск № 2943; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 21; ДДГ. № 95. С. 383, 387; АФЗХ. Ч. 1. С. 75–76, Ч. 2. № 173.

[254] Примечания: 254
Юшко А. А. О пределах… С. 125; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

Темного[255]. Судя по актам XIV–XV вв., новые селения, как правило, сначала получали безличные названия («села коломенские», о которых речь будет чуть ниже), а лишь затем приобретали имена собственные. На восточной окраине современной Москвы «Спискам» известно старинное село Косино (ныне микрорайон столицы). Под названием Косино оно впервые упоминается в духовной грамоте князя Владимира Андреевича начала XV в. Однако, судя по всему, в XIV в. оно именовалось «селом у озера» (Косино, действительно, стоит при озере Белом, а по соседству известны озера Святое и Черное). Позже оно получает самостоятельное название и только, как своего рода рудимент, по грамотам XV в. в этом районе прослеживается «Озерецкая дорога», которая вела, видимо, в Косино и сохраняла прежнее безличное название «села у озера»[256].

Село *Радонежьское* отождествляется с позднейшим городком Радонеж, в начале XV в. ставшим

---

[255] Примечания: 255
ДДГ. № 61. С. 196.

[256] Примечания: 256
СпМоск № 60; ДДГ. № 17. С. 48; АСЭИ. Т. 2. № 371, 418, 419.

центром особого удела[257].

Деигуниньское фиксируется благодаря «Спискам» на месте позднейшего Дегунина, ныне микрорайона на севере столицы, и располагалось на притоке Яузы речке Лихоборке[258].

Локализовать *Тыловское* не представляется возможным.

Село *Рогожь* расположилось на Клязьме, позднее стало центром одноименной волости, а уже в XVIII в. превратилось в город Богородск (ныне Ногинск). По актам XVI в. из митрополичьего архива выясняется, что здесь находился мыт[259].

Протасьевское лежало к северу от Москвы, на дмитровском рубеже, там, где находится современное Протасово. Оно упоминается в завещании 1525 г. А. И. Шадрина-Вельяминова[260].

---

[257] Примечания: 257

СпМоск № 2090; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 171; *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии… С. 121–123; *Чернов С. З.* Древний Радонеж // Памятники Отечества. 1988. № 2(18). С. 62–73; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 102.

[258] Примечания: 258

СпМоск № 365; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 21; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[259] Примечания: 259

СпМоск № 2; АФЗХ. Ч. 3. С. 16, 31, 69, 83; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 33; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 576; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 107.

[260] Примечания: 260

СпМоск № 206; АРГ. № 251.

Аристовьское В. Н. Дебольский, а за ним М. К. Любавский предлагали локализовать на месте фиксируемого «Списками» погоста Аристов-Пречистое в Кошелеве стану (ныне на южной окраине подмосковного города Лосино-Петровский)[261]. Но, судя по всему, его следует отождествить с селом Аристово в Горетове стану к северо-западу от Москвы, ставшим позднее владением московского Успенского собора, в актах которого оно упоминается[262].

Относительно локализации села *Лопастеньского* и волости *Лопастны* среди исследователей существуют серьезные расхождения. Судя по названию, село Лопастеньское должно было находиться в пределах одноименной волости (ранее было показано, что села Радонежьское, Серпоховьское, Перемышльское находились в соответствующих одноименных волостях). Совершенно невозможной в этом смысле представляется локализация А. А. Юшко, поместившей Лопастеньское на месте селища на реке Б. Лопасть, соединяющей озера Долгое и Круглое к

[261] Примечания: 261

СпМоск № 1000; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 21; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 117.

[262] Примечания: 262

СпМоск № 272; АММС. С. 48, 57; АФЗХ. Ч. 2. № 411.

северу от Москвы. Ее позднее поддержал В. Н. Темушев[263].

Так или иначе, все исследователи связывали волость Лопастну с левым притоком Оки рекой Лопасней. Обратившись к топонимике этого района, историки сразу же нашли подтверждение своих догадок. В районе современного города Чехова, называвшегося до 1954 г. Лопасней, «Списки» фиксируют три села: Зачатейское-Лопасня, Бадеево-Лопасня, Садки-Лопасня. На этом основании Н. П. Барсов помещал здесь волость Лопастну и село Лопастеньское[264].

Однако уже С. М. Соловьев обратил внимание на одно противоречие. В 1381 г. Дмитрий Донской и Олег Рязанский заключили уже упоминавшийся нами договор, согласно которому граница их владений устанавливалась по Оке и Цне и предусматривалось: «А что на рязанскои стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, почен Лопастна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродничс месты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичю, та места к Рязани». Судя по этому источнику,

[263] Примечания: 263

Юшко А. А. О пределах... С. 125; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 97, 117.

[264] Примечания: 264

СпМоск № 5409, 5410, 5412; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 115.

Лопастна находилась на правом берегу Оки, что вызвало недоуменный вопрос историка[265].

Рис. 40. Погодин М. П.

Определить место волости попытались М. П. Погодин (1800–1875), а за ним Н. И. Троицкий (1851–1920), обратившие внимание на село Городище, лежавшее против устья Лопасни, на правом берегу Оки[266]. Эту точку зрения поддержала А. А. Юшко, полагавшая, что археологическое городище у современной деревни Макаровки и есть центр волости Лопастна за-

[265] Примечания: 265

ДДГ. № 10. С. 29; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 462, 654.

[266] Примечания: 266

Погодин М. П. Древняя Лопасня // Православное обозрение. 1871. март; *Троицкий Н. И.* Село Городище — древний город Лопастна и монастырь св. Николая Чудотворца четырех церквей. Тула, 1897.

вещания Ивана Калиты. При этом она все же считала, что основная территория волости находилась на московском берегу Оки, по течению реки Лопасни. Ее позицию разделили А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров[267].

[267] Примечания: 267

Юшко А. А. О некоторых волостях… С. 282–284; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 28, 30; *Митрошенкова Л. В.* Волость Лопастна в XII–XIV веках // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М., 2006. С. 14–35.

Рис. 41. Церковь Параскевы Пятницы в селе Городище на месте древнего города Лопастна. Фотография 1898–1899

С локализацией Лопастны на правом берегу Оки не согласился В. А. Кучкин. По его мнению, выражение договора 1381 г. «почен Лопастна» не указывает на точное местоположение волости и его следует понимать как «начиная с Лопастна (Лопастни)», то есть от реки Лопасни. При этом он считал, что волость лежала исключительно на левом берегу Оки, по течению одноименной реки, вероятнее всего, ниже сел Лопасня XIX в.[268] В. Н. Темушев обратил внимание на то, что в московско-серпуховских договорах 1389 и 1390 гг. Владимиру Серпуховскому дается Новый городок «в Лопасны место» или «что ты ся достало против Лопастны». Это свидетельствует, что Лопастна лежала на рязанском берегу Оки[269].

Для решения вопроса о локализации Лопастны необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. По картографическим материалам С. Б. Веселовского и В. Н. Перцова в этом

---

[268] Примечания: 268
Кучкин В. А. Формирование… С. 77–78.

[269] Примечания: 269
ДДГ. № 11. С. 31, № 13. С. 37; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 55–56.

районе по течению реки Лопасни лежала обширная Хотунская волость, центром которой являлось село Хатунь. Здесь имеется достаточно крупное (190×130 м) городище. Судя по данным П. А. Раппопорта, жизнь протекала здесь в основном в XIV–XV вв., хотя возникновение поселения относится, видимо, еще к домонгольскому времени[270]. Если предположить, что здешние земли входили в состав владений Ивана Калиты, то трудно понять, почему московский князь не упомянул в своей духовной грамоте Хатунь.

Что касается выражения «почен», употребляемого в договоре 1381 г. по отношению к Лопасне и Новому городку, его трактовка В. А. Кучкиным не совсем корректна. Из актовых материалов XIV–XV вв. хорошо известно слово «починок», обозначающее новое поселение сельского типа, как правило, только что возникшее. Слово «почен», несомненно, стоит в том же этимологическом ряду и может быть применимо к вновь возникшему населенному пункту, но создающемуся сразу же вместе с укреплениями. Именно это мы

[270] Примечания: 270

Раппопорт П. А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 62. М., 1956. С. 122–123; Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997. С. 187.

видим на примере Нового городка и Лопастны на разных берегах Оки. Несомненно, что рязанский князь Олег, захватив Лопастну (речь идет о взятии 22 июня 1353 г. центра волости — села Лопастеньского), приступает к ее укреплению. Аналогичные меры предприняли и москвичи, укрепляя Новый городок.

Говоря о Лопастне, следует обратить внимание на другое обстоятельство. В перечне волостей, предназначавшихся Иваном Калитой младшему сыну Андрею, Лопастна стоит первой. Между тем село Лопастеньское, являвшееся центром удела последнего (именно здесь был захвачен московский наместник), было отдано не Андрею, а княгине «с меншими детьми».

Следующее из упомянутых Иваном Калитой сел — *Михаиловское* «на Яоузе», судя по географической «привязке», находилось на этом притоке Москвы-реки и примыкало к тогдашнему городу.

Последними Иван Калита называет безымянные два *«села коломенские».* С. З. Чернов предлагал локализовать их на речке Коломенке (позднейшей Грайвороновке), впадающей в Москву-реку на юго-востоке современной столи-

цы[271]. Но в действительности речь идет о селах Малино и Холмы. Малино, судя по коломенской писцовой книге, позднее стало центром отдельной волости на левобережье реки Каширки. Та же писцовая книга дает сведения о Холмской волости, лежавшей по верховьям рек Гуслицы, Семиславки и Медведки, приблизительно на месте современного города Егорьевска[272].

Духовная грамота Ивана Калиты упоминает также «оброк медовый городьской Васильцева веданья» — позднейшее *«Васильцово сто»*, упоминаемое в последующих завещаниях московских князей. Ряд исследователей полагал, что речь идет о Васильцове стане Московского уезда, на восточной окраине современной столицы[273]. Но великокняжеская борть «Васильцово сто» находилась совершенно в другом районе — на западе волости Селна, о чем прямо говорится в завещании Ивана III: «А что в Селне деревни

[271] Примечания: 271

Культура средневековой Москвы. Т. 2. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. М., 2005. С. 28–29.

[272] Примечания: 272

СпМоск № 3908; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 501, 559; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 22–23.

[273] Примечания: 273

Дебольский В. Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 3; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 34; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 575–576.

деловые бортные Василцова ста: Бекренево, Беляницино, Новое Беляницино, Харитоновское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши Лопаково, Исачково, Грибачево, и яз те деревни и пустоши со всем даю сыну же своему Андрею…». На это впервые обратил внимание С. В. Бахрушин, что подтверждают и «Списки». В Богородском уезде находим по ним следующие населенные пункты: Якимово, Лопаково (единственные в губернии), Исаково (искаженное Исачково?), упоминается и речка Бекреневка[274].

Этими пунктами исчерпывается вся географическая номенклатура первой духовной грамоты Ивана Калиты.

Вторая духовная грамота московского князя, распределяя владения между его наследниками, содержит тот же перечень волостей, что и первая, за единственным исключением. Среди коломенских волостей Семена Гордого фигурирует новая волость *Середокоротна.* Ее место определяется на правобережье Москвы-реки, где «Списки» знают

[274] Примечания: 274

ДДГ. № 89. С. 360–361; *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 25; СпМоск № 577, 578, 595, 878, 975.

погост Сорокодня[275].

Главным же отличием второй духовной грамоты Ивана Калиты является то, что она называет села, лежавшие за пределами собственно московской территории. Они также делились между его наследниками.

Старший сын Семен получал «село Аваковское в Новегороде на Улале, другое в Володимери Борисовское».

[275] Примечания: 275

СпМоск № 1157; *Кучкин В. А.* Из истории… С. 176; *Мазуров А. Б.* Указ. соч. С. 68; *Темушев В. Н.* Указ. соч. С. 140.

Карта 3. Владения Ивана Калиты за пределами

Московского княжества по его второй духовной грамоте 1339 г.

Относительно локализации села *Аваковского* Н. П. Барсов затруднялся, помещая его неопределенно «в Московской области». Оно отыскивается благодаря «Спискам», фиксирующим казенное село Улово (Улол) при речке Уловке в Суздальском уезде Владимирской губернии, по левую сторону дороги из Суздаля (в 11 км от него) во Владимир[276].

Рядом находилось село *Борисовское*, которое исследователи правильно соотносили с одноименным селом (в нынешнем Суздальском районе) на небольшой (около 10 км) речке Поколяйке, притоке Нерли Клязьминской, в 17 км к северу от Владимира, по дороге на Суздаль. При Михаиле Романове село было пожаловано московскому Вознесенскому монастырю в Кремле и находилось за ним до момента секуляризации[277].

Второй сын Иван получал «село Петровское, и Олексиньское, Вседобричь, и Павловьское на Масе».

---

[276] Примечания: 276

СпВлад № 5049.

[277] Примечания: 277

СпВлад № 125; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 12; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 21.

Село *Петровское* на реке Пекше (притоке Клязьмы) ныне известно как Большепетровское Юрьев-Польского района Владимирской области и находится в 23 км к западу от Юрьева-Польского. В XIX в. оно лежало на проселочном тракте из Юрьева в Александров. Свое название оно получило, видимо, по местному храму свв. Петра и Павла. Позднее оно упоминается в завещаниях Дмитрия Донского и Василия I, в годы Смутного времени было разорено, превратилось в пустошь, но позднее возродилось вновь[278].

Село *Олексиньское* на той же реке Пекше ныне известно как Алексино Кольчугинского района Владимирской области, в 13 км к северу от Кольчугина. Оно также упоминается в завещаниях Дмитрия Донского, Василия I, Софьи Витовтовны, от которой перешло к ее внуку Юрию Васильевичу, отдавшему село Стромынскому монастырю[279].

По «Спискам» обнаруживается село *Вседобрич.* В XIX в. оно именовалось селом Добрячево и

---

[278] Примечания: 278

СпВлад № 6119; *Добронравов В. Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. [Вып. 3]. Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир, 1896. С. 341–344.

[279] Примечания: 279

СпВлад № 6148; *Добронравов В. Г.* Указ. соч. [Вып. 3]. С. 323–326.

располагалось в 16 км к востоку от Юрьева-Польского, по правую сторону почтового тракта из Юрьева в Суздаль[280]. Ныне — это одноименное урочище.

Село *Павловское на Масе* согласно «Спискам» находилось в 30 км к юго-западу от Юрьева-Польского на Стромынском тракте из Юрьева в Киржач и значилось как деревня Павловское (Павловский выселок)[281]. Судя по карте Менде, оно известно как деревня Павловка, а ныне — как одноименное урочище в Кольчугинском районе Владимирской области.

Третьему сыну Андрею достались «Варварьское и Поеловьское у Юрьева, что есмь сменил на Матфеищовьское село».

Село *Варварьское* сейчас известно как Варварино Юрьев-Польского района Владимирской области, в 8 км к юго-востоку от Юрьева-Польского на левом берегу Колокши. Затем оно значится в духовных грамотах князя Владимира Андреевича Серпуховского, Софьи Витовтовны, Василия II. Дворцовым оно оставалось до начала XVII в.,

---

[280] Примечания: 280
СпВлад № 6418.

[281] Примечания: 281
СпВлад № 6156.

когда перешло в род Феофилатьевых[282].

Село *Поеловьское* ныне Поелово Юрьев-Польского района Владимирской области, в 3 км к западу от Юрьева-Польского. Упоминается также в духовной грамоте князя Владимира Андреевича Серпуховского, а в XVII в. значится собственностью патриархов[283].

Село *Матфещовьское* ныне значится как Матвейщево Юрьев-Польского района Владимирской области на речке Бакаве, в 25 км к северо-западу от Юрьева-Польского. Долгое время оно находилось в собственности московских князей и царей, упоминаясь в духовной грамоте Василия Темного, завещавшего его своей жене Марии Ярославне[284].

Вдова Ивана Калиты получила «село Павловское, бабы нашее купля, и Новое селце, что есмь купил, и Олександр святыи, что есмь купил на Костроме».

Село *Павловское* в нынешнем Суздальском районе Владимирской области расположилось в

---

[282] Примечания: 282
СпВлад № 6438; *Добронравов В. Г.* Указ. соч. [Вып. 3]. С. 506–508.

[283] Примечания: 283
СпВлад № 6157; *Добронравов В. Г.* Указ. соч. [Вып. 3]. С. 321–323.

[284] Примечания: 284
СпВлад № 6106; *Добронравов В. Г.* Указ. соч. [Вып. 3]. С. 483–484.

10 км к югу от Суздаля и в 17 км к северу от Владимира. Судя по археологическим данным, здесь на левом берегу речки Уловки имеются два селища XI–XIII и XII–XV вв. Указание завещания Ивана Калиты, что это «бабы нашее купля» позволяет говорить о том, что в XIII в. село принадлежало жене Александра Невского Александре.

Следует отметить, что во второй духовной грамоте Ивана Калиты значатся два села Павловских: одно, с указанием на местоположение («на Масе»), предназначалось его среднему сыну Ивану, а вдове московского князя Ульяне досталось Павловское без указания на местоположение. В своем завещании Иван Красный отдал село Павловское на «помин» своей души: «далъ есмь святому Александру въ прокъ, себе въ память». Его волю позднее, в 1375 г., подтвердил его сын Дмитрий Донской: «а что отецъ мой великий князь далъ село Павловское ко святому Александру, того не подвигнуть». В. Г. Добронравов полагал, что эти указания завещаний московских князей относятся к селу Павловскому под Суздалем. Но на момент написания духовной грамоты Ивана Красного была еще жива Ульяна, и поэтому ясно, что указание о передаче села монастырю св. Александра относится к Павлов-

скому на Масе[285].

Локализовать *Новое селце* на карте не представляется возможным, ввиду того, что это название показывает недавность возникновения населенного пункта и впоследствии могло быть заменено другим.

Относительно локализации «святого Александра» будет сказано ниже.

Отдельно оговаривалась судьба ростовского села *Богородицкого*: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимь, не иметь ли служити детем моим, село отоимут».

С. М. Соловьев помещал село к югу от Ростова. В. Н. Дебольский затруднялся с его локализацией, указывая, что «Списки» знают три села Богородских в Ростовском уезде. В. А. Кучкин, указав, что в писцовых книгах Ростовского уезда XVII в. значится Богородский стан, связал с ним село Богородское в 25 км к юго-западу от Ростова[286].

---

[285] Примечания: 285

СпВлад № 5027; ДДГ. № 4 С. 16, 19; № 8. С. 25; *Добронравов В. Г.* Указ. соч. [Вып. 3]. С. 117–121.

[286] Примечания: 286

СпЯросл № 7771; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654; *Дебольский В. Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 28; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 272.

Три села московский князь отдавал на «помин» своей души: «А что есмь прикупил селце на Кержачи у Прокофья у игумна, другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то даю святому Олександру собе в поминанье».

Относительно *«сельца на Кержачи»* из завещания Ивана Калиты ряд исследователей полагает, что оно находилось на месте нынешнего города Киржач Владимирской области[287]. Однако этому противоречит тот факт, что во второй половине XIV в. Сергий Радонежский основывает здесь в пустынном месте монастырь, вокруг которого впоследствии и развился город[288]. Помочь в локализации сельца помогает зафиксированный лингвистами факт, что более половины населенных пунктов Северо-Восточной Руси носят имена своих первых владельцев или первопоселенцев. Указание духовной грамоты московского князя, что он «прикупил селце… у Прокофья у игумна» ведет к его локализации на месте нынешней деревни Прокофьево в 20 км к востоку от города Александрова Владимирской области. Она ле-

[287] Примечания: 287

Барсов Н. П. Указ. соч. С. 90.

[288] Примечания: 288

Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача (Владимирской губернии). М., 1884.

жит на речке Бачевке, впадающей в Большой Киржач[289].

Село *Леонтиевское* по «Спискам» можно отождествить с современной деревней Леонтьево в 20 км к юго-западу от Переславля-Залесского[290].

Село *Шараповское* В. Г. Добронравов предлагал локализовать на месте нынешней деревни Шарапово Сергиево-Посадского района Московской области, в 9 км к юго-востоку от Сергиева Посада. Однако обращение к актам показывает, что в первой половине XV в. его владельцем был некто Андрей Шарапов, давший село Троице-Сергиеву монастырю при игумене Зиновии (1432–1443)[291]. Поэтому его следует локализовать условно.

Особую трудность во второй духовной грамоте Ивана Калиты представляет локализация «святого Александра», упоминаемого в ней дважды, а если считать и тот, о котором говорится в духовных грамотах Ивана Красного и Дмитрия

---

[289] Примечания: 289
СпВлад № 648.

[290] Примечания: 290
Там же. № 4011.

[291] Примечания: 291
Там же. № 568; *Добронравов В. Г.* Указ. соч. [Вып. 2]. Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895. С. 470–473; *Орлов В. М.* Описание церквей и приходов Владимирской епархии. Т. 1. Александровский уезд. Владимир, 1886. С. 172–174.

Донского, то — трижды.

Проще всего решается вопрос с местонахождением *«святого Александра»*, о котором Иван Калита прямо указал: «Олександр святыи, что есмь купил на Костроме». Выражение «на Костроме» обозначало местоположение как в самом городе Костроме, так и в его окрестностях. «Олександр святыи» — так можно было назвать и храм, и монастырь. О том, что «Олександр святыи» — именно монастырь, а не храм, свидетельствует сам Иван Калита, поскольку храм никоим образом не мог быть продан. При этом данный монастырь также был не обычным, а вотчинным или ктиторским.

Рис. 42. Веселовский С. Б.

«Устроение душ», то есть организация поминаний, заздравных и заупокойных молитв, занимало очень важное место в тогдашней жизни. Это прекрасно описал академик С. Б. Веселовский: «Подобно тому как князья основывали и строили монастыри, давали им средства и наделяли их землями, чтобы иметь свое богомолье и богомольцев, своего духовника и родовую усыпальницу с неукоснительным поминанием погребенных в ней лиц, так и частные вотчинники, иногда даже некрупные, строили в своих владениях храмы, с теми же целями устраивали монастыри. Такие мелкие вотчинные монастырьки не следует мерить масштабом крупных позднейших монастырей. Если поставленный вотчинный храм не имел прихода и в нем служил черный священник (иеромонах), то такой храм назывался монастырем. Понятно, почему строительство вотчинных храмов часто получало форму подобных монастырей: монашествующие, а тем более иеромонахи пользовались бóльшим уважением, чем белые священники, к тому же, как известно, не всякий священник имел в то время право быть духовником. Между тем вотчинник хотел иметь всегда под рукой духовного отца, каковыми чаще всего бывали монашествующие священники.

Вотчинник приглашал священника или иеромонаха, рядился с ним о службе и содержании, давал ему и причту хлебную ругу и часто в добавление к хлебному и денежному жалованью отводил участок земли, на котором причт мог вести свое хозяйство»[292].

Рис. 43. А. М. Васнецов. Монастырь в Московской Руси

[292] Примечания: 292

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 178.

Практика создания подобных родовых богомолий была весьма широко распространена в XIV в. Об одном из таких монастырьков упоминается в Рогожском летописце под 1323 г.: «того же лета преставися Андреи, епископ тферскы, въ своемъ ему монастыри на Шеше, оу святыя Богородица»[293]. О двух других домовых монастырьках сохранила сведения Троицкая летопись. Под 1390 г. в ней помещено известие, что «тое же весны въ великое говение преставися рабъ божий Иванъ Родионовичь, нареченный въ мнишескомъ чину Игнатий и положенъ бысть у святого Спаса въ монастыри, иже на Въсходне». Спустя три года летопись сообщает, что «сентября въ 21 день преставися Иванъ Михаиловичь, нарицаемыи Тропарь, въ бельцехъ и положенъ въ своемъ монастыри на селе своемъ»[294].

Из данной грамоты известного боярина Петра Константиновича Добрынского митрополиту Ионе от 15 февраля 1454 г. узнаем о существовании вотчинного монастырька Добрынских

---

[293] Примечания: 293

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 42 (первой пагинации).

[294] Примечания: 294

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 436, 443.

во имя св. Саввы (в районе позднейшего Девичьего поля в Москве)[295]. Родовым богомольем Пушкиных являлся Мушков погост к западу от Москвы[296], а Хотьков монастырь был родовым для семейства Сергия Радонежского.

Как указывал С. Б. Веселовский, «дальнейшие судьбы подобных вотчинных монастырьков могли быть разными. При разделах вотчины между сонаследниками совладельцы вотчины заключали между собой особый договор (или вносили соглашение в акт о разделе), кому приглашать причт, как содержать совместно монастырь или храм, обеспечивали нераздельность и неприкосновенность церковного имущества и вообще уславливались о совместном пользовании вотчинным „богомольем“. На этой почве между совладельцами вотчины возникали нередко недоразумения и раздоры, тем более острые, чем более размножались совладельцы и дробилась вотчина. Еще хуже было дело, когда части вотчины — путем надела дочерей приданым или путем продаж — попадали в руки инородцев, то есть представителей других родов. Тогда раздоры

---

[295] Примечания: 295
АФЗХ. Ч. I. М., 1951. № 29. С. 49.

[296] Примечания: 296
Веселовский С. Б. Исследования… С. 65.

становились неизбежными и хроническими и организация вотчинного богомолия распадалась. Если представлялась возможность образовать из окрестных селений приход и обеспечить таким путем существование причта, то монастырь, по распоряжению церковных властей, превращался в приходский храм»[297].

Именно такая судьба была уготована и монастырьку «святого Александра», который костромской краевед Н. А. Зонтиков отождествил с нынешней церковью свв. мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме (на правом берегу Волги, напротив Ипатьевского монастыря)[298]. Согласно церковному преданию, некий знатный человек проезжал Волгой со своей беременной женой, которая на этом месте разродилась двойней: сыном Александром и дочерью Антониной, которые были крещены 10 июня, в день, когда празднуется память мучеников IV в. Александра и Антонины Римских. По этому поводу их отец устроил здесь храм. По предположению Н. А. Зонтикова, родившимся под Костромой ребенком являлся будущий бо-

[297] Примечания: 297
Веселовский С. Б. Исследования… С. 178–179.

[298] Примечания: 298
СпКостр № 1212. В 1930-е годы оно вошло в состав Костромы.

ярин Ивана Калиты Александр Захарьевич Зерно. Под 1304 г. летописец сообщает, что он был убит в Костроме на вече во время «замятни» в связи с борьбой за великокняжеский титул Михаила Тверского и Юрия Московского[299]. Тем самым можно говорить о возникновении монастыря во второй половине XIII в. Позднее у него была судьба, аналогичная подобным обителям, и он превратился в церковь.

[299] Примечания: 299

ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 86; Т. XXIII. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 96; *Зонтиков Н. А.* Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. К 230-летию возведения в камне. 1779–2009 гг. Кострома, 2010.

Рис. 44. Церковь свв. Александра и Антонины Римских в Селище в Костроме

По поводу *«святого Олександра»*, которому Иван Калита отдал сельцо на Кержаче, Леонтиевское и Шараповское, известный церковный историк В. В. Зверинский (1835–1893) предположил, что речь должна идти об Александровском женском монастыре в Суздале: «В духовном завещании 1328–1341 г. великого князя Ивана Калиты говорится: „а что есмь прикупил сельце на Кержачи у Прокофья у игумена, другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то даю святому Александру собе на поминанье“, а затем в духовной вел. кн. Ивана Ивановича: „а село Павловское дал есмь святому Олександру в прок собе в память“. Известие это должно отнести к бывшему женскому монастырю в гор. Суздале Александровскому, который в старину назывался Большой Лаврой и от которого осталась церковь Вознесения с приделом св. Александра Перского, где покоятся тела великих княгинь суздальских: Марии, в иночестве Марины († 1262 г.) и Агрипины († 1293 г.). Монастырь основан в 1240 г. св. Александром Невским в честь своего ангела Александра Перского, и в числе его вотчин в XVII

ст. упоминаются и отказанные ему селения»[300].

Рис. 45. Александровский монастырь в Суздале

Однако позднее выяснилось, что существовал и другой монастырь «святого Александра». Вот как писал о нем тот же исследователь: «Александровский-Борисоглебский, мужской, ныне Александрова гора, Владимирской губернии,

[300] Примечания: 300

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Т. I. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764 по 1 июля 1890 г. СПб, 1890. С. VII–VIII; *Барсов Н. П.* Указ. соч. С. 1.

Переяславского уезда, близ села Городищ, где ныне собирается ярмарка, в 4 верстах к северу от Переяславля, на восточном берегу Плещеева озера. Основан св. князем Александром Невским, в XIII ст., после одержания победы над шведами, когда прибыл в Переяславль к отцу своему Ярославу Всеволодовичу с матерью, супругой и всем двором. В начале XVII ст. монастырь был разорен поляками и более не возобновлялся. При раскопке горы найдена надгробная плита с надписью 1512 г. и именем инока Мисаила. При существовании монастыря ему принадлежало село Павловское, а в XVII ст. и на бывших его пустошах поселились крестьяне из разных мест, которые платили за 78 дворов по 150 рублей в год оброка в Патриарший Дворцовый Приказ»[301].

[301] Примечания: 301
Зверинский В. В. Указ. соч. Т. III. С. 12–13. № 1366.

Рис. 46. Зверинский В. В.

Поэтому последующие исследователи колебались: какой именно из этих монастырей Иван Калита имел в виду, когда делал вклад. При решении этого вопроса нужно учесть следующее обстоятельство: монастыри были заинтересованы в наличии вотчин, расположенных неподалеку от обители. Поскольку сельце на Кержачи, Леонтиевское, Шараповское — все находились в пределах Переславского уезда, становится понятным, что речь должна идти именно о Переславском Александровском монастыре. К тому же, как увидим ниже, Иван Калита был самым тесным образом связан с Переславлем-Залесским.

Что касается села Павловского на Масе, оно

располагалось в относительной близости к Суздальскому Александровскому монастырю и, очевидно, было отдано Иваном Красным именно этой обители.

Нанесение на карту всех объектов, упомянутых Иваном Калитой в его духовных грамотах, ставит перед историком целый ряд новых вопросов, которых не замечали предшествующие исследователи.

Почему все волости, перечисленные московским князем, располагались исключительно на окраинах Московского княжества, тогда как в центре, на территории радиусом около 40 км вокруг Москвы, духовные грамоты Ивана Калиты не называют ни одной из них?

Почему в одном случае коломенская волость Похряне находится в перечне волостей, а несколькими строками ниже именуется «Похрянъским оуездом»?

Почему Иван Калита упоминает среди прочих волостей Звенигород, но ничего не говорит об одноименном городе или селе, как это видим в других аналогичных случаях (волость Серпохов и село Серпоховьское; волость Перемышль и село Перемышльское; волость Радонежьское и одноименное село)?

Почему в своей первой духовной грамоте Иван Калита называет просто «Можаеск», а во второй духовной грамоте упоминает его уже «с волостьми», хотя и не перечисляет их, как это сделано в случае с коломенскими волостями?

Почему село Лопастеньское, являвшееся центром удела младшего сына Ивана Калиты Андрея, отдавалось не ему, а второй жене московского князя?

Почему села Ивана Калиты, расположенные за пределами собственно Московского княжества, упоминаются им только во второй духовной грамоте, но отсутствуют в первой?

Детальное рассмотрение этих вопросов позволяет по-новому взглянуть на историю первых московских «примыслов».

Глава 3. Московские «трети»

Территория совместного владения московских князей. Проблема московских «третей» в отечественной историографии. Раздел города между князьями-совладельцами. Раздел между ними ближайшей городской округи. Совместное владение — характерная черта средневековых русских княжеств. О времени зарождения совместного владения в Москве. Судьба московских третей в XIV–XV вв.

Поместив перечисленные Иваном Калитой в его духовных грамотах волости на карту, видим любопытную картину: все они, без исключения, располагались по окраинам княжества. В центре радиусом около 40 км от Московского Кремля они не называют ни одной волости. Подобная картина характерна и при картографировании всех последующих завещаний московских князей — ни одна из их духовных грамот XIV–XVI вв. не фиксирует здесь наличия волостей.

Исследователи пытались объяснить данный парадокс. Так, А. А. Юшко полагала, что Ивану Калите «невозможно было выделить здесь

(целиком. — *Авт.*) волости, принадлежавшие великокняжескому дому, а лишь отдельные села». Поэтому волости в центре Московского княжества не упоминаются его завещанием[302]. Но князья уже в то далекое время прекрасно делили земли. В конце XIV в. Василий I и Владимир Андреевич Серпуховской разделили на трети волость Мушкову гору. Между ними же была поделена Добрятинская борть к югу от Москвы. В это же время известны и примеры размежевания отдельных сел[303].

Между тем, несомненно, что окрестности Москвы явно должны были делиться на мелкие административно-территориальные единицы, аналогично тому, как остальные районы Московского княжества делились на волости. Для выяснения данного вопроса необходимо привлечь писцовые книги 20-х годов XVII в., первое наиболее полное из сохранившихся описаний Московского уезда (более ранние писцовые книги XVI ст. в дошедшей до нас части охватывают

[302] Примечания: 302

Юшко А. А. Историческая география Московской земли XII–XIV вв. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. М., 1973. С. 10–11.

[303] Примечания: 303

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 13. С. 37, № 17. С. 46, 48. (Далее: ДДГ).

менее четверти территории уезда)[304]. Используя их материалы, замечаем, что всю ближайшую подмосковную округу занимали не волости, а станы.

Более того, если очертить на карте территорию московских станов XVII в., за исключением тех, что в более раннее время упоминаются как волости (к примеру, в писцовых книгах XVI в. Шерна, Воря, Корзенева значатся как станы, но в более раннем завещании Ивана IV, равно как и в предшествующих духовных грамотах московских князей, они перечислены как волости[305]), выясняется, что территория московских станов точно совпадает с территорией, на которой завещания Ивана Калиты не знают волостей. Добавим, что и актовые источники XIV–XVI вв. никогда не фиксируют здесь волостей. Именно эта территория городских станов представляла собой первоначальную территорию Московского княжества.

Судя по духовным и договорным грамотам московских князей XIV в., эта территория находилась

---

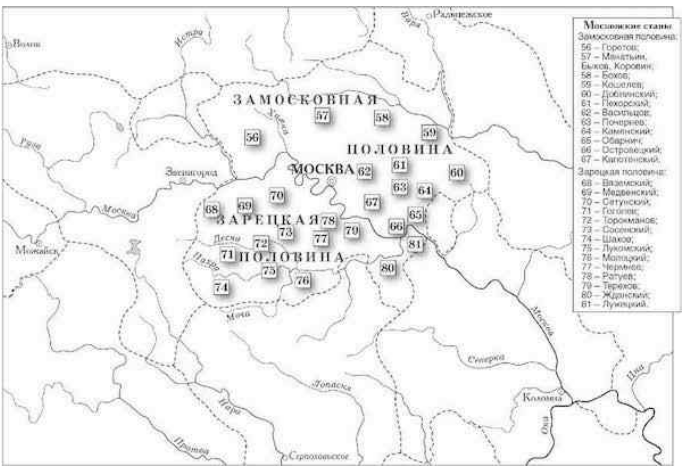
[304] Примечания: 304

Сташевский Е. Д. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Вып. 1. московский уезд. Киев, 1907. С. 10, 24, 25.

[305] Примечания: 305

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб, 1872. С. 11–17, 71–78, 248–263, 284; ДДГ. № 104. С. 434.

в их совместном владении. Это подтверждает московско-серпуховский договор 1389 г., предусматривавший здесь совместный сбор ордынской дани: «А коли иму слати свои данщики *в город и в станы*, а тобе слати свои данщики с моими вместе»[306].



Карта 4. Первоначальная территория Московского княжества и московские станы XVI–XVII вв.

---

[306] Примечания: 306
ДДГ. № 11. С. 31 (выделено нами).

Об этом же говорит и то, что при подробнейшем перечислении сумм ордынского «выхода», приходящегося на удел каждого князя, никогда не определялись его размеры, собиравшиеся с московских станов.

И в судебном отношении данная территория также управлялась совместно потомками Ивана Калиты. В договоре 1390 г. Василия I и Владимира Андреевича Серпуховского читаем: «А *городских судов и становых*, что к городу тянеть, того ми без твоего наместника не судити, ни тобе без наших наместников не судити»[307].

Поскольку московские станы находились в совместной собственности князей московского княжеского дома, становится понятным, почему они не упоминаются в их завещаниях: они не принадлежали лично одному из князей.

Действительно, в своем завещании Иван Калита писал: «Приказываю сыномъ своимъ очину свою Москву»[308]. Таким образом, стольный город его владений не становился собственностью одного из наследников московского князя, а являлся их общим владением. Подобное положение

---

[307] Примечания: 307
ДДГ. № 13. С. 38 (выделено нами).

[308] Примечания: 308
ДДГ. № 1. С. 7, 9.

сохранялось на протяжении достаточно длительного времени. Наряду с великим князем в Москве жили его удельные братья и другие сородичи. Летописи донесли об этом довольно много упоминаний. К примеру, двоюродного брата Дмитрия Донского Владимира Андреевича Серпуховского летопись прямо называет «московским»[309]. О его постоянном жительстве в Москве говорит хотя бы тот факт, что во время размолвки с великим князем Василием I он выехал из Москвы, а не своего стольного Серпухова[310]. Известно, что московская резиденция размещалась «на Трех горах» вблизи принадлежавшего ему села Кудрино[311]. В Москве он скончался и был похоронен, как и практически все князья — потомки Ивана Калиты. В Москве жили и другие удельные князья того времени. Так, второй сын Дмитрия Донского, звенигородский князь Юрий устроил

[309] Примечания: 309

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 187 (Далее: ПСРЛ).

[310] Примечания: 310

ПСРЛ. Т. XXV. С. 218.

[311] Примечания: 311

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 1. М., 1951. № 31. С. 49.

свою свадьбу не в уделе, а «на Москве»[312]. Список подобных примеров можно легко продолжить.

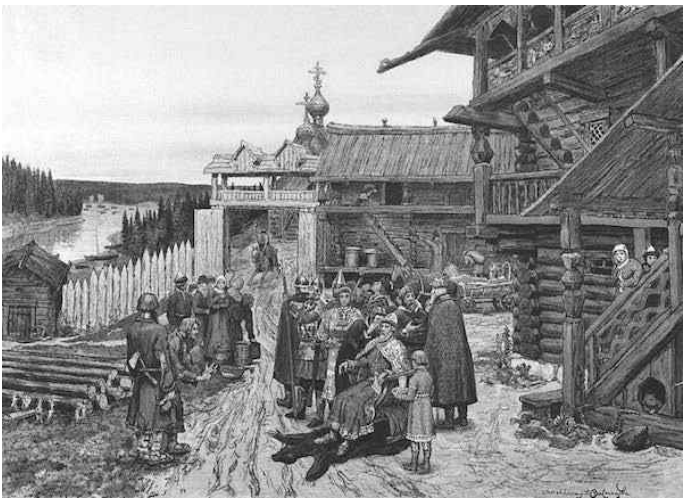


Рис. 47. А. М. Васнецов. Двор удельного князя. 1908

Итак, согласно духовным грамотам Ивана Калиты, на долю каждого из его сыновей приходилась треть столицы. В дальнейшем в княжеских духовных и договорных грамотах неоднократно

[312] Примечания: 312
ПСРЛ. Т. XXV. С. 229.

встречается этот термин («треть Москвы», «московская треть»). Что следует понимать под этим словом?

Вопрос о московских третях относится к числу наиболее неясных и спорных и со времен Н. М. Карамзина вызывал дискуссии среди исследователей. Историограф, обратив внимание на использование в завещаниях Ивана Калиты термина «волость» в широком его понимании («А из городьских волости даю княгине своеи осмничее. А тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои...»), склонялся к тому, что под третью следует подразумевать соответствующую часть доходов с Москвы[313].

[313] Примечания: 313
Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 299.

Рис. 48. Чичерин Б. Н.

С. М. Соловьев поддержал эту точку зрения и, ссылаясь на завещание Ивана III, добавил, что для удобства сбора доходов «князья пользовались доходами, или своими жеребьями, сменяясь по годам», то есть поочередно[314]. Впрочем, скоро эта гипотеза была оспорена Б. Н. Чичериным (1828–1904). Анализируя весь ряд сохранившихся духовных грамот московских князей, он пришел к выводу, что первоначально Москва, действительно, находилась в общем владении князей, а между ними делились только доходы. Но со времени Дмитрия Донского происходит территориальный раздел города — об этом говорят встречающиеся в источниках упоминания нескольких московских наместников[315]. Очевидно, что в сферу юрисдикции каждого из них должна была входить определенная, неподвластная другому наместнику, территория. С этим не согласился В. И. Сергеевич (1832–1910). По его мнению, каждый из князей-совладельцев Москвы назначал своего наместника, но последние

[314] Примечания: 314

Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 317–318; ДДГ. № 89. С. 358.

[315] Примечания: 315

Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 312–321.

решали подведомственные им дела не единолично, в пределах своей части города, а «с единого», проводя общую политику в отношении Москвы, состоявшей в нераздельном заведовании нескольких князей[316].

Рис. 49. Сергеевич В. И.

Однако подобная «коллегиальность» принятия решений вряд ли когда-либо соответствовала тогдашней повседневной практике управления, и поэтому М. Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916) склонялся к тому, что трети являлись территори-

[316] Примечания: 316

Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 371–372.

ально-административными единицами[317].

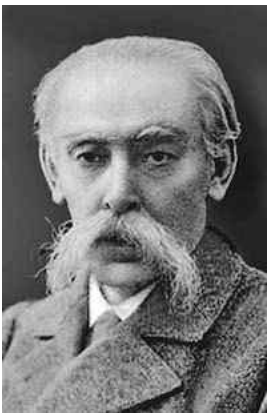


Рис. 50. Владимирский-Буданов М. Ф.

Взгляды предшествующих историков, несомненно, учитывал А. Е. Пресняков (1870–1929), считавший, что Москва находилась в нераздельном владении князей-совладельцев, а отношения между ними регулировались специальными договорными грамотами. Отдав Москву в общее владение сыновей, Иван Калита поставил, по мнению историка, заслон тенденции дальней-

[317] Примечания: 317

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев; СПб., 1900. С. 209–210.

шего дробления княжества на все более мелкие уделы, что впоследствии привело к упрочению позиций Москвы среди других русских княжеств и тому, что она стала ядром образующегося централизованного государства[318].

Рис. 51. Пресняков А. Е.

Эту мысль развил Л. В. Черепнин (1905–1977). Тот факт, что Москва поступила в общее владение всех наследников Ивана Калиты и только отдельные доходные статьи были поделены между ними, как нельзя лучше соответствовал политике Москвы по отношению к Орде в это время. Га-

[318] Примечания: 318

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 118–120.

рантами своевременного и полного поступления «выхода» в Орду являлись все сыновья — наследники Ивана Калиты, а не только старший из них. Продемонстрировав перед ханом единство и цельность Московского княжества, Иван Калита в итоге добился закрепления великокняжеского достоинства за своим потомством[319]. Но рассуждать таким образом — означает впадать в широко распространенную ошибку, когда историк, зная дальнейший ход событий, приписывает тому или иному историческому лицу идеи и мысли, которых у него в реальности никогда не было.

[319] Примечания: 319

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 19.

Рис. 52. Черепнин Л. В.

М. Н. Тихомиров (1893–1965) подробно проанализировал все известные сведения о третном владении в Москве. Однако четкого ответа на вопрос, чем являлись трети, он так и не дал, предложив компромиссную формулу: с одной стороны, они представляли собой определенную территорию в городе, с другой — право князя-совладельца на доходы, получаемые от тамги, а также, вероятно, и от других пошлин. При этом он указал, что подобная система совладения была характерна не только для Москвы, но и для других русских городов, в частности Рязани[320].

[320] Примечания: 320

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 195–204.

Рис. 53. Тихомиров М. Н.

Г. В. Семенченко (1955–1988) в специальной статье, посвященной этому вопросу, под «третью» понимал «определенную территорию, на которой князь держал своего наместника и взимал налоги с населения», уточнив некоторые положения о их дальнейшей судьбе[321].

В целом, суммируя высказанные в ходе этой полемики точки зрения, все разногласия среди историков по существу проблемы можно свести к одному основному вопросу: являлась ли «треть» соответствующей частью сборов и пошлин с городского населения Москвы или же частью территории города? Этот вопрос может быть окончательно решен только в одном случае: если удастся наметить границы третей и их принадлежность одному из князей-совладельцев Москвы.

Предыдущие исследователи для разрешения этой проблемы привлекали, как правило, только духовные и договорные грамоты московских князей. Но этот источник не дает прямого ответа на поставленный вопрос, а содержащиеся в нем ука-

[321] Примечания: 321

Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV–XV вв. // Исторические записки. Т. 105. М., 1980. С. 196–228.

зания можно трактовать в пользу как одной, так и другой точек зрения. Объясняется это тем, что до сих пор не выяснен целый ряд взаимосвязанных вопросов, без решения которых невозможно решение основной проблемы.

Необходимо искать другие источники. Используя ретроспективный метод, следует обратиться к одному очень позднему и достаточно неожиданному памятнику. Речь идет об именной подушной книге 1727 г. генерал-майора Г. П. Чернышова, представляющей собой ревизскую перепись всего московского белого духовенства, в которой подробно перечислены все храмы Москвы[322].

Согласно данной книге, вся Москва, за исключением Кремля, делилась на шесть территориальных единиц — «*сороки*»: Китайский, Ивановский, Сретенский, Никитский, Пречистенский и Замоскворецкий. Что же обозначал термин «сорок»? Обнаружив, что в каждом из московских сороков насчитывалось от 40 до 60 церквей, И. Е. Забелин, опубликовавший указанный памятник, под этим словом стал понимать группу примерно из 40 храмов, объединенных в церковное благочиние. Возможно, что на это объяснение историка на-

[322] Примечания: 322

Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 547–608.

толкнуло широко известное выражение «сорок сороков», обычно используемое, когда говорят об огромном числе московских храмов.

Рис. 54. Забелин И. Е.

Действительно, по материалам XVIII–XIX вв. сороки известны как церковно-административные единицы, но объяснение происхождения этого термина, предложенное И. Е. Забелиным, было явно неудовлетворительным. Нетрудно подсчитать, что формула «сорок сороков» в общей сложности должна обозначать 1600 храмов. Но такого количества церквей в Москве никогда не существовало. По подсчетам историков

и краеведов, в пределах исторического города к 1917 г. насчитывалось чуть более 800 храмов, включая и исчезнувшие, что составляло лишь половину от требуемой цифры. Тогда был найден довольно остроумный выход, когда стали считать по отдельности все престолы храмов, включая и приделы, часовни и т. п. В итоге получилось число даже большее, чем 1600[323].

Однако подобные подсчеты следует признать заведомо некорректными. В Москве никогда не было 40 «сороков» — благочиний. По материалам XVIII в. в городе насчитывалось всего шесть сороков, в XIX в. их было семь, и трудно предположить, что когда-то их было значительно больше. Это несоответствие пытались объяснить тем, что число 40 в христианстве имеет особый смысл: на сороковой день Воскресения Христова произошло его Вознесение, в православной церкви два больших поста по 40 дней — подобно посту Христа в пустыне и т. п. Наконец, хотя в Кремле было много храмов, он не входил ни в один из известных нам сороков и не образовывал самостоятельного сорока. Все это заставляет искать иное объяснение термина «сорок».

---

[323] Примечания: 323

Паламарчук П. (Звонарев С.) Сорок сороков. Альбом-указатель всех московских церквей. Т. 1. М., 1988. С. 8–9.

Разгадку дают материалы XVII в. Вологодского края. Сохранилась дозорная книга 1617/18 г. города Белоозера, составленная Г. И. Квашниным и подъячим П. Дементьевым. В ней подробно описываются городские укрепления и посад, поделенный на восемь сороков: Егорьевский, Захарьин, Воскресенский, Жуков и Логинов, Белобородов, Андреевский, Петровский, Ивановский и Новиночный. Разумеется, на Белоозере не могло быть такого же количества храмов как в Москве, и поэтому в большинстве здешних сороков располагались одна, редко две церкви, а в некоторых они вообще отсутствовали. Каждый из сороков подразделялся на улицы. С течением времени некоторые из сороков, очевидно, объединялись друг с другом (как Жуков и Логинов), а некоторые исчезали полностью, сливаясь с другими. Существовавший в XVI в. Заболотский сорок, упоминающийся в виде анахронизма в дозорной книге, позднее превратился в Заболотскую улицу в составе Андреевского сорока[324].

Подобную картину дает и переписная книга Вологодского посада 1686/87 г., согласно кото-

[324] Примечания: 324

Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г. И. Квашнина и подьячего П. Дементьева 1617/18 г. // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 37–75.

рой город делился на 14 сороков: Никольский, Васильевский, Богословский, Спасов, Стефановский, Федоровский, Кирилловский, Козленский (Покровский), Власьевский, Зосимовский, Мироносицкий, Дмитреевский, Леонтьевский, Ивановский[325].

Знакомство с этими до последнего времени неопубликованными, а потому остававшимися вне широкого научного оборота источниками заставляет полностью отказаться от объяснения термина «сорок», предложенного И. Е. Забелиным. Любопытно отметить, что во всех трех городах — Москве, Белоозере и Вологде, в описаниях которых встречается данный термин, существовало совместное владение. На Белоозере это были местные князья-совладельцы, а Вологда находилась в совместной юрисдикции Новгорода и Москвы. Можно предположить, что под «сороком» следует понимать исторически сложившуюся внутригородскую территориально-административную единицу типа широко известных концов в Новгороде или сотен в Великом Устюге.

Выдвинув эту гипотезу, обратимся снова к мос-

---

[325] Примечания: 325

Писцовые и переписные книги Вологда XVII — начала XVIII в. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII в. Вологда, 2008. С. 239–269.

ковскому материалу. Сохранился любопытный источник первой половины XV в. — уставная губная Московская запись об уголовном суде и подсудности в городе Москве с округой, регулировавшая вопросы юрисдикции в столице между князьями-совладельцами. Среди историков она более известна как «Запись о душегубстве» (по ее начальным словам). Согласно ей, тогдашний московский посад в судебном отношении делился на пять частей: «А на Москве на посаде (1) лоучится душегубьство за рекою за Москвою, ино к тому и Даниловьское, (2) а будет душегубьство за Яузою, ино к тому Анъдрониев манастырь и городищо, (3) а лучится душегубьство на Великой оулицы оу Николы оу Мокрово, ино к тому от Острого конца и до Варьской оулицы, (4) а лучится душегубьство за Варьскою оулицею, ино к тому и оу Стретеньской оулицы и по Неглимну, (5) а за Неглимною лучится душегубьство, ино к тому и Дорогомило-

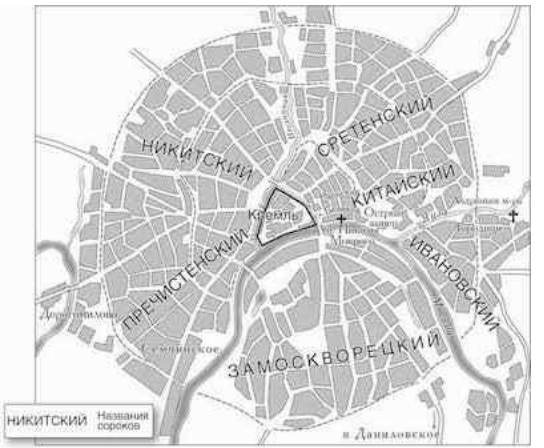
во, все Занеглименье и Семьчинское»[326]. Если вспомнить, что дела по «душегубству» находились исключительно в компетенции князей, то перед нами предстают части московского посада, управлявшиеся самими князьями или их наместниками.

Топография древней Москвы изучена относительно неплохо, и поэтому имеется возможность обозначить на карте указанные районы московского посада XV в. Одновременно нанеся на карту города по материалам XVIII в. сороки, видим, что территориально они совпадают с судебно-административными округами XV в. Исключение составляет лишь Занеглименье, на территории которого позднее находились два сорока: Никитский и Пречистенский. Это можно объяснить тем, что в XV–XVII вв. рост Москвы шел премущественно в западном и северо-западном

[326] Примечания: 326

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1958. № 12 (Далее: АСЭИ). Разбивка текста на части принадлежит нам. О датировке «Записи»: *Семенченко Г. В.* О датировке московской губной грамоты // Советские архивы. 1978. № 1. С. 54–58; *Хорошкевич А. Л.* К истории возникновения «Записи о душегубстве» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 193–203; *Зимин А. А.* Запись о душегубстве // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 17. Л., 1985. С. 133–141; *Аракчеев В. А.* «Запись о душегубстве». Административно-судебная практика великих московских князей в XV в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 25–37.

направлениях.



Карта 5. Московские «сороки»

Тем самым можно сделать вывод, что сороки первоначально представляли собой внутригородские территориально-административные единицы, на которые делились Москва и некоторые другие русские средневековые города. При Петре I, а затем при Екатерине II городское управление и деление городов приобретает совершенно иной характер и значение слова «сорок» забывается, сохраняясь лишь в названии мелкой церковной единицы (церковное деление

само по себе всегда архаичнее гражданского) и выражении «сорок сороков» — оно применительно к московским храмам стало означать определение их огромного количества, которое было трудно сосчитать. Первоначальное же значение слова «сорок», учитывая, что на Руси был издавна известен счет сороками шкурок соболей, белок и других мелких пушных зверей, следует соотносить со сбором княжеской дани (выбор этой единицы счета объясняется тем, что именно такое количество шкурок обычно идет на пошив одной длиннополой шубы).

Для нас же важен вывод, что московские сороки, очевидно, представляли собой остатки первоначального деления Москвы между князьями-совладельцами. Когда же возникает подобное деление города? Духовная грамота Ивана Калиты, фиксирующая раздел города между князьями-совладельцами, является наиболее ранним из дошедших до нас княжеских завещаний. Предыдущие подобные документы не сохранились. С большой долей уверенности можно предположить, что раздел Москвы на пять «сороков» восходит ко временам князя Даниила Александровича, разделившего свой стольный город между пятью сыновьями. Этим долям наслед-

ников Даниила, очевидно, и соответствовали пять судебно-административных районов города в середине XV в. Позднее эти части после смерти других сыновей Даниила сосредоточились в руках Ивана Калиты, который в 30-х годах XIV в. также делит город, но уже на три части, по числу своих наследников-сыновей. При этом можно полагать, что прежнее административное устройство не было в корне перекроено, и трети Москвы не являлись территориально равными частями — старший из братьев-совладельцев мог держать в своих руках два-три участка, тогда как его младшим братьям приходилось, видимо, довольствоваться одним.

Как видим, в эпоху Ивана Калиты Москва делилась на «трети» — определенные участки города. Но в общей собственности князей, как было показано выше, находилась и ближайшая округа Москвы радиусом около 40 км от столицы. Она также должна была быть поделена на три части, подобно тому, как пяти концам Новгорода соответствовало аналогичное число новгородских пятин.

Изучая писцовые книги XVI–XVII вв., Ю. В. Готье обратил внимание на то, что ряд уездов Северо-Восточной Руси (в частности, Владимирский,

Костромской) при проведении хозяйственных описаний обычно разбивался на несколько частей, каждую из которых описывала своя группа писцов. Не был исключением из этого правила и Московский уезд. В XVI–XVII вв. его обычно описывали три группы писцов. Особенно наглядно это видно по материалам 20-х годов XVII в.

Москва-река делила уезд на две половины: Замосковную, лежавшую по ее левому берегу, и Зарецкую, располагавшуюся на правом берегу. Замосковная половина в свою очередь разбивалась на две части: северо-западную и юго-восточную. Северо-западную часть Замосковной половины в 1622–1624 гг. описывали Л. А. Кологривов и Д. Скирин. Юго-восточную часть той же половины в те же годы описывали С. В. Колтовский и А. Ильин. Зарецкую половину в 1623–1625 гг. описывали В. Вешняков и А. Строев. Подобный раздел Московского уезда при поведении описаний Ю. В. Готье объяснял его обширностью и важностью[327].

Но каждая группа писцов, действовавших в 20-е

[327] Примечания: 327

Готье Ю. В. Из истории хозяйственных описаний Московского уезда в XVI–XVII вв. (по документам московского архива Министерства юстиции) // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 3. С. 67–118.

годы XVII в., описывала не произвольно взятый район, а те же земли, что и их предшественники за 50 и 80 лет. Более того, если собрать воедино все сведения о когда-либо проводившихся валовых описаниях Московского уезда, то на протяжении всего XVI в., за который у нас имеются данные, увидим, что уезд всегда делился на те же самые три части. Так, в 1584–1587 гг. описание уезда составляли Т. А. Хлопов, И. Фефилатьев, Е. Сабуров с И. Яковлевым. В 1550–1552 гг. его описывали три группы писцов: Ф. Старкова, А. Лодыгина, У. Данилова совместно с И. Беклемишевым.

Все это говорит об очень устойчивом делении уезда. Москва с пригородными селениями примерно в черте позднейшего Камер-Коллежского вала описывалась отдельно и составляла особый писцовый округ. Его границы намечены на исторической карте Московского уезда, составленной С. Б. Веселовским и В. Н. Перцовым по материалам писцовых описаний 1620-х годов[328].

В данном случае перед нами предстают следы третного владения столичного уезда между князьями-совладельцами. На эту мысль наводит одна из статей договора Ивана III с его братом

[328] Примечания: 328

Веселовский С. Б., Перцов В. Н. Исторические карты Подмосковья. М., 1993. С. 25–26 (История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 4).

— удельным князем Андреем Васильевичем Угличским (около 1472 г.): «А коли, господине, князь велики, пошлешь своих писцов… Москвы писати и московских станов, а мне, господине, послати своих писцов с твоими вместе, как было при нашем прадеде, и деде, и отцы нашом, великих князеи»[329]. Как видим, ссылки «на старину» в этом докончании идут до очень раннего времени — XIV в.

Зафиксировав это наблюдение, обратимся вновь к источникам XIV в. Историко-географический анализ духовных грамот Ивана Калиты показал, что московский князь помимо волостей выделил каждому из наследников и села, находившиеся в их личной собственности. Все они помещались как на территории их уделов, так и на территории совместного владения. Посмотрим на раздел сел, находившихся в совместном обладании наследников Ивана Калиты.

Старший сын Семен Гордый получил восемь подмосковных сел. В основном они лежали к востоку и юго-востоку от города (Копотеньское, Ориниьское, Островьское, Костянтиновское, Малаховьское). Астафьевское находилось на

[329] Примечания: 329
ДДГ. № 66. С. 215.

Клязьме, а сельцо Микульское располагалось к северо-востоку от столицы. Только Напрудское лежало в непосредственной близости от тогдашнего города, фактически примыкая к нему с севера.

Второй сын Иван Красный получил всего три села под Москвой. Семьциньское примыкало к городу, а два других — Вяземьское и Домонтовьское также находились к западу от столицы.

Их младшему брату Андрею выделялись также три подмосковных села — Ясиновьское, Коломниньское и Ногатиньское. Они располагались к югу от города.

Нанеся на карту княжеские села XIV в., наблюдаем любопытную картину. Каждая группа сел, принадлежавших одному из князей-совладельцев Москвы, в целом практически совпадала с территорией одного из писцовых округов Московского уезда XVI–XVII вв. Села Семена Гордого располагались в основном на территории юго-восточной части Замосковной половины. Северо-западная часть Замосковной половины практически соответствовала местоположению сел, принадлежавших Ивану Красному. Села, владельцем которых значился Андрей, точно вписывались в территорию Зарецкой половины.

Посмотрим теперь, как располагались села, выделенные Ульяне. На территории ее собственного удела лежали три села: Луциньское, Радонежьское и Рогожь. Еще одно село — Михаиловское на Яузе — примыкало к тогдашней Москве. Где же находились остальные девять сел?

Поместив их на карту, видим, что Иван Калита выделил своей второй супруге по три села из владений каждого из сыновей. Из доли Семена Гордого Ульяна получила два «села коломенских» (Малино и Холмы), находившиеся непосредственно на территории его Коломенского удела, и «село у озера» (Косино), лежавшее к востоку от города. Из подмосковных владений Ивана Красного ей достались три села: Деигуниньское, Протасьевское и Аристовское, лежавшие к северо-западу от столицы. От Андрея Ульяна получила также три села. Лопастеньское находилось на территории Серпуховского удела Андрея. Михаиловское лежало к юго-западу от Москвы. Село Тыловское хотя и не локализуется, но из последующих духовных грамот известно, что оно находилось на территории совместного владения, принадлежавшей Андрею.

Таким образом, видим, что трем частям Москвы, на которые разделил город Иван Калита,

соответствовали и три части Московского уезда. При этом в каждой из них находились села только одного из князей, что позволяет говорить о их принадлежности конкретному владельцу. Остатки этой системы сохранялись вплоть до XVII в. в виде обычая при проведении писцовых описаний делить уезд на три части.

Но если Москва и ее ближайшая округа уже в XIV в. были поделены между князьями-совладельцами, то встает вопрос: почему Иван Калита в своих духовных грамотах не отразил данный факт?

Выяснение данного вопроса имеет значение не только для истории Москвы, но и для всей Руси. Система совместного владения являлась характерной чертой средневековых русских княжеств. Однако исследователи проходят мимо нее, зачастую не замечая этого явления из-за особенностей источниковой базы. Если сравнительно хорошо сохранившийся московский материал позволяет достаточно полно охарактеризовать ситуацию совместного владения, то по другим городам это сделать гораздо труднее. Это объясняется тем, что московские князья, тщательно сохраняя владельческие документы на свои владения, совершенно не заботились о сохранности архивов княжеств,

присоединяемых к Москве.

Известно, что кроме Москвы третное деление существовало и в Рязанском княжестве. Об этом узнаем из докончания 1496 г. между великим рязанским князем Иваном Васильевичем и его удельным братом Федором Васильевичем[330]. Оно дошло до нас случайно — только потому, что последний завещал свой удел Москве.

Следы третного владения прослеживаются и в Твери. В частности, Рогожский летописец, рассказывая о примирении в 1360 г. после многолетней борьбы тверских князей — Василия Михайловича и его племянника Всеволода Александровича, сообщает, что Всеволод «взялъ миръ со братьею, а князь Василеи трети ихъ очины отъстоупился и разделишася волостьми»[331].

Позднее, с введением в научный оборот новых источников оказалось, что подобное деление встречается и в других русских городах — Ростове, Смоленске, Суздале. Так, Ростовское княжество было поделено на две «половины» — Сретенскую и Борисоглебскую. Они получили свои названия

---

[330] Примечания: 330

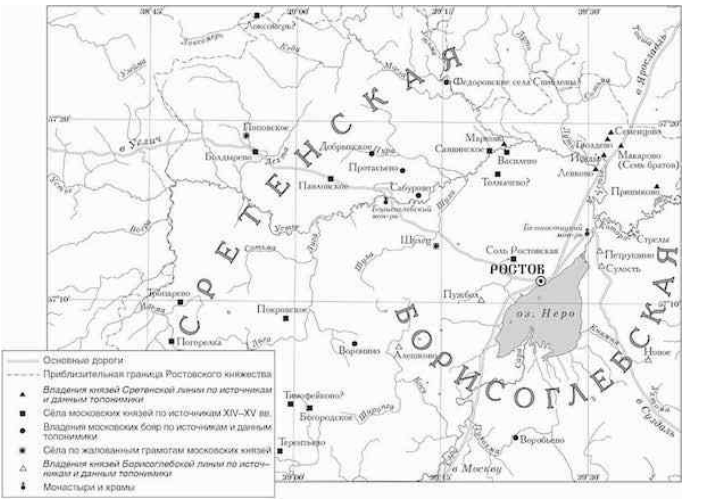
ДДГ. № 84. С. 332–341.

[331] Примечания: 331

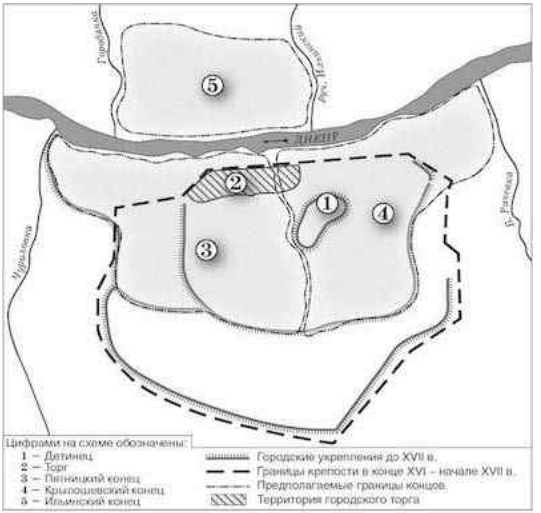
ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 69 (первой пагинации).

от церковных объектов. Анализ актового материала, родословных росписей и других источников позволяет наметить границы ростовских «половин».

В Смоленске внутригородские части именовались, как и в Новгороде, концами. Их в городе было три: Пятницкий, Крылошевский и Ильинский.

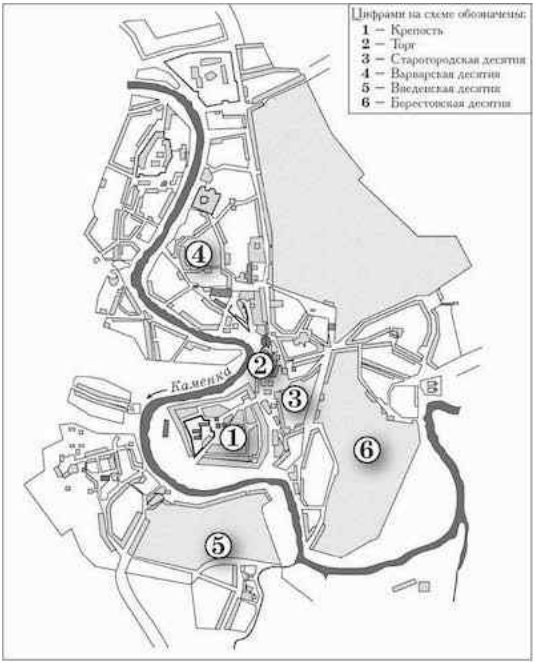


Карта 6. Ростовские «половины» XIV–XV вв.



Карта 7. Смоленские «концы»

В Суздале эти части, упоминающиеся переписными книгами середины XVII в., назывались десятнями: Старогородская, Варварская, Введенская, Берестовская.



Карта 8. Суздальские «десятни» по описаниям XVII в.

Несмотря на то, что применительно к Москве и ее ближайшей округе Иван Калита сохранил прежний обычай общего владения, он не мог не считаться с процессом дальнейшей индивидуализации земельной собственности — об этом

говорит уже сам факт выделения из совместной собственности сел, принадлежавших лично одному из князей. Хотя Москва формально оставалась общим достоянием всех сыновей Ивана Калиты, фактически, как было показано выше, она территориально была разделена между ними. Окончательному разделу города между князьями препятствовало то обстоятельство, что в их общей нераздельной собственности продолжал оставаться целый ряд учреждений и категорий населения, позволявших выполнять отдельные функции государственного управления (оборона, торговля, сбор дани и т. д.) для всех князей более эффективно, с меньшими затратами, нежели, если бы они находились в индивидуальной собственности одного из них.

Пожалуй, самой главной обязанностью всех совладельцев Москвы являлась совместная оборона города при нередких тогда вражеских нашествиях. Понятно, что все без исключения совладельцы должны были заботиться о состоянии городских укреплений. При первой же угрозе появления врага горожане покидали свои дворы и садились «в осаду». Поэтому Московский Кремль, представлявший собой городскую крепость, не принадлежал лично одному из князей-совла-

дельцев, а оставался в их общей собственности.

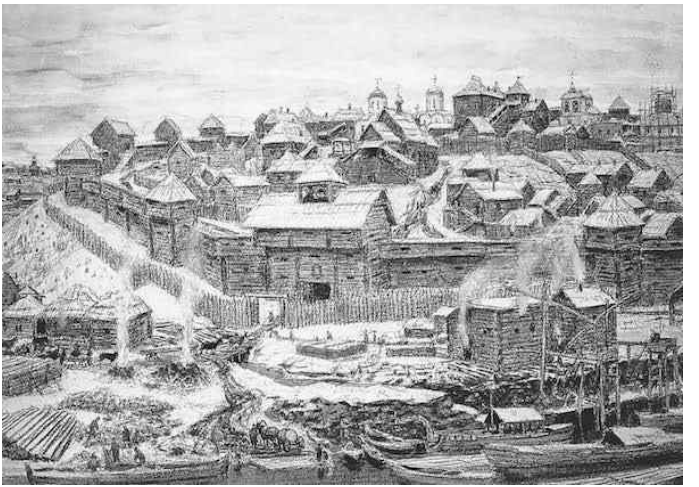


Рис. 55. А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите. 1921

В Москве близ Кремля издавна существовал торг, обеспечивавший князьям значительную часть их доходов за счет сбора различных торговых пошлин. Разумеется, при желании московские князья-совладельцы могли бы завести в Москве три отдельных торга, но с экономической точки зрения это было бессмысленно и абсурдно, и поэтому в городе существовал один

торг, доходы от которого делились между наследниками Ивана Калиты. Из них на долю вдовы московского князя приходилось осмничее («а из городьских волости даю княгини своеи осмничее») и другие торговые пошлины («а тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои»). Как известно, и тамга, и осмничее были именно торговыми пошлинами. Содержание же «иных» городских доходов раскрывает духовная грамота начала XV в. князя Владимира Андреевича Серпуховского, когда он завещал своей жене «треть тамги московские, и восмьчее, и гостиное, и весчее, пудовое, и пересуд, и серебряное литье и все пошлины московские»[332]. Все эти пошлины были так или иначе связаны с торговой деятельностью.

Что касается таможенных пошлин с прибывавших в город купцов, то они брались каждым из князей самостоятельно («тако же и мыты, которыи в котором оуезде, то тому»)[333]. Тем не менее сборы проезжих пошлин на мытах также требовали своей координации.

К числу категорий тяглого населения, нахо-

---

[332] Примечания: 332
ДДГ. № 17. С. 46.

[333] Примечания: 333
ДДГ. № 1. С. 8, 10.

дившихся в общем владении князей, относились *числяки* и *ордынцы.* Среди историков нет четкого мнения по поводу их занятий. Н. М. Карамзин считал, что ордынцы были татарами, «коим наши князья дозволяли селиться в российских городах», а люди «вольные, окладные, плативше дань государственную», назывались численными или числяками. Б. Н. Чичерин полагал, что числяки составляли «особый разряд людей в Московском уезде, кажется, переписанных поголовно для платежа дани татарам». В. И. Сергеевич, отметив скудость источников, писал, что «есть основание думать, что эти разряды людей составляют след наших отношений с Ордой, исчезли же они с прекращением зависимости Московского государства от татар». По его мнению, числяки и ордынцы являлись двумя различными названиями одной и той же категории тяглого населения. При этом он считал, что на них лежало особое тягло, которое они тянули к Москве, чем и отличались от остальных категорий тяглого населения. В чем заключалось это тягло? В. И. Сергеевич обратил внимание, что в одной из договорных грамот рязанских князей упоминались особые «кладежные люди, кои послов кормят в Переславли». Их он полагал аналогичными числякам

и ордынцам Московского княжества, считая, что главной обязанностью последних было обслуживание потребностей многочисленных ордынских послов, приезжавших на Русь[334].

Рис. 56. Карамзин Н. М.

В. Е. Сыроечковскому в крымских посольских книгах начала XVI в. удалось найти указания, не оставляющие сомнений в главном занятии ордынцев: «Да говорил царю Митя: из старины, господине, брата твоего великого князя ординцы к тебе казну возят…». Это позволило ему сделать вывод, что основной обязанностью ордынцев

[334] Примечания: 334

Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. IV. С. 145; *Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 239. Прим. 2; ДДГ. № 84. С. 340; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 1. СПб., 1909. С. 302–306.

являлась доставка дани в Орду, а затем в Крым. «Если представить себе то громадное количество поминков, целые обозы телег, которые посылались с каждым крупным посольством, то станет ясным, что для перевозки поминков нужен был особый штат людей»[335].

Л. В. Черепнин поддержал выводы В. Е. Сыроечковского относительно ордынцев, но касательно числяков полагал, что они представляли «собой специальную группу черного населения (московского городского и подгородного), платившего дань в Орду и поэтому оберегаемого князьями». Кроме уплаты дани числяки «должны были, очевидно, предоставлять татарским послам ночлег, содержание, подводы и т. д., то есть нести то тягло, от которого освобождалось население феодальных вотчин, пользовавшихся иммунитетом». Вслед за В. И. Сергеевичем, правда, с осторожной оговоркой, он считал, что «все говорит как будто за то, что рязанские „кладежные люди“ полностью соответствуют московским числякам»[336].

---

[335] Примечания: 335

Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 284, 380; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 85 (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 127).

[336] Примечания: 336

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 351, 353, 354.

Таковы основные точки зрения. Но если выводы В. Е. Сыроечковского об ордынцах как слугах великого князя, обслуживавших перевозку дани и поминков в Орду, подкрепленные прямыми указаниями источников, представляются достаточно убедительными, то относительно основного занятия числяков историки не пришли к единству взглядов. Вряд ли правомерно по одной лишь аналогии с рязанскими «кладежными людьми» утверждать, что основным их занятием являлось обслуживание ордынских послов. Об этом нет ни одного сообщения известных нам источников. Думается, вполне обоснованным будет предположение, что они были заняты обслуживанием сбора ордынской дани. За это говорит целый ряд наблюдений.

Под 1257 г. летописи сообщают о проведении ордынцами переписи податного населения на Руси: «Тое же зимы бысть число и изочтоша всю землю Русьскую, только не чтоша, кто служит оу церкви»[337]. Поскольку из контекста летописного известия вытекает, что дань платило всё, за малым исключением, население, а числяки, судя по княжеским грамотам, составляли лишь

[337] Примечания: 337
ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 524.

незначительную часть податного населения, то версию об уплате дани только числяками следует отвергнуть. Между тем сама этимология слова «числяки» говорит за то, что они определенным образом были связаны со сбором ордынской дани. Л. В. Черепнин верно подметил, что по духовным и договорным грамотам московских князей числяки и ордынцы были очень близки по своему правовому положению[338]. Это могло произойти только на основе близких по роду деятельности занятий этих двух категорий тяглого населения.

Те же грамоты содержат свидетельства, что сбором дани занимались княжеские *данщики*. Но эти указания не входят в противоречие с нашим предположением. Данщики являлись специально уполномоченными лицами — администраторами княжеской власти, а всю черновую и трудоемкую работу по приемке и перевозке дани в Москву исполняли зависимые податные люди, именовавшиеся числяками. Это подтверждает и повторяющееся во многих договорных грамотах требование о единой политике всех князей-совладельцев по отношению к этой категории тяглого населения: «а численных людей

[338] Примечания: 338
Там же. Стб. 475, 524; *Черепнин Л. В.* Образование… С. 355.

блюсти с одиного»[339].

Говоря об управлении князьями-совладельцами своими владениями, важно подчеркнуть, что один из князей-совладельцев всегда обязательно признавался «великим» по отношению к своим совладельцам. Это диктовалось необходимостью единоначалия в делах управления, обороны княжества, решении других вопросов.

Подводя итоги, необходимо констатировать следующее: согласно завещаниям Ивана Калиты Москва с ближайшей округой делилась на «трети», представлявшие собой определенную территорию, подведомственную одному из князей-совладельцев Москвы. В их общей совместной собственности оставалась городская крепость, а также некоторые категории тяглого населения, выполнявшие некоторые общекняжеские функции, в том числе задействованные в сборе и отправке в Орду дани. Подобная ситуация совместного владения была характерна и для других русских городов и княжеств этого времени.

---

[339] Примечания: 339

ДДГ. № 1. С. 8, 10; № 4. С. 15, 17; № 5. С 20; № 11. С. 31; № 13. С. 37; № 45. С. 130; № 56. С. 170; № 58. С. 181.

* * *

Особый интерес для нас представляет вопрос: когда в Москве зародилась система совместного владения? Известно, что русское земельное законодательство вплоть до эпохи Петра I четко разделяло родовые и благоприобретенные земли. Если относительно последних владелец был волен — кому завещать, продать или подарить, то на отчуждение родовой собственности существовала масса ограничений: в частности, сородичи могли потребовать выкупа родовых владений. Поэтому вполне оправданным будет предположение, что Иван Калита в своих духовных грамотах оставлял в общей собственности наследников то ядро земель, которое составляло первоначальную территорию Московского княжества, а отдавал им в личное владение сравнительно недавно приобретенные земли (непосредственно им, старшим братом и отцом). С учетом этого перед исследователем открывается уникальная возможность выяснить первые этапы складывания территории Московского княжества.

Вполне вероятно, что совместное владение в Москве появилось уже на раннем этапе ее истории и было связано с событиями начала XIII в.

в Северо-Восточной Руси, когда после смерти Всеволода Большое Гнездо разгорелась усобица его сыновей.

Лаврентьевская летопись, в основе известий которой за вторую половину XII–XIII в. лежит владимирское великокняжеское летописание, говорит о ее причинах под 1217 г. крайне уклончиво: «оканьныи дьяволъ въздвиже некую котору злу межи князи сыны Всеволожи Костянтином и Юргемъ и Ярославом»[340].

Никоновская летопись, созданная в XVI в., когда события трехсотлетней давности уже потеряли свою злободневность, раскрывает реальные причины смуты. Под 1212 г. она сообщает, что Всеволод, почувствовав приближение смерти, послал в Ростов за своим старшим сыном Константином с тем, чтобы посадить его на великом княжении во Владимире, а принадлежавший тому Ростов отдать следующему сыну Юрию. Однако тот не захотел терять Ростов и потребовал от отца, чтобы тот оставил ему в дополнение к Владимиру и Ростов. Но это нарушало издавна заведенный порядок старшинства княжеских столов, и Всеволод отказал своему старшему

---

[340] Примечания: 340
ПСРЛ. Т. I. Стб. 440.

сыну. В итоге Всеволод отдал Владимир Юрию, а рассерженный Константин стал готовиться к столкновению с братьями[341].

Подобно тому, как в предыдущем поколении Андрей Боголюбский отказался покинуть Северо-Восточную Русь, причиной отказа Константина оставить Ростов и переехать во Владимир стало нежелание расстаться со своими владениями, в которые было вложено так много собственных средств и усилий.

Предвидя столкновение своих сыновей, Всеволод Большое Гнездо предпринял определенные меры. Историки, описывавшие последовавшую усобицу, обращали особое внимание на активное сотрудничество Юрия и Ярослава Всеволодовичей, но так и не дали ему четкого объяснения. Между тем его поясняет одна деталь, ускользающая от внимания исследователей.

[341] Примечания: 341

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 63–64.

Рис. 57. Великий князь Константин Всеволодо-

вич. Фреска в Архангельском соборе Московского Кремля

Выше, говоря о делении Московского уезда при проведении писцовых описаний XVI–XVII вв. на отдельные части, как анахронизме ранее существовавшей в Москве системы совместного владения, мы отмечали наблюдение Ю. В. Готье, что подобная ситуация была характерна и для других уездов Северо-Восточной Руси (в частности, Владимирского и Костромского). Так, Владимирский уезд в 1554/55 г. описывался князем Андреем Бабичевым и одновременно Андреем Васильевичем Лодыгиным, Василием Михайловичем Гиреевым, подьячими Василием Григорьевым сыном Станиславля и Нечаем Рязановым. В 1568/69 г. видим также две бригады владимирских писцов: князя Григория Васильевича Звенигородского и Ивана Огарева, а также Андрея Ивановича Мятлева и Тимофея Михайловича Судакова. В 1559/60–1561/62 гг. одну половину Костромского уезда описывали князь Андрей Дмитриевич Дашков, Андрей Васильев сын Тимофеевича Безносова, подьячие Нечай Андреев сын Шестакова, Щевель Григорьев сын, а другую половину того же уезда в те же годы Василий Иванович Наумов, Инай Иванович Ордынцев, подьячие Андрей Леонтьев

сын Шулепникова и Ташлык Федоров сын Теремицкого. В 1567/68–1568/69 гг. в Костромском уезде также действовали две бригады писцов: Курбата Андреевича Измайлова с подьячим Рудаком Толмачевым и Федора Ласкирева[342].

Мы видели, что подобное деление территории уезда при проведении писцовых описаний является показателем совместного владения. Отсюда делаем вывод, что Владимир с Костромой являлись совместным владением братьев Юрия и Ярослава Всеволодовичей.

[342] Примечания: 342

См.: Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV — начала XVII века. Предварительный список. М., 2015.

Рис. 58. Ярослав Всеволодович. Миниатюра «Царского титулярника». 1672

В случае с Костромой имеется возможность определить границы частей, принадлежавших каждому из князей-совладельцев. В XVI–XVII вв.

при проведении писцовых описаний Костромской уезд делился Волгой на две части: Заволжскую по левому берегу реки с центром в Костроме и на правобережную с центром в Нерехте. Из известия Переславского летописца при описании событий 1214 г. выясняется, что Заволжская часть принадлежала Юрию Всеволодовичу, а Нерехта — его брату Ярославу[343].

Что касается Москвы, то выяснить время возникновения в ней системы совместного владения позволяет разбор одного эпизода эпохи усобицы сыновей Всеволода Большое Гнездо. В XIX в. полагали, что по завещанию великого князя Москва досталась его младшему сыну Владимиру. В частности, М. Д. Хмыров (1830–1872) обратил внимание, что в Лаврентьевской летописи, под одним и тем же годом, читаются два известия: «Въ лето 6721 (1213)… Володимеръ сынъ Всеволожъ, великаго князя, еха въ Москву» и «идоста отъ Ростова къ Москве Гюрги (Юрий) съ Ярославомъ, и изведъ Гюрги изъ Москвы Володимера и посла и въ Рускыи (Южный. — *Авт.*) Переяславль

[343] Примечания: 343

ПСРЛ. Т. XLI. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 131.

на столъ на отчину свою»[344]. На основании этого им был сделан вывод, что по завещанию отца Москва досталась Владимиру. Но поскольку тот был сторонником старшего брата Константина, воевавшего против Юрия, он был удален последним в далекий Переяславль Южный на современной Украине[345]. И таким образом именно Владимир Всеволодович, хотя и на небольшой срок, был первым московским князем.

Рис. 59. Хмыров М. Д.

Позднее историкам стал известен Летописец Переславля Суздальского, в котором об этих собы-

[344] Примечания: 344
ПСРЛ. Т. I. Стб. 437–438.

[345] Примечания: 345
Хмыров М. Д. Начало Москвы и судьбы ее до смерти Ивана I Калиты (1147–1340). Исторический очерк. СПб., 1871. С. 4–5.

тиях рассказывалось более подробно. Оказалось, что, согласно последней воле Всеволода Большое Гнездо, Владимиру достался Юрьев Польский. Однако княжить в этом городе он не захотел и самовольно занял Москву: «На ту же зиму Володимиръ Всеволодичь не хотя княжити въ Гюргеве, и бежа на Волокъ, а с Волока на Москву, и седе ту въ брата своего городе въ Гюргове». Очевидно, уже тогда Москва была богаче древнего Юрьева. В следующем 1214 г. Владимир во время княжеской междоусобицы выступил на стороне Константина и вместе «съ москвичи и съ дружиною своею» решил захватить соседний Дмитров. Переславский летописец сообщает подробности: «Слышавше же дмитровци, оже идетъ на них Владимиръ, и пожгоша сами все предградие, и затворишася. Владимиръ же приехавъ, не доспе имъ ничтоже, зане дмитровци крепко бияхутся з города. Тогда же хотешя и Владимира застрелити, и бежа от града съ полкомъ своимъ, убоявся брата своего Ярослава. Дмитровци же вышедше из города, избишя задъ дружины его. Владимиръ же гнавъ, седе на Москве… Гюргии поиде къ Москве на Володимира… и пришедъ, оседе Москву, свои ему городъ, и посла къ Володимиру в городъ, река: „Еди ко мне, не боися, азъ убо тебе не снемъ, ти

мне еси братъ свои“. Володимиръ же послушавъ его, выеха къ нему. Гюргии же уладися с нимъ, яко поити ему на столъ въ Русьскыи Переяславль, на отчину свою. И поиде Гюргии къ Володимирю, а Володимиръ въ Русьскыи Переяславль и седе в немъ»[346].

Как видим, и Юрий, и Ярослав действовали сообща против своего младшего брата, захватившего Москву. Это может говорить о том, что Москва по завещанию их отца была отдана им в совместное владение. Очевидно, именно к этому времени относится фиксируемое позднейшими писцовыми описаниями разделение Московского уезда на Замосковную и Зарецкую половины. Каждая из них принадлежала одному из князей-совладельцев.

[346] Примечания: 346
ПСРЛ. Т. XLI. С. 129–131.

Рис. 60. Великий князь Юрий Всеволодович. Покров на раку

Правда, в литературе существует мнение, что Москва в этот период по-прежнему входила в

состав Владимирского великого княжения[347]. Действительно, Летописец Переславля Суздальского, говоря о борьбе Юрия и Ярослава со своим младшим братом Владимиром, дважды упоминает, что Москва в этот период являлась «своим городом» князю Юрию Всеволодовичу[348].

Но как быть тогда с летописцами, называвшими Дмитрия Донского «Московским» и прекрасно знавшими, что третью Москвы обладал Владимир Андреевич Серпуховской? Очевидно, речь должна идти о том, что Юрий Всеволодович являлся в Москве «великим князем» по отношению к Ярославу. Судя по всему, Юрию принадлежала Замосковная часть, а Ярославу — Зарецкая.

Гораздо больший интерес вызывает другой вопрос: являлась ли система совместного владения в Москве, известная нам по источникам XIV–XV вв., продолжением ситуации, возникшей в начале XIII в.?

Известно, что в середине XIII в. Москвой распоряжался великий князь Александр Ярославич

---

[347] Примечания: 347
Кучкин В. А. Формирование. С. 100.

[348] Примечания: 348
ПСРЛ. Т. XLI. С. 129–131.

Невский. Он скончался 14 ноября 1263 г.[349], и Москва досталась его младшему сыну Даниилу Александровичу. В момент смерти отца Даниилу не было еще двух лет (он родился в 1261 г.), и он был слишком мал для самостоятельного княжения. Судя по позднейшему сообщению Тверской летописи, на протяжении семи лет Москвой управлял его дядя Ярослав Ярославич Тверской, ставший после смерти своего старшего брата Александра Невского великим князем владимирским. Летописец упоминает грамоту, посланную в 1408 г. тверским князем Иваном Михайловичем великому князю Василию Дмитриевичу по поводу совместных действий против Литвы. В грамоте содержалось припоминание на то, что Даниила Александровича, предка Василия Московского, воспитал пращур Ивана Михайловича Ярослав Ярославич, тиуны (наместники) которого семь лет сидели в Москве: «По роду есми тебе дядя мой пращуръ великий князь Ярославъ Ярославичь, княжилъ на великомъ княжении на Володимерскомъ и на Новогородцкомъ; а князя Данила воскормилъ мой пращуръ Александровича, се(де)ли на Москве 7 летъ тивона моего пращура

[349] Примечания: 349

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 83.

Ярослава. И по томъ князь великий Михайло Ярославичь, и по нем Дмитрей и Александр, вси сии дръжаша Новогородское и Володимерское великое княжение»[350].

[350] Примечания: 350
ПСРЛ. Т. XV. Стб. 474 (второй пагинации).

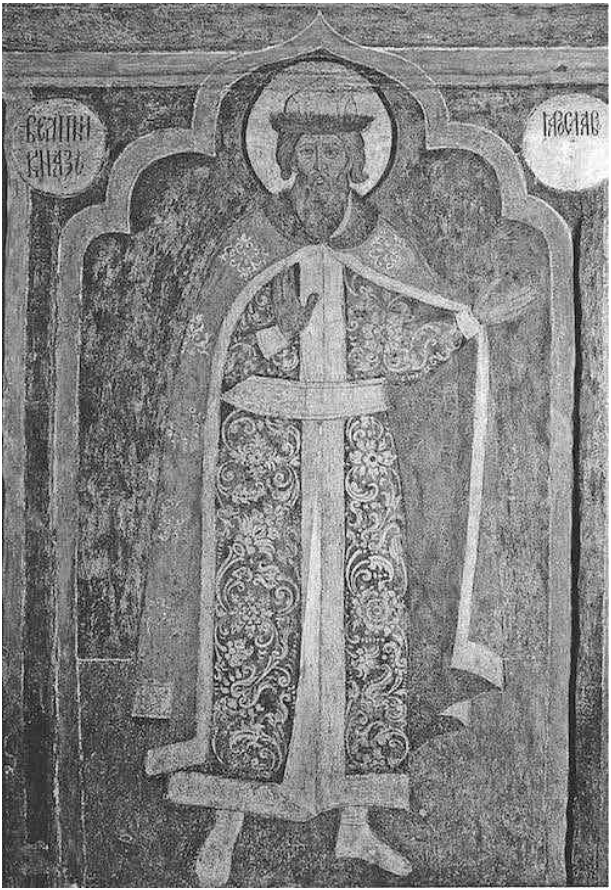


Рис. 61. Великий князь Ярослав Ярославич. Фрес-

ка Архангельского собора Московского Кремля

Вплоть до его смерти в 1271 г.[351] Даниил являлся московским князем чисто номинально. Но даже и тогда десятилетний княжич был слишком юн для самостоятельного княжения. Поэтому известный знаток княжеских родословий А. В. Экземплярский (1846–1900) предположил, что опекуном Даниила стал младший брат Александра Невского Василий Ярославич, которому после смерти брата досталось Владимирское великое княжение[352].

Правда, Василий Ярославич прокняжил всего четыре года и скончался в январе 1276 г. Великокняжеский стол перешел в новое поколение Рюриковичей и достался по старшинству сыну Александра Невского Дмитрию. К этому времени Даниил достиг 15-летнего возраста, с которого юноши считались совершеннолетними и полностью годными к военной службе. Видимо, именно с этого времени он стал княжить само-

[351] Примечания: 351
ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 74.

[352] Примечания: 352
Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб, 1891. С. 273.

стоятельно.

Однако московский князь Даниил впервые появляется в летописях под 1282 г., когда он оказался втянутым в междоусобную борьбу коалиции Новгорода, Твери и Москвы с великим князем Дмитрием Александровичем Переславским[353]. При этом М. Н. Тихомиров обратил внимание на известие Супрасальской летописи о смерти Даниила Московского, которая добавляет, что он «княжив лет 11» — это явно слова, пропущенные в других летописях[354]. Поскольку известно, что Даниил умер в 1303 г., начало его московского княжения, исходя из данного сообщения, следует отнести к 1292 г.

[353] Примечания: 353

ПСРЛ. Т. III. С.325; Т. X. С. 160; Т. XXIII. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 92.

[354] Примечания: 354

ПСРЛ. Т. XVII. Западнорусские летописи. М., 2008. Стб. 27.

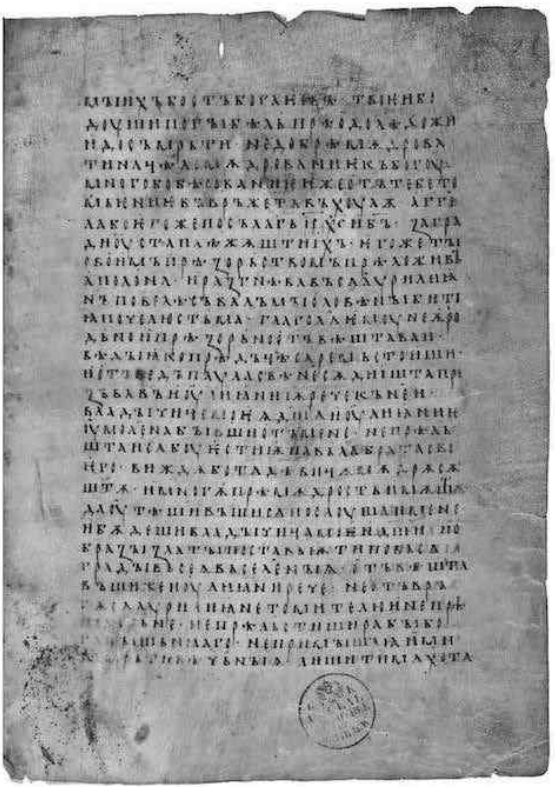


Рис. 62. Супрасальская летопись

Не зная, как разрешить данное противоречие, М. Н. Тихомиров писал: «Из противоречивых по-

казаний летописей как будто можно сделать одно заключение — признать ошибкой или данные Супрасальской летописи, или противоречащее ей свидетельство Никоновской летописи, называющей Даниила московским князем уже в 1282 г. Но возможно и другое предположение — признание ошибки в дате, поставленной в Супрасальской летописи, особенно ценной для истории ранней Москвы. Вместо цифры 11 в ней могло стоять 21, так как буквы „і“ для обозначения 10 и „ⱃ“ для обозначения 20 очень близки по написанию. Тогда окажется, что Даниил сделался московским князем в 1282 г.»[355].

Правда, согласиться с тем, что перед нами описка, довольно трудно. Цифра 11 записывалась как «ѧі», а 21 — как «ⱃѧ». В данном случае видим не только описку, но и перестановку букв, что маловероятно. Поэтому приходится искать иное объяснение разногласиям летописей, отмеченное М. Н. Тихомировым.

Все становится на свои места, если предположить, что традиция совместного владения Москвой, отмеченная нами в начале XIII в., продолжала существовать и при Данииле. Вы-

[355] Примечания: 355

Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 21.

двинув эту догадку, понимаем, что составитель Супрасальской летописи не ошибался, когда говорил об 11 годах именно самостоятельного княжения Даниила в Москве, начиная с 1292 г. Это обстоятельство дает возможность выяснить и московского совладельца Даниила. Под этим годом летописцы сообщают о смерти старшего сына великого князя Дмитрия Александровича — Александра: «Преставися у великаго князя у Дмитриа сынъ Александръ в татарехъ»[356].

Как видим, традиция совместного владения Москвой зародилась задолго до Ивана Калиты, еще в начале XIII в., а территория, находившаяся в общей собственности московских князей-совладельцев, представляла собой не что иное, как первоначальную территорию Московского княжества.

Нам остается рассказать о дальнейшей судьбе московских третей, выделенных Иваном Калитой своим сыновьям.

Почти одновременная смерть в 1353 г. Семена Гордого и его младшего брата Андрея поставила Московское княжество в довольно сложное положение. Владельцем двух третей Москвы после

---

[356] Примечания: 356
ПСРЛ. Т. III. С. 327.

кончины Семена Гордого, не оставившего мужского потомства, стал единственный из оставшихся в живых сыновей Калиты — удельный звенигородский князь Иван Иванович Красный. Фактически он распоряжался всей Москвой, поскольку сын Андрея Владимир родился уже после смерти отца и до совершеннолетия последнего его уделом управляли бояре великого князя.

Иван Иванович Красный скончался осенью 1359 г. После него остались два малолетних сына, Дмитрий (будущий Донской) и Иван. Другим представителем московского княжеского дома в это время являлся также малолетний Владимир, сын серпуховского князя Андрея Ивановича. По завещанию Ивана Красного Москва делилась следующим образом: по трети города приходилось на долю Дмитрия и Ивана, а оставшаяся треть столицы закреплялась за Владимиром[357]. Но брат Дмитрия, Иван, вскоре (в 1364 г.) умер, его часть города перешла к Дмитрию, в руках которого оказалось две трети Москвы. Еще одна треть города по-прежнему оставалась в руках Владимира.

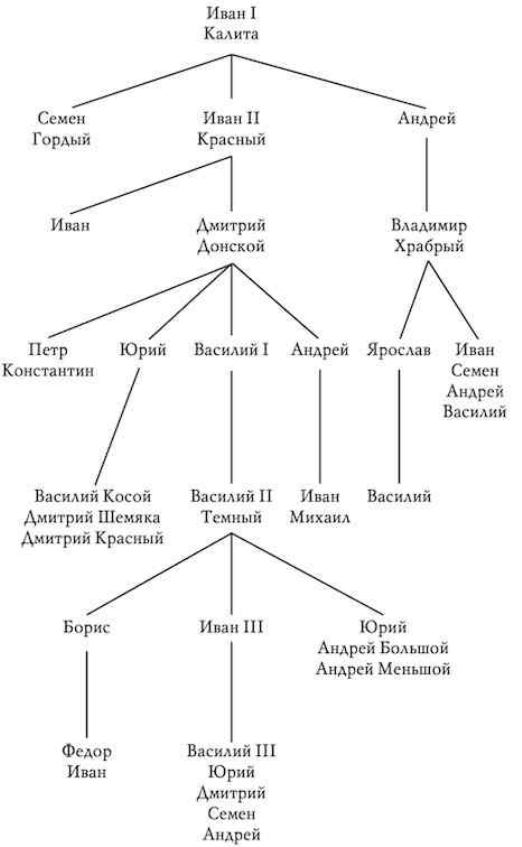
Дмитрий Донской скончался в мае 1389 г. Со-

---

[357] Примечания: 357
ДДГ. № 4. С. 15, 17.

гласно его последней воле, принадлежавшие ему две трети Москвы с округой отходили его сыновьям. При этом уже довольно ясно прослеживается отступление от прежнего обычая равного раздела имущества между наследниками: на долю старшего из них, Василия, приходилась половина владений в Москве, то есть треть столицы, тогда как другая такая же часть пришлась на всех остальных сыновей: Юрия, Андрея и Петра[358].

[358] Примечания: 358
ДДГ. № 12. С. 33.


Иван I
Калита
Семен
Гордый
Иван II
Красный
Андрей
Иван
Дмитрий
Донской
Владимир
Храбрый
Петр
Константин
Юрий
Василий I
Андрей
Ярослав
Иван
Семен
Андрей
Василий
Василий Косой
Дмитрий Шемяка
Дмитрий Красный
Василий II
Темный
Иван
Михаил
Василий
Борис
Иван III
Юрий
Андрей Большой
Андрей Меньшой
Федор
Иван
Василий III
Юрий
Дмитрий
Семен
Андрей

Судьба другой трети Москвы, пришедшейся на долю младших сыновей Дмитрия Донского, была более сложной. Следует особо отметить, что эта треть столицы не была поделена между ними: они должны были управлять ею поочередно, сменяясь по годам. Об этом говорят фигурирующие в источниках выражения «год Юрия Дмитриевича», «год Петра Дмитриевича» и т. д. В завещании не был упомянут самый младший сын Дмитрия Константин, родившийся уже после его составления, за несколько дней до кончины великого князя. Тем не менее позднее ему все же был выделен год в управлении Москвой. Если предположить, что данная треть Москвы переходила по очереди от старшего брата к младшему, то порядок владения ею младшими сыновьями Дмитрия Донского был таков: год Юрия Дмитриевича, год Андрея Дмитриевича, год Петра Дмитриевича, год Константина Дмитриевича.

Подобно тому, как разделил между наследниками свою часть Москвы Дмитрий Донской, таким же образом поступил и князь Владимир Андреевич Серпуховской, скончавшийся в 1410 г. Свою треть Москвы он завещал своим пяти сыновьям: Ивану, Семену, Ярославу, Андрею и Василию. Дети Владимира должны были управлять третью

Москвы поочередно («ведают по годам»)[359].

Таким образом, хотя Москвой по-прежнему одновременно управляли лишь три князя, в общей сложности у столицы в начале XV столетия оказалось до десятка князей-совладельцев.

Треть Москвы, пришедшаяся на долю Василия I, в дальнейшем на протяжении XV–XVI вв. последовательно переходила от одного великого князя к другому — от Василия Дмитриевича к его сыну Василию Темному, от него — к Ивану III, далее — к Василию III.

События феодальной войны привели к постепенному сокращению количества князей-совладельцев Москвы. Преждевременная смерть всех сыновей князя Владимира Андреевича Серпуховского, не оставивших, за исключением Ярослава, мужского потомства, привела к тому, что после 1427 г. единственным наследником трети Москвы и всего прежнего удела Владимира Андреевича Серпуховского оказался его внук Василий Ярославич.

Почти одновременно с вымиранием потомства князя Владимира Андреевича Серпуховского происходило и сокращение числа представителей

---

[359] Примечания: 359
ДДГ. № 17. С. 45–46.

старшей ветви московского княжеского дома. Петр и Константин Дмитриевичи умерли бездетными в первой трети XV в., и их доли перешли к сыну Василия I — великому князю Василию Темному. И хотя в документах второй половины XV — начала XVI в. по-прежнему встречаются выражения «год Петра Дмитриевича» и «год Константина Дмитриевича», в это время данные словосочетания обозначали только определенную очередность в управлении третью Москвы по годам совсем другими князьями.

Что касается «года Юрия Дмитриевича» в управлении Москвой, то звенигородский князь завещал свои московские владения трем сыновьям — Василию Косому, Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному[360].

Другой сын Дмитрия Донского — скончавшийся в 1432 г. князь Андрей Можайский — разделил свои владения между двумя сыновьями — Иваном и Михаилом. Сохранившиеся в источниках сочетания слов «год Ивана Андреевича» и «год Михаила Андреевича» показывают, что сыновья Андрея Дмитриевича управляли третью столицы по году. Очевидно, каждый из них владел третью

---

[360] Примечания: 360
ДДГ. № 29, С. 73.

Москвы в год Андрея Дмитриевича, но через раз.

К концу жизни Василия Темного в его руках оказалась почти вся Москва. Помимо собственно великокняжеской трети и трети серпуховских князей, полученной им после ареста князя Василия Ярославича, к нему перешла почти вся треть, завещанная когда-то Дмитрием Донским своим младшим сыновьям. Единственным совладельцем этой трети к началу 60-х годов XV в. оставался двоюродный брат Василия Темного — князь Михаил Андреевич Верейский.

Юрий Дмитриевич и его сыновья были главными организаторами феодальной войны второй четверти XV в., и неудивительно, что Василий Темный постарался уничтожить всякую память о причинивших ему столько вреда князьях. «Год Юрия Дмитриевича» в управлении московской третью был упразднен. Последний раз это выражение встречается в московско-серпуховских договорах начала 50-х годов XV в., когда великий князь юридически закрепил за собой владения мятежных князей.

Поскольку год Юрия Дмитриевича в управлении третью был упразднен, очередность управления этой частью Москвы к концу княжения Василия Темного была следующей: год

Ивана Андреевича, год Петра Дмитриевича, год Константина Дмитриевича, год Михаила Андреевича. Иными словами, единственный из удельных совладельцев великого князя Василия Темного в столице княжества — князь Михаил Верейский — юридически мог назначать своих наместников на трети Москвы лишь раз в шесть лет. Остальное время и этой частью Москвы управляли великокняжеские наместники. Но есть определенные указания, что в реальности в Москве наместников Михаила Андреевича так и не было. В частности, думать так позволяют некоторые места из договоров Василия Темного с Михаилом Андреевичем. В первом из них, относящемся к 1445 г., великий князь пожаловал — «отдал выхода за год», то есть отказывался от сбора в течение года («от Петрова дни до Петрова дни») денег, идущих в счет ордынского выхода с Верейского удела[361]. В аналогичном соглашении 1450 г. читаем, что великий князь отдал удельному сородичу половину выхода с Верейского удела на три года[362]. Возможно предположить, что эти льготы были платой Василия Темного за

[361] Примечания: 361
ДДГ. № 41. С. 122.

[362] Примечания: 362
ДДГ. № 55. С. 165, 167.

то, что Михаил Андреевич не назначал своих наместников на московскую треть в положенный ему срок.

Несмотря на то, что в руках Василия Темного юридически сосредоточилась почти вся Москва, в своем завещании он восстановил прежнее дробное деление столицы между князьями-совладельцами. Своему старшему сыну Ивану, ставшему великим князем, он завещал «треть в Москве и с путми». Треть серпуховских князей, именовавшуюся по имени когда-то владевшего ею князя Владимира Андреевича «Володимеровской», он отдал своим сыновьям Юрию и Андрею. Держать ее они должны были переменяясь, «по годом». Что касается последней трети столицы, она была поделена между Юрием и его младшими братьями: Борисом и Андреем Меньшим. При этом Юрий получил «год в Москве княжь Костянтиновской Дмитреевича», Борис был наделен «в Москве годом княжим Ивановым можайского», Андрею Меньшому достался год Петра Дмитриевича[363].

И хотя Василий Темный в угоду старине раздробил власть в Москве, это положение продержа-

---

[363] Примечания: 363
ДДГ. № 61. С. 194–195.

лось относительно недолго. В 1472 г. умер князь Юрий Дмитровский, за ним в 1481 г. последовал Андрей Меньшой. Поскольку оба князя были бездетны, их части отошли к Ивану III. В 1486 г. скончался Михаил Андреевич Верейский, который под давлением великого князя нарушил права своего сына Василия и отдал свои владения Ивану III. К нему же перешел и удел Андрея Васильевича Большого, посаженного в темницу и в ней умершего.

Таким образом, к концу XV в. в руках у великого князя сосредоточилась вся Москва, за исключением доли сыновей князя Бориса Васильевича Волоцкого — Федора и Ивана. Насколько эти владения были мизерными, видно из того, что дети Бориса Васильевича держали «год княж Ивановской Андреевича и тот год приходил брата моего Борисовым детем обема дръжати на Москве своего наместника на шостой год».

При этом сыновья волоцкого князя вряд ли реально держали своего наместника в Москве. Судя по всему, они довольствовались вместо этого деньгами, которые получали за это право от великого князя. При этом следует полагать, что подобная практика возникла гораздо раньше конца XV в. Уже примерно с середины XV в. в

Москве упоминается не три, а лишь два княжеских наместника. Во всяком случае, летопись донесла до нас сведения, что в 1446 г., когда в ней сидел Дмитрий Шемяка, городом управляли его наместник и одновременно с ним наместник князя Ивана Можайского. В дальнейшем в документах постоянно упоминаются лишь наместник великого князя и наместник бывшей трети Владимира Андреевича Серпуховского. Что же касается трети, формально принадлежавшей младшим князьям, то, очевидно, она управлялась все тем же великокняжеским наместником.

Иван III еще больше ограничил права удельных князей. Своему старшему сыну Василию он завещал «город Москву с волостьми, и с путми… и со всеми пошлинами», или, иначе говоря, всю столицу. Однако сила традиции была настолько велика, что, сосредоточив в своих руках практически всю Москву, великий князь не смог объединить все управление ею. Завещание Ивана III по-прежнему предусматривало наличие двух великокняжеских наместников: «А сын мой Василей дръжит на Москве болшего своего наместника по старине и как было при мне, а другово своего наместника дръжит на Москве на княж Володимеровской трети Андреевича».

Права младших сыновей Ивана III ограничивались лишь тем, что Василий III совместно с меньшими братьями Юрием, Дмитрием, Семеном и Андреем должен был держать наместников на годах Константина Дмитриевича, Петра Дмитриевича и Михаила Андреевича, «переменяя пять лет по годом». Что касается шестого года, когда-то принадлежавшего Ивану Можайскому, полгода на нем должен был держать наместника Василий III, а полгода Федор Борисович Волоцкий.

Несмотря на то, что удельные князья еще формально сохраняли право держать своих наместников на части Москвы, в действительности оно фактически заменялось денежной компенсацией, о которой прямо говорится в завещании Ивана III: «А из тамги из московские и из всех пошлин сын мой Василей дает детем моим, а своей братье молодчей, Юрью з братьею, на всякой год по сту рублев: Юрью сто рублев, Дмитрею сто рублев, Семену сто рублев, Андрею сто рублев»[364].

[364] Примечания: 364
ДДГ. № 89. С. 354–359.

Глава 4. Присоединение Коломны

Постановка вопроса о времени присоединения Коломны к Московскому княжеству. Деление Коломны на две половины, их границы. Брак великого князя Ярослава Всеволодовича. Его датировка и выяснение в связи с этим даты рождения Александра Невского. Утрата рязанскими князьями первой половины Коломны. Судьба второй половины.

Согласно своим духовным грамотам, Иван Калита отдавал старшему сыну Семену Гордому Коломну — важный в стратегическом плане город близ слияния Москвы-реки с Окой. Когда Коломна стала московским владением? Со времен Н. М. Карамзина традиционно считается, что данное событие произошло в 1301 г. Под этой датой московский летописный свод конца XV в. помещает следующее известие: «Тое жъ осени князь Данила Московски ходи на Рязань ратию и бися у города у Переславля, и одоле князь Данило и много татаръ изби, а князя Костянтина Рязан-

ского изнимав, приведе на Москву»[365]. Плен рязанского князя по каким-то причинам затянулся. Даниил в 1303 г. скончался, но Константин все еще продолжал оставаться в Москве. И только через несколько лет старший сын Даниила Юрий велел убить пленника[366]. А под 1308 г. Никоновская летопись помещает глухое известие об убийстве в Орде единственного сына Константина Василия[367]. Результатом этих событий, по мнению историков, явилось присоединение Коломны к Московскому княжеству.

[365] Примечания: 365

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 393 (Далее: ПСРЛ).

[366] Примечания: 366

ПСРЛ. Т. XXV. С. 158.

[367] Примечания: 367

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 176.

Рис. 63. Древний Переяславль-Рязанский

Между тем эта, абсолютно никем не оспаривавшаяся точка зрения при более детальном изучении источников оставляет много недоуменных вопросов и сомнений.

Очевидно, что у московского и рязанского князей уже и ранее были какие-то трения и разногласия, и рязанский князь заранее готовился к конфликту с Москвой, пригласив к себе татар, участвовавших в битве на его стороне. Еще больше недоумений возникает после знакомства с

описанием этих же событий по Никоновской летописи. Данный источник довольно поздний, но в нем имеются по сравнению с другими летописями и оригинальные чтения, более нигде не встречающиеся: «Того же лета князь Данило Александровичь Московьский приходилъ ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля, и князь велики Данило Александровичь Московьский одоле, и много бояръ и людей избилъ, а князя ихъ Констянтина Романовичя рязанскаго некоею хитростию ялъ, крамолою ихже бояръ рязанскихъ, и приведе его съ собою на Москву, и дръжа его у себя в нятьи, но въ брежении и въ чести всяцей, хотяше бо ся съ нимъ укрепити крестнымъ целованиемъ и отпустити его въ его отчину на великое княжение Рязанское»[368]. Здесь любопытны уточнения летописца о «крамоле» местных бояр, почетном плене Константина и намерении Даниила отпустить пленника обратно.

Интересны и другие наблюдения. Л. Л. Муравьева, исследуя летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV вв., обратила внимание на то, что в тверском летописании сохранилось очень темное и неясное сведение о каких-то переговорах

---

[368] Примечания: 368
ПСРЛ. Т. X. С. 173.

в 1305 г. сына Константина — Василия Рязанского со злейшим противником Москвы князем Михаилом Тверским, перед поездкой первого в Орду с жалобой на Юрия, державшего его отца в плену[369]. А. Г. Кузьмин (1928–2004), анализируя рязанские рукописи, нашел в них весьма загадочное и интересное утверждение, что Константин был «с Москвы отпущен паки на Рязань на его княжение»[370].

Рис. 64. Кузьмин А. Г.

---

[369] Примечания: 369

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. М., 1983. С. 80.

[370] Примечания: 370

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 197.

Таким образом, уже по предварительному обзору летописных известий история присоединения Коломны к Московскому княжеству оказывается более сложной, чем это принято считать. Ключ к решению этой загадки отыскивается в завещаниях Ивана Калиты.

После упоминания в них Коломны следует перечисление коломенских волостей, среди которых называется волость Похряне. Далее идет перечень сел, в их числе указано «село на Северьсце в Похряньском оуезде». Все исследователи полностью согласны с тем, что волость Похряне — суть то же самое, что и «Похряньский оуезд». Но при этом практически все они прошли мимо лежащего на поверхности вопроса: почему в одном случае завещание упоминает эту административно-территориальную единицу в качестве волости, а в другом называет уездом?

Определенный свет на это обстоятельство проливают два летописных известия XV в. В 1408 г. на московскую службу выехал литовский князь Свидригайло. Для москвичей того времени выезд столь крупного вельможи был событием чрезвычайным, и поэтому летописец подробно излагает его детали, в частности, те доходы, которые получил литовский выходец на Руси: «князь же

велики Василеи Дмитреевич приять его с честью и дасть ему град Володимерь со всеми волостьми и с пошлинами и съ селы и съ хлебомъ, тако же и Переславль, по тому же и Юрьев Польскы и Волок Ламъски и Ржеву и *половину* Коломны»[371]. Здесь внимание привлекает факт, что Свидригайло получил не всю Коломну, а только ее половину.

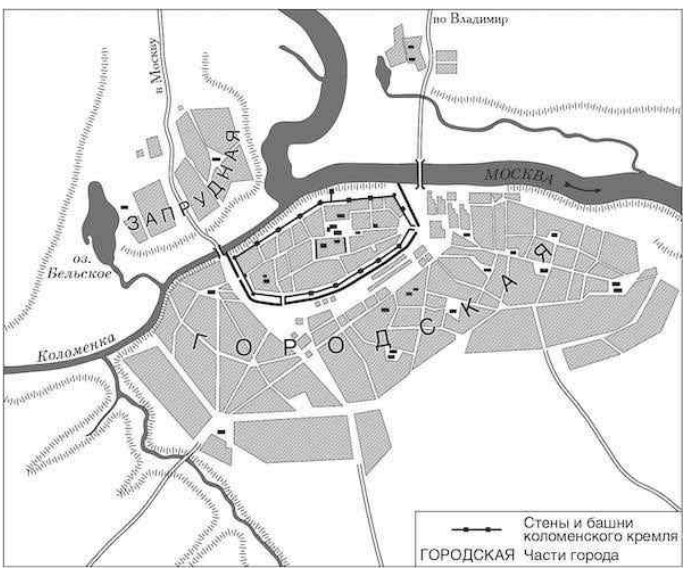
Почти через сорок лет, в 1448 г., московский летописец, описывая события междоусобной войны, помещает известие о Федоре Басенке, который, не желая служить Дмитрию Шемяке, бежал в Литву, по дороге разграбив «*уезды Коломеньскые*» (во множественном числе)[372].

Анализируя эти два сообщения, можно говорить, что Коломна, подобно Москве и другим русским городам, делилась в Средневековье на части, в данном случае — на половины, и находилась в совместном владении князей-совладельцев. Следует также предположить, что во время событий начала XIV в. к Москве был присоединена не вся Коломна, а только ее половина с соответствующей частью города. Другая же половина Коломны с прилегающей округой

[371] Примечания: 371
ПСРЛ. Т. XXV. С. 237 (выделено нами. — *Авт.*).

[372] Примечания: 372
Там же. С. 266 (выделено нами. — *Авт.*).

стала московским владением гораздо раньше, и таким образом к началу XIV в. этот город представлял собой совместное владение московских и рязанских князей. Одна из этих половин, судя по всему, присоединенная к Москве первой, и упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты в виде анахронизма в качестве «Похряньского оуезда». Именно характером совместного владения, очевидно, следует объяснить ту «крамолу» рязанских бояр, о которой упоминал летописец.



Карта 9. Части Коломны по описаниям XVII в.

Чтобы подтвердить или опровергнуть наше предположение, необходимо выяснить время возникновения этих половин Коломны, хотя бы приблизительные их границы, причины утраты рязанскими князьями.

Следует предположить, что деление Коломны с округой на две половины было аналогично Москве. Город с окологородным Большим Микулиным станом, очевидно, находился в совместной собственности князей-совладельцев (этого требовали нужды обороны, суда и управы), но при этом каждый из них владел своей половиной Коломны. Подобное деление, судя по тому, что еще в середине XV в. упоминаются «коломенские уезды», было крайне устойчивым и в виде анахронизма дожило даже до конца XVIII в. Свидетельство этому находим в описании Коломны 1781 г., согласно которому город в это время разделялся «рекою Коломенкою на две главные части, Городскою и Запрудною называемые»[373].

Сложнее определить границы раздела между князьями-совладельцами остальной территории,

[373] Примечания: 373

«Описание Московской губернии» из комиссии Вяземского 1781 г. Коломна. Серпухов // Источник. 1993. № 2. С. 111.

«тянувшей» к Коломне. Применительно к Московскому уезду следы подобного раздела между тремя совладельцами обнаруживаются благодаря тому, что еще в XVII в. Московский уезд в виде пережитка при проведении писцовых описаний делился на три части, каждую из которых описывала особая группа писцов. Относительно Коломны этот метод не дает результатов, ибо уже первая из дошедших до наших дней коломенская писцовая книга 1570-х годов была составлена одной писцовой «бригадой».

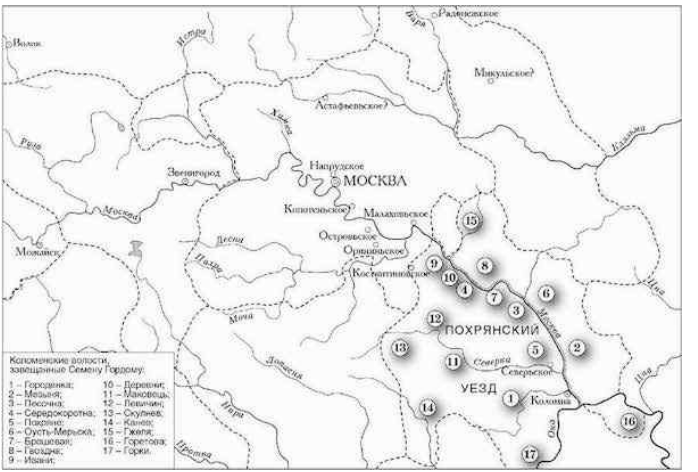
Тем не менее все же имеются определенные указания, чтобы наметить границы коломенских «половин». Это становится возможным благодаря картографическим материалам С. Б. Веселовского и В. Н. Перцова. По ним выясняется, что пригородный Большой Микулин стан располагался в трех разбросанных частях. Одна из них находилась непосредственно около города, другая лежала севернее — по течению Москвы-реки, и, наконец, третья располагалась по Москве-реке уже на самом московском рубеже[374]. Вряд ли погрешим против истины, считая, что в более раннее время эти три обособленные части составляли

[374] Примечания: 374

Веселовский С. Б., Перцов В. Н. Исторические карты Подмосковья. М., 1993 (История сел и деревень Подмосковья XIV–XVI вв. Вып. 4).

единое целое. Позднее, с ростом народонаселения и, как следствие этого, возникновением новых волостей и станов прежде единая в географическом отношении территория пригородного стана разрывается, и в конце XVI в. писцовые книги фиксируют ее в составе трех обособленных частей. Источники дают определенные указания на этот процесс: одним из его проявлений можно считать возникновение коломенской волости Середокоротна, возникающей в очень небольшой промежуток между составлением первой и второй духовной грамот Ивана Калиты. Выясняется, что территория пригородного Большого Микулина стана шла вдоль Москвы-реки, начиная от Коломны вплоть до московского рубежа, и практически разрезала Коломенский уезд на две части, одна из которых лежала на левобережье Москвы-реки, а другая находилась на ее правом берегу. Столь необычная форма стана, находившегося в совместной собственности князей-совладельцев, объясняется весьма прозаически. Путь по Москве-реке имел для будущей российской столицы колоссальное значение — именно по нему осуществлялась ее связь с другими районами. Поэтому для московских князей было важно держать его под своим контролем.

Когда же рязанские князья утратили первую половину Коломны? Для решения этой проблемы необходимо выяснить, казалось бы, далекий от сути рассматриваемого дела вопрос: из какого княжеского рода происходила мать Александра Невского?



Карта 10. Коломенский удел Семена Гордого по духовной грамоте Ивана Калиты

Русские книжники с очень раннего времени интересовались личностью этого выдающегося полководца. Его младший современник, соста-

витель жития, сообщал, что мать Александра Невского звали Феодосией и она была женой великого князя Ярослава Всеволодовича[375]. Не доверять этому известию нельзя. Между тем среди историков существуют разногласия: из какого княжеского рода она происходила и, более того, относительно количества браков князя Ярослава Всеволодовича.

Судя по летописи, Ярослав зимой 1206/07 г. в 16-летнем возрасте женился в первый раз на дочери половецкого хана Юрия Кончаковича[376]. Источники молчат о дальнейшей судьбе этого брака, рождении от него детей, и это позволяет думать, что он вскоре был прекращен.

В 1213 г. Ярослав женился вторым браком на Ростиславе, дочери торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного, занимавшего тогда новгородский стол. Летописец Переславля Суздальского, фактически придворная летопись князя Ярослава Всеволодовича, по этому поводу поместил известие: «В лето 6722 (1213). Ведена бысть Ростислава из Новагорода, дщи Мьстиславля Мьстиславичя, за Ярослава, сына великого князя

---

[375] Примечания: 375
ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 477.

[376] Примечания: 376
Там же. Стб. 426.

Всеволода, в Переяславль Суждальскыи»[377]. Вскоре, однако, последовали драматические события. Князь Мстислав по своей воле покинул новгородский стол, решив поискать счастья в Южной Руси. Перед отъездом из города он сказал новгородцам, что они «вольни в князех». Посоветовавшись, горожане решили отправить послов в Переславль просить себе князем зятя Мстислава — Ярослава. Тот согласился и в 1215 г. приехал в Новгород, торжественно встреченный архиепископом и всем населением. Но очень быстро эти отношения испортились и переросли в конфликт. Не описывая его в деталях, отметим, что Ярослав укрепился в Торжке. Новгородцы дважды пытались окончить дело миром, но все было тщетно. Тогда на арене вновь появился князь Мстислав. На свою сторону он привлек старшего брата Ярослава — Константина Ростовского, обещав ему великое княжение. На помощь Ярославу пришел великий князь Юрий. 21 апреля 1216 г. противники встретились близ Юрьева на Липицком поле. Победа была на стороне Мстислава и его союзника. Юрия лишили великого

[377] Примечания: 377

Там же. Т. XLI. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 131; Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 10. М., 1851. С. 111.

княжения, отдав в удел Городец на Волге. 4 мая победители подошли к стенам Переславля-Залесского, где укрылся Ярослав. Брать штурмом город у Мстислава уже не было сил, и поэтому, приняв дары от зятя, он отступил от Переславля. При этом Мстислав одним из условий мира поставил возвращение к себе дочери, что и было исполнено. Позднее Ярослав неоднократно просил тестя вернуть жену, но Мстислав отказался и «не пусти дщери своея к нему». Брак оказался фактически расторгнутым.

Аще бо и честію земнаго царства цѣпляшеся почтенъ
бы и богат. и не оупругаемъ и вѣчнаа да пріимеши.
но смиреному и оумоудроу сѣтовати и акы пачетекъ
чловѣкъ. бѣ же по зрѣнію оудаленъ сѣтлѣ.
и красотаа желанаа его пиѳетиискона и
а прекраснаго. сиаа же его бѣ и акоуа
стьшенныа сламѣ оноупы. глаа же его сълы
шати и акотрубаврародѣ.

Рис. 65. Александр Невский. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Между тем вскоре после этих событий у Ярослава родился старший сын Федор, а через год — следующий за ним Александр (будущий Невский). Это обстоятельство позволило исследователям выдвинуть две версии, первая из которых заключается в том, что жена в итоге вернулась к мужу. Однако более предпочтительной является другая: Ярослав вступил в третий брак. К ней заставляет склониться показание жития, что матерью Александра Невского являлась Феодосия, а не Ростислава, вторая жена Ярослава Всеволодовича.

Действительно, в работе историка Т. С. Мальгина (1752–1819), опиравшегося на родословные росписи, указывалось, что Ярослав был женат трижды. При этом в его труд вкрались серьезные ошибки. По его мнению, первой женой Ярослава, вопреки свидетельству летописца, была не дочь Юрия Кончаковича, а дочь князя Бориса Всеславича Полоцкого († 1128), что просто невозможно по хронологическим соображениям. Третьей женой он называл неизвестную по имени дочь рязанского князя Игоря Рюриковича, существование которого не известно ни родословцам, ни летописям. Кроме того, он именовал вторую жену

Ярослава Феодосией, хотя и говорил, что она являлась дочерью князя Мстислава Мстиславича[378]. Обзор этих фактов заставил А. В. Экземплярского отбросить версию А. Т. Мальгина как недостоверную, и он считал, что Ярослав был женат лишь дважды: на дочери Юрия Кончаковича и Феодосии, дочери Мстислава Удатного, и от последней имел детей, среди которых был и Александр Невский[379].

Вывод А. В. Экземплярского был оспорен в небольшой статье генеалога Н. А. Баумгартена (1867–1939). В ней доказывалось, что около 1218 г. Ярослав вступил в третий брак с Феодосией, дочерью скончавшегося в 1195 г. рязанского князя Игоря Глебовича. Доводы историка были чрезвычайно просты и убедительны. Он обратил внимание на то, что в 1250 г. брат Александра

---

[378] Примечания: 378

Мальгин Т. С. Зерцало российских государей. 3-е изд. СПб., 1794. С. 260–261. Это перекликается с мнением Екатерины II, полагавшей, что «Ярослав, во святом крещении Феодор, имел три супруги, а именно: 1) дщерь князя Юрия Кончаковича Половецкого; 2) супруга сего великого князя, Ярослава Всеволодовича Владимирского (на Клязьме), была великая княгиня Феодосия Мстиславна, во инокинях Евфросиния, дочь князя Мстислава Мстиславича Смоленского, потом Галичского и Киевского; 3) дочь князя Игоря Рязанского» (*Екатерина II, императрица.* Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008. С. 603).

[379] Примечания: 379

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 18. Прим. 42.

Невского Андрей женился на дочери Даниила Романовича Галицкого. Сам Даниил был женат первым браком на Анне, дочери Мстислава Мстиславича Удатного, и от нее имел детей. Во втором браке он состоял с неизвестной по имени княжной, племянницей литовского князя Миндовга. Дети от второго брака Даниила не известны и, следовательно, делается вывод, что женой Андрея Ярославича в 1250 г. стала дочь Даниила и Анны, то есть внучка Мстислава. Но, если предположить, что Феодосия, мать Андрея и Александра Невского, также была дочерью Мстислава, то оказывается, что в 1250 г. должна была произойти свадьба между родными внуком и внучкой Мстислава, что категорически не разрешалось ни тогда, ни сейчас. Пытаясь выяснить происхождение Феодосии, Н. А. Баумгартен обратил внимание, что Первая новгородская летопись под 1232 г. упоминает шурина, то есть брата жены, князя Ярослава Всеволодовича — Юрия, которого псковичи по рекомендации Ярослава пригласили на свой стол. В 30-е годы XIII в. летописи упоминают всего трех князей с именем Юрий. Его отождествление оказалось возможным только с князем Юрием Игоревичем Рязанским. Таким образом, Ярослав оказывался мужем его сестры

Феодосии[380].

[380] Примечания: 380

Баумгартен Н. А., фон. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 4 (16). М., 1908. С. 21–23.

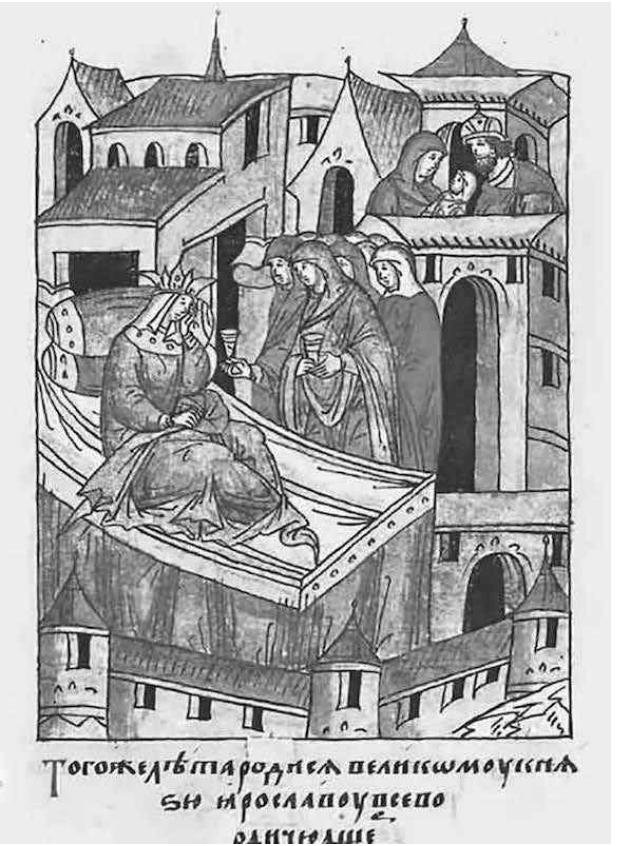


Рис. 66. Жена Ярослава Всеволодовича Феодосия Игоревна после родов дочери Марии. Миниатюра

Лицевого летописного свода XVI в.

Этот вывод о рязанском происхождении матери Александра Невского достаточно прочно вошел в литературу, но в 1986 г. был подвергнут сомнению В. А. Кучкиным. На его взгляд, около 1218 г. политическая ситуация в Северо-Восточной Руси коренным образом изменилась, и Мстислав Мстиславич, чтобы умиротворить своих бывших противников, отослал своему зятю Ярославу дочь Ростиславу, которая кроме языческого имени носила и христианское — Феодосия. Супруги встретились, и вскоре после этих событий у них родился первенец Федор[381].

Доводы В. А. Кучкина в защиту своей версии можно свести к нескольким пунктам. Летописец, описывая второй брак Ярослава, приводит только языческое имя его супруги, не упоминая ее крестильного имени, которое, несомненно, существовало. По мнению исследователя, Ростиславу должны были окрестить как Феодосию. Правда, из системы доказательств В. А. Кучкина это отнюдь не вытекает, и также легко можно предположить, что Ростислава имела любое дру-

[381] Примечания: 381

Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. Ежегодник. М., 1986. С. 71–80.

гое христианское имя.

Вторым доводом историка стало, по его мысли, признание невозможности, согласно церковным правилам, третьего брака. Но в ходе доказательств он противоречит сам себе, ссылаясь на то, что в середине XIV в. один из потомков Александра — великий князь Семен Гордый — женился третий раз. Как видим, в Древней Руси это было вполне возможно. К тому же по церковным канонам вступление в брак допускалось именно три раза, лишь четвертый считался незаконным.

Поскольку среди исследователей русского Средневековья не все владеют достаточным знанием церковно-канонического права, покажем, как решался этот вопрос, на примере многочисленных браков царя Ивана IV. Известно, что он был женат семь раз: на Анастасии Романовне Захарьиной, Марии Темрюковне Черкасской, Марфе Васильевне Собакиной, Анне Алексеевне Колтовской, Анне Васильчиковой, Василисе Мелентьевой, Марии Федоровне Нагой. Первые три брака не встретили возражений у церковных властей, и лишь только по поводу следующего в 1572 г. собрался особый церковный собор, разрешивший царю в виде исключения вступить в четвертый брак, но наложивший на него трехлетнюю епи-

тимью. При этом особо оговаривалось, что из прочих людей, кто бы они ни были, никто да не дерзнет сочетаться четвертым браком, в противном случае будет предан проклятию[382].

В-третьих, указывается, что жена Ярослава была очень тесно связана с Новгородом: подолгу живет здесь с мужем и без него, умирает тут, а перед смертью постригается в монахини. Для рязанской княжны это кажется достаточно странным, но для дочери Мстислава, владевшего когда-то Новгородом, представляется вполне естественным. Но подобная «любовь» к Новгороду была характерна и для других княгинь, в частности для Анны, жены брата Ивана Калиты Афанасия.

В-четвертых, историку кажется странной ситуация с братом Феодосии Юрием. Получив Псков «из руки» Ярослава, он становился вассалом последнего — князя, не занимавшего главного стола Северо-Восточной Руси, что говорит о крайней незначительности владений Юрия в Рязани. Между тем осенью 1237 г. он уже являл-

---

[382] Примечания: 382

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. IV. Ч. 1. М., 1996. С. 172–173. Соборное определение опубликовано: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. I. СПб., 1836. № 284. С. 329–332.

ся великим князем рязанским. Однако нечто подобное увидим в дальнейшем, когда будем рассматривать историю проделавшего примерно такую же карьеру князя Василия Александровича Брянского, фактического вассала Ивана Калиты, в эпоху, когда тот еще не был великим князем, а на московском столе сидел Юрий Московский.

Решающим же доводом в пользу своей гипотезы В. А. Кучкин считает известие о женитьбе в 1239 г. Александра Невского на дочери князя Брячислава Полоцкого. Известно, что тогдашние свадебные пир именовались «кашею». Под этим годом летопись помещает следующее известие: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, в Новегороде, поя в Полотьске у Брячислава дчерь, и венчася в Торопчи, ту кашю чини, а в Новегороде другую»[383]. Устройство свадебного пира в Новгороде вполне объяснимо, ибо по тогдашним правилам князья обыкновенно венчались в том городе, где княжил отец невесты, у которого был первый пир, а затем все родные и гости пировали у жениха. Александр с 1236 по 1240 г. княжил в Новгороде, и понятно, почему второй свадебный пир был накрыт именно здесь. Венчание же

[383] Примечания: 383

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 77.

Александра в Торопце — городе, входившем в состав Смоленской земли, на дочери полоцкого князя В. А. Кучкин объяснял тем, что, по его мнению, торопецкий стол в это время был вакантен, смоленский князь Всеволод Мстиславич был послушен отцу Александра Невского и можно было предъявить права на это княжение, в качестве внука торопецкого князя Мстислава по женской линии, устроив здесь в виде определенной политической демонстрации свое венчание.

В нашу задачу не входит изложение политической истории Полоцкой земли. Укажем лишь на то, что в этот период она переживала эпоху распада. В 1216 г. неожиданно умер полоцкий князь Владимир. Последовали смуты, которыми не замедлили воспользоваться соседи: Смоленск и Литва. Под 1222 г. летопись сообщает о взятии Полоцка смолянами. Судя по торговому договору Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г., смоленский князь Мстислав выступал как представитель не только Смоленска, но и Полоцка[384]. Очевидно, что Брячислав сохранял только остатки княжеских прав в Полоцке, а стольным городом у него был Торопец. После него

[384] Примечания: 384
Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 24 и др.

летопись не упоминает более полоцких князей, а сам Полоцк окончательно оказывается в руках Литвы, и здесь видим племянника Миндовга князя Товтивила.

Наконец, даже если и предположить вслед за В. А. Кучкиным, что Мстислав Мстиславич отдал свою дочь обратно зятю, трудно объяснить, почему столь неординарное событие прошло незамеченным летописцами, обращавшими пристальное внимание на события нравственного плана.

Историки по-разному отнеслись к гипотезе В. А. Кучкина. По мнению А. Ю. Карпова, гипотеза Н. А. Баумгартена «имеет под собой определенные основания»[385]. Доводы В. А. Кучкина, построенные лишь на ряде косвенных показаний, не удовлетворили и польского историка Дариуша Домбровского. При этом, основываясь на показаниях «Тверского сборника» — летописи, составленной в XVI в., он предложил альтернативное решение, что матерью Александра Невского являлась дочь одного из смоленских

[385] Примечания: 385

Карпов А. Великий князь Александр Невский. М., 2010. С. 41–43.

князей — Мстислава Романовича[386]. В свою очередь, это вызвало обоснованные упреки А. В. Горовенко и П. С. Стефановича, посчитавших его аргументацию ошибочной. В частности, Д. Домбровскому пришлось предполагать еще два брака Ярослава[387].

Суммируя вышесказанное, следует признать правоту Н. А. Баумгартена, что матерью Александра Невского была Феодосия, дочь рязанского князя Игоря Глебовича.

Когда Ярослав женился третий раз? Данный вопрос интересовал исследователей в первую очередь в плане выяснения даты появления на свет Александра Невского, пожалуй, самого знаменитого князя Древней Руси.

Как это не может показаться странным, но летописцы не заметили факта его рождения. В летописях он начинает упоминаться с 1228 г., когда его отец, Ярослав Всеволодович после похода на

---

[386] Примечания: 386

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. С. 554–561. (Studiorum slavicorum orbis. Вып. 10).

[387] Примечания: 387

Горовенко А. В. Блеск и нищета генеалогии [Рец. на кн.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.)] // Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. 2016. № 2 (3). С. 125–127; *Стефанович П. С.* [Рец. на кн.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.)] // Российская история. 2017. № 3. С. 180–183.

финское племя емь отправился со своей женой в Переславль-Залесский, оставив в Новгороде своих сыновей, Федора и Александра. Княжичи были очень молоды, и поэтому Ярослав приставил к ним боярина Федора Даниловича и тиуна Якима: «Тъгда же Ярослав поиде съ княгынею из Новагорода Переяславлю, а Новегороде остави 2 сына своя, Феодора и Алъксандра, съ Федоромъ Даниловицемъ, съ тиуномъ Якимомь»[388].

Таким образом, дату рождения Александра Невского, являвшегося вторым сыном Ярослава Всеволодовича, приходится выяснять косвенным путем. Первым попытался это сделать В. Н. Татищев. Судя по тому, что княжичи Федор и Александр княжили в Новгороде, хоть и номинально, вместе, возрастная разница между ними была очень небольшой и они являлись погодками. Факт рождения первенца князя Ярослава Всеволодовича отмечен летописцами. В частности, Никоновская летопись под 6726 г. («от сотворения мира») отметила: «Того же лета родися князю Ярославу Всеволодичю сынъ Феодоръ»[389].

Как известно, разница между тогдашним и

---

[388] Примечания: 388
ПСРЛ. Т. III. С. 66.

[389] Примечания: 389
ПСРЛ. Т. X. С. 82.

современным летоисчислениями составляет 5508 лет. Вычитая эту цифру из 6726, исследователи получили 1218 год как время рождения Федора Ярославича. Если Александр Невский был моложе своего брата всего на год, то датой его рождения является следующий 1219 год. Поэтому в своей «Истории российской» В. Н. Татищев при описании событий 1219 г. отметил: «Маиа 30 родися князю Ярославу сын и наречен во святом крещении Александр»[390].

Правда, последующие историки XVIII–XIX вв. изменили год его рождения на 1220. Основанием для этого послужило то, что Никоновская летопись является памятником XVI в. Между тем в более ранней Лаврентьевской летописи, составленной в 1377 г., о рождении старшего брата Александра — Федора сообщается под следующим 6727 годом: «Того же лета родися Ярославу сынъ, и нарекоша имя ему Феодоръ»[391]. Воскресенская летопись по этому поводу указывает тот же год, что и Лаврентьевская, и дает важное уточнение: «Тоя жъ зимы родися у Ярослава сынъ

---

[390] Примечания: 390

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II–III. М., 1995. С. 210 (второй пагинации).

[391] Примечания: 391

ПСРЛ. Т. I. Стб. 444.

Феодоръ»[392].

Действительно, в Древней Руси существовал обычай имянаречения по празднованию памяти того или иного святого, приходившегося на день крещения младенца, у нас имеется возможность определить более точно дату рождения княжича. Старший сын Ярослава Всеволодовича получил свое имя в честь святого великомученика Федора Стратилата, память которого совершается 8(21) февраля, а, следовательно, он родился в феврале 1219 г.

Поскольку Федор и Александр не являлись близнецами, но были примерно одного возраста (на это указывает известие 1228 г.), исследователи предположили, что если Федор родился в феврале 1219 г., то Александр появился на свет в мае следующего 1220 г.[393] Эта дата прочно вошла в последующую историографию.

Основанием для утверждения, что Александр Невский родился в мае месяце, стало мнение, что его назвали в честь христианского мученика начала IV в. Александра Римского, днем памяти которого является 13(26) мая, и, соответственно,

---

[392] Примечания: 392

ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 126.

[393] Примечания: 393

Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. I. С. 29.

Александр Невский родился в мае. Между тем, как уже говорилось ранее, В. В. Зверинский при описании Александровского монастыря в Суздале отмечал, что он был основан Александром Невским не в честь Александра Римского, а в память своего ангела Александра Перского[394], который являлся одним из девяти св. мучеников Перских (Пергийских), живших в памфилийском городе Пергии и пострадавших в правление императора Диоклетиана (284–305). Их память отмечается 1(14) августа. Это дает основание утверждать, что Александр Невский родился в самом конце июля и был крещен 1 августа. Но какого года?

Для этого нужно выяснить, в каком году родился старший брат Александра Федор: в 1218 г., как полагает Никоновская летопись, или же в 1219 г., согласно Лаврентьевской и Воскресенской летописям? В поисках ответа на данный вопрос исследователи отметили, что датировка одних и тех же событий в разных летописных сводах нередко отличается на один-два года. Это особенно характерно для наиболее ранних летописей — Лаврентьевской, Ипатьевской, Первой Новгородской.

---

[394] Примечания: 394
Зверинский В. В. Указ. соч. Т. I. С. VII–VIII.

В начале XX в. специалист в области хронологии Н. В. Степанов (1857–1914) предположил, что указанные расхождения в датировках — не ошибки, а следствие использования двух различных календарных стилей. Если византийский календарь отсчитывал год с 1 сентября, то на Руси даже после принятия христианства сохранялось существовавшее еще в пору язычества начало года с марта. Полагают, что подобная ситуация дожила примерно до конца XIV в., когда происходит постепенный переход с мартовского счисления на сентябрьское, просуществовавшее вплоть до эпохи Петра I. Именно от этого времени до нас дошли древнейшие летописные своды. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в списке последней четверти XIV в., Ипатьевская датируется концом 1420-х годов. При их создании летописцы, несомненно, должны были учитывать переход с одного календарного стиля на другой. Но в целом ряде случаев это было сделано не без ошибок.

При переводе дат на другой календарный стиль возможны только два варианта: мартовский год по отношению к сентябрьскому с тем же порядковым номером может начинаться или на полгода позже сентябрьского, или на полгода раньше. По-

этому Н. В. Степанов предложил мартовский год, начинающийся на полгода позже сентябрьского, назвать *мартовским*, а тот, который начинался на полгода раньше сентябрьского, — *ультрамартовским* (от лат. *ultra* — по ту сторону). Тем самым вполне удовлетворительно объяснялась небольшая (в один-два года) хронологическая разница в описании одних и тех же событий различными летописями.

Позднее эту тематику развил Н. Г. Бережков (1886–1956), предпринявший попытку научного обоснования датировок летописных событий. В своей работе «Хронология русского летописания» он проанализировал Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Первую Новгородскую летописи и на их основе дал хронологическую «привязку» всех упоминаемых в них событий. Изданная посмертно книга Н. Г. Бережкова быстро получила признание большинства исследователей Древней Руси[395].

Идя вслед за Н. Г. Бережковым, В. А. Кучкин высказал мысль, что если 6727 год Лаврентьевской летописи является мартовским, то, следовательно, он охватывает период с 1 марта 1219 г. по 29

---

[395] Примечания: 395

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

февраля 1220 г. современного летоисчисления. Соответственно, первенец Ярослава Всеволодовича должен был родиться в феврале 1220 г., и тогда следующий за ним Александр появился на свет в мае 1221 г.[396]

Эти разногласия специалистов в дате появления на свет Александра Невского нашли отражение даже в указах президентов современной России, вышедших с интервалом в 19 лет. 6 января 1995 г. был опубликован Указ № 16 Президента России Б. Н. Ельцина о проведении в июне 1995 г. праздника, посвященного 775-летию со дня рождения Александра Невского. Однако 23 июня 2014 г. Президентом России В. В. Путиным был подписан Указ за № 448 о праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского. Правда, годом празднования юбилея был определен 2021 г., а не 2020 г., как считалось ранее. Перемена даты объясняется просто. Начиная с 2008 г. сложился порядок определения дат различных юбилеев лишь после того, как в администрацию Президента поступит письмо от президента

[396] Примечания: 396

Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176; *Он же.* Александр Невский — государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.

Российской академии наук, подтверждающее ее правильность. Как правило, оно направляется из администрации Президента России в Академию наук, откуда «спускается» в профильный научно-исследовательский институт, и уже там специалистами готовится соответствующее заключение, которое служит основанием для соответствующего решения. Именно таким образом оно попало к В. А. Кучкину, предложившему свою трактовку даты рождения Александра Невского.

Но прав ли историк, пересмотревший традиционную дату рождения Александра Невского? Его версия целиком строится на положениях книги Н. Г. Бережкова. Однако многие из построений Н. Г. Бережкова носят искусственный характер. Поясним это на конкретном примере. Лаврентьевская летопись, созданная в Северо-Восточной Руси, и Ипатьевская, происходящая из Южной Руси, рассказывают о событиях в семье деда Александра Невского — великого князя Всеволода Большое Гнездо. При этом разница в датировке этих событий в данных летописных сводах составляет два года.

Н. Г. Бережков и его последователи полагали, что временной разрыв в два года возник из-за сочетания мартовского и ультрамартовского

календарных стилей. Но разгадка оказывается гораздо проще. Оказалось, что составитель Ипатьевской летописи продублировал дважды одно и то же событие семейной жизни Всеволода. Под 1182 г. она сообщает о том, что свояченица (сестра жены) Всеволода была выдана замуж за младшего сына киевского князя Святослава Всеволодовича Мстислава: «Князь кыевьскыи Стославъ Всеволодичь ожени 2 сна. За Глеба поя Рюриковноу, а за Мьстислава ясыню из Володимеря Соуждальского Всеволожю свесть, бысть же бракъ велик»[397]. Однако двумя годами ранее тот же источник в статье 1180 г., рассказывая о борьбе Рюрика Ростиславича со Святославом Всеволодичем за киевский стол, их последующем примирении, помещает известие о том, что Всеволод Большое Гнездо освободил из заключения Глеба, сына Святослава, и выдал за него свою племянницу: «Всеволод же Соуждальский поусти Глеба Святославича из оковъ, прия великоую любовь со Святославомъ и сватася с нимъ и да за сына его меншаго свесть свою»[398]. Тем самым выясняется, что летописец фактически продуб-

[397] Примечания: 397
ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 624–625.

[398] Примечания: 398
ПСРЛ. Т. II. Стб. 624.

лировал информацию о браках Святославичей, в результате чего она оказалась разнесенной по двум разным годам. Так и возникла разница в два года в датировках последующих событий семейной жизни Всеволода. Отсюда вытекает основной вывод: говоря о дате рождения Александра Невского, нельзя применять догадку Н. Г. Бережкова о мартовском и ультрамартовском календарных стилях ранних русских летописей.

Для ответа на интересующий нас вопрос о времени появления Александра Невского на свет следует сделать небольшое отступление на тему: когда в Древней Руси князья становились взрослыми, чтобы действовать на политической арене? Для этого необходимо указать на разницу между двумя юридическими понятиями: совершеннолетием и дееспособностью.

В современной России, по общему правилу, изложенному в статье 21 Гражданского кодекса, совершеннолетие наступает с 18 лет. Именно с этого возраста гражданин вправе вступать в брак, управлять автомобилем, занимать должности на государственной службе, участвовать в выборах в качестве избирателя. Таким образом, указывают юристы, совершеннолетие означает полную способность реализовывать свои права, а также

отвечать за свои действия и их последствия.

Но при этом даже достигший 18-летнего возраста гражданин не имеет активного избирательного права: баллотироваться в депутаты любого уровня можно только начиная с 21 года, а участие в президентских выборах в качестве кандидата разрешается лишь с 35 лет.

Вместе с тем частичная дееспособность наступает еще до возраста совершеннолетия. Статья 28 Гражданского кодекса предусматривает, что дети младше 6 лет считаются абсолютно недееспособными, с 6 до 14 лет — в целом недееспособными, но имеющими право совершать мелкие сделки бытового характера, с 14 до 18 лет — частично дееспособными. С этого времени они, в дополнение к дозволенным в более раннем возрасте действиям могут самостоятельно открывать и закрывать банковские вклады, распоряжаться собственными денежными поступлениями из любых источников, осуществлять авторские права. С 16 лет они имеют право вступать в кооперативы, с этого же возраста наступает и уголовная ответственность, правда, с определенными послаблениями и ограничениями. Полная дееспособность может наступить и до 18-летнего возраста в случае, если гражданин вступил в

брак, когда это дозволено законом.

Подобная практика существовала и в Древней Руси. Летописи упоминают «постриги» княжеских детей. Данным термином обозначался обряд первой стрижки волос. Обыкновенно он совершался в возрасте 3 лет и происходил в церкви с чтением особой молитвы, для чего ребенка приводил туда его крестный отец. После пострига дети переходили из женских рук в мужские. Как знак этого, мальчика сажали на коня в присутствии епископа, бояр и народа[399].

Так, к примеру, под 1192 г. Лаврентьевская летопись сообщает о «постригах» княжича Юрия (Георгия), сына великого князя Всеволода Большое Гнездо: «В лето 6700, месяца иоуля въ 28 день, на память святаго мученика Евъстафья въ Анкюре Галастийстеи. Быша постригы оу великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Георгеви, в граде Суждали; того же дни и на конь его всади; и бысть радость велика в граде Суждали, ту сущю блаженому епископу Иоану»[400]. Под 1194 г. тот же источник

---

[399] Примечания: 399

См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 430.

[400] Примечания: 400

ПСРЛ. Т. I. Стб. 409.

сообщает о «постригах» другого сына Всеволода Ярослава: «В лето 6701. Быша постригы оу благовернаго и христолюбивого князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярославу месяца априля въ 27 день, на память Семеона, сродника Господня при блаженемь епископе Иоане, и бысть радость велика в граде Володимери»[401].

Точные даты рождения сыновей Всеволода известны. Юрий появился на свет 26 ноября 1189 г., Ярослав — 8 февраля 1191 г. «Постриги» у них прошли, соответственно, в 2 года и 8 месяцев, 3 года и 2 месяца.

Традиция княжеских «постригов» дожила до начала XIV в. Под 1302 г. встречаем в летописи их последнее упоминание: «Того же лета быша постриги у князя Михаила Ярославичя Тверскаго сыну его Дмитрею»[402]. Относительно Дмитрия Тверского мы знаем только годы его рождения и «постригов»: 1299 и 1302 г. Но и они укладываются в трехлетний возраст проведения данного обряда.

Исследователи, говоря о княжеских «постригах», указывали на чрезвычайную древность

---

[401] Примечания: 401
Там же. Стб. 411.

[402] Примечания: 402
Там же. Т. X. С. 174.

этого обряда, возводя его к языческим инициациям или средневековым рыцарским посвящениям[403]. При этом непонятным оставался вопрос: почему Церковь Древней Руси освящала своим авторитетом такой языческий обычай, как «постриги»? Ответ на него, как правило, искали в ситуации «двоеверия», обычной для домонгольского периода истории русского общества[404].

[403] Примечания: 403

Балушок В. Г. Инициации древних славян: попытка реконструкции // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 57–66; *Он же.* Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 35–45.

[404] Примечания: 404

Лисюченко И. В. «Постриги» в восточнославянской княжеской среде как один из аспектов обоснования права на верховную власть // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 3(37). С. 43–45.

Рис. 67. Постриги сына Михаила Ярославича Тверского Дмитрия. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

С этим предположением можно было бы согласиться, если бы не одно «но»: выясняется, что

высшие церковные иерархи не только мирились с этим обычаем, присутствуя при его проведении, но и активно участвовали в нем. В 1230 г. князь Михаил Черниговский провел в Новгороде «постриги» своего сына Ростислава: «Въ то же лето князь Михаилъ створи пострегы сынове своему Ростиславу Новегороде у святеи Софии и уя влас архепископъ Спиридон; и посади его на столе, а самъ поиде въ Цьрниговъ»[405].

В данной ситуации надо искать смысл «постригов» не во внешней обрядности, а в их более глубоком значении. История Древней Руси — история сурового времени, когда человеческая жизнь, даже княжеская, могла оборваться внезапно. Если учесть, что тогдашние взаимоотношения строились исключительно на личных связях, неожиданная гибель князя могла стать катастрофой для целого княжества. В подобных условиях князья прилагали усилия по предотвращению подобных коллизий. В первую очередь это отразилось на крестоцеловальных записях, составлявшихся при клятве бояр к новому сюзерену. Ее формуляр, сохранившийся в одном из сборников митрополичьего архива, свидетель-

[405] Примечания: 405

ПСРЛ. Т. III. С. 69. К сожалению, сказать о возрасте Ростислава на тот момент невозможно, поскольку это первое его упоминание летописцем.

ствует, что боярин приносил присягу князю и его детям не только от себя лично, но и от имени своих детей: «А мне, имярек, и детей своих болших к своему государю, к великому князю имярек, привести, и к его детем»[406].

Обряд «постригов» служил гранью, обозначавшей дееспособность (разумеется, ограниченную) юного княжича. В ходе него он объявлялся наследником своего отца, формальным субъектом взаимоотношений, а значит, ему можно было приносить присягу.

Именно это видим на примере старшего сына Всеволода Большое Гнездо Константина, когда летописец, рассказывая об освящении соборной церкви во Владимире 15 августа 1189 г., специально подчеркнул, что это происходило «при князе великом Всеволоде и сыне его Костянтине», которому на тот момент исполнилось три года: «Того же лета священа бысть церкы сборная пречистая Богородица великым священьем блаженым епископомъ Лукою при князи великом Всеволоде и сыне его Костянтине и Ярославичи Ростиславе зяти его и бысть радость велика в граде Володимери и священна бысть накануне

[406] Примечания: 406

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Ч. 1. М., 1986. № 46. С. 175.

пречистое Богородицы Оуспенья»[407].

В условиях тогдашней высокой младенческой смертности трехлетний возраст княжича был определенной гарантией того, что он впоследствии доживет до полного совершеннолетия. Именно в этом заключалось главное значение «постригов», и княжич начинал упоминаться летописцем.

Ситуация порой складывалась так, что трехлетний ребенок формально становился главой целого княжения. В подобном положении оказался черниговский княжич Ростислав, когда сразу после «постригов» был посажен на новгородский стол, а его отец вернулся в Чернигов. Разумеется, все понимали, что вряд ли княжич может предпринимать какие-то самостоятельные действия. Но их от него и не требовали — для этого существовали придворные советники. Именно это видим в летописном известии 1228 г., когда великий князь Ярослав Всеволодович посадил на новгородском столе своих сыновей Федора и Александра, дав им опытных помощников.

Применительно к теме нашего исследования важным является то, что помимо первого прямо-

---

[407] Примечания: 407
ПСРЛ. Т. I. Стб. 407.

го упоминания детей Ярослава в 1228 г., Первая новгородская летопись пятью годами ранее косвенно говорит о них, когда под 1223 г. сообщает: «Поиде князь Ярослав съ княгынею и съ детми Переяслалю»[408]. Упоминание детей Ярослава во множественном числе прямо свидетельствует, что речь здесь идет о его старших сыновьях Федоре и Александре. С учетом вышесказанного это означает, что к тому времени Александру уже исполнилось три года и он прошел обряд «постригов». Отсюда со всей очевидностью вытекает, что будущий герой Невской битвы и Ледового побоища родился в самом конце июля 1220 г., а не годом позже. Его старший брат Федор появился на свет в феврале 1219 г. Отсюда делаем вывод, что их отец Ярослав Всеволодович женился в третий раз в 1218 г.

[408] Примечания: 408
ПСРЛ. Т. III. С. 61.

Рис. 68. Пашуто В. Т.

Именно этим годом датировал брак Ярослава Всеволодовича и Феодосии Игоревны В. Т. Пашуто (1918–1983). Он связал его с событиями в Рязанской земле. В целом ряде летописей рассказывается о трагедии, случившейся в рязанском княжеском доме. Рязанский князь Глеб Владимирович, решив укрепить свою власть в Рязанской земле, пошел на отчаянный шаг. Он договорился со своим братом Константином лишить жизни остальных рязанских князей. Пригласив на совет пять двоюродных и родного брата Изяслава вместе с их боярами, он тайно велел своим слугам окружить их в шатре и пе-

ребить во время пира[409]. Трагической участи избег лишь двоюродный брат Глеба и Константина Ингварь Игоревич, находившийся в Старой Рязани. Понимая, что тот отомстит убийцам, братья направились вместе с половцами к Старой Рязани. Ингварь разбил половцев, а союзники бежали: Глеб — в степь, где скончался в 1219 г., а Константин после долгих скитаний ушел к Ростиславу Михайловичу (сыну Михаила Черниговского), русскому князю сербской Мачвы. Ингварю, ставшему владельцем всей Рязанской земли, помогала дружина владимирских князей. При этих обстоятельствах Ярослав сблизился с его сестрой Феодосией и женился на ней[410].

---

[409] Примечания: 409
Там же. С. 58.

[410] Примечания: 410
Пашуто В. Т. Александр Невский. М.; Екатеринбург, 1995. С. 10.

Рис. 69. Расправа Глеба и Константина Рязанских над своими братьями в Исадах. Миниатюра

Лицевого летописного свода XVI в.

Мы неслучайно столь подробно остановились на выяснении данного вопроса, имеющего, казалось бы, чисто генеалогический характер. Выясняется, что в описываемую эпоху князья вместе с рукой невесты получали приданое в виде тех или иных волостей. Так и Ярослав Всеволодович, женившись в 1218 г. на рязанской княжне Феодосии, получил за ней половину Коломны.

Подобные случаи известны в отечественной истории. К примеру, во второй половине XIII в. князю Федору Ростиславичу Смоленскому, женатому на Марии, дочери князя Василия Всеволодовича Ярославского, в качестве приданого достался Ярославль[411]. Позднее князь Михаил Ижеславский, женившись на дочери князя Ивана Мстиславского, Ульяне, получил за ней в приданое Мстиславль[412]. Правда, сразу же следует сказать, что эти два примера несколько «выпадают» из общего правила, ибо у тестей указанных князей не было на момент их кончины мужского потомства. Тем не менее это вовсе не означа-

[411] Примечания: 411
Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 13, 101.

[412] Примечания: 412
Там же. С. 92.

ет того, что в средневековой Руси не давали в приданое за княжескими дочерями земельных владений.

То, что утрата рязанскими князьями первой половины Коломны была связана с браком Ярослава Всеволодовича, подтверждается несколькими фактами, отразившимися в летописании. В последней четверти XII — начале XIII в. правый приток Москвы-реки — Нерская был тем рубежом, куда выходили встречать и провожать высокопоставленных гостей послы рязанских князей и епископы. Когда в 1176 г. Михалко «поиде… на Глеба к Рязаню», то послы последнего встретили его на «Мерьской»[413]. Под 1207 г. Лаврентьевская летопись рассказывает, что великого князя Всеволода, идущего из Коломны и пришедшего на «усть Мерьскы», «постиже … епископ… с молбою и с поклоном от всех людей, князь же великий оттоле поиде в Володимеръ»[414]. Там же, в верховьях Нерской, во время рязанско-владимирского конфликта 1209 г. стоял и пронский князь Изяслав Владимирович, отпустивший своих людей

[413] Примечания: 413
ПСРЛ. Т. XXV. С. 86.

[414] Примечания: 414
Там же. Т. I. Стб. 433.

«воевати села около Москвы»[415]. Тщательный анализ местной географической номенклатуры, встречающейся в последнем летописном известии, позволил А. А. Юшко прийти к выводу, что река Нерская в значительной части своего течения была рубежом рязанских владений[416] и, как следствие этого, Коломна на последнюю дату (1209 г.) являлась еще чисто рязанским владением.

[415] Примечания: 415
Там же. Т. VII. С. 116.

[416] Примечания: 416
Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 110–113.

Рис. 70. Князь Федор Ростиславич садится на княжение в Ярославле. Миниатюра Лицевого ле-

тописного свода XVI в.

Более интересным представляется рассказ о нашествии Батыя на Русь. Он широко известен, и поэтому обратим внимание только на один эпизод. Получив известие о нападении татар, рязанские князья запросили помощи у великого владимирского князя Юрия Всеволодовича и у черниговских соседей. Но эти просьбы остались без последствий. И только после того, как Батый, разорив Рязань, двинулся на Коломну, владимирский князь направил своего сына Всеволода, выславшего вперед «в сторожех» воеводу Еремея Глебовича. У Коломны Всеволод соединился с дружиной рязанского князя Романа Ингваревича. Затем сюда подошли татары, завязалась битва, в которой погибли князь Роман и воевода Еремей Глебович, а князь Всеволод «в мале дружине прибеже в Володимерь»[417]. Известие это неоднократно пересказывалось историками, но никто из них не задал простого вопроса: почему владимирский князь послал дружину на помощь Коломне, хотя на более ранние призывы о помощи отговаривался различными причинами. Все становится на свои места, когда выясняется, что

[417] Примечания: 417
ПСРЛ. Т. XXV. С. 127.

к тому времени Коломна являлась совместным владением владимирских и рязанских князей. Как уже говорилось, по тогдашним обычаям, князья-совладельцы должны были сообща оборонять свой город, и отсюда вполне понятными становятся действия владимирского великого князя, решившего защищать совместную собственность.

Рис. 71. Батыево нашествие. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Тем самым оказывается, что рязанские князья утратили первую половину Коломны в промежуток между 1209 и 1237 гг. Поскольку летописи молчат о каких-либо военных действиях по этому поводу, делаем вывод, что это произошло мирным способом, путем брака Ярослава Всеволодовича с рязанской княжной в 1218 г., в результате чего тот получил в приданое эти земли. Важен и другой вывод: в результате последующих событий начала XIV в. к Москве была присоединена не вся Коломна, а только та ее половина, что еще оставалась за рязанскими князьями.

Центром первой коломенской половины, обозначаемой в духовных грамотах Ивана Калиты как «Похрянский уезд», являлось, без сомнения, «село на Северьсце в Похрянъском оуезде».

История вхождения в Московское княжество второй коломенской половины хранит не меньше загадок.

Выше уже обращалось внимание на указание Никоновской летописи о почетном плене в Москве рязанского князя Константина и намерении Даниила Московского, укрепившись с ним крестным целованием, отпустить его обратно в

Рязань, а также на свидетельство рязанских рукописей, что Константин был «с Москвы отпущен паки на Рязань на его княжение». А. Г. Кузьмин полагал, что, возможно, в них неправильно был понят текст, говоривший только о намерении отпустить рязанского князя, и при этом отмечал несомненную связь их чтений с текстом Никоновской летописи[418]. Но можно предположить, что в тексте рязанских памятников отразились реальные события.

[418] Примечания: 418
Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 197.

Рис. 72. А. Солодков. Взятие Коломны в 1237 г.

Это обстоятельство заставляет внимательно проанализировать все известия Никоновской летописи, так или иначе связанные с рассматриваемыми событиями. Разумеется, при этом следует учитывать, что Никоновская летопись имеет довольно позднее происхождение и была составлена в первой половине XVI в., то есть через два с лишним века после событий начала XIV в., что приводит к целому ряду ошибок и неточностей в хронологии и описании событий. Но это

же обстоятельство имеет и положительное значение, поскольку с самого начала Никоновская летопись создавалась как общероссийский свод на основе многих, в том числе не сохранившихся до нашего времени источников, включая не только официальную московскую летопись, но и другие местные летописи, содержавшие порой оценки и взгляды, отличные от московских.

Для дальнейшего изложения необходимо обратиться к генеалогии рязанских князей.

Значительная их часть погибла во время Батыева нашествия. В живых остались только сын Ингваря Игоревича Ингварь Ингваревич (это произошло благодаря случайности — перед приходом татар он был послан за помощью в Чернигов) и его брат Олег, взятый в плен и которого, согласно преданию, пощадили ради редкой его красоты. Вернувшись в Рязань вскоре после ухода татар, Ингварь Ингваревич занялся делами восстановления княжества. О времени его кончины известий до нас не дошло. А. В. Экземплярский полагал, что он умер около 1252 г., не оставив потомства[419].

Именно в этом году из плена вернулся его брат

---

[419] Примечания: 419

Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 572.

Олег Ингваревич, который прокняжил на рязанском столе лишь шесть лет и скончался в марте 1258 г., оставив единственного сына Романа. Из событий его княжения летописцы передают лишь один эпизод. В 1270 г. хану Менгу-Тимуру донесли, что князь Роман произносит хулу на него и недавно принятую в Орде исламскую веру. Рязанского князя вызвали в Орду и требовали принять ислам. Тот категорически отказался и после мучений был убит.

Трое сыновей Романа Ольговича: Федор, Ярослав и Константин — занимали последовательно великокняжеский рязанский стол. Из них Федор сел в Рязани, Ярослав — в Пронске. Относительно княжеского стола, выделенного Константину, летописных указаний нет, но, судя по тому, что он был захвачен в Коломне, можно думать, что в удел ему был предназначен именно этот город.

Старший из братьев, Федор Романович, скончался бездетным зимой 1294 г., и великокняжеский рязанский стол перешел к Ярославу Романовичу Пронскому. Он умер в 1299 г., и великим рязанским князем стал младший из братьев Константин.

Очевидно, именно этим обстоятельством и решил воспользоваться Даниил Московский, попытавшийся прибрать к своим рукам вторую часть Коломны. В 1301 г. он предпринимает поход против Константина. Подробности становятся известны из «Записок» Екатерины II, использовавшей недошедший, более полный вариант Никоновской летописи: «Того же лета татары начали собиратися около Рязани, князь же Константин Романович Рязанский не чинил им препятствия, но делал пособие. Услыша сие, князь Даниил Александрович Московский собрал

войски и пошел осенью на землю Рязанскую, и была битва у самого града Переславля-Рязанского, и князь Даниил Московский одоле татар и людей рязанских и с ними бывших бояр избил, и самого князя Константина Романовича Рязанского ят и приведе с собою к Москве, и держа его у себя в чести всякой, хотя его отпустити в отчину его княжение Рязанское»[420].

Поскольку в битве на стороне последнего сражались татары, полагают, что между московским и рязанским князьями уже давно шли какие-то разногласия и Константин, ожидая нападения, пригласил в качестве союзников татар. Однако он проиграл битву «некоею хитростью» и изменой своих бояр.

После взятия Коломны рязанский князь Константин Романович оказался в плену у Даниила Московского, который имел на него далеко идущие планы, почему и содержал пленника в почете. Но московскому князю не удалось исполнить своих намерений — он скончался 4 марта 1303 г. Наследник Даниила Юрий, видимо, не отступался от замысла отца, но это у него не получилось, и под 6813 (1305) г. Никоновская ле-

---

[420] Примечания: 420

Екатерина II, императрица. Указ. соч. С. 651.

топись сообщает, что «того же лета, въ Филипово говение, князь велики Юрьи Даниловичь повеле у себя на Москве великого князя Рязанского Констянтина Романовичя убити». Московский летописный свод конца XV в. помещает это известие под 6814 г., а Симеоновская летопись — под 6815 г.[421] Правильную датировку дает более ранняя московская летопись.

Детали сообщает более подробный, но не дошедший до нас вариант Никоновской летописи, использованный Екатериной II: «В 1305 году, в Филиппово говение бысть князю Юрию Московскому извет на князя Константина Романовича Рязанского, его же поимал на бою хитростию князь Даниил Александрович Московский, яко пересылается с татары и оных хощет навести на области московские, и разгневася зело на князя рязанского, в имании уже четыре года седящего, повеле у себя на Москве князя Константина Романовича Рязанского казнить»[422].

---

[421] Примечания: 421

ПСРЛ. Т. X. С. 176; Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 86–87; Т. XXV. С. 158.

[422] Примечания: 422

Екатерина II, императрица. Указ. соч. С. 656.

Рис. 73. Убийство Юрием Московским князя Константина Рязанского. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Известно, что у Константина был единственный сын Василий. Вполне понятно, что он прилагал немало усилий для освобождения отца и закрепления за собой его владений. В этом контексте и следует рассматривать приводившееся выше свидетельство о его переговорах с ярым противником Москвы тверским князем Михаилом. К сожалению, из дошедших до нас общерусских летописей неясно — добился ли он каких-либо результатов.

Подробности находим у Екатерины II. Сразу после известия о гибели Константина Рязанского она сообщает: «Братия же князя Юрия Московского — князи: Александр и Борис Даниловичи, находя казнь единокровного им князя рязанского сурову, пришед к брату, говорили ему, что он неприличное и ужас наводящее дело затеял, и бысть речи многи и ссора велия между братий; князь Юрий же разгневался сильно на братий своих, и они, опасаясь гнева его, отъехали от него с Москвы к управу и помощь противу князя князю великому Михаилу Ярославичу Владимирскому и Тверскому.

Услыша князь Василий Константинович Рязанский убиение отца своего на Москве, печалися зело и посла ко князю великому Михаилу Яро-

славичу Владимирскому и Тверскому с жалобою и просить управы на князя Юрия Московского. Князь великий Михаил обещал князю рязанскому управу и помощь противу князя московского, но отлагал оные, дондеже возвратится из Новаграда. Князь Василий же Рязанский между тем сам поехал в Орду к хану Тохте домогаться войск татарских и получил обещание о присылке оных»[423].

Под 6816 (1308) г. Никоновская летопись помещает следующие известия: «Того же лета убиен бысть во Орде князь Василей Констянтиновичь Рязанский. Того же лета татарове Рязань воеваша. Того же лета князь велики Михайло Ярославичь… ходи вдругие къ Москве ратью всею силою, и бысть бой у Москвы, на паметь святаго апостола Тита, и много зла сотвори и, града не взявъ, отъиде»[424].

Следует указать на хронологическую ошибку в датировке этих известий летописью. В. А. Кучкин, привлекая для анализа широко известную запись в псковском Апостоле 1307 г. с цитатой из «Слова о полку Игореве», установил, что указан-

---

[423] Примечания: 423
Там же.

[424] Примечания: 424
ПСРЛ. Т. X. С. 176–177.

ный бой произошел 25 августа 1307 г.[425]

Детали вновь находим у Екатерины II под 1307 г.: «Того же лета князь великий Михаил Ярославичь Владимирский и Тверской из Твери с войском пошел в другие на князя Юрия Даниловича Московского ратию со всею силою, и пришел под самой град Москву в 25 день августа на память святого апостала Тита, и бысть бой у Москвы и разорение великое области Московской, но, града не взя, князь великий Михаил отъиде.

Того же лета на осень послано бысть от хана Тохты по домогательству князя Василья Рязанского татарское войско под начальством Тарирова на низовские месте, принадлежащие князю Юрию Московскому и князей с ним в союзе родства или дружбы находящихся; самого же князя Василья Константиновича Рязанского хан оставил у себя.

Князь Юрий Данилович Московский с своей стороны посылал к хану дары и жалобы на князя великого и на рязанские князи, говоря, что они подданных разоряют и приводят в несостояние платить положенные подати. Хан же, быв убежден представлениями и подарками князя Юрия,

---

[425] Примечания: 425

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 137–138.

обещал учинить рассмотрение»[426].

[426] Примечания: 426
Екатерина II, императрица. Указ. соч. С. 657.

Рис. 74. Убийство татарских послов. Миниатю-

ра Лицевого летописного свода XVI в.

Под следующим 1308 г. императрица завершает рассказ о Василии Рязанском: «Того же лета убиен бысть во Орде князь Василий Константинович Рязанский, и посланы были татарове собрать дань сполна за прошедшие годы с Рязани, а где собрать не могли, поступали военною рукою»[427].

Остается загадкой, почему другие русские летописи, сообщающие об убийстве Константина, ничего не говорят о гибели его сына. Молчит об этом и московское летописание, хотя следствием гибели Василия, за отсутствием у того мужского потомства, должно было явиться окончательное присоединение Коломны к Москве.

В этой связи внимание привлекает известный рассказ о событиях в Твери, разыгравшихся после восстания тверичей против татар в 1327 г., содержащийся во многих летописных сводах. Вкратце он сводится к тому, что хан Узбек, узнав о гибели Щелкана, «разгореся яростию велиею зело» и послал на Русь за Иваном Калитой, который с татарской ратью разорил Тверское княжество. Московский князь постарался извлечь из представившейся возможности максимальную

[427] Примечания: 427
Там же.

выгоду. Разгром Твери, о котором там помнили долгие десятилетия, окончательно похоронил надежды тверских князей на общерусскую гегемонию. Пострадали и союзники Твери. Под этой датой многие летописи сообщают о гибели от татар рязанского князя Ивана Ярославича. По мнению А. Г. Кузьмина, он выступал в поддержку восстания в Твери и, как следствие этого, погиб от рук татар[428].

Самым же любопытным является известие, разрывающее рассказ о событиях 1327 г. в Никоновской летописи, согласно которому «того же лета во Орде убиенъ бысть князь Василей Рязанский повелениемъ царя Азбяка»[429]. Это свидетельство имеется еще только в рязанских рукописях и, по мнению А. Г. Кузьмина, так же как и сообщение о смерти Василия Константиновича Рязанского, восходит к рязанским записям, сделанным, возможно, в каком-то синодике[430]. Встает вопрос: кем являлся князь Василий Рязанский сообщения 1327 г.? А. В. Экземплярский,

---

[428] Примечания: 428
Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 198.

[429] Примечания: 429
ПСРЛ. Т. X. С. 194.

[430] Примечания: 430
Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 198–199.

отмечая лишь сам факт, даже не пытался выяснить его[431].

[431] Примечания: 431
Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1891. С. 579. Прим. 1861.

Рис. 75. Щелкановщина. Восстание в Твери

1327 г. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Генеалогия рязанских князей известна не слишком полно. Тем не менее стоит отметить одно наблюдение: только один из рязанских князей этого времени носил имя Василий (если не считать князя Василия Ярославича Муромского, скончавшегося в 1345 г.[432]). Им был упоминавшийся выше князь Василий Константинович. Следовательно, его необходимо отождествить с князем Василием Рязанским, известие о гибели которого в 1327 г. приводит Никоновская летопись. Если это так, закономерным представляется вопрос: когда же погиб этот князь — в 1307 или 1327 г.?

В Никоновской летописи сообщение 1307 г. носит очень глухой характер, в то время как известие 1327 г. сообщает подробность, которую летописец не мог выдумать, что Василий был убит по прямому указанию хана Узбека. Обращает внимание и то, что, если исключить ошибки в хронологии, Никоновская летопись помещает известие о гибели князя Василия Константиновича на следующий год после смерти его отца в

[432] Примечания: 432
Там же. С. 617–618.

московском плену. Очевидно, это неслучайно. Составитель Никоновской летописи, живший в XVI в. и сводивший воедино разнообразные источники через много десятилетий после событий начала XIV в., в ходе своей работы встал перед серьезной проблемой. Из синодиков и родословцев он, вероятно, знал, что единственный сын Константина Рязанского, погибшего в московском плену, скончался насильственной смертью в Орде. Пытаясь датировать этот факт при почти полном отсутствии летописных известий о Рязани в других летописях, он поступил весьма просто — поместив сообщение о гибели Василия на следующий год после кончины его отца и приурочив его к известию об очередном набеге татар на Рязань. Факт гибели князя Василия Рязанского в Орде по приказу хана Узбека он поместил, как и положено под 1327 г., не отождествив его, однако, с князем Василием Константиновичем. Таким образом, в летописи появились два рязанских князя, носивших одно и то же имя.

Исходя из всего сказанного, представляется следующая картина развития событий, последовавших после московско-рязанского столкновения рубежа XIV в. Даниил Московский, захватив в плен рязанского князя Константина,

несомненно, имел на него далеко идущие виды, пытась округлить границы своего княжества. Политику отца попытался продолжить в этом направлении и его сын Юрий Данилович. Но это ему не удалось. Сын Константина Рязанского Василий сумел заручиться поддержкой Тверского княжества. Воевать на два фронта — против Рязани и могущественной Твери — у московских князей не было сил и возможностей. К этому же добавились и разногласия внутри самого Московского княжеского дома. Именно под этим углом следует рассматривать известие московского летописного свода конца XV в. под 1306 г. об отъезде в Тверь из Москвы двух младших братьев Юрия — Александра и Бориса Даниловичей[433]. Обозленный Юрий в отместку приказал убить пленника. Тщательно подготовившись, Михаил Тверской в 1307 г. подошел к Москве, но московским князьям, собравшим рать, удалось отразить нападение. Тверичи ушли восвояси, наделав много зла без всякой для себя пользы. Можно думать, что Москва, готовясь к схватке с Тверью и союзной ей Рязанью, не ждала этого безучастно, а попыталась нейтрализовать последнюю. Разыг-

[433] Примечания: 433
ПСРЛ. Т. XXV. С. 393.

рав татарскую карту, она натравила отдельные отряды татар напасть на рязанские пределы.

Как бы то ни было, хотя Москва де-факто владела Коломной, юридически данная ситуация не была урегулирована. Василий Константинович формально продолжал числиться владельцем половины Коломны. В будущем это грозило конфликтом.

Это подтверждается сообщением Первой новгородской летописи под 1320 г. (единственной из всех летописей): «Ходи князь Юрьи ратью на Рязань на князя Ивана Рязаньского, и докончаша мир»[434]. Речь в данном случае идет о двоюродном брате Василия Константиновича — Иване Ярославиче Пронском[435].

Тверские события 1327 г. дали Ивану Калите тот, пожалуй, единственный шанс, когда с врагами можно было расправиться быстро руками татар. В итоге оба рязанских князя: Василий Константинович и Иван Ярославич — погибли, а на рязанском столе оказался московский ставленник Иван Иванович Коротопол, все оставшееся время княжения Ивана Калиты не выходивший

---

[434] Примечания: 434
ПСРЛ. Т. III. С. 96.

[435] Примечания: 435
Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 578–579.

из-под «руки» Москвы. После разгрома Твери хан Узбек щедро отблагодарил московского князя и из Орды Иван Калита возвратился с титулом великого князя владимирского. Кроме этого Иван Данилович получил, вероятно, и формально остававшуюся за Рязанью вторую половину Коломны. Косвенное подтверждение тому находим в той же Никоновской летописи: «Того же лета поидоша во Орду князь велики Иван Даниловичь Московьский… Царь же Азбяк прият их с честию всех, и даде великое княжение Володимерское князю Ивану Даниловичю… *и иныя княжениа даде ему к Москве*»[436].

Спустя несколько лет Иван Калита составляет свою духовную грамоту, в которой в виде анахронизма все еще упоминается вторая коломенская половина в качестве «Похряньского оуезда».

Завершая рассмотрение данной проблемы, остается сказать несколько слов о происхождении деления Коломны на две части, хотя это и не входит в хронологические рамки нашей работы. Судя по всему, оно восходит к середине XII в., когда первую половину коломенских земель в качестве приданого получил князь Глеб

---

[436] Примечания: 436
ПСРЛ. Т. X. С. 195 (выделено нами. — *Авт.*).

Ростиславич Рязанский, женившийся на дочери Ростислава Юрьевича, старшего сына Юрия Долгорукого (княжил примерно с 1155 г., умер в 1178 г.). Она лежала по левому берегу Москвы-реки, начиная с устья реки Нерской вплоть до Оки. Вторая половина, центром которой являлся Свирилеск («село на Северьсце в Похряньском оуезде» завещаний Ивана Калиты), стала рязанской в третьей четверти XII в. (незадолго до 1180 г.), когда сын Глеба Ростиславича Рязанского Роман стал зятем великого князя черниговского Святослава Всеволодовича. В следующем поколении она достается владимирским князьям, когда князь Ярослав Всеволодович женился на Феодосии, дочери Игоря Глебовича Рязанского.

В данном случае наше внимание привлекает своеобразный «круговорот» земель, полученных князьями в качестве приданого. Доставшиеся князьям таким образом владения не становились их родовой собственностью, а постоянно переходили от одного княжеского дома в другой. Во многом это было вызвано тем, что широкая полоса земель Москворецко-Окского междуречья являлась своеобразной малоосвоенной буферной зоной между Черниговским, выделившимся из него Рязанским, и Владимиро-Суздальским

княжествами. До середины XII в. эти пограничные районы не входили в орбиту феодальной государственности и начали осваиваться князьями только со второй половины указанного столетия.

Глава 5. Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества

Обзор взглядов историков. Устранение недоумений в генеалогии звенигородских князей. Определение времени и способа приобретения Звенигорода московскими князьями.

Мы видели, что при Данииле Москва с ближайшей округой была лишь одним из многочисленных княжеств Северо-Восточной Руси. За ее пределами располагался даже соседний Звенигород, небольшой городок на Москве-реке в полусотне километров от Московского Кремля.

Источники крайне скупы сведениями по истории Звенигорода. Первое письменное упоминание о нем содержится в духовной грамоте Ивана Калиты[437]. Историки XVIII — первой половины XIX в. предполагали, что он был приобретен Москвой в его княжение.

В этом усомнился архимандрит Леонид (в миру Кавелин Л. А., 1822–1891). Он обратил внимание

---

[437] Примечания: 437

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 1. С. 7–9 (Далее: ДДГ).

на то, что московским князьям с 1303 г. принадлежал Можайск в верховьях Москвы-реки. При этом они не могли не владеть Звенигородом, расположенным между Москвой и Можайском. Молчание летописей о Звенигороде в период княжения старшего брата Калиты Юрия он объяснил тем, что этот город был приобретен Москвой раньше — в княжение первого московского князя Даниила.

В этой связи встал вопрос о времени основания Звенигорода. Известный историк Москвы И. М. Снегирев в статье, приложенной к гравированному изображению звенигородского собора «на Городке» в работе А. Мартынова, высказал мнение, что город существовал уже в домонгольский период. При этом он ссылался на летописные упоминания Звенигорода под 1086 и 1190 гг.[438]

Однако этому противоречил тот факт, что среди русских княжеских родов известен род князей Звенигородских. Опубликовавший их родословие выдающийся генеалог П. В. Долгоруков (1817–1868) связывал происхождение этого

[438] Примечания: 438

Снегирев И. М. Успенский собор в Звенигороде Московской губернии // *Мартынов А.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетрадь 3. М., 1847. С. 1–2 (переиздано: М. 1852. С. 92–97)

рода именно с подмосковным Звенигородом[439]. Согласно ему, первым звенигородским князем и родоначальником фамилии являлся Андреян (или Андрей) Мстиславич, внук св. князя Михаила Черниговского, погибшего в Орде в 1246 г. Из летописей было известно, что Андреян Мстиславич был убит в 1339 г. своим племянником Василием Пантелеевичем, а из родословцев вытекало, что он был женат на дочери литовского князя Гамонта. Предположив, что во время убиения князя Андреяна Мстиславича в 1339 г. тому было не менее 60 лет, Л. А. Кавелин подсчитал, что в 1300 г. (это была бы самая поздняя дата для основания Звенигородского удела) ему был всего 21 год. Соответственно, перед историком встал закономерный вопрос: мог ли этот князь, тесно связанный с Литвой, в то время, когда Москва начинает активно расширять границы своих владений, присоединяя Можайск, создать независимый удел всего в 50 верстах от столицы Московского княжества? Если это так и было, то можно было бы в данном случае обойтись без войны с Юрием Московским? По его мнению, в летописях княжение Юрия описано достаточ-

[439] Примечания: 439

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854. С. 48–50, 69–72.

но подробно, но никаких известий о войне за подмосковный Звенигород с черниговскими князьями или Литвой там нет, и не может быть.

Рис. 76. Долгоруков П. В.

Рис. 77. Герб князей звенигородских

Оказалось, что топоним «Звенигород» известен и в других районах Руси. В частности, Ипатьевская летопись под 1097 и 1150 гг. сообщает о небольшом городке с подобным названием в Киевской земле[440]. Что же касается известий

[440] Примечания: 440

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 234, 400 (Далее: ПСРЛ).

летописи под 1086 и 1190 гг., на которые ссылался И. М. Снегирев, они относятся к Звенигороду Галицкому, третьему по счету русскому городу с этим именем.

Зная, что Андреян был женат на литовской княжне, Л. А. Кавелин предположил, что свой титул князья звенигородские получили не от подмосковного Звенигорода, а от киевского, который с 1320 г., по его мнению, находился во власти литовского великого князя Гедимина, и потому его «подручникам» легко было создавать себе уделы в древних городах киевского княжения, восстанавливая их из развалин после татарского нашествия[441].

Рис. 78. Архимандрит Леонид (Кавелин Л. А.)

[441] Примечания: 441

Леонид, архимандрит (*Кавелин Л. А.*). Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении. М., 1878. С. 3–6.

Не затрагивая ошибки Л. А. Кавелина по вопросу о времени вхождения Киева в состав Великого княжества Литовского (ныне считается, что это произошло позже), отметим, что главное направление предложенного им поиска — искать Звенигород, по которому получили свою фамилию князья Звенигородские, в пределах бывшего Черниговского княжества — оказалось перспективным.

Во втором томе «Писцовых книг Московского государства» (он вышел из печати практически одновременно с работой Л. А. Кавелина) исследователям удалось найти соответствующую запись конца XVI в.: «Погост на государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси земле, Звенигородцого городища, на реке на Неполоди, а на погосте церковь Николы Чюдотворца, древяна, клецки, а в церкви образы…»[442]. Река Неполодь является левым притоком Оки в ее верховьях и, судя по всему, место указанного городища попадало на территорию Карачевского княжества, принадлежавшего отцу Андреяна — князю Мстиславу Михайловичу. К тому же летописное известие о смерти Андреяна в 1339 г. называет его

[442] Примечания: 442

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 889.

князем козельским и только позднейшие родословцы именуют его князем звенигородским[443].

С этим наблюдением хорошо согласовывались факты, касающиеся подмосковного Звенигорода. В летописи он упоминается лишь в 1382 г. (в связи с нашествием Тохтамыша)[444]. Духовная грамота Ивана Калиты среди звенигородских волостей упоминает Великую или Юрьеву слободу, которую все исследователи справедливо связывают с деятельностью его старшего брата Юрия. Все это говорит о том, что данная территория сравнительно рано вошла в состав Московского княжества, а Звенигород вместе с Москвой составлял первоначальное ядро владений первого московского князя Даниила Александровича[445] и издавна входил в состав Ростово-Суздальской земли. На взгляд Л. А. Кавелина, до XIV в. Звени-

---

[443] Примечания: 443

ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 205; Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 422 (второй пагинации); Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 172.

[444] Примечания: 444

ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 47.

[445] Примечания: 445

Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 33.

город существовал как небольшое поселение, и только в первом десятилетии этого столетия был «учинен городом».

Но уже в XX в. археологические раскопки зафиксировали наличие укрепленного поселения на месте Звенигородского городка уже во второй половине XII — начале XIII в.[446]

Исследователи, пытаясь определить, кем и когда был основан город, посчитали его создателем Юрия Долгорукого и определили датой его основания 1152 г. Впервые эта дата появилась в словаре Семенова-Тян-Шанского[447]. При этом ее авторы ссылались на «Историю Российскую» В. Н. Татищева. Скептикам, задававшим вопрос, почему нет летописных упоминаний о Звенигороде вплоть до XIV в., обычно отвечали, что историку XVIII в. были известны не сохранившиеся до нашего времени летописи, сгоревшие в знаменитый московский пожар 1812 г., в котором погибла пергаменная Троицкая летопись, из которой делал выписки Н. М. Карамзин.

Эта дата до сих пор ходит по разным изданиям,

---

[446] Примечания: 446

Звенигородский городок и его древности. Звенигород, 2011.

[447] Примечания: 447

Семенов-Тян-Шанский П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. II. СПб., 1865. С. 265.

включая и официальные. Но, обратившись непосредственно к труду В. Н. Татищева, видим, что под 1152 г. он дословно писал следующее: «Великий князь Юрий Володимерович (Долгорукий), пришед в Суздаль и видя лишена себя Руския земли, заложи в отчине своей грады Юриев в Поли, Переяславль у Клюшнина (Клешнина) озера, Володимер на Клязьме и другия многия городы теми же имяны, иж в Руси суть, хотя тем утолити печсаль свою, иже лишися Руския власти. И нача тии городы населяти, созывая люд отвсюду, дающее ссуду многу. И приходаху многи от болгар, мордвы и югров, селяхуся по градом его». В примечании к этому отрывку, основанному на летописном известии, он писал: «Городы же имянами бывших тогда коло Киева в Белой Руси находятся: Вышгород давно запустел, Володимер, Галич, Городец, Добрянск запустел, Дорогобуж, Звенигород, Перемышль, Ростиславль (запустел), Стародуб, ныне волость Стародубская, Углеч, Юрьев, Юрьевец, Ярославль и проч. Из сих видно многие тогда построены, а иные после стали упоминаться»[448]. Как видим, комментарий исследователя о сходстве названий

[448] Примечания: 448
Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. М., 1995. С. 242, 442.

Южной и Северо-Восточной Руси был воспринят как прямое указание на дату основания города.

Рис. 79. Воронин Н. Н.

В 1942 г. во время раскопок в Звенигороде Н. Н. Воронин (1904–1976) обнаружил гончарное клеймо с типичным княжеским знаком XII в., представляющим собой трезубец — родовой знак Рюриковичей. Определяя его принадлежность, будущий академик Б. А. Рыбаков (1908–2001) указывал, что его нельзя приписать ни одному из владимирских князей, хотя подобные знаки известны по материалам Черниговской земли. Это привело его к мнению, что имеются «некоторые основания» полагать Звенигород «крайним северо-восточным пунктом Чернигов-

ского княжества»[449]. Уже позже, в 1967 и 1971 гг. Т. Н. Никольская (1919–2001) в ходе раскопок на «Звенигородском городище» на реке Неполоди установила, что тут располагался небольшой городок Спашь, упоминающийся летописью в середине XII в.[450]

Рис. 80. Рыбаков Б. А.

---

[449] Примечания: 449

Воронин Н. Н. Археологические заметки. О Звенигородском городище // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 19. М.; Л., 1948. С. 66–67: *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М.; Л., 1949. С. 125.

[450] Примечания: 450

Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 74–77.

Таким образом, после столетия споров исследователи вернулись практически на те же позиции, что и в XIX в.: или продолжать искать Звенигород, от которого получили свою фамилию князья Звенигородские, в Черниговской земле, или все же попытаться связать с ними подмосковный Звенигород.

Рис. 81. Никольская Т. Н.

Обратимся к генеалогии князей Звенигородских. Выше уже говорилось о выезде в 1408 г. на Русь видного литовского князя Свидригайло. По тогдашнему обычаю он выехал, окруженный большой свитой, слугами и многочисленной челядью. В числе выехавших с ним лиц летописец называет и князя Александра Звенигородского с

сыном Федором[451]. Свидригайло пробыл на Руси сравнительно недолго и вскоре вернулся в Литву, где в 1430–1431 гг. на короткий срок становится даже великим князем. Но многие из приехавших с ним, среди которых видим и князей Звенигородских, остались на Руси, полностью связав себя службой Москве.

Окончательное складывание в конце XV — начале XVI в. единого Русского государства поставило перед московским правительством сложную задачу регулирования взаимоотношений между представителями верхушки различных княжеств, вошедших в состав страны. Если до сих пор в сравнительно небольших княжествах отношения князя к его вассалам носили личный и патриархальный характер, и при этом многие из них были непосредственно известны князю, то перед Иваном III и его сыном Василием стояла многотысячная толпа слуг разных званий и чинов. Их отношения к государю утрачивают личный характер, и в повседневной практике управления начинают вырабатываться, медленно и не без труда, безличные общие нормы служебных обязанностей.

---

[451] Примечания: 451
ПСРЛ. Т. XXV. С. 237.

Рис. 82. Выезд Свидригайло в Москву. Миниатю-

ра Лицевого летописного свода XVI в.

Основным критерием для выдвижения на ту или иную должность являлась система местничества, согласно которой продвижение по служебной лестнице зависело от того, какие места по службе занимали предки. Чтобы хорошо ориентироваться в сложной системе разветвленных родственных связей служилых людей, требовались родословные росписи и книги, закреплявшие того или иного человека на доставшейся ему по наследству иерархической ступеньке чинов и званий. Процесс их создания шел параллельно со складыванием единого государства и окончательно оформился составлением в 1555 г. широко известного «Государева родословца».

Пришлось составлять свою родословную роспись и князьям Звенигородским. В одном из рукописных сборников начала XVI в. сохранилось родословие потомков черниговских князей, составленное правнуком выехавшего на Русь в 1408 г. Александра — Дионисием (в миру Даниилом Васильевичем) Звенигородским. Согласно этому источнику, генеалогию первых колен его предков можно представить следующим образом.

У великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, погибшего в Орде в 1246 г. и позднее причисленного к лику святых, один из сыновей — Мстислав сел на княжении в Карачеве и Звенигороде. У него было два сына: Тит Карачевский и Андреян (или Андрей, по другим спискам) Звенигородский. У Андреяна Звенигородского были сыновья Федор и Иван. В свою очередь, Федор имел единственного сына Александра, выехавшего в 1408 г. на Русь в свите Свидригайло[452]. Графически это выглядит так:

[452] Примечания: 452

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 74–77; Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 41–42, 112; Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 68–69, 155–156, 243–245.

Общеизвестно, что наши современники, восстанавливая свое родословное древо, обычно добираются только до поколения дедов или прадедов. Далее, как правило, сведения о предках для них покрыты туманом неизвестности. Люди Средневековья, хотя и знали свои корни на порядок лучше, все же грешили теми же недостатками. В довольно скудном генеалогическом багаже рядового дворянина обыкновенно значились лишь имя родоначальника и два-три факта из жизни представителей фамилии, обычно связанные с каким-либо историческим событием или выдающимся лицом. Поэтому в родословиях,

нередко составлявшихся «задним числом», очень часто встречаются ошибки. Особенно наглядно это видно на анализе генеалогических росписей, подававшихся в Палату родословных дел в конце XVII в., когда служилые люди старались на основе встретившихся им в различных документах имен предков выстроить собственное родословие. Хорошо, когда предков было сравнительно немного, но с большими, разветвленными родами, с обилием боковых ветвей, дело обстояло гораздо сложнее. Нередки были случаи, когда генеалог вытягивал все мужские имена в одну линию и у него получалось невозможное количество поколений. Еще более частым дефектом росписей была утрата боковых родственников. Частой ошибкой являлось и произвольное соединение в цепь поколений лиц исключительно по именам и отчествам. Наконец, укажем и на то, что порой целые поколения в родословиях пропускались[453].

Именно последний вид ошибки видим в родословии звенигородских князей, составленном Дионисием Звенигородским и ставшем основой для всех позднейших. Как известно, великий

[453] Примечания: 453

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 17–19.

князь Михаил Всеволодович Черниговский погиб в Орде в 1246 г. Полагая по правилу генеалогического счета в среднем по 30 лет на каждое поколение, можно предположить, что Александр Звенигородский, выехавший на Русь в 1408 г., должен быть его потомком в шестом колене. Но в родословии Дионисия он значится потомком Михаила в пятом колене. Налицо ошибка и пропуск одного поколения.

Историки уже давно обнаружили эту неточность. Р. В. Зотов (1848–1893), говоря о Федоре Андреяновиче Звенигородском и его отце Андреяне, указывал, что эти князья должны быть помещены на колено позже, чем это следует из родословцев[454]. Это несоответствие бросалось в глаза гораздо раньше. В Никоновской летописи под 1377 г. помещены известие о смерти великого князя литовского Ольгерда и рассказ о генеалогии литовских князей и их родственных связях. Согласно последнему, Андреян Звенигородский был сыном Тита Карачевского и внуком

[454] Примечания: 454

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 292. Прим. 26; С. 299. Прим. 29.

Мстислава[455]. В данном случае в родословии Звенигородских князей появляется недостающее колено, и все последующие представители этого рода занимают положенные им по генеалогическому счету места:

Подобную схему принимал и В. Н. Татищев,

[455] Примечания: 455

ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 26.

когда говорил о женитьбе Андреяна Звенигородского, внука Мстислава Карачевского, на Елене, дочери литовского князя Гамонта[456].

Составитель Никоновской летописи не учел, однако, одного обстоятельства. Под 1339 г. некоторые летописи (Воскресенская, Тверская, Московский летописный свод конца XV в.) приводят сообщение об убийстве князя Андрея Мстиславича его племянником Василием Пантелеевичем. Летописи называют Андрея князем козельским, хотя всем без исключения родословцам он известен как князь звенигородский. Не доверять этому летописному известию нельзя, ибо имеется точная дата события (23 июля). Для нас важным здесь является то, что отчество Андрея — Мстиславич, а не Титович[457].

---

[456] Примечания: 456

Татищев В. Н. История российская. Т. V и VI. М., 1996. С. 130 (первой пагинации).

[457] Примечания: 457

ПСРЛ. Т. VII. С. 205; Т. XV. Стб. 422 (второй пагинации); Т. XXV. С. 172. Летописные свидетельства подтверждают и «Записки» Екатерины II: «Того же лета [1339] июля в 23 день убиен бысть князь Андрей Мстиславич Козельский от своего братанича, князя Василия, Пантелеева сына» (*Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 682).

Рис. 83. Власьев Г. А.

Таким образом, родословие Никоновской летописи и В. Н. Татищева не может быть принято. Г. А. Власьев (1844–1912), пытаясь примирить эти две взаимоисключающие схемы, предположил, что у Мстислава был сын Андрей, убитый в 1339 г. и являвшийся князем козельским, а у Тита Карачевского имелся сын Андреян, женатый на Елене, дочери Гамонта, ставший родоначальником князей Звенигородских[458]. Тем самым вроде бы объяснялось различие в именах (Андрей или Андреян), встречавшееся в разных списках родословцев:

[458] Примечания: 458

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906. С. 32, 35, 595–596.

К сожалению, при этом Г. А. Власьев не заметил неувязку в генеалогическом счете. Как мог Мстислав, живший в середине XIII в., иметь сына, убитого во второй четверти XIV в.? Напротив, если предположить, что Андрей (Андреян) Мстиславич, убитый в 1339 г., был отцом Федора Звенигородского, упоминаемого Никоновской летописью под 1377 г., и дедом Александра, выехавшего на Русь в 1408 г., то правило генеалогического счета для лиц, живших в XIV в., нарушено не будет.

Отказавшись от версии Никоновской летописи, считавшей князя Андреяна (Андрея) Козельского и Звенигородского сыном Тита Мстиславича, необходимо возвратиться к данным родословцев, полагавших, что указанный князь был сыном, а не внуком князя Мстислава Михайловича. Сделав этот шаг, снова сталкиваемся с проблемой: где же именно в родословии звенигородских князей был допущен пропуск одного поколения?

Из анализа летописных известий выясняется, что у Мстислава кроме Тита и Андреяна было еще двое сыновей, не упомянутых родословцами: Пантелеймон (в 1339 г. князь Андрей Мстиславич был убит своим племянником Василием Пантелеевичем) и Святослав (под 1310 г. летописец помещает сообщение об убийстве князя Святослава Мстиславича Карачевского князем Василием Брянским[459]). На основании этих известий можно говорить о том, что их отец князь Мстислав Михайлович жил не в середине XIII в., а во второй половине указанного столетия, и что пропуск одного колена, вероятнее всего, приходится на промежуток между ним и князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским, убитым в Орде

[459] Примечания: 459

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 178.

в 1246 г.

Чтобы проверить эту догадку, следует обратиться к такому виду источников, как *синодики.* Этим термином обозначают книги, куда записываются имена умерших для поминания в храме или монастыре. Согласно православному учению, молитвы об усопших — это продолжение наших отношений с ближними, которые перешли из временной жизни в жизнь вечную. Однако многие перед смертью не успели сподобиться таинства покаяния и святого причащения, умерли неожиданной или насильственной смертью. Но поскольку скончавшиеся уже не могут сами покаяться, только молитва за них, по словам Иоанна Златоуста, может облегчить их загробную участь: «Почти умершего милостынями и благотворениями: ибо милостыня служит к избавлению от вечных мук».

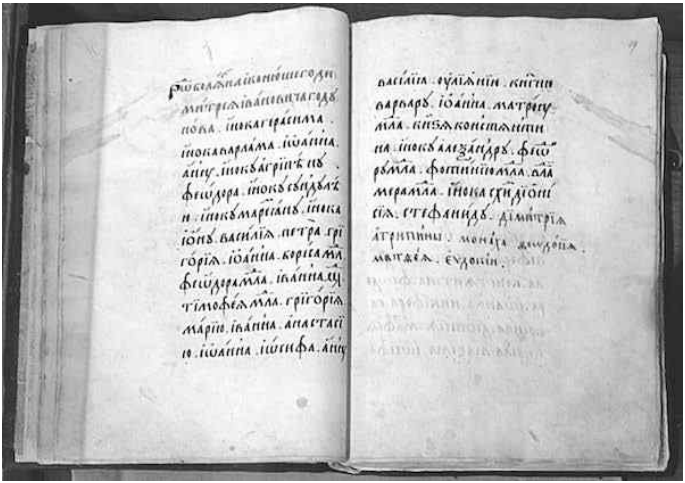


Рис. 84. Синодик Ипатьевского монастыря с записью рода боярина и конюшего Дмитрия Ивановича Годунова. Рубеж XVII–XVIII вв.

Разумеется, молиться можно и дома, однако считается, что только церковная молитва, соединенная с принесением бескровной жертвы на божественной литургии, является наиболее действенной. По этому поводу Иоанн Златоуст писал: «Когда весь народ и священный лик стоит с воздаянием рук и когда предлежит страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за умерших?» Считается, что подобные молитвы

наиболее действенны в дни, имеющие особое значение для скончавшегося: дни рождения, крещения, упокоения, именин. Почитая память святого, чье имя носил покойный, этим призываем его покровителя на молитву и ходатайство пред Богом, потому что, согласно Священному Писанию, *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5:16).

По времени поминовения, зависевшего от размера вклада, внесенного за душу поминаемого, синодики делились на «повседневные» и «вечные». Последние подразделялись на литийные, подстенные, с «сельниками», то есть перечислявшие лиц, давших для поминания села и вотчины. Синодики прочитывались в церкви во время богослужений, но в разное время различными лицами.

Внесение в повседневный синодик обычно совершалось на определенный срок, и, судя по материалам XVI в., цена составляла один рубль в год. Об этом узнаем из послания Иосифа Волоцкого княгине Марии Голениной, написанного в начале XVI в. Письмо княгини не сохранилось, но, поскольку Иосиф приводит многочисленные цитаты из него, выясняется, что княгиня жаловалась на непоминание имен ее мужа и

двух сыновей, хотя она и сделала много вкладов в монастырь. В ответ Иосиф подробно расписал все расходы обители на поминание: «надобе на всякь час попечение имети о том священником и крылашаном и всей братии, да еще х тому надобеть. Аще по одной дензе давати на обедню, ино на год мало, не толко поидеть, о чем есмя писали. Да опроче того еще понафиды, да литеи заупокойные, надобе еще мед, да воскъ, да просвиры, да фимианъ, — и толко считати, ино не имется и по полудензе на обедню, а у нас иде священиком на всякой съборъ по четыре денги одному, а в простыи дни по две деньги»[460].

По истечении установленного срока имена поминаемых лиц вычеркивались из повседневных синодиков. Чтобы их поминали «на века», «без выгладки доколе и монастырь стоит», то есть вписывали навсегда, без намерения удалить запись по истечении известного срока, требовалось внесение в «вечный» синодик. Лишь после вклада в пятьдесят рублей обеспечивалось вечное поминание. Наиболее богатые люди этим не удовольствовались, и наивысшим видом поминания считались «кормы» — праздничные

---

[460] Примечания: 460
Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 178–183.

трапезы для монастырской братии в день смерти поминаемого или в день его святого. Цена подобной ежегодной трапезы доходила до ста рублей. Понятно, что постоянные расходы на нее мог обеспечить только вклад в монастырь села или крупной вотчины. Это стало причиной того, что к XVII в. до трети всех земель на Руси, по некоторым оценкам, составляли именно монастырские и церковные владения.

Историки обратили внимание на синодики еще в XIX в., прежде всего как на источники по генеалогии. Любому исследователю родословцев известны случаи, когда из них нередко выбрасывались целые ветви рода, «захудавшие» к моменту их составления. Причиной этого была такая характерная черта русского средневековья, как местничество, когда занятие той или иной должности зависело от прежних служб предков. В отличие от родословцев, синодики являются источником более достоверным, поскольку никому даже в голову не приходило вычеркивать из них своих предков или вписывать туда мифических родоначальников, что сплошь и рядом видим в родословцах, особенно поздних.

Однако первая попытка изучения синодиков оказалась неудачной. Простые перечни имен,

без пояснений, практически ничего не давали исследователям. Известный источниковед Н. П. Лихачев (1862–1936) с горечью должен был констатировать, что синодики «дают материал малопригодный сам по себе»[461]. Академик С. Б. Веселовский, обратившись к изучению московского боярства, также затронул тему синодиков как исторического источника. Он отмечал, что синодики составлялись «по мере дачи вкладов, по родам». Когда синодики от ежедневного использования на службах ветшали и приходили в негодность, их переписывали. При этом «совершалась работа упорядочения и приведения в порядок и систему накопившегося материала». Лица, записанные в разное время, группировались по родам. «Это нарушало хронологию и приводило к частым ошибкам, к ошибочному соединению в роды или разъединению». Помимо ошибок переписчиков анализ синодиков осложняется тем, что «в одних случаях лиц записывали в порядке восходящем, в других в нисходящем, мешали боковые линии, родственников жен и т. п.».

---

[461] Примечания: 461

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1886. С. 86.

Рис. 85. Лихачев Н. П.

В итоге ученый пришел к выводу: «данные синодиков, взятые сами по себе, в большинстве случаев совершенно непригодны. Но в соединении с родословными материалами, в случае, когда известно родословное древо, они являются очень ценным пополнением и коррективом для родословного материала как источник весьма достоверный… В общем синодики являются очень трудным, с точки зрения исследования, но ценным источником, требующим особой осторожности и острой критики»[462].

Тем не менее изучение перечня черниговских

[462] Примечания: 462

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 26, 27.

князей, изложенного в Любецком синодике, позволяет правильно выстроить родословие князей Звенигородских. Сразу же после упоминания в нем «великого князя Михаила черниговского Всеволодича, Святославля внука, и болярина его Феодора, не поколонившихся солнцу и не ходивших около куста, убиенных от татар за православную веру» идет упоминание «князя Михаила и княгини его Елены»[463]. Р. В. Зотов затруднялся в точном отождествлении этого князя с известными по родословцам лицами, хотя и указывал, что по его помещению в синодике непосредственно за св. Михаилом Всеволодичем он должен быть очень близок к последнему, может быть даже его братом или сыном. Второе предположение, на его взгляд, кажется более вероятным и может быть соотнесено с князем Мстиславом[464]. По нашему мнению, указанный князь Михаил действительно являлся сыном св. Михаила Черниговского и был не кем иным, как отцом Мстислава Михайловича. Тем самым восстанавливается недостающее звено в генеалогии Звенигородских князей и объясняется

[463] Примечания: 463
Зотов Р. В. Указ. соч. С. 25.

[464] Примечания: 464
Там же. С. 68–69.

появление ошибки в родословцах. При их составлении два стоявших рядом Михаила были спутаны и объединены составителем в одно лицо. В окончательном виде родословие первых колен Звенигородских князей приобретает следующий вид:

Выяснив генеалогию Звенигородских князей, необходимо вернуться к вопросу: когда и каким образом подмосковный Звенигород стал московским владением? Для этого нужно обратиться

к духовным грамотам московских князей XIV в. и посмотреть, каким образом говорится в них о Звенигороде.

В своих духовных грамотах Иван Калита просто упоминает Звенигород в перечне волостей, отданных Ивану Красному. В следующем по времени источнике, где встречается его название, — завещании Ивана Красного — он поименован таким образом: «Звенигород со всеми волостми, и с мытом, и с селы, и з бортью, и с оброчники, и с пошлинами»[465]. Подобную разницу в формулировках двух духовных грамот Ивана Калиты и его сына исследователи обыкновенно объясняли тем, что в середине XIV в. Звенигород предстает перед нами как город, центр самостоятельного удела, а двумя десятилетиями раньше, при Иване Калите, являлся лишь сельским поселением[466]. Правда, полного единства мнений по данному вопросу не наблюдается. Б. А. Рыбаков, говоря об упомянутом выше княжеском клейме на гончарных изделиях, считал, что княжеские гончары и ремесленники, метившие продукцию знаком

[465] Примечания: 465

ДДГ. № 4. С. 15, 17.

[466] Примечания: 466

Кучкин В. А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. (Число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6. С. 79.

своего господина, жили исключительно в городах и Звенигород еще задолго до Ивана Калиты являлся городом. Но позднейшие археологические раскопки выявили незначительные размеры звенигородского посада, а учитывая, что здешние оборонительные сооружения были созданы лишь на рубеже XIV–XV вв. сыном Дмитрия Донского Юрием Дмитриевичем, можно полагать, что во времена Ивана Калиты Звенигород являлся сельским поселением.

Однако этот спор носит в известной мере схоластический характер. Если бы при Иване Калите Звенигород являлся селом, он обязательно был бы упомянут им в числе сел, подобно тому, как в духовной грамоте московского князя упоминаются волость Серпохов и село Серпоховьское, волость Радонежьское и село Радонежьское, волость Перемышль и село Перемышльское. Эти села, являвшиеся центрами указанных волостей, уже к концу XIV в. стали небольшими городками — столицами уделов. Но в случае со Звенигородом этого не наблюдаем, и упоминания, скажем, села Звенигородского, в завещании Ивана Калиты не встречается. При внимательном прочтении духовных грамот Ивана Калиты выясняется, что московский князь ничего не говорит о поселении

на месте современного города. Звенигород в них, действительно, назван — но в перечне волостей, и речь в завещаниях Ивана Калиты, таким образом, идет не о поселении, а о территории волости Звенигород, которая приблизительно совпадала с территорией Городского стана позднейшего Звенигородского уезда. Между тем Звенигород как поселение во времена Ивана Калиты уже существовал, что доказывают с несомненностью археологические раскопки. Объясняя этот факт, можно предположить лишь одно: хотя Иван Калита и владел волостью Звенигород, сам город, центр данной волости, на момент составления духовных грамот полностью московскому князю не принадлежал. Это обстоятельство придает несомненный интерес выяснению способов приобретения звенигородских земель Москвой.

Очевидно, следует согласиться с мнением Р. В. Зотова о мирном характере этого присоединения. Размышляя, каким образом Звенигород достался московским князьям, следует предположить, что он был получен ими в качестве приданого в результате их брачных связей со звенигородской ветвью черниговских князей.

Присоединение Звенигорода к Московскому княжеству должно быть достаточно ранним

по времени — во всяком случае, до вхождения Можайска в сферу московского влияния или, иными словами, не позже рубежа XIII–XIV вв. Косвенно об этом свидетельствует то, что уже старший брат Ивана Калиты — Юрий Московский — активно осваивает эти земли, о чем говорит название Великой или Юрьевой слободы к западу от Звенигорода. Судя по всему, этот московский «примысел» мог быть связан только с именами первых двух московских князей — Даниила Александровича и его сына Юрия. Но фигура последнего отпадает: все браки Юрия известны. Он был женат дважды: в 1297 г. он женился на ростовской княжне, не известной нам по имени, а затем вступил в брак с сестрой хана Узбека Кончакой (в крещении Агафьей)[467]. В итоге остается только фигура его отца.

Князь Даниил Александрович был женат, в браке имел детей, но вплоть до самого последнего времени не было известно даже имя супруги. Выяснить имя жены Даниила удалось только в 1995 г., когда С. В. Коневым (1958–2008) был введен в научный оборот уникальный Ростовский соборный синодик.

---

[467] Примечания: 467
ПСРЛ. Т. XXV. С. 158, 161.

Этот исторический источник выделяется своей исключительностью: он указывает не только имена, но и отчества записанных в него лиц и к тому же составлен по семейным записям более ранним, чем имеющиеся в нашем распоряжении родословцы. Из него впервые узнаем имя жены Даниила Московского, а также неизвестных по другим источникам троих из девяти их сыновей. Читаем:

«Князю Данилу Александровичю Московскому и княгине его Агрепене и сыновомъ его Михаилу, Александру, Борису, Семиону, Василию, Афонасию, Данилу вечная память.

Великому князю Юрию Даниловичю скончавшемуся нужною смертию и княгине его Агафии вечная память.

Великому князю Ивану Даниловичю всея Руси скончавшемуся въ мнишеском чину и княгине его Елене вечная память»[468].

Появление Ростовского соборного синодика вызвало у историков желание выяснить происхождение супруги Даниила. А. А. Горский

---

[468] Примечания: 468

Конев С. В. Синодикология. Ч. II. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. № 6. С. 99. Согласно Екатерине II, «супруга его [Даниила. — *Авт.*] была княгиня Мария» (*Екатерина II, императрица.* Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008. С. 652). Но, возможно, это было ее монашеское имя.

вспомнил известный обычай, когда имена детям нередко даются в честь близких родственников. При этом он указал, что из завещания внука Даниила — великого князя Семена Гордого — 1353 г. известно, что у последнего была тетка Анна, которую он, вслед за В. А. Кучкиным, отождествил с неизвестной по другим источникам дочерью Даниила Московского[469].

В этой связи исследователь задал вопрос: известны ли в княжеских семьях той эпохи такие же сочетания имен, как в семье Даниила Московского: Агрипина и Анна? И оно нашлось, правда, в обратной пропорции: Агрипиной звали дочь князя Ростислава Михайловича (сына Михаила Черниговского), обосновавшегося в Венгрии в 1245 г. после поражения в войне с Даниилом Галицким. Подобный выбор был не случаен: женой Ростислава и, соответственно, матерью Агрипины являлась Анна, дочь венгерского короля Белы IV. Он-то и приютил зятя в своих владениях. При этом подобное сочетание имен было единственным у Рюриковичей вплоть до конца XIII в.

Младшей сестрой дочери венгерского коро-

[469] Примечания: 469

ДДГ. № 3. С. 13; *Кучкин В. А.* Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 4–11.

ля Анны была Констанция, вышедшая в конце 1246 или начале 1247 г. за Льва Даниловича, сына Даниила Романовича Галицкого. Но здесь А. А. Горский столкнулся с первой трудностью: полного перечня детей Льва и Констанции в источниках нет. Две «признанные» историками их дочери — Елена и Святослава — упоминаются в польских источниках, но прямо дочерями Льва не именуются. Их происхождение от Льва стало результатом предположений исследователей. Тем не менее это не помешало А. А. Горскому посчитать, что у Льва могла быть еще одна дочь по имени Агрипина. Именно она, на его взгляд, стала женой Даниила Московского.

Тут возникла другая сложность. Лев Данилович являлся двоюродным братом Александра Невского (их матери были сестрами, дочерями торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного). Соответственно, Даниил Московский и возможная дочь Льва Даниловича приходились бы друг другу родичами в шестой степени родства, а такие браки запрещались Церковью. Однако А. А. Горский обошел и эту преграду, указывая, что дочь Ярослава Тверского, брата Александра Невского, вышла замуж за Юрия Львовича, хотя они также являлись троюродными

братом и сестрой, а, значит, церковное согласие на их брак было получено.

При этом А. А. Горский выдвинул предположение, что брак Даниила был заключен в 1282 г. одновременно и в увязке с женитьбой Юрия Львовича на тверской Ярославне. Правда, это противоречит сложившемуся в литературе мнению, что старший сын Даниила Юрий родился годом ранее — в 1281 г.[470] Но и здесь исследователь находит выход, заявляя: «В этом случае старший сын Даниила Юрий мог родиться не ранее 1283 г. и вступил в брак в 1297 г. максимум в 14 лет, что вполне возможно». Поскольку родство в 6-й степени, имевшее место в обеих парах, требовало церковной санкции, удобнее ее было просить для двух браков сразу. При этом он указывает, что аналогичный случай — два матримониальных союза между троюродными братьями и сестрами, заключенных в одно время и в одном семействе (Рюрика Ростиславича), — имел место в 1183 г.[471]

---

[470] Примечания: 470

Русский биографический словарь. [Т. 4] (Гааг — Гербель). М., 1914. С. 254–255.

[471] Примечания: 471

Горский А. А. О династических связях первых московских князей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4(74). С. 42–51.

Правда, исследователь не учел одного обстоятельства: разрешение на подобные браки мог дать только митрополит «всея Руси». Однако митрополит Кирилл умер 6 декабря 1281 г., а следующий — Максим прибыл на Русь только в 1283 г.

Еще одним возражением против предполагаемого А. А. Горским брака Даниила и дочери Льва Даниловича была разница в их статусе. Если Лев Данилович являлся одним из сильнейших князей на Руси, то Московское княжество на тот момент было почти незаметным на политической карте, а младший сын Александра Невского явно терялся на фоне прочих русских князей. Между тем браки заключались, как правило, с равными по положению семьями. Как уже говорилось, жена Льва Даниловича Констанция была дочерью венгерского короля Белы IV, а польский король Болеслав V приходился ему свояком. Поэтому вряд ли возможно представить, что он выдал свою дочь (при условии, что она существовала, а не является плодом рассуждений) за Даниила Московского, который мог претендовать только на союз с «ровней».

Крест на этой версии ставит предположение, что теткой Семена Гордого Анной была не дочь

Даниила Московского, а жена его сына Афанасия Даниловича, как предполагали еще М. Д. Хмыров и С. Д. Шереметев[472].

По нашему предположению, женой Даниила Московского могла стать только одна из звенигородских княжон. Судя по анализу родословия князей Звенигородских, она являлась сестрой князя Мстислава Михайловича Карачевского и Звенигородского, жившего приблизительно в то же время, что и Даниил Московский.

Летописцы ничего не говорят о времени брака Даниила Московского. Тем не менее у нас имеются основания хотя бы приблизительно вычислить его. Даниил стал полностью совершеннолетним в 1276 г. К этому времени он достиг 15-летнего возраста, с которого юноши считались полностью годными к военной службе и могли жениться. К примеру, в 1366 г. 15-летний Дмитрий Донской, внук Ивана Калиты, женился на дочери суздальского князя Евдокии. Очевидно, в этом же возрасте вступил в брак и Даниил Александрович, тем самым начав самостоятельно княжить в

[472] Примечания: 472

Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень князей русских и членов царствующего дома Романовых. Ч. 1. СПб., 1871. № 377. С. 37; *Шереметев С. Д.* Князь Афанасий Данилович, сын князя Даниила Александровича Московского (ум. 1322). СПб., 1908.

Московском княжестве. Таким образом, возможной нижней датой женитьбы Даниила следует признать 1276 г.

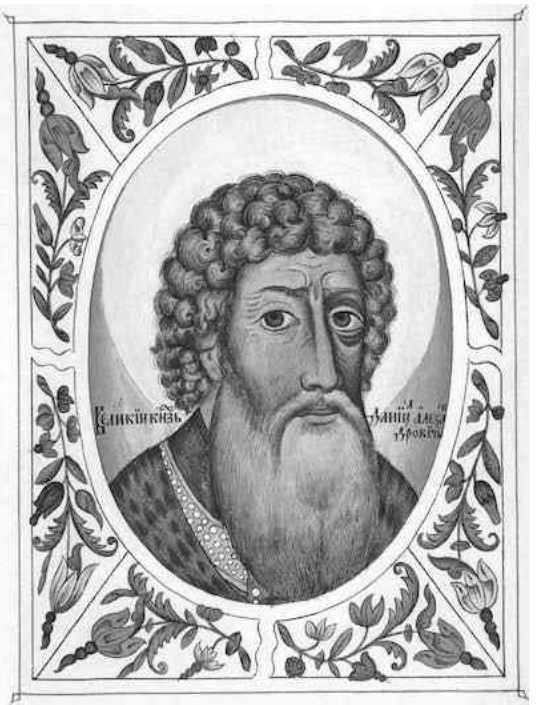


Рис. 86. Великий князь Даниил Александрович. Миниатюра «Царского титулярника». 1672

Что касается верхней даты, то ее следует связать с моментом рождения Юрия, старшего из сыновей Даниила. Летописи не фиксируют появления Юрия на свет, но с учетом того, что в 1297 г. тот женился в Ростове на дочери князя Константина Борисовича Ростовского, большинство исследователей говорят о его рождении в 1281 г.

Тем самым можно утверждать, что Даниил женился в промежутке между 1276 и 1280 гг. Приобретения Даниила в результате данного брака были, очевидно, очень незначительными и ограничивались, по всей вероятности, несколькими волостями. Во второй половине XIII в. московские и звенигородские князья не были самыми заметными князьями на Руси, и поэтому брак между ними прошел мимо внимания летописцев.

Хотя история мелких уделов Черниговской земли XIII–XIV вв. по состоянию источниковой базы представляется во многом неясной, все же можно попытаться выяснить, какую территорию в Звенигороде получил князь Даниил Александрович в приданое за своей женой.

Выше мы видели, что у князя Мстислава Карачевского и Звенигородского было четверо сыновей. Как была поделена между ними территория его удела? Некоторый свет на это проливают дан-

ные родословцев и летописей. Судя по ним, Тит был князем Карачевским, а Андреян — Звенигородским. Но летопись уточняет, что последний был также и князем Козельским. Убитый в 1310 г. Святослав летописью именуется князем Карачевским. Как уже говорилось выше, в 1339 г. Андреян был убит своим племянником Василием Пантелеевичем. Р. В. Зотов предположил, что Василий убил своего дядю, видимо, в отмщение за отнятие последним Звенигородского удела от его брата Пантелеймона[473]. Следовательно, тот имел владения в Звенигороде. Таким образом, в общих чертах выясняется, что удел Мстислава был поделен между его сыновьями следующим образом: Карачев достался Титу и Святославу, где на долю каждого из князей приходилось, очевидно, по «половине» города и округи. Сходным образом был разделен и Звенигород между Пантелеймоном и Андреяном, при этом последний владел кроме этого и Козельском, где делил владения с Титом.

Итак, в Звенигороде находились владения двух сыновей Мстислава: Андреяна и Пантелеймона. Можно ли попытаться установить границы

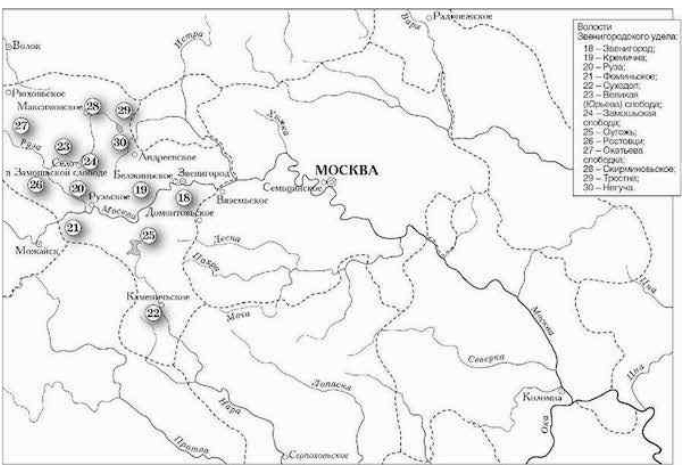
---

[473] Примечания: 473
Зотов Р. В. Указ. соч. С. 135–136.

их владений? Для этого вновь обратимся к завещаниям Ивана Калиты. Как уже говорилось, древнейшей формой управления княжества являлась система полюдья, заключавшаяся в регулярном объезде князем подвластной территории. Источники XIV в. ее уже не застают, хотя и фиксируют многочисленные рудименты ее прежнего бытования. К ним относится порядок перечисления московским князем волостей в своих духовных грамотах. Особенно наглядно это видно на примере перечисления коломенских волостей. Нанеся их на карту и обозначив стрелками порядок их перечисления в духовных грамотах, увидим некую ломаную линию, напоминающую путь следования княжеской дружины. Более того, это подтверждается и тем, что вновь возникшую в промежутке между составлением первой и второй духовных грамот коломенскую волость Середокоротну Иван Калита помещает во втором завещании не в конце перечня коломенских волостей, а в его середине — там, где ей следует быть, исходя из порядка княжеского объезда.

Обратившись к звенигородскому материалу, видим несколько иную картину. Единого пути следования княжеской дружины или объезда на-

местником обнаружить не удается. Перед нами, судя по карте, предстают три группы волостей. Первую составляли волости: Звенигород, Кремична, Руза, Фоминьское, Суходол. Вторую группу образовывали волости: Великая слобода, Замошская слобода, Оугожь. В третью группу входили волости: Ростовци, Окатьева слободка, Скирминовьское, Тростна и Негуча. Все это говорит за то, что здесь предстают следы одновременных объездов звенигородских волостей тремя группами княжеских наместников, или, иными словами, что Звенигородский удел на рубеже XIII–XIV вв. делился на три части.



Карта 11. Звенигородский удел Ивана Красного по духовной грамоте Ивана Калиты

Но в Звенигороде должны были располагаться владения только двух князей — сыновей Мстислава: Андреяна и Пантелеймона. Очевидно, что третьей частью владел князь Даниил Александрович Московский, получивший ее в качестве приданого за женой. Выясняя, какая из этих трех частей принадлежала московскому князю, следует обратить внимание на группу из трех волостей: Великую (Юрьеву), Замошскую слободы и Оугожь. Ранее уже говорилось, что все историки справедливо связывают первую из этих слобод с деятельностью сына Даниила Юрия. Разумеется, вряд ли он мог так свободно распоряжаться в других частях Звенигородского удела, принадлежавших сыновьям Мстислава.

Наше предположение, что именно эти три волости Даниил получил за своей женой, подтверждается и другим наблюдением. Известно, что московские князья XIV в. выделяли в своих завещаниях княгиням примерно те же самые земли, что и их предшественники. Судя по духовной грамоте Ивана Красного, из Звенигородского удела своего сына Ивана он выделял своей жене Александре две волости: Оугожь и Великую

(Юрьеву) слободу[474]. Несомненно, что подобное выделение этих волостей было неслучайным, и Иван Красный отдавал своей жене те же земли, что принадлежали его бабке — жене Даниила Московского Агрипине. Как следует из завещания 1389 г. Дмитрия Донского, и в конце XIV в. Юрьева слобода по-прежнему входила в состав опричных владений княгинь московского княжеского дома. Дмитрий отдавал ее своей жене Евдокии[475].

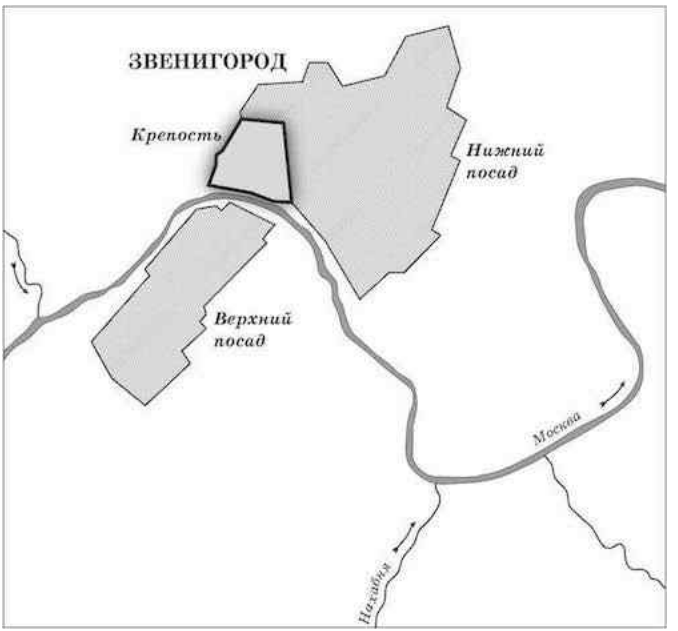
Что касается непосредственно самого города Звенигорода, то он, вероятно, как и Москва, делился на две части. Некоторое указание на его раздел дают свидетельства источников, что город и в позднейшее время делился на две части: Верхний и Нижний посады, лежавшие на противоположных берегах Москвы-реки[476]. Каждой из этих частей города управлял, вероятно, самостоятельно один из князей-совладельцев. Интересно, что остатки этого деления сохранились в некоторой степени и до настоящего времени: на правом

[474] Примечания: 474
ДДГ. № 4. С. 16, 18.

[475] Примечания: 475
ДДГ. № 12. С. 34, 35.

[476] Примечания: 476
Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным // Советская археология. 1964. № 1. С. 112–119.

берегу Москвы-реки до сих пор известен Верхний посад. Жена Даниила Московского, вероятно, не имела в своем распоряжении отдельной части города, а обладала лишь долей в городских доходах с торга, подобно тому, как вторая жена Ивана Калиты Ульяна, согласно завещанию мужа, распоряжалась осмничим.



Карта 12. Части Звенигорода

Каким же образом Звенигородские князья окончательно утратили контроль над своим стольным городом? Попытаемся выдвинуть свою версию. Из летописного сообщения 1339 г. об убийстве князя Андреяна Звенигородского его племянником Василием Пантелеевичем можно вывести, что отец последнего к указанной дате уже скончался. Когда он умер? По очень осторожным предположениям смерть Пантелеймона следует отнести ко времени ранее 1310 г. Его удел, согласно порядку наследования, должен был перейти к его сыну Василию Пантелеевичу. Но, вероятно, тот был весьма молод и московские князья, пользуясь правом сильнейшего, предъявили на эти земли претензии, основываясь на родстве по женской линии. Возможно, это им удалось. Некоторые основания полагать так дает одно наблюдение. Одна из групп волостей, выделенных нами на территории Звенигородского удела, а именно северная, очевидно, принадлежала Пантелеймону. Между составляющими ее пятью волостями видим Окатьеву слободку, которую С. Б. Веселовский справедливо связывал с именем ее вероятного устроителя Окатия, бояри-

на времен Ивана Калиты[477], что может говорить о достаточно раннем освоении этой территории московскими князьями.

Несомненно, что подобная политика московских князей не могла не встретить серьезного противодействия со стороны сыновей Мстислава. Но в этой борьбе москвичи, очевидно, вышли победителями. Указание на это находим в известии 1310 г., встречающемся только в Никоновской летописи: «Того же лета князь Василей Бряньский ходи с татары к Карачеву, и уби князя Святослава Мстиславичя Карачевскаго»[478]. Исследователи обычно рассматривают это сообщение в контексте борьбы между смоленскими и черниговскими князьями. Но оно приобретает особый смысл в свете того факта, что князь Василий Александрович Брянский, как будет показано в дальнейшем, имел самые тесные родственные связи с московскими князьями, являясь шурином Ивана Калиты.

О жизни и деятельности владельца другой «половины» Звенигорода князя Андреяна Мстиславича никаких сведений, кроме известия о его

---

[477] Примечания: 477
Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 231.

[478] Примечания: 478
ПСРЛ. Т. X. С. 178.

убийстве в 1339 г., не сохранилось. Судя по тому, что Иван Калита в своих духовных грамотах свободно распоряжался звенигородскими волостями, следует полагать, что князь Андреян к 30-м годам XIV в. уже потерял свои звенигородские владения, сохраняя лишь контроль над Козельском. Тем не менее, исходя из того, что в своих духовных грамотах Иван Калита не упоминает города Звенигорода как такового, можно предположить, что какие-то остатки владельческих прав в самом городе он все же имел.

По завещанию 1359 г. Ивана Красного видим, что московский князь владел уже и самим городом. Следовательно, окончательный переход Звенигорода под власть Москвы следует датировать промежутком между составлением второй духовной грамоты Ивана Калиты и 1359 г., когда он уже полностью являлся московским.

Это обстоятельство позволяет уточнить и датировку написания Иваном Калитой своего второго завещания. Как известно, обе духовные грамоты московского князя были составлены им в связи с поездкой в Орду, о чем прямо свидетельствует содержащееся в них указание: «пишу душевную грамоту, ида в Ворду». Определяя время составления второй из них, большинство исследователей

справедливо связывали ее с поездкой в Орду в 1339 г. Под 6847 г. Московский летописный свод конца XV в. сообщает, что «Иван Даниловичь ходи во Орду, а с ним сынове его Семен и Иван». В Орде Иван Калита пробыл относительно недолго и далее, чуть ниже, под этой же датой, летописец говорит о его «выходе из Орды» вместе с сыновьями[479]. Никоновская летопись уточняет, что московский князь возвратился «во свою отчину с великим пожалованием и с честию»[480]. Это выражение летописца обычно трактуют как утверждение ханом духовной грамоты Ивана Калиты и всех его распоряжений относительно своих владений.

Но осенью того же года Иван Калита вынужден был вновь обратиться к ордынским делам и отпустить в Орду своих сыновей Семена, Ивана и Андрея. Связано это было, в первую очередь, с прибытием в Орду князя Александра Михайловича Тверского и опасением, что ханская милость под влиянием извечного соперника Москвы могла быстро смениться на гнев. Но этого не произошло. В конце октября Александр и его

---

[479] Примечания: 479
ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

[480] Примечания: 480
Там же. Т. X. С. 209.

сын Федор по приказу хана были убиты, а через некоторое время «тое же зимы отпущени быста из Орды с пожалованием сынове великого князя Иоана Даниловича, Семен, Иоан и Андреи, с любовью»[481].

Эти события хорошо известны и рассказ о них приводили в своих работах многие историки. Однако до сих пор не объяснено «пожалование», с которым в Москву возвратились сыновья Ивана Калиты. Его следует трактовать не как абстрактное проявление «любви» хана к сыновьям своего московского «подручника», а только как очередное приращение московских владений.

Все встает на свои места, если внимательно проанализировать весь текст летописной статьи 6847 г. Между сообщениями о возвращении Ивана Калиты из Орды и поездкой туда его сыновей летописец помещает известие об убийстве 23 июля 1339 г. князя Андрея Мстиславича Козельского его племянником. О причинах этого злодеяния умалчивается. Укажем лишь на то, что в руках Андреяна, как мы видели ранее, оставался еще Звенигород или, что более вероятно, известные княжеские права в нем, и Иван Калита

[481] Примечания: 481
Там же. Т. XXV. С. 172.

был явно озабочен тем, чтобы окончательно прибрать город к своим рукам. В результате поездки его сыновей в Орду хан Узбек отдал его московским князьям, и Звенигородский удел целиком стал московским владением.

Точной даты возвращения Ивана Калиты из поездки 1339 г. в Орду летопись не дает, но с учетом того, что убийство Андреяна Мстиславича произошло уже после того, как вернулся московский князь, составление второй духовной грамоты Ивана Калиты следует датировать первой половиной 1339 г.

Для нас гораздо более важен вывод, что присоединение Звенигорода стало не одномоментным событием, а растянулось на шесть десятилетий. Сначала московским князьям здесь досталось несколько волостей, полученных в приданое за женой Даниила Московского — Агрипиной Михайловной в самом конце 1270-х годов. Окончательное же присоединение Звенигорода следует отнести к концу 1339 г., когда в результате поездки сыновей Ивана Калиты в Орду хан санкционировал и юридически признал новый московский «примысел».

Остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Звенигородских князей. Сведений о детях

Василия Пантелеевича, убившего своего дядю, нет, а сам он, вероятно, после этого трагического события был вынужден принять монашеский сан. Во всяком случае, в Любецком синодике черниговских князей имеется упоминание некоего «князя Василия черноризца», в котором Р. В. Зотов предлагал видеть именно Василия Пантелеевича[482]. У Андреяна Звенигородского известно двое сыновей: Федор и Иван. Последний стал родоначальником князей Болховских, быстро измельчавших. Федор почти до конца XIV в. сохранял свои владения в Козельске.

Любопытно отметить, что некоторые черты прежнего устройства Звенигородского княжества начала XIV в. в виде своеобразных анахронизмов сохранялись еще и в XVI и даже в XVII в. Так, в 1566 г. царь Иван IV отдал Звенигород и уезд князю Владимиру Андреевичу Старицкому в обмен на Верею. Но при этом удельный князь получил не весь Звенигородский уезд, а только его половину[483]. Судя по материалам 20-х годов XVII в., здесь по-прежнему сохранялась традиция отдельного описания города и уезда различ-

[482] Примечания: 482
Зотов Р. В. Указ. соч. С. 104–105.

[483] Примечания: 483
ДДГ. № 103. С. 422–426.

ными группами писцов. Сам Звенигородский уезд находился в ведении Поместного приказа и описывался отдельно, тогда как Звенигород и его посад были в ведомстве Устюжской чети. В описаниях же других русских городов, к примеру Коломны, видим, что город и уезд описывались писцами XVI–XVII вв. обычно вместе.

Глава 6. Приобретение Можайска

Историография вопроса. «Свой дядя Василий» завещания Семена Гордого. Первый брак Ивана Калиты и его последствия для Можайска. Окончательное вхождение можайских земель в Московское княжество.

В своем завещании Иван Калита, перечисляя владения, отдававшиеся в уделы сыновьям, первым называет Можайск. Этот город, лежащий в верховьях Москвы-реки, закреплялся за старшим из них — Семеном Гордым.

Когда Можайск стал собственностью московских князей? Историки традиционно считали, что Можайское княжество было присоединено к Москве в результате военного похода князя Юрия Даниловича Московского весной 1303 г. Эта точка зрения основана на свидетельстве ряда русских летописей. К примеру, Воскресенская летопись под этой датой сообщает: «Тое же весны князь Юрьи Даниловичь со братьею своею ходи к Можайску, и Можаескъ взя, а князя Святослава

изнима и приведе его на Москву»[484]. О присоединении города к Москве в данном летописном известии ничего не говорится, но, поскольку в завещаниях Ивана Калиты он упомянут среди московских владений, делается, казалось бы вполне логичный вывод, что данное приобретение было связано с указанным походом Юрия. Что касается следующего по времени летописного упоминания Можайска («Того же лета приходи рать литовскаа къ Можайску, и пожгоша посадъ, а города не взяша»), то оно относится лишь к 1341 г.[485], то есть времени после смерти Ивана Калиты.

Но позднее это утверждение, долгое время не вызывавшее сомнений, было подвергнуто весьма обоснованной критике, что в свою очередь заставило усомниться в его правомерности. Дело заключается в том, что весна 1303 г. стала очень сложным временем для Московского княжества. В начале марта скончался князь Даниил Александрович Московский, так и не завершив спора с великим владимирским князем Андреем Алек-

[484] Примечания: 484

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 183 (Далее: ПСРЛ).

[485] Примечания: 485

ПСРЛ. Т. VII. С. 206.

сандровичем Городецким по поводу дальнейшей судьбы Переславского княжества. Ситуация была настолько накалена, что переславцы, опасаясь претензий на свой город со стороны других князей, даже не отпустили старшего сына князя Юрия на похороны отца[486]. И вдруг, в самый, казалось бы, критический момент, всего через несколько недель после кончины Даниила, Юрий с братьями почему-то устремляет свой взор на запад, чтобы присоединить к своим владениям довольно значительное Можайское княжество, входившее в состав огромной Смоленской земли. Выбрать более неудачного времени просто было нельзя.

Рассмотрение данной ситуации и ряда предшествующих событий заставили А. А. Горского выдвинуть версию, что Можайск стал московским владением уже до 1303 г., а в этом году имела место лишь попытка смоленских князей, решивших воспользоваться трудным положением московских соседей, возвратить себе Можайск. Но реакция москвичей оказалась быстрой и решительной, и статус-кво на западных границах Московского княжества был восстановлен.

---

[486] Примечания: 486
Там же. С. 183.

Чтобы разобраться в этой сложной и запутанной проблеме, А. А. Горский предложил обратиться к событиям последних двух десятилетий XIII в. В 80-е годы этого столетия на Руси развернулась борьба между двумя группировками князей: Дмитрием Александровичем Переславским, Даниилом Александровичем Московским и Михаилом Ярославичем Тверским, с одной стороны, и Федором Ростиславичем, князем Ярославским и Смоленским, вместе с Андреем Александровичем Городецким, будущим великим князем Владимирским, с другой стороны. Эта борьба была порождена ордынским фактором. Коалиция московского, тверского и переславского князей ориентировалась на Ногая, правителя западной части улуса Джучи, тогда как их противники стояли за хана Волжской Орды Тохту.

В 1293 г. князю Андрею Александровичу Городецкому удалось получить у хана Тохты сильную ордынскую рать во главе с братом хана Дюденем, которая направилась на владения «проногайской» коалиции князей. Удар ордынцев был страшен, и еще долго на Руси вспоминали «Дюденеву рать». При этом земли союзников ордынцев — Федора Ростиславича и Андрея Александровича — не подвергались разорению. Летописец

подробно перечисляет города, взятые ордынцами. В их числе названа Москва, а вслед за ней и Можайск[487].

Но если этот город, как обычно считается, входил в состав Смоленской земли, верховным сюзереном которой являлся князь Федор Ростиславич, возникает парадокс — именно он «навел» ордынцев на город, находившийся на подвластной ему территории. Сопоставление этих фактов привело А. А. Горского к мысли, что Можайск еще до 1293 г. вошел в состав Московского княжества.

На взгляд историка, после нашествия Дюденя Федор Ростиславич сумел возвратить себе Можайск. Вскоре в Смоленской земле разворачивается борьба между Федором Ростиславичем, являвшимся великим князем смоленским, и его племянником Александром Глебовичем. В 1297 г. последнему удается взять «лестью» Смоленск. На следующий год Федор Ростиславич, собрав многочисленную рать, подошел к городу, осадил его, делал приступы, но в итоге был отбит. Последовавшая в 1299 г. смерть Федора Ростиславича окончательно закрепила Смоленск за его племянником. Во время этой борьбы Александр

[487] Примечания: 487

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 157.

Глебович несомненно нуждался в союзниках. Одним из них стал московский князь Даниил Александрович, еще живо помнивший ордынский набег. Вероятно, именно тогда в качестве платы за союз ему был возвращен Можайск. После же смерти Даниила смоленский князь, по мнению А. А. Горского, не считал себя связанным более никакими обязательствами и постарался отобрать Можайск. Но эта попытка окончилась неудачей[488].

[488] Примечания: 488

Горский А. А. О времени присоединения Можайска к Московскому княжеству // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1993. С. 20–22.

Въ лѣ҃т҃о ҂ѕ҃ѳ҃ѳ҃. Престависѧ преподобныи҆ѧ
сиѳ҃ и҆ноческиѧ҃ѡ҃ѳ҃разъ и҆ погрѣбенъ
кнѧзь великии҆ данилъ галичскии҆ въ манастырѣ
сиѳ҃. и҆ноуи҆ же и҆ ростовскыи҆. прадѣдоу
всеволожь. прадѣдоу же ѳ҃ѡ҃дора ѳ҃ѡ҃ма. ѳ҃ѡ҃дора
прѣпрадѣдоу же ѳ҃ѡ҃дора ѳ҃ѡ҃ма. ѳ҃ѡ҃дора
прадѣдоу же всеволожь. прадѣдоу же
ростиславъ. прѣпрадѣдоу же мьстиславъ
великыи҆. и҆ прѣсѣдѣ҃ нѣмѣцкыѧ҃ землѣ.

Н полож(е)нъ бы(с)ть по цр(ь)ски(м) (с)тро(м) их
на лар(х)гра(д) на мо(с)кв(ѣ) въ (с)вер(ш)ни(ѣ)
сего сы(н) по(г)ор(ь)и . алекса(н)дръ . корне(л)ь
іоа(н)нъ . а(ф)они(с)ей . переслащ(ь)ж(е)по
жи(т)ие (с)тѣ(г)о и(ш)а(ѳ)а за(с)и(л)ѣ(г)о за(г)ор(ь)
и(н) не поусти(ш)а(ѳ)го не переслащ(ь)а на по
гребе(н)ие (ѳ)ц(ь)а(г)о .

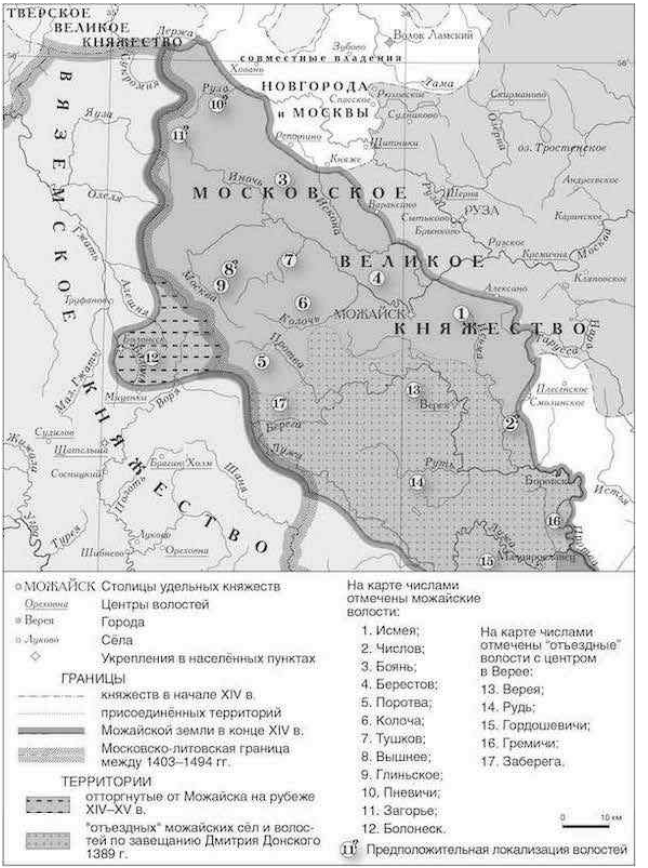
Рис. 87. Смерть и погребение Даниила Московского. Миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.

Выясняя вопрос о времени присоединения Можайска к Московскому княжеству, необходимо обратить внимание на то, как этот город упоминается в завещаниях московских князей XIV в. В своей первой духовной грамоте Иван Калита, перечисляя выделенные Семену земли, говорит только о Можайске. Во второй духовной грамоте он упоминает уже «Можаеск со всими волостьми». Духовная грамота Семена Гордого называет Можайск «с волостьми и с селы и з бортью». Иван Красный в своем завещании говорит о Можайске «со всеми волостми, и с селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами». Но только в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского встречаем развернутую характеристику этих владений. Своему сыну Андрею он отдавал «Можаеск со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостми. А волости Можаиские: Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глиньское, Пневичи с Загорьем, Болонеск. А Коржань да Моишин холм придал есмь к Можаиску. А се волости отъездные: Верея,

Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репиньское, да Ивановъское Васильевича в Гремичах»[489].

[489] Примечания: 489

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Л., 1950. № 3. С. 13; № 4. С. 15, 17; № 12. С. 34 (Далее: ДДГ).


ТВЕРСКОЕ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
совместные владения НОВГОРОДА и МОСКВЫ
Волок Ламский
Тама
Рузский
Сатинанино
Суздальцево
Шатовки
оз. Тростенское
Андреевское
Каштинское
Рузское
Кремячка
Клязовское
Александ
Плесецкое
Смольнинское
Борисовка
Истья
Дорогобуж
Ржев
Вязьма
Гжать
Угра
Ярцево
Смоленск
Дорогобужское
Вяземское
Можайское
Рузское
Верейское
Суздальское
Шательский
Сосницкий
Шаня
Шибнево
Орехотина
Лужа
Руза
Ока
Москва
Колоча
Нотопа
Берега
Мерея
Мещерка
Бора
Мал. Гжатка
Ламка
Ламь
Ваземка
Ивоча
Княже
Ряполово
Ярополжье
Хлопово
Зубово
Держа
Ясюнь
Рузино
Шерна
Ремизово
Сычково
Буланово
Ивановское
Ивановское
Ивановское

Отмеченные выше разночтения, причем, как видим, довольно существенные, обычно трактуются исследователями в смысле уточнения и развития формуляра духовных грамот московских князей. Однако московские князья слишком хорошо знали свои владения и поэтому только лишь развитием формуляра грамот нельзя объяснить изменение формулировок относительно Можайска. Речь должна идти о том, что за их изменением в сторону расширения стояло реальное увеличение объема владельческих прав московских князей в этом городе и его округе.

За исключением столкновения 1303 г. летописцы молчат о московско-смоленских спорах за Можайск. Отсюда вполне вероятно, что московские князья присоединили Можайск не военным, а мирным путем. Скорее всего, это произошло путем династических браков, как это было в случае с Коломной и Звенигородом. При этом процесс присоединения этих городов был не одномоментным, а занял достаточно длительный промежуток времени. Очевидно, такой же процесс постепенного вхождения в состав Московского княжества, отразившийся в княжеских завещаниях, был характерен и в случае с Можайском.

Обратимся к духовной грамоте 1353 г. старшего сына Ивана Калиты Семена Гордого, которому по отцовскому завещанию достался Можайск. Умирая без мужского потомства, он оставлял свою жену на попечение братьев: «Даю ряд своей княгине. Велел есмь у нее быти своему дяде Василью. А по бозе приказываю своей братье, князю Ивану и князю Андрею, свою княгиню, и своего [дядю], и свои бояре»[490]. На месте лакуны в грамоте, обозначенной в цитате скобками, следует читать «дядю», а не «сына», как полагали многие историки[491].

Исследователи давно пытались выяснить, кто скрывается под определением «свой дядя Василий» завещания Семена Гордого. Его двойное упоминание в тексте, выделение впереди всех бояр говорит, что это был весьма значительный человек своего времени, а для великого князя представлялось чрезвычайно важным назвать его в своей духовной грамоте. Н. М. Карамзин полагал, что речь шла о князе Василии Михайловиче Кашинском, дяде третьей жены Семена

---

[490] Примечания: 490

ДДГ. № 3. С. 13.

[491] Примечания: 491

Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Семена Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149–151.

Гордого[492]. (Такого же мнения придерживался и М. Н. Тихомиров.)[493] Впрочем, позднее эта версия была отброшена. Л. В. Черепнин считал, что его следует соотнести с московским тысяцким Василием Васильевичем Вельяминовым, находившимся в близком родстве с московским княжеским домом[494]. Но и эта версия должна быть исключена. В. В. Вельяминов, действительно, породнился с московскими князьями, но уже много позже кончины Семена Гордого. Он женил своего старшего сына Микулу на княжне Марии Дмитриевне Суздальской, а в 1366 г., вероятно, не без его помощи и посредничества, был заключен брак между великим князем Дмитрием (будущим Донским) и ее родной сестрой княжной Евдокией Суздальской.

В. А. Кучкин, посвятивший данному вопросу специальную статью, обратил внимание на одну жалованную грамоту Дмитрия Донского неко-

---

[492] Примечания: 492

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 324. Прим. 365.

[493] Примечания: 493

Тихомиров М. Н. Древняя Москва. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С.37.

[494] Примечания: 494

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1948. С. 26–27.

ему новоторжцу Евсевию, где великий князь называет В. В. Вельяминова «своим дядей»[495]. По мнению историка, термин «дядя» употреблен здесь не в привычном для нас значении «брат отца или матери», а в другом — в смысле «кормилец, воспитатель, наставник, дядька». В. В. Вельяминов при Дмитрии Донском занимал должность московского тысяцкого, а одной из основных обязанностей тысяцких являлось как раз воспитание княжеских детей. Как известно, после смерти отца Дмитрий ребенком остался на попечении московских бояр. Поэтому, согласно гипотезе В. А. Кучкина, совершенно понятным становится, почему Дмитрий именует в грамоте В. В. Вельяминова «своим дядей», то есть дядькой, воспитателем.

В XIV в. должность московских тысяцких являлась наследственной в роду Вельяминовых. Во время младенчества Семена Гордого московским тысяцким был их родоначальник Протасий-Вельямин. Затем на этом посту его сменил сын Василий Протасьевич, который, по мысли В. А. Кучкина, был воспитателем, дядькой малолетних детей Семена Гордого. Его, несо-

[495] Примечания: 495

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 238.

мненно, и надо видеть в «своем дяде» завещания 1353 г. Семена, тем более, что в тексте близкого по времени договора сыновей Ивана Калиты Василий Вельяминов упоминается в соответствии со своим высоким статусом впереди всех бояр и окольничих[496].

Однако и это предположение следует отбросить. Даже если принять идею В. А. Кучкина о тождестве «дяди» и «дядьки», именование Семеном Гордым Василия Протасьевича «своим дядей» подразумевает, что именно он был его воспитателем. Но это невозможно хронологически. К тому же служба В. П. Вельяминова «дядькой» у детей Семена Гордого на момент составления последним своего завещания оказывается весьма проблематичной. Известно, что княжичи переходили под мужское воспитание, выйдя из-под опеки «мамок». У московского князя от последнего, третьего по счету брака с Марией Александровной Тверской, заключенного в 1347 г., было четверо сыновей. Летопись умалчивает о смерти двух старших, хотя за шесть

[496] Примечания: 496

Кучкин В. А. «Свой дядя»… С. 152–157. Попытку критики теории В. А. Кучкина см.: *Абуков С. Н.* К вопросу о «дяде Василии» духовной грамоты Семена Гордого // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 3 (35). С. 6–11.

недель до кончины самого Семена говорит о смерти его младших сыновей. Это не позволяет делать вывод, что они были еще живы к моменту кончины их отца, ибо летописец, сообщая о смерти младших, очевидно, подразумевал, что старшие по времени рождения уже скончались. Даже если и предположить, что они были живы к 1353 г., что кажется очень сомнительным, то их возможный возраст (пять и три с небольшим года соответственно) не позволяет говорить, что они уже вышли из рук «мамок» и перешли под начало «дяди».

Еще одно возражение является более серьезным. В. К. Гарданов (1908–1989), изучавший бытование термина «дядька» в Древней Руси, нигде не сталкивался со случаем, когда значение «кормилец, воспитатель» выражалось бы словом «дядя», а не «дядька»[497]. Сознание русских людей Средневековья всегда четко разграничивало эти два, внешне похожих слова. Эта разница ощущалась и гораздо позднее. В XVII в. известного боярина Б. И. Морозова, воспитателя царя Алексея Михайловича, источники всегда именуют царским «дядькой», но отнюдь не «дядей».

[497] Примечания: 497

Гарданов В. К. «Дядьки» древней Руси // Исторические записки. Т. 71. М., 1962. С. 236–250.

Это отразилось и в художественной литературе. А. С. Пушкин, тонко чувствовавший все оттенки родного языка, никогда не мог допустить, чтобы Гринев из «Капитанской дочки» называл своего воспитателя Савельича «дядей».

У нас практически не остается сомнений, что термин «дядя» никогда не применялся в средневековой Руси в значении «кормилец, воспитатель». Чтобы окончательно в этом убедиться, необходимо выяснить, в каком же значении употребил это слово Дмитрий Донской в своей грамоте по отношению к Василию Васильевичу Вельяминову.

Тогожелѣтѣпанамоесиѣпрестáинем
поелѣдиентыемцѣсионпленѣнѣпален
лѣепиѣнѣпѣньмиионичьпонноче
емомьшѣразѣнпоехиме. инареченно
быетьиммѣмоуплареноѳдiи. иполо
женѣкьпмонаетырй
ѣтгоѣгоящѣ
нiм ::

Рис. 88. Смерть последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Из истории науки можно привести немало примеров, когда исследователь, выдвинув первоначально правильную версию, затем начинает в ней сомневаться, ищет новое объяснение, которое в итоге приводит к неверным выводам. Так произошло и с В. А. Кучкиным. Известно, что вторую жену великого князя Ивана Красного (мать Дмитрия Донского) звали Александрой, в монашестве Марией. В 1974 г. В. А. Кучкин выдвинул осторожное предположение, что она была дочерью московского тысяцкого Василия Протасьевича. При этом он ссылался как раз на ту же самую жалованную грамоту Дмитрия Донского, где тот называет Василия Васильевича Вельяминова «своим дядей»[498]. В итоге получается следующая схема родства Вельяминовых с московскими князьями:

[498] Примечания: 498

Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 365, 381. Прим. 6.

Позднее исследователь отказался от своей догадки. Поводом к этому, вероятно, послужил тот факт, что в начале XV в. сын Дмитрия Донского женился на Евфросинье Полиевктовне, внучке Василия Васильевича Вельяминова:

Предположить, что Александра была сестрой

Василия Васильевича Вельяминова, невозможно, так как в этом случае оказывается, что князь Петр Дмитриевич и Евфросинья Вельяминова еще до замужества являлись родственниками в шестой степени родства, а такие союзы по церковным правилам считались недопустимыми. Церковь разрешала браки только после седьмой степени родства, о чем напоминает известная поговорка о дальних родичах: «седьмая вода на киселе».

Но историк не учел одного обстоятельства. Словом «дядя» в средневековой Руси называли не только родного дядю, но и двоюродного. Таким образом, если предположить, что Александра была внучкой родоначальника Вельяминовых Протасия не от Василия Васильевича, а от другого сына Протасия, то Евфросинья и Петр оказываются родственниками в восьмой степени, что делало их брак возможным, а Василий Васильевич Вельяминов был двоюродным дядей Дмитрия Донского. Остается найти в источниках лишь упоминание еще об одном сыне Протасия.

Позднейшая родословная Вельяминовых, составленная много позже времени лиц, живших в XIV в., знает у московского тысяцкого Протасия всего одного сына Василия, также тысяцкого. Но это отнюдь не означает того, что у Протасия

не могло быть других сыновей. Просматривая родословцы старомосковских боярских родов и сравнивая между собой различные их редакции, можно привести немало случаев, когда в них отсекались боковые ветви рода, члены которых к моменту составления родословцев успели «захудать». Это делалось в первую очередь из-за боязни осложнений во время местнических споров.

Изучая летописные сообщения эпохи Ивана Калиты, находим в Московском летописном своде конца XV в. сообщение, что в 1330 г. московский князь, будучи в Новгороде, направил своего посла Луку Протасьева в Псков к бежавшему туда князю Александру Михайловичу Тверскому с предложением поехать в Орду. Если судить по важности и деликатности порученного дела, это был очень влиятельный человек своего времени, несомненно — боярин[499]. Таковых у Ивана Калиты было сравнительно немного, многих из которых знаем по упоминаниям в источниках. Но только один из них звался Протасием. Им был первый московский тысяцкий. Очевидно, что Лука Протасьевич был его сыном и в свою очередь имел дочь Александру, вышедшую замуж

[499] Примечания: 499

ПСРЛ. Т. XXV. С. 169; Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 201.

в 1345 г. за Ивана Красного, в его бытность еще удельным звенигородским князем. В итоге схема родства Вельяминовых и московских князей выстраивается следующим образом:

Лука Протасьевич стал родоначальником рода Протасовых, и память об этом у его потомков сохранялась очень долго, на протяжении нескольких столетий. Но, связанные впоследствии с уделами, Протасовы очень быстро деградировали в служебном отношении и вышли из среды московского боярства.

Ища ответ на вопрос, кем приходился «дядя Василий» Семену Гордому, необходимо с учетом сказанного возвратиться к традиционному пониманию этого слова в значении «брат отца или

матери» и искать его среди указанных родственников. У Ивана Калиты Ростовский соборный синодик знает брата Василия[500], но, судя по всему, он умер в детстве.

Матерью Семена Гордого была первая супруга Ивана Калиты Елена. Кроме имени и даты смерти, летописи никаких сведений о ней не дают, умалчивая о происхождении, родственных связях, времени брака с московским князем. Можно лишь предположить, что загадочный «дядя Василий» мог быть ее братом.

Прежде всего следует ответить на вопрос, имел ли «дядя Василий» княжеский титул. На основании того, что он упомянут в завещании Семена Гордого без титула, В. А. Кучкин отвергает саму эту возможность. Но по источникам XIV в. хорошо прослеживается бытовавшая тогда практика, когда князья, переходя на службу в Москву, утрачивали княжеский титул. Знаменитый воевода эпохи Дмитрия Донского Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, обессмертивший имя на Куликовом поле, выехав служить в Москву, утерял здесь свое княжеское звание. И только с начала XV в. складывается ситуация, когда потомки

[500] Примечания: 500

Конев С. В. Синодикология. Часть II: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. № 6. С. 95.

Рюрика и Гедимина, оказываясь на московской службе, сохраняют княжеский титул.

Если «дядя Василий» занимал в Москве высокое положение, он, очевидно, должен был упоминаться в летописях. Под 1326 г. Московский летописный свод конца XV в. дает следующее известие: «Того же лета приходиша из Литвы послы в Новъгород, братъ великого князя Гедимана Воинии, полотьскыи князь, и князь *Василеи местныи князь*, и Феодоръ Святославичь, и докончаша миръ с новогородцы и с немци»[501]. В приведенном отрывке внимание приковывает определение Василия — «местный князь». По отношению к чему он местный? К Новгороду или Москве, где создавалась летопись?

Необходимо посмотреть и другие летописные своды, где помещено данное известие. Более ранние Первая и Четвертая Новгородские летописи и производная от них Летопись Авраамки дают иную титулатуру этого князя — «*Василей Меньскый*», в то время как Первая Софийская и Воскресенская летописи употребляют выраже-

[501] Примечания: 501
ПСРЛ. Т. XXV. С. 167. Выделено нами. — *Авт.*

ние «местный»[502].

Самым простым решением этих разночтений был бы вывод, что позднейшие летописцы при компиляции более ранних сводов допустили ошибку и чтение «меньский» превратилось в «местный». Но можно предположить и иное: «меньский» князь Василей, приезжавший из Литвы в Новгород, для московских летописцев почему-то был достаточно знакомой фигурой и они знали его как «местного», то есть близкого по своим отношениям к Москве. Не вдаваясь здесь в анализ этого известия и отметив лишь сам факт его существования, попытаемся выяснить отчество этого князя.

Под следующим 1327 г. Никоновская летопись, как и прочие русские летописные своды, помещает рассказ о восстании тверичей против ордынцев и о том, что по велению хана Узбека Иван Калита с многочисленной ратью отправился наказывать непокорную Тверь. Назвав воевод, шедших с Иваном Калитой, летописец продолжает: «пять темниковъ великыхъ, и

[502] Примечания: 502

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 341; Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 260; Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 399–400; Т. VII. С. 199; Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 64.

князь Александръ Васильевичь Суздальский, и инде пишетъ и съ нимъ дядя его Василей Александровичь»[503]. А. В. Экземплярский, обратив внимание на это сообщение, задает недоуменный вопрос: «Чей его? Если Калиты, то Василий Александрович, сын Невского, умер еще в 1271 г., если же Александра Васильевича Суздальского, то у него не находим такого дяди»[504]. Данная ремарка о «дяде Василии Александровиче» уникальна и более не встречается ни в одной другой известной нам летописи.

[503] Примечания: 503
ПСРЛ. Т. X. С. 194.

[504] Примечания: 504
Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I. СПб., 1889. С. 73. Прим. 189.

Рис. 89. Федорчукова рать 1327 г. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Никоновская летопись, содержащая данное известие, является продуктом сведения воедино целого комплекса разнообразных летописных сводов. Можно предположить, что выражение «инде пишет» является глухой ссылкой на не дошедшую до нас московскую летопись, а само это сообщение восходит к московскому летописному своду 1340 г., существование которого было обосновано в литературе. В качестве гипотезы следует полагать, что Иван Калита, собираясь походом на Тверь, взял с собой и своего наследника Семена,

которому исполнилось уже 10 лет, и его дядю, своего шурина Василия Александровича. Подобный обычай приучения молодых княжичей к ратному делу прослеживается по источникам этого времени. Рассказ об этом, вероятно, и содержался в московском летописном своде 1340 г. Позднее, при переработке летописного материала составителем Никоновского свода упоминание Семена Гордого было снято (возможно, из-за незначительности его роли, а возможно, из-за дефектов рукописи образовалась лакуна), но фрагмент о «дяде Василии Александровиче» остался.

Необходимо также выяснить: из какого княжеского рода происходил Василий Александрович. Упоминание в летописном известии 1326 г. князя Федора Святославича, приехавшего в Новгород вместе с «меньским-местным» князем Василием, позволяет сделать предположение, что речь в данном случае идет об одном из представителей смоленского княжеского дома. Только один из смоленских князей того времени имел указанные имя и отчество. Речь идет о князе Василии Александровиче, сыне упомянутого выше Александра Глебовича. Его хорошо знают русские летописи. Однако под 1314 г. Никоновская летопись поме-

щает известие о его смерти[505], вследствие чего он никак не мог действовать в 1326 г. Так ли это было на самом деле?

Через три года после кончины Семена Гордого, а именно под 1356 г., та же Никоновская летопись поместила следующее известие: «Тое же осени воевалъ Олгердъ Гедимановичь Брянескъ и Смоленескъ, и у князя Василиа Смоленьскаго полонилъ сына». Затем князь Василий ездил в Орду, где добыл себе ярлык на Брянск. Вернувшись туда, он вскоре умер[506]. Считается, что, согласно имеющимся в нашем распоряжении родословцам, его звали Василием Ивановичем и он являлся сыном Ивана Большого, внуком Александра и правнуком Глеба Ростиславича[507], и таким образом не имел ничего общего с нашим Василием Александровичем. Однако при тщательном сопоставлении источников между собой выясняется обратное. Родословцы, составлявшиеся много позже жизни указанных лиц, содержат

---

[505] Примечания: 505
ПСРЛ. Т. X. С. 178.

[506] Примечания: 506
ПСРЛ. Т. X. С. 228.

[507] Примечания: 507
Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 53, 145, 245; Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 26, 76.

здесь ошибку и дают лишнее колено, превращая Василия из сына Александра Глебовича в его внука. На это обратил внимание уже С. М. Соловьев, когда, анализируя летописную статью 1356 г., задал вопрос: «Кто был этот Василий? По родословным он мог быть сыном Ивана Александровича Смоленского, братом Святослава; у этого Василия означен сын Иван. Но он мог быть также и Василием Александровичем», являвшимся «сыном Александра Глебовича Смоленского»[508]. Но С. М. Соловьев, допустив эту возможность, не стал ее в дальнейшем рассматривать.

[508] Примечания: 508
Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 334, 335. Прим. 430, 465.

Рис. 90. Смерть Василия Александровича Брян-

ского. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Эту загадку попытался распутать П. В. Голубовский (1857–1907). Он обратил внимание на то, что в Новгородской первой летописи под 1397 г. имеется известие: «…прииха князь Василии Иванович Смоленскый в Новъгород, и прияша его»[509]. Но как мог этот князь активно действовать через 49 лет после своей смерти — задал вопрос историк. Однако, предположив вслед за С. М. Соловьевым возможность того, что под князем Василием в известии 1356 г. следует видеть Василия Александровича, он так и не смог решить данный вопрос[510].

[509] Примечания: 509
ПСРЛ. Т. III. С. 389.

[510] Примечания: 510
Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. М., 2011. С. 163–164.

Рис. 91. Голубовский П. В.

Разумеется, можно было бы считать, что у отца Василия — князя Александра Глебовича — мог быть еще один сын Василий (подобное явление, когда двух и более детей в одной семье называли одинаковыми именами, было известно на Руси), но прямое указание той же Никоновской летописи, что у Александра Глебовича имелось только двое сыновей: Василий и Иван[511], заставляет отвергнуть эту возможность. Прямое указание, что в 1356 г. в Брянске действовал именно Василий Александрович, дают «Записки»

[511] Примечания: 511
ПСРЛ. Т. X. С. 178.

Екатерины II[512].

В этой связи возникает необходимость проанализировать все летописные известия, так или иначе связанные с этим князем. Их рассмотрение представляется целесообразным начать с общей характеристики внутриполитической ситуации в Смоленской земле, начиная с конца XIII в.

У смоленского князя Ростислава, жившего в середине XIII в., было три сына: Глеб, Михаил и Федор. После смерти отца они разделили княжество. По отрывочным свидетельствам летописей и косвенным указаниям источников имеется возможность установить, как это произошло. Младшему из братьев, Федору, не повезло с самого начала: родичи «изообедеша его, и даша ему град Можаеск един». Впрочем, колесо фортуны повернулось к нему другой стороной. Женившись на дочери последнего ярославского князя, он путем брака приобрел земли в Ярославле[513]. Среднему брату, Михаилу, достались Вязьма и Дорогобуж. Судить об этом можно по летописному указанию 1300 г., когда его сын Андрей Михайлович, на-

[512] Примечания: 512

Екатерина II, императрица. Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008. С. 704.

[513] Примечания: 513

ПСРЛ. Т. X С. 153, 154; *Голубовский П. В.* Указ. соч. С. 193.

званный князем вяземским, приходит и снимает осаду с Дорогобужа, осажденного двоюродным братом последнего Александром Глебовичем[514]. Что касается старшего брата, Глеба, он стал великим князем смоленским, а также ему достался Брянск. Судить об этом можно на основании того, что его сыновья Роман, Святослав и представители следующего поколения: Василий, Дмитрий, Глеб — упоминаются источниками в качестве брянских князей[515].

[514] Примечания: 514

Голубовский П. В. Указ. соч. С. 162.

[515] Примечания: 515

Там же. С. 162–163, 167, 168–169, 176–177, 186–187. Укажем на довольно часто встречающуюся в литературе ошибку, производящую указанных князей от черниговского княжеского дома (*Крашенников В. В.* Взгляд через столетия. Тула, 1990. С. 60 и далее). Она происходит от того, что часто смешивают друг с другом князя Романа Михайловича Брянского (из черниговского дома) и Романа Глебовича (из смоленского дома), живших примерно в одно и то же время.

После кончины Глеба Ростиславича в 1277 г. смоленский великокняжеский стол перешел к его брату Михаилу. Но тот умер в 1279 г., и по старому родовому обычаю великим князем смоленским становится младший из братьев, Федор. Но при этом, получив верховную власть в Смоленске, он не оставил своих ярославских владений.

В Смоленске Федор Ростиславич мог появляться лишь наездами и поэтому назначил сюда своим наместником одного из племянников — князя Андрея Михайловича Вяземского, который упоминается в этом качестве под 1284 г.[516] Но с подобным положением не могли смириться его старшие племянники — сыновья князя Глеба Ростиславича. При этом они опирались на то обстоятельство, что Федор Ростиславич являлся их младшим дядей и к тому времени имел свой удел в совершенно другом княжестве. Нараставшая вражда не замедлила превратиться в открытое столкновение. Под 1285 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что один из них, Роман Брянский, приходил ратью к Смоленску, пожег пригороды, но самого города не взял и «отъиде всвояси»[517].

---

[516] Примечания: 516

Голубовский П. В. Указ. соч. С. 161–162.

[517] Примечания: 517

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 482.

В этих условиях Федору Ростиславичу не оставалось ничего иного, как пойти на известные уступки племянникам. Роман Брянский стал его наместником в Смоленске[518], а двум его братьям Александру и Святославу Глебовичам в качестве компенсации был, вероятно, тогда же придан Можайский удел. Судить о последнем можно по упоминанию в Можайске в начале XIV в. сына первого из них — Василия Александровича и его дяди Святослава Глебовича.

Но эти уступки лишь на время успокоили сыновей Глеба. Старший из них, Александр, по-прежнему считал себя главным претендентом на смоленский великокняжеский стол. Другой, Святослав Глебович, активно искал сближения с противниками Федора Ростиславича на политической сцене Северо-Восточной Руси. В этом смысле показателен летописный рассказ о событиях, связанных с «Дюденевой ратью». Где в этот сложный момент борьбы коалиций русских князей находились старшие племянники Федора Ростиславича? Роман Глебович, являвшийся к тому времени смоленским наместником Федора, был на стороне последнего. Летопись прямо го-

---

[518] Примечания: 518
Голубовский П. В. Указ. соч. С. 177.

ворит, что он был отправлен союзником Федора — князем Андреем Александровичем Городецким с новгородцами в 1294 г. к «Свейскому городу», поставленному шведами в Карельской земле[519]. Что делал в это время Александр Глебович, неизвестно. Что касается Святослава, то он находился в стане противников своего дяди.

Потерпевший поражение в междоусобной борьбе великий князь Дмитрий Александрович Переславский вынужден был укрыться в Твери у князя Михаила Ярославича Тверского и оттуда послал просить мира у своих противников тверского владыку и некоего князя Святослава[520]. А. В. Экземплярский, пытаясь определить, кем был этот Святослав, считал возможным осторожно предположить, что им мог быть предшественник князя Михаила Тверского на тверском великокняжеском столе Святослав Ярославич: «Упоминаемый здесь Святослав не есть ли Ярославич? Так княжение его было, можно сказать, бесцветно, то возможно предположение, что он был или болезненным человеком, или чересчур скромным, почему и уступил еще

[519] Примечания: 519
ПСРЛ. Т. X. С. 170.

[520] Примечания: 520
Там же.

при жизни великокняжеский тверской стол малолетнему брату своему Михаилу»[521]. Но это предположение невозможно по двум причинам. Хотя летопись и не сохранила известия о смерти Святослава Ярославича, нельзя говорить о том, что он был жив к моменту «Дюденевой рати»: предыдущий раз он упоминается летописцем за десять с лишним лет до разыгравшихся событий. По мнению В. С. Борзаковского (1834–1914), Святослав скончался между 1282 и 1286 гг.[522] Даже если предположить, что Святослав был жив, он обязательно должен был постричься в монахи, чтобы более не претендовать на великокняжеский тверской стол. Но в этом случае его бы упомянули под монашеским именем. Таким образом, речь в данном случае может идти только о князе Святославе Глебовиче из смоленской княжеской линии[523].

В данной ситуации становится вполне понятным, почему князь Федор Ростиславич «навел»

---

[521] Примечания: 521

Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1891. С. 459. Прим. 1312.

[522] Примечания: 522

Борзаковский В. С. История Тверского княжества. М., 2006. С. 99.

[523] Примечания: 523

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 91. Прим. 104.

ордынцев на Можайск — город, принадлежавший его противникам: Александру и Святославу Глебовичам. Брянских владений этих князей он не тронул, ибо при этом могли пострадать земли его союзника князя Романа Глебовича.

Через несколько лет, в 1297 г., Александру Глебовичу удалось «лестью» взять Смоленск. На следующий год Федор Ростиславич безуспешно попытался вернуть город, но вынужден был возвратиться обратно в Ярославль, «града не взяв»[524]. Разумеется, Александр Глебович не мог не понимать, что за первой неудачной попыткой возвращения Смоленска последует новая. В этих условиях он должен был искать союзников, в первую очередь тех, кто хорошо помнил ужасы «Дюденевой рати». Им был князь Даниил Александрович Московский. Поэтому, говоря о дате перехода Можайска под власть Москвы, следует в определенной степени согласиться с А. А. Горским, связавшим это событие с перипетиями внутренней борьбы русских князей между собой.

Весьма обоснованным представляется, что союз с Москвой Александр Глебович постарался скрепить брачными узами, выдав свою дочь

---

[524] Примечания: 524
ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 364.

Елену за сына Даниила — Ивана Калиту. Подобно тому, как мы видели на примере Коломны и Звенигорода, в качестве приданого Иван Калита вместе с рукой невесты должен был получить и определенные владения в Можайске. Они были крайне незначительными. Если судить по первой духовной грамоте Ивана Калиты, речь должна идти только о самом Можайске, точнее части доходов, собиравшихся с него. Остальные можайские владения по-прежнему оставались в руках смоленских князей.

Но использовать этот союз на практике Александру Глебовичу не пришлось. Последовавшая в 1299 г. смерть Федора Ростиславича окончательно закрепила Смоленск за его племянником[525]. Определяя дату брака Ивана Калиты временем около 1298 г., необходимо считаться с тем, что он мог быть заключен не ранее 1297 г., когда женился его старший брат Юрий[526]. Поскольку старший из сыновей Ивана Калиты — Семен Гордый родился через полтора десятилетия после заключения брачного союза, очевидно, первыми детьми в нем были дочери, а не сыновья.

---

[525] Примечания: 525
ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 365.

[526] Примечания: 526
ПСРЛ. Т. XXV. С. 158.

В самом начале XIV в. ситуация в Северо-Восточной Руси резко меняется. Прежний московско-тверской союз сменился взаимным недоверием и враждой из-за непрекращавшегося спора по поводу судьбы Переславского княжества. Этой ситуацией попытался воспользоваться князь Святослав Глебович, о протверской ориентации которого говорилось выше, и ликвидировать владения москвичей в Можайске. Можно только гадать — действовал ли он на собственный страх и риск или же с молчаливого согласия Михаила Тверского, решившего подобным образом прощупать силы Москвы. Быстрота, с которой был восстановлен прежний статус-кво на западных рубежах Московского княжества, объяснялась не столько оперативной реакцией Юрия и его братьев, сколько тем, что в походе Даниловичей участвовал и другой совладелец Можайска — шурин Ивана Калиты князь Василий Александрович, которому соответствующая часть можайских владений досталась, вероятно, после того, как его отец Александр Глебович стал великим смоленским князем. Указание на это видим в рассказе Московского летописного свода конца XV в.: «Тое ж весны князь Юрьи Даниловичь з братиею своею ходи ко Можаиску, *и можаиски*

князь, а князь Святославль изнима и приведе его на Москву»[527]. Составители более поздних Воскресенской и Симеоновской летописей не смогли выяснить, кто скрывался под определением можайского князя, и под их пером выражение «и можаиски князь» трансформировалось в более понятное, но не имеющее ничего общего с действительностью: «*и Можаеск взял*»[528]. Очевидно, именно это обстоятельство стало решающим для историков, в чьем представлении приобретение Можайска Москвой связалось с событиями 1303 г. Укажем, что Московский летописный свод конца XV в., опубликованный лишь в середине XX в., им был не известен.

---

[527] Примечания: 527
ПСРЛ. Т. XXV. С. 393. Выделено нами. — *Авт.*

[528] Примечания: 528
Там же. Т. VII. С. 183; Т. XVIII. С. 86.

Рис. 92. Женитьба Юрия Даниловича. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

А. А. Горский, противореча сам себе (Можайск в 1303 г. уже являлся собственностью москвичей и брать его им не было нужды), попытался доказать, что чтение «*и можаиски князь*» является индивидуальной ошибкой Московского свода конца XV в., тогда как во всех летописях, содержащих известие о походе Юрия 1303 г., в том числе тех, которые имеют общие протографы с Московским сводом — кроме Воскресенской, это — Ермолинская и Типографская летописи, говорится: «*и Можаеск взял*»[529].

Не отрицая наличия общего протографа указанных летописей, следует обратить внимание на то, что летописи создавались в разных местах. Понятно, что их составители предпочитали более полно излагать события близких им регионов. Так, по предположению Б. М. Клосса, Ермолинская летопись была составлена при дворе великой княгини Марии Ярославны, переехавшей после 1462 г. жить в Ростов. Отсюда он отмечает внимание составителя летописи именно к Ростову и событиям на землях, входивших в Ростовскую епархию. Это происходило за счет того, что он

[529] Примечания: 529

Там же. Т. XXIII. Ермолинская летопись. С. 96; Т. XXIV. Типографская летопись. М., 2000. С. 107; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 18–19. Прим. 34.

сокращал известия о событиях в других районах Руси. В то же время общий протограф более полно отразился именно в Московском своде, который больше внимания уделяет именно московским событиям[530]. Типографская летопись также представляет ростовское летописание XV в.[531] Отсюда вполне понятно, почему именно в Московском своде конца XV в. видим уникальное чтение «*и можаиски князь*».

Проследим дальнейшую судьбу князя Василия Александровича. Выше уже говорилось, что владения шурина Ивана Калиты не ограничивались только землями в Можайске. Он имел владения и в Брянском княжестве. К сожалению, история Брянска XIV в. вследствие незначительного числа летописных известий изучена крайне недостаточно и требует отдельного специального исследования. Здесь же отметим лишь то, что, судя по тем отрывочным указаниям, что сохранили для нас летописи, Брянск в начале XIV в., подобно Москве и ряду других русских городов, делился на части и находился в совместном владении трех князей: Романа и Святослава Глебовичей и

[530] Примечания: 530
Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2004 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. С. V.

[531] Примечания: 531
Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. XXIV. С. V.

их племянника Василия Александровича.

Из имеющихся летописных рассказов о Брянске самым подробным является тот, в котором рисуется картина бурных событий в городе в 1309–1310 гг. Сообщается о жалобе брянчан князю Святославу Глебовичу на притеснения со стороны Василия и попытке его отца Александра Глебовича к примирению сторон. Но она оказалась неудачной, следствием чего стало изгнание князем Святославом племянника из Брянска. Василий отправился в Орду с жалобой на дядю, нашел там полное понимание и в следующем году подошел к городу с сильной ордынской ратью.

Предотвратить столкновение попытался митрополит Петр. В Брянске он был встречен князем Святославом Глебовичем с «многой честью», а на предложение иерарха: «поделися, сыну, с Васильем княжением, или отступися ему, а сам поиди прочь и не биися», тот отвечал решительным отказом. Уверенный в своем превосходстве, он задумал дать бой и вышел из города. Но в самый решающий момент сражения брянцы «стяги своя повергоша, а сами побегоша». Святославу отступать было некуда, вместе со своим «двором» он бился до последнего и пал в сече. Василий

захватил Брянск, а митрополит, спасаясь от бесчинств ордынцев, затворился в церкви, где его не тронули[532].

Брянские события 1310 г. неоднократно пересказывались и анализировались историками, но без учета всей тогдашней политической обстановки и родственных связей московских князей. Крайне необычный приезд митрополита в Брянск, чтобы примирить двух далеко не самых главных русских князей, становится вполне объяснимым, если учитывать промосковскую ориентацию предстоятеля русской церкви и родство Василия с московским княжеским домом. Отсюда нетрудно понять и то, почему глава церкви занял позицию поддержки Василия и счел необходимым самому лично приехать в Брянск, чтобы поддержать последнего.

Под тем же 1310 г. Никоновская летопись сообщает, что «того же лета князь Василей Бряньский ходи с татары к Карачеву, и уби князя Святослава Мстиславичя Карачевскаго»[533]. К сожалению, внутриполитическая жизнь мелких русских кня-

---

[532] Примечания: 532

ПСРЛ. Т. X. С. 177; Т. XXV. С. 159; *Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 657–658.

[533] Примечания: 533

ПСРЛ. Т. X. С. 178; *Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 658.

жеств в этот период остается для нас во многом неясной из-за скудости источников. Можно лишь предположить, что данное событие было каким-то образом связано с расширением московских владений в Звенигороде, о чем говорилось выше, и шурин Ивана Калиты играл в этом далеко не последнюю роль.

Того жде лѣта наслѣ послала в Царѣградъ
Царь Константинъ Василиевичь
Царь Константинъ Василиевичь
Да изъ Брянска Исаиѣ Кадѣ
наслаждении
Бѣда
сть

Рис. 93. Изгнание князем Святославом Глебовичем своего племянника Василия из Брянска. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Под 1313 г. Никоновская летопись сообщает о смерти князя Александра Глебовича и о том, что после него остались сыновья Василий и Иван[534]. А на следующий 1314 г. она же говорит очень глухо (без точной даты и указания обстоятельств) о кончине князя Василия Александровича[535]. Известие это очень редкое — московское летописание, которое должно было отметить факт смерти шурина Ивана Калиты, его не знает. Встречается оно лишь в Рогожском летописце и Тверском сборнике[536], откуда перешло в Никоновский свод, или, иными словами, восходит к первоначальному тверскому источнику. Основываясь на ряде доводов, которые будут приведены ниже, считаем его позднейшим домыслом, не имеющим ничего общего с действительностью.

Для этого следует обратиться к дальнейшим событиям. XIV в. стал временем широкой терри-

---

[534] Примечания: 534
ПСРЛ. Т. X. С. 178; *Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 658.

[535] Примечания: 535
ПСРЛ. Т. X. С. 178; *Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 658.

[536] Примечания: 536
ПСРЛ. Т. XV. Стб. 36 (первой пагинации), Стб. 408 (второй пагинации).

ториальной экспансии Литовского государства на западнорусские земли. Первыми с ней столкнулись волынские князья Андрей и Лев Юрьевичи, правнуки Даниила Галицкого. 9 августа 1316 г. они заключили с Тевтонским орденом договор о взаимной помощи против татар и других язычников, под которыми подразумевалась Литва, остававшаяся вплоть до последней четверти XIV в. последним языческим государством в Европе. Но договор не защитил братьев. В 1321 г. во время похода Гедимина на Волынь был убит князь Андрей, княживший во Владимире-Волынском, а в 1322 г. Гедимин разбил луцкого князя Льва, погибшего на поле битвы. О смерти обоих князей становится известным из письма 21 мая 1323 г. их дяди по материнской линии польского короля Владислава Локетка римскому папе. Польский король неслучайно информировал Рим, поскольку полагал, что «с гибелью двух последних русских князей из рода схизматиков» их земли, соседствующие с его владениями, теперь могут захватить татары.

Рис. 94. Гедимин на памятнике «1000-летие

России» в Новгороде

Следующим шагом Гедимина стал захват Киева. Рассказ о нем имеется во многих западнорусских и литовских летописях, а его содержание можно свести к следующему. После захвата Галицко-Волынской земли новой целью Гедимин наметил Киев, где тогда княжил некий князь Станислав. Узнав о походе Гедимина, он соединил свои силы с войсками князей Олега Переяславского, Романа Брянского, Льва Луцкого. Их рати встретили Гедимина на реке Ирпени близ Киева. В бою Олег Переяславский и Лев Луцкий были убиты, а князь Станислав с Романом «в мале дружине… утекли» до Брянска. Гедимин осадил Киев, и после осады киевляне, не видя ни откуда помощи, вынуждены были сдаться победителю, который посадил здесь своего наместника. Киевского князя Станислава приютил у себя князь Иван Рязанский, выдавший за него дочь Ольгу, и после его кончины Станислав был великим рязанским князем[537]. В большинстве летописей этот рассказ дается без хронологической привязки, в других же приурочен к самому началу 20-х годов XIV в. В частности,

[537] Примечания: 537

ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники: Литовская и жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975. С. 37–39.

«Хроника литовская и жмойтская» помещает рассказ о захвате Гедимином Киева под 1322 г.[538]

Те же события описал и польский историк XVI в. Матвей Стрыйковский. По сравнению с летописным изложением в его рассказ добавлены новые подробности: при сдаче Киева Гедимину во главе городской депутации находился митрополит; в числе киевских пригородов, подчинившихся литовскому князю, значился и Брянск[539].

[538] Примечания: 538

Там же. С. 37.

[539] Примечания: 539

Хроника М. Стрыйковского *в* переводе А. Игнатьева на русский язык с варшавского издания 1846 г., сделанном в 2013 г., присутствует только в интернете (https://coollib.com/b/397710/read). Ее пересказ с критическим обзором: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 155–161.

Рис. 95. Гедимин вступает в Киев. Художник XIX в.

Детальное рассмотрение всей истории наступления Литвы на Южную Русь увело бы нас далеко в сторону. Здесь коснемся только вопросов, которые позволяют проследить дальнейшую судьбу князя Василия Александровича.

Историками киевские события оценивались по-разному. Причиной этого является то, что история Киева в первое столетие после Батыева нашествия крайне скупо освещена источниками. Исследователи середины XIX в. рассматрива-

ли рассказ о захвате Киева Гедимином как позднейший вымысел или как соединение воедино нескольких разновременных событий. В частности, указывались, на их взгляд, явные несообразности. По материалам русских летописей митрополиты покинули Киев и перешли в Северо-Восточную Русь еще на рубеже XIV в.[540] Брянск никогда не являлся киевским пригородом и, по свидетельству тех же русских источников, был присоединен к Литве только в конце 1350-х годов[541]. Отмечалось, что Гедимин не мог овладеть Киевом, ибо под 1331 г. русская летопись упоминает в Киеве не литовского наместника, а особого князя Федора[542], что переход бывшей столицы Древнерусского государства под власть Литвы следует определять временем сразу после разгрома татар в битве при Синих водах в 1362 г. Наконец, указывалось, что среди рязанских князей ни один не носил имени Станислав. К тому же его имя, крайне не характерное для русских князей (в Древней Руси известен только один

---

[540] Примечания: 540
ПСРЛ. Т. X. С. 172.

[541] Примечания: 541
ПСРЛ. Т. X. С. 228.

[542] Примечания: 542
Там же. С. 205.

Станислав — сын Владимира Святого), рассматривалось как показатель его вымышленности[543].

На протяжении последующих десятилетий исследователи накапливали все новые и новые знания об этих событиях, в результате чего современные историки склонны считать, хотя и с оговорками, что рассказы М. Стрыйковского и западнорусских летописей в целом верно отражают основной ход событий. Что касается даты взятия Киева Гедимином, то Н. П. Дашкевич (1852–1908) сомневался в ней, расценивая летописный рассказ как «сплав достоверных известий о четырех или трех разновременных движениях литовских князей с целью захвата южнорусской территории». По его мнению, завоевание Киевского княжества «не могло произойти в 1320–1321 гг., но легко могло свершиться после 1332 г.»[544]. Столетием позже Ф. М. Шабульдо (1941–2012) пересмотрел эту точку зрения, отнеся взятие Киева

[543] Примечания: 543

Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV ст. Вып. 1. Киев, 1878. С. 52–65.

[544] Примечания: 544

Дашкевич Н. П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 63–64.

к 1324 г.[545]

Рис. 96. Дашкевич Н. П.

Рис. 97. Шабульдо Ф. М.

Очевидно, правы те исследователи, которые от-

[545] Примечания: 545

См.: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 26–31.

носят киевские события к первой половине 20-х годов XIV в. Слишком быстрое расширение пределов Великого княжества Литовского неизбежно должно было привести к его столкновению с Ордой. И оно не замедлило произойти. Под 1324 г. Никоновская летопись сообщает: «Того же лета царя Азбяк посылал князей Литвы воевати; и много зла сотвориша Литве, и со многим полоном приидоша во Орду»[546].

Но ни Гедимин, ни хан Узбек не были заинтересованы в продолжении боевых действий. Первого тревожила неурегулированность отношений с Тевтонским орденом, второго беспокоила разгоравшаяся война с государством ильханов в Иране. Уже осенью 1324 г. в Вильно послы Узбека ведут переговоры. О их содержании мы не знаем, но, вероятно, они завершились определенным компромиссом[547]. Он заключался в том, что на первых порах Гедимин оставил править в Киеве русских князей, посаженных «из его руки».

И западнорусские летописи, где рассказывается о киевских событиях, и хроника М. Стрыйковско-

---

[546] Примечания: 546

ПСРЛ. Т. X. С. 205.

[547] Примечания: 547

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 120.

го являются продуктом XVI в. — эпохи, отстоящей почти на два столетия от описываемых событий. Несомненно, что их составители использовали в своей работе более ранние, не дошедшие до нас материалы. Перед историком встает задача попытаться отыскать их следы или части, чтобы уточнить и перепроверить детали интересующего нас рассказа. Именно в этом направлении пошел С. М. Соловьев. В своей фундаментальной «Истории» он описывает киевские события аналогично летописному рассказу, за единственным исключением: на помощь Станиславу Киевскому из Брянска пришел не Роман, а князья Святослав и Василий Брянские. К сожалению, источник, из которого почерпнул эти данные С. М. Соловьев, им прямо не назван. По косвенным указаниям историка можно думать, что они взяты из так называемой Киево-Печерской рукописи XVI в., в отыскании следов которой мы затрудняемся[548].

[548] Примечания: 548
Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 236, 333.

Рис. 98. Соловьев С. М.

Противоречит ли это свидетельство, приведенное С. М. Соловьевым, рассказу летописей и хроники М. Стрыйковского, что на помощь Киеву выступил Роман Брянский? Думается, нет. Кому принадлежал смоленский великокняжеский стол после смерти в 1313 г. князя Александра Глебовича Смоленского? По старому родовому обычаю, великим смоленским князем должен был стать единственный остававшийся в живых его брат — князь Роман Глебович Брянский. Именно он и направил на помощь киевскому князю своих племянников Василия Александровича и Федора Святославича. (Источник, использованный С. М. Соловьевым, называет

последнего Святославом. Но здесь явная ошибка. Святослав Глебович, как мы видели ранее, погиб в 1310 г. от руки Василия Александровича, и речь в рассказе о киевских событиях должна идти о его сыне Федоре Святославиче, унаследовавшем владения своего отца.)

Чтобы разобраться в том, почему именно смоленские князья в лице Романа Брянского пришли на помощь киевскому князю, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на ситуацию, в которой оказался Киев после Батыева нашествия. Сразу после него бывшая столица Древней Руси находилась в сфере интересов черниговского князя Михаила Всеволодовича. Густынская летопись прямо называет под 1245 г. Михаила князем черниговским и киевским[549]. Не затрагивая здесь проблемы сочетания в Киеве интересов князей Чернигова и Северо-Восточной Руси, о которой позднее будет сказано особо, укажем, что и в дальнейшем Киевская земля входила в поле влияния князей черниговского дома. В частности, в синодиках черниговских князей упоминается среди прочих и «князь Иоанн-Владимир Иоанно-

[549] Примечания: 549
ПСРЛ. Т. XL. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 120.

вич Киевский», живший в XIII в.[550]

Во второй половине указанного столетия Черниговская земля переживает эпоху упадка и дробится на множество уделов. Из-за постоянных набегов татар Чернигов приходит в запустение, и центр политической жизни Черниговского княжества перемещается в Брянск, куда была перенесена и епископская кафедра. Позднее Брянск достается смоленским князьям, и вместе с этим городом они, вероятно, получают в наследство от своих предшественников и определенные интересы в Киеве. Наша гипотеза в этом отношении подтверждается и рассказом об активных действиях брянского князя Романа в защиту Киева.

Чрезвычайно быстрые успехи Гедимина объяснялись особенностями литовской политики. Львиную долю Великого княжества Литовского занимали обширные земли Древней Руси. Это привело к серьезным демографическим изменениям. Если при возникновении Литовского государства этнические литовцы составляли около 70 % населения, то с приобретением новых русских территорий эта доля снизилась до 50 %, а затем и до 30 %. В этой ситуации власти Литвы

---

[550] Примечания: 550

Зотов Р. В. Указ. соч. С. 115–116, 118.

предпочитали на вновь присоединенных территориях удерживать прежние права, обычаи, веру. При этом к делам управления допускались и русские князья, но вместо их прежних уделов им старались давать земли вдали от границ.

Историки сравнительно давно пытались выяснить происхождение киевского князя Федора, упоминаемого в летописном известии 1331 г. Одни исследователи принимали его за одного из черниговских Ольговичей[551]. Другие полагали, что им был принявший православие с именем Федора князь Ольгимунт Гольшанский, представитель побочной ветви великокняжеской литовской династии (но из Киево-Печерского помянника выясняется, что в крещении его звали Михаилом, а в иноках — Евфимием)[552]. Третьи предпочитали думать, что он являлся братом Гедимина. Эта точка зрения основана на опубликованных в 1916 г. записях, произведенных в канцелярии митрополита Феогноста

[551] Примечания: 551

Зотов Р. В. Указ. соч. С. 120.

[552] Примечания: 552

Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 23; *Голубев С. Т.* Древний помяник Киево-Печерской лавры (конца XV — начала XVII ст.) / / Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1892. Кн. 6. Прилож. С. 6–7.

во время пребывания его на Волыни в сентябре 1330 — первой половине 1331 г. и касающихся главным образом имущества незадолго перед тем умершего литовского митрополита Феофила. Они дошли в сборнике XVI в., где, между прочим, значится: «Дал Федор, брат Гедимина серебряных кавкиев два; от Александра князя — серебряный кавкий»[553]. Хотя здесь и упомянут Федор, он прямо не назван киевским князем, что делает проблематичным его отождествление с князем Федором Киевским. Между тем еще Н. П. Дашкевичем была высказана мысль, что киевским князем, упомянутым в 1331 г., был не кто иной, как князь Федор Святославич (сын Святослава Глебовича), значащийся в посольстве Гедимина в Новгород в 1326 г.[554] Это подтверждают и «Записки» Екатерины II, прямо указывающие, что в составе указанного посольства был «Федор Святославич Минский, потом Киевский»[555].

В том же посольстве видим и «меньского —

---

[553] Примечания: 553

Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 21. СПб., 1916. С. 58.

[554] Примечания: 554

Дашкевич Н. П. Указ. соч. С. 61.

[555] Примечания: 555

Екатерина II, императрица. Указ. соч. С. 672.

местного» князя Василия. Выше говорилось, какое активное участие в киевских событиях принимали брянские князья, имевшие в этом районе свои интересы. Гедимин, закрепляя свое влияние в Киеве и идя на определенный компромисс с Ордой, постарался привлечь их на свою сторону, чтобы гарантировать дальнейшее их невмешательство в киевские дела. После захвата Киева Василий и Федор, вероятно, перешли на литовскую службу. Федор стал княжить в Киеве, а Василий — в Минске. При этом, учитывая их связи со смоленскими князьями, а также свойство с московским княжеским домом (в дальнейшем будет показано, что вдова Святослава Анна вышла замуж за брата Ивана Калиты Афанасия), Гедимин рассчитывал с их помощью разыграть смоленскую и, возможно, московскую «карты».

В этой связи встает вопрос: почему именно Василий стал в определенной мере заложником Литвы, а не его младший брат Иван? Очевидно, такова была сложившаяся практика литовцев. Что-то подобное можно наблюдать в их действиях в конце XIV в. В 1386 г. против Литвы выступил князь Святослав Иванович Смоленский вместе с сыновьями Глебом и Юрием. В сражении Святослав был убит, а его сыновья попали в плен.

Старший, Глеб, был отведен в Литву, а с младшего, Юрия, взяли большой окуп и посадили князем в Смоленске «из своей руки»[556]. Несомненно, что подобная практика была довольно действенным оружием литовцев: младший по родовому счету князь, получивший благодаря им стол, должен был проявлять больше осмотрительности и лояльности, зная, что права на его княжение в любую минуту мог оспорить его старший брат. И действительно, время княжения в Смоленске младшего брата Василия — Ивана Александровича характеризуется началом упадка Смоленской земли, завершившегося к XV в. полным ее вхождением в состав Литовского государства.

Претендовавшие на общерусскую гегемонию московские и тверские князья также внимательно следили за развитием событий в этом регионе и предпринимали шаги для закрепления своего влияния в нем. Важную роль в этом играли династические браки московских и тверских князей с княжнами смоленско-брянского дома. Семен Гордый в 1345 г. женился на Евпраксии, дочери князя Федора Святославича; его брат Иван Красный взял в жены Федосью, дочь князя Дмитрия

---

[556] Примечания: 556
ПСРЛ. Т. XXV. С. 213–214.

Романовича Брянского, князь Василий Михайлович Кашинский женился на Елене, дочери князя Ивана Александровича[557].

Именно последним браком, заключенным в 1329/30 г., объясняется, каким образом в Никоновскую летопись попало не отвечающее действительности глухое известие о смерти князя Василия Александровича в 1314 г. Выше уже говорилось, что это сообщение попало в нее из тверского источника. Судьба тверского летописания в XIV в. была сложной: после разгрома Твери в 1327 г. оно прервалось и возобновилось только во второй половине столетия. При этом перед тверским летописцем встала сложная задача восстановить пропущенные годы «задним числом», используя различные доступные ему материалы. Он знал, что у князя Александра Глебовича Смоленского имелось двое сыновей, и, чтобы объяснить, почему Василий Кашинский женился на дочери младшего из них, Ивана, должен был выяснить судьбу старшего, Василия. Она была не известна, а зная, что Иван Александрович был ко времени брака его дочери уже великим смоленским князем, решил, что его старший брат

---

[557] Примечания: 557

См.: *Экземплярский А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 88, 92; Т. 2. С. 484.

Василий к тому времени уже скончался. Пытаясь определить дату его смерти, летописец поместил глухое, без всяких подробностей, известие о ней под 1314 г. — следующим годом после смерти его отца князя Александра Глебовича. К слову сказать, подобный прием указания дат кончины не был чем-то оригинальным в практике русских книжников. В предыдущей главе мы видели, как составитель Никоновской летописи поспешил «похоронить» рязанского князя Константина в 1306 г., хотя тот скончался двумя десятилетиями позже — в 1327 г. В более массовых размерах это можно наблюдать при изучении составленного в конце XVII в. так называемого «Шереметевского списка» бояр и других думных людей. Для него были взяты сведения разрядных книг. За год смерти того или иного лица его составитель принимал год, следующий за последним упоминанием о его службе в разрядах. При этом совершенно игнорировался тот факт, что тот или иной человек мог прожить после этого еще несколько лет[558].

Посвятив столь много места разбору ошибки летописца при описании биографии князя Василия Александровича, необходимо обратиться

[558] Примечания: 558

См.: *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 41.

к его дальнейшей судьбе и тесно связанной с ней истории можайских земель. К сожалению, наши сведения носят отрывочный характер. Тот факт, что земли Василия Александровича лежали между московскими и литовскими владениями, приводил к тому, что ему приходилось служить «на две стороны». В 1327 г., как уже отмечалось выше, он участвует в походе Ивана Калиты на Тверь, а следующее летописное известие о нем приходится лишь на 1356 г.

Некоторую косвенную информацию об этом промежутке можно извлечь из духовных грамот московских князей, анализируя упоминания в них о Можайске.

Выше уже отмечалось, что Иван Калита в своей первой духовной грамоте говорит просто о Можайске, а во второй называет «Можаеск со всими волостьми». Это показывает, что в начале XIV в. московским князьям принадлежал далеко не весь Можайский удел. Судя по всему, они распоряжались только частью городских доходов Можайска. Есть основания полагать, что «ответственным» за их сбор являлся младший брат Ивана Калиты — Афанасий Данилович. Во всяком случае, В. Н. Татищев в известии 1322 г. называет его можайским князем: «Того ж лета преставися

князь Афонасей Данилович можайский в Великом Новеграде»[559]. Остальными можайскими землями владели князь Василий Александрович и его дядя князь Святослав Глебович.

Разницу формулировок относительно Можайска в завещаниях Ивана Калиты можно объяснить тем, что первая духовная грамота московского князя была составлена еще при жизни его первой жены Елены (сестры князя Василия Александровича), а вторая уже после ее кончины. Подробнее об это будет рассмотрено позднее, при описании событий, связанных со вторым браком московского князя, в главе о Владимирском великом княжении.

Для нас важно то, что в соответствии с тогдашними обычаями владения Елены в Можайске после ее кончины должны были окончательно перейти в московский княжеский дом (в браке с Иваном Калитой она имела детей).

За этой ситуацией внимательно следили литовские князья. При жизни Ивана Калиты ссориться с великим князем, за которым стояла могущественная Орда, не входило в их интересы. Но практически сразу после смерти Ивана Калиты,

---

[559] Примечания: 559

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. V и VI. М., 1996. С. 80 (первой пагинации).

осенью 1341 г. сын Гедимина Ольгерд попытался восстановить прежний статус-кво. Никоновская летопись помещает пространное описание этих событий: «Тое же осени, на Покров Пречистыа Богородицы, прииде Олгерд, князь велики Литовский, со многою ратью ко граду Можайску, и волости и села плени, и посад пожже; и под градом стоя и града не взем возвратился во свояси»[560].

И хотя эта попытка окончилась для Ольгерда безуспешно, через несколько лет, в конце 40-х годов XIV в., он постарался ее повторить. Под 1348 г. летопись помещает известие, что Ольгерд послал в Орду своего брата Кориада просить помощи в предполагаемом походе против Семена Гордого. Узнав об этих происках, московский князь отправил к хану своих послов — Федора Глебовича, Аминя и Федора Шубачеева с жалобой на Ольгерда, что тот опустошил «улус его — вотчину князя великого». В итоге хан не только отказался дать помощь Ольгерду, но и выдал литовских послов москвичам и они были приведены в Москву ханским послом Тотуем[561]. Ольгерд был вынужден

[560] Примечания: 560
ПСРЛ. Т. X. С. 213; Т. XXV. С. 173.

[561] Примечания: 561
Там же. Т. X. С. 219; Т. XXV. С. 177.

смириться и в следующем году прислал к Семену Гордому просить мира и отпустить обратно литовцев[562].

Правда, это было, скорее, лишь временное перемирие. Под 1352 г. Рогожский летописец сообщает, что Семен Гордый «собра воя многы и поиде ратию к Смоленьску в силе тяжце и велице, а с ним братиа его князь Иван да князь Андреи и вси князи с ними. И дошедше Вышегорода на Поротве, тоу оусретоша его послове от князя литовьскаго Олгорда с многыми дары о миру, князь же велики Семен Иванович, не оставя Олгордова слова, мир взял, а послы отпустил с миром»[563].

Для нас представляется любопытным изложение летописцем последующих действий московского князя. Из его рассказа выясняется, что они на этом не прекратились — Семен Гордый «сам подвижеся еще к Оугре, хотя ити к Смоленьску. И ту приехаша к нему послове смоленьскыи и князь великий Семен стоял на Оугре неделю и оттоле свои послы посылал в Смоленск и мир взяша, а сам оувернулъся на Угре и поиде к

---

[562] Примечания: 562
Там же. Т. X. С. 221; Т. XXV. С. 177.

[563] Примечания: 563
Там же. Т. XV. Стб. 60.

Москве и рати распустил и разъехашася вси»[564]. Историки, анализируя данный сюжет, выдвигали предположение, что Ольгерд хотел примирить Семена Гордого со смоленским князем, для чего прислал послов просить мира и это предложение было принято московским князем. «Но в таком случае зачем ему было продолжать наступление на Смоленск?» — задавал недоуменный вопрос А. В. Экземплярский[565].

По косвенным свидетельствам источников можно установить причину столь «непонятных» действий московского князя. В это время великим смоленским князем был Иван Александрович, занявший этот стол помимо своего старшего брата Василия. Семен Гордый, вероятно, постарался компенсировать Василию Александровичу эту потерю за счет младшего брата. Разумеется, последний оказывался всецело обязанным Семену Гордому, и, очевидно, именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что в завещании 1353 г. московский князь поручал «быти своему дяде Василью» у своей княгини.

Конечно же, Ольгерд не мог смириться с усиле-

---

[564] Примечания: 564
ПСРЛ. Т. XV. Стб. 60–61.

[565] Примечания: 565
Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 87. Прим. 221.

нием влияния промосковской партии в Смоленске. Уже после смерти Семена Гордого летописи сообщают под 1356 г., что осенью Ольгерд воевал Брянск и Смоленск, а у князя Василия пленил сына. Василий поехал жаловаться в Орду, вышел оттуда «с пожалованием и сяде на княжении в Брянске». Но здесь он просидел очень короткое время («только семь недель», уточняет Рогожский летописец) и умер. После этого в Брянске возникла замятня, и позднее городом начал владеть Ольгерд[566].

Что касается можайских владений князя Василия Александровича, то они после его смерти, судя по всему, принадлежали его сыну Ивану. Князь Иван Васильевич традиционно поддерживал московскую сторону. В частности, видим его среди участников похода 1375 г. великого князя Дмитрия против Твери на стороне Москвы[567]. Под 1386 г. летопись сообщает, что Литва захватила смоленский город Мстиславль. Смоленский великий князь Святослав Иванович с сыновьями

[566] Примечания: 566

ПСРЛ. Т. XV. Стб. 65. «Записки» Екатерины II указывают, что Василий Александрович пришел в Брянск «изо Пскова» (*Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 705).

[567] Примечания: 567

Там же. Т. XXV. С. 190.

и двоюродным братом Иваном Васильевичем пошел на противника. В сражении смоленские князья потерпели поражение от литовцев. Святослав и Иван были убиты в бою. Старшего сына Святослава, Глеба, увели в качестве заложника в Литву, а младшего, Юрия Святославича, литовцы «посадиша из своей руки» на княжении в Смоленске[568].

Этими событиями было положено начало последнему этапу самостоятельности Смоленского княжества, которому оставалось существовать менее двух десятилетий. Но они же стали и важным этапом в истории Можайска: после гибели князя Ивана Васильевича его владения окончательно переходят в руки московского великого князя Дмитрия Донского, и в своей духовной грамоте 1389 г. тот полностью перечисляет все можайские земли и отдает их в удел своему сыну Андрею.

Нам остается проследить судьбу последней части можайских владений, принадлежавших князю Святославу Глебовичу. Анализируя летописи, Л. Л. Муравьева выяснила, что у Святослава Глебовича была дочь Анна, вышедшая замуж

---

[568] Примечания: 568
Там же. С. 213–214.

за тверского князя Александра Михайловича. От этого брака происходил князь Лев Александрович, обладавший соответствующей частью можайских земель[569] (из косвенных указаний источников выясняется, что можайский удел Льва Александровича составляли «отъездные» волости с центром в Верее). Анна Святославна родилась от брака Святослава с Анной Васильевной, которая после гибели мужа в 1310 г. вторично вышла замуж за брата Ивана Калиты — Афанасия Даниловича[570].

Под 1369 г. Симеоновская летопись сообщает о смерти князя Льва[571]. Вероятно, детей он не оставил, и на его выморочный удел могли претендовать как Москва, так и Тверь (впрочем, как и Смоленск). Летом следующего года московский великий князь Дмитрий Иванович послал в Тверь своих послов «сложить целование». Началась московско-тверская война. Князь Михаил

---

[569] Примечания: 569

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983. С. 253. Екатерина II относит рождение князя Льва к 1322 г. (*Екатерина II, императрица.* Указ. соч. С. 668).

[570] Примечания: 570

Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты. История присоединения Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М., 2018. С. 170–175.

[571] Примечания: 571

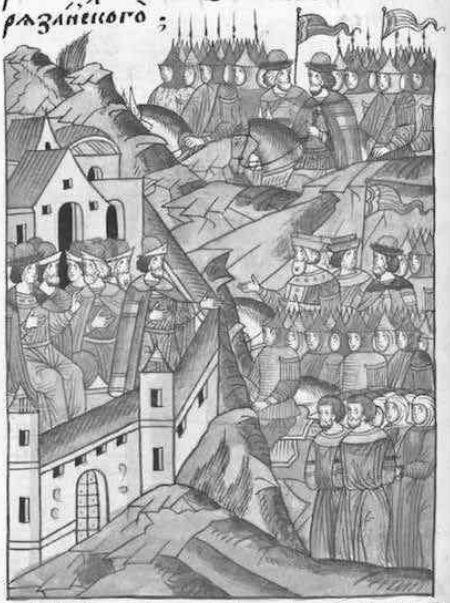
ПСРЛ. Т. XVIII. С. 109.

Тверской, не надеясь на собственные силы, отправился в Литву к Ольгерду. В конце 1370 г. тот выступил на москвичей, имея в союзниках Михаила Александровича Тверского и Святослава Ивановича Смоленского. Объединенные силы антимосковской коалиции подошли к Волоку, но взять его не смогли. Тогда Ольгерд направился к Москве, где затворился великий князь Дмитрий, сжег посады, но город с недавно построенным белокаменным Кремлем оставался неприступен. Узнав о том, что в Перемышле Московском сосредоточил свои силы двоюродный брат Дмитрия князь Владимир Андреевич Серпуховской, на выручку к которому подошли пронские и рязанские полки, литовский князь поспешил отойти обратно и заключил перемирие[572]. Бывший удел князя Льва Александровича, таким образом, оказался потерянным для Твери, Смоленска и Литвы. Он также упоминается в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского.

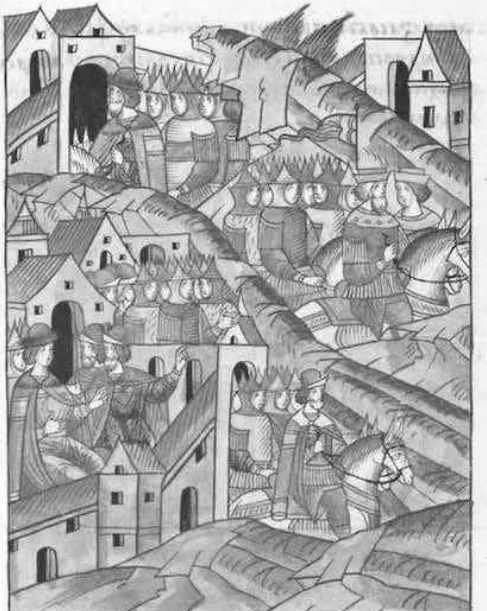
---

[572] Примечания: 572
ПСРЛ. Т. XXV. С. 185–186.

итомоу приеп[т]кла[д]ено[м] ис[ъ] полои
мер[т]д мит[р]е[е]пиу[ъ] прон[е]ей. а[с]ним[ъ]
рат[ь]е пи[с]ого ис[ъ]а[м]ш[л]ига[н]а[н]опич
ра[з]ли[е]ного;



[Ф]а[г]ер[ъ]а[м]ногопое[п]ла и[п]ожже[н]и[з]ки.
имногополонасобра[п]га[н]хотяше и
т[ъ]тиц[ъ]спо[л]ен. ноуслы[ш]ашеногоумно
гоустомл[ъ]ш[ъ] и[п]абраныготопо[м]ц[ъ]ьсл.
ноукоиас[ь]ноустрашис[ъ]до. и[п]ачамира
проити;



Пъ̀ бѣ же предѣ̀ ѝндѣ̀ ѝ дмитрен ѝ поло̀вчинъ по̀ зѣ̀
сѣ̀нѝмъ мирѣ̀ до петро̀ва дни . ѡ̀ѡ̀ гѝрдъ
хотѣ̀шѐть чьлгомира . хотѣ̀шѐѡ ѡ̀ѡ
рѣ̀ѣ̀шѐрьшѐѡю дѣ̀ти зѣ̀ сѣ̀ѣ̀ѣ̀ѣ̀ѡ̀ѡ̀ѡ

Рис. 99. Второй поход Ольгерда на Москву. Миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.

Тем самым была подведена окончательная черта под последним этапом вхождения Можайска в состав Московского княжества. По длительности этот процесс растянулся на столетие. Начинался новый этап истории этого города, но уже под властью удельных князей из московского княжеского дома.

Глава 7. «Лопастеньские места»

Вопрос о способе приобретения Лопастны московскими князьями. Лопастна как часть земель, полученных ими в приданое.

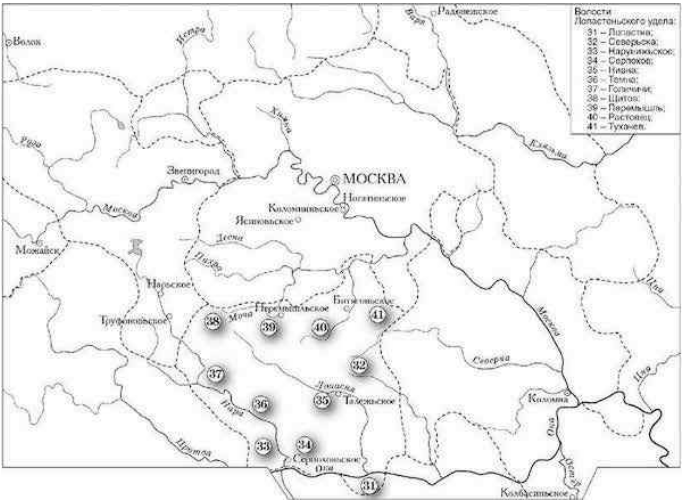
Вопрос о времени и способе приобретения московскими князьями земель на юго-западе княжества, которые согласно духовным грамотам Ивана Калиты достались его младшему сыну Андрею, а впоследствии составили Серпуховской удел, вызывает массу споров среди историков. Нет единства мнений даже по вопросу, кому принадлежали эти земли до их вхождения в состав московских владений.

Для начала исследователи обратили внимание на московско-рязанский договор 1381 г., установивший границу владений двух княжеств по Оке, на всем протяжении ее среднего течения, начиная с устья Протвы и до впадения Цны. В соответствии с ним рязанские земли, лежавшие по левой стороне реки, отходили Москве: «А межи нас розделъ земли по реку по Оку, от Коломны вверхъ по Оце, на московскои стороне почен Новый городок, Лужа, Верея, Боровеск и иная места

рязанская». В свою очередь московские владения на правом берегу Оки достались Рязани: «А что на рязанскои стороне за Окою, что доселе потягло къ Москве, почен Лопасна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродних с месты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичю, та места к Рязани»[573]. В данном виде московско-рязанская граница просуществовала более ста лет, практически до конца рязанской самостоятельности.

[573] Примечания: 573

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 10. С. 29 (Далее: ДДГ).



Карта 14. Лопастеньский удел Андрея по духовной грамоте Ивана Калиты

Из текста договора 1381 г. следует, что на Окском левобережье издавна существовали рязанские владения, и в то же время московские князья распоряжались некоторыми волостями на правом берегу реки. Подобная чересполосица не могла не вызывать постоянные споры, свидетельства о которых находим в летописях. Летом 1353 г. рязанцы, воспользовавшись сложным внутриполитическим положением Московского

княжества после смерти Семена Гордого (его брат, новый московский князь Иван Красный находился на тот момент в Орде), взяли 22 июня 1353 г. Лопастну на правом берегу Оки, захватили московского наместника Михаила Александровича и увели его в плен[574].

Конфликт между Москвой и Рязанью заметили в Орде. По свидетельству Рогожского летописца, в 1358 г. «выиде посолъ изъ Орды царевъ сынъ именемъ Маматъ Хожа на Рязаньскоую землю и много въ нихъ зла сотвори и къ великому князю (московскому. — *Авт.*) Ивану Ивановичю присылалъ о розъезде земля Рязанскыя»[575]. В. Н. Татищев разъясняет подробности: миссия ханского посла заключалась в урегулировании данного конфликта, с целью «утвердити нерушимыи и непревратимы поставить межи». Однако Иван Красный, полагая, что Мамат Хожа, «доброхотствуя резанскому, хосчет Лопасню и другие волости тому отдать», не пустил его в свою от-

[574] Примечания: 574

Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 227 (Далее: ПСРЛ).

[575] Примечания: 575

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 67 (первой пагинации).

чину[576].

Судя по всему, вопрос позже все-таки был в определенной мере урегулирован: Лопастна осталась за рязанцами, а Москва получила Новый городок на устье Протвы. В духовной грамоте Ивана Красного 1358 г. читаем: «А что ся мне достали места рязаньская на сеи стороне Оки, ис тыхъ местъ дал есмь князю Володимеру в Лопастны места Новыи городокъ на оусть Поротвы, а иная места рязаньская отменьная сыномъ моимъ, князю Дмитрию и князю Ивану, поделятся наполы, безъ обиды». Как видим, великий князь, согласно старому родовому обычаю постарался компенсировать своему племяннику потерю части владений. Поскольку не исключалась вероятность того, что ордынские власти под влиянием рязанских князей будут снова настаивать на пересмотре сложившегося статус-кво, московский князь предусматривал: «А ци по грехомъ, имутъ искати из Орды Коломны, или Лопастеньских местъ, или отменьных мест Рязанскихъ, а по грехомъ, ци отъимется которое место, дети мой, князь Дмитрии и князь Иванъ, князь Володимеръ, и княгини в то место поде-

[576] Примечания: 576

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. V и VI. М., 1996. С. 106, 109 (первой пагинации).

лятся безъпеньными месты»[577]. Окончательно же московско-рязанский территориальный спор был урегулирован договором 1381 г., когда к Москве отошли «почен Новый городок, Лужа, Верея, Боровеск и иная места рязанская» (под последними следует понимать Хатунь, впервые упоминаемую в завещании князя Владимира Андреевича начала XV в.[578]), а за Рязанью были закреплены «почен Лопасна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с месты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичю»[579].

Таким образом, на основании договора 1381 г. среди историков сложилось мнение, что земли по левым притокам Оки — Лопасни и Нары изначально входили в состав Рязанского княжества и были присоединены к Москве в результате борьбы с Рязанью из-за Коломны, то есть около

[577] Примечания: 577

ДДГ. № 4. С. 15–16, 18. *Отменный* — полученный или данный как возмещение чего-либо, взамен чего-либо (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 270). *Безпеньный* — свободный от уплаты пени (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. I. М., 1988. С. 132).

[578] Примечания: 578

ДДГ. № 17. С. 46.

[579] Примечания: 579

ДДГ. № 10. С. 29.

начала XIV в.[580] Только после Куликовской битвы Московское и Рязанское княжества смогли урегулировать давний пограничный спор о принадлежности Коломны и Лопастны. Коломна, доставшаяся Москве еще в начале XIV в., окончательно признавалась в 1381 г. потерянной для Рязани, тогда как по поводу Лопастны был достигнут известный компромисс: хотя левобережные «лопастненские места» оставались за Москвой, сама Лопастня, располагавшаяся на правом берегу Оки, передавалась Рязани[581].

Вместе с тем, если обратиться к документам XII в., то картина в этом районе будет выглядеть совершенно иначе. На берегах Оки в 1146–1147, 1176 гг. летописью фиксируются черниговские города Лобынск (в самом устье Протвы, селище у села Дракино), Лопасна (городище у деревни Макаровка), Колтеск (городище у села Колтово, под современной Каширой), Свирелеск (на месте

[580] Примечания: 580

ДДГ. № 10. С. 29–30; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 40–42; *Веселовский С. Б.* Подмосковье в древности. М., 2002. С. 7.

[581] Примечания: 581

Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI в. М., 2011. С. 16–17; *Темушев В. Н.* Московское великое княжество. Территория и границы. Конец XIII — начало XIV в. М., 2022. С. 197–210.

современного села Северского). Что касается рязанских владений, они лежали много восточнее: известны город Ростиславль в устье Осетра (1153 г.) и Коломна, около впадения Москвы-реки в Оку (1177 г.)[582].

Данные факты привели В. А. Кучкина к убеждению, что эти земли ранее принадлежали черниговским князьям, а затем перешли к владимиро-суздальским и, соответственно, находились в составе Московского княжества уже с момента его образования[583].

Некоторые исследователи высказывали другие точки зрения. Так, А. А. Горский полагает, что земли по реке Наре изначально находились в составе Московского княжества с момента его образования, а по реке Лопасне были присоединены в ходе московско-рязанского конфликта 1300 г.[584] В. Н. Темушев делил эти владения несколько иначе. По его мнению, земли по реке

---

[582] Примечания: 582

Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008. С. 25.

[583] Примечания: 583

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 98.

[584] Примечания: 584

Горский А. А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV вв. М., 2010. С. 35–36.

Моче (волости Перемышль, Растовец и Тухачев) входили в древнейшую территорию Московского княжества, а волости по рекам Лопасне и Наре являлись рязанскими владениями[585].

Однако картина распределения земель в этом районе была еще более сложной: кроме черниговских, владимирских и рязанских владений здесь находились и смоленские земли. Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича новоучрежденной Смоленской епископии 1136 г. отмечает здесь смоленские владения: Добрятино (на Пахре), Доброчков в верховьях Нары, Беницы и Путьтино (среднее течение Протвы), Бобровницы (в нижнем течении Протвы)[586].

В итоге вопрос о времени появления московских владений в Поочье заходит в тупик. Решить его помогает случайная обмолвка летописца.

Симеоновская летопись, рассказывая под 1206 г. о похоронах первой супруги великого князя Всеволода Большое Гнездо — Марии, добавляет одну, на первый взгляд, малозначительную подробность: на погребении среди прочих были «и вси

---

[585] Примечания: 585
Темушев В. Н. Указ. соч. С. 197–210.

[586] Примечания: 586
Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–146.

Лужане оть мала и до велика»[587].

Издатели летописи внесли слово «Лужане» в географический указатель, но не объяснили, жители какого населенного пункта подразумеваются. Просмотр источников показал, что в ближних и дальних окрестностях Владимира нет поселений с названиями, от которых можно произвести подобное определение. Между тем в «Списке городов русских дальних и ближних» упоминается городок Лужа, получивший название от одноименной реки, притока Протвы[588]. С последней четверти XIV в. он находился в составе владений серпуховских князей, пока в середине XV в. не был отобран Василием Темным.

Локализация Лужи вызвала среди исследователей споры. В частности, М. Н. Тихомиров счел «возможным отождествить Лужу с современным Малоярославцем». Эту позицию впоследствии поддержали А. А. Юшко и В. Н. Темушев[589]. В

---

[587] Примечания: 587

ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 41.

[588] Примечания: 588

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 95. Данные «Списка» мы датируем 1374 г.

[589] Примечания: 589

Там же. С. 250; *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 138. Прим. 70; *Темушев В. Н.* На восточной границе великого княжества Литовского. Тула, 2016. С. 27. Прим. 75.

отличие от них, В. Н. Дебольский, А. М. Сахаров, А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров пришли к выводу, что Лужа и Малоярославец являются двумя разными городами[590].

Действительно, духовная грамота князя Владимира Андреевича Серпуховского начала XV в. отдельно упоминает Малоярославец (Ярославль) и Лужу. В ней сначала перечисляются владения, завещаемые сыновьям Ивану, Семену и затем Ярославу: «А благословил есмь сына, князя Ярослава, дал есмь ему Ярославль с Хотунью, с тамгою, и с мыты, и с селы, и з бортью, и со всеми пошлинами». В другом месте грамоты говорится: «А жене своей, княгине Олене, дал есмь еи Лужу и со всеми слободами, и с волостми, и с околицами, и с селы, и з бортью и с тамгою, и с мыты, и со озеры, и со всеми пошлинами. И что в Луже села за слугами и в слободах, и те села все княгине моеи, Козлов брод з бортью, и с селы, и со оброчники, и со всеми пошлинами, Бадееву слободку. А слободы Лужовские и волости княгине моеи: Ловышна, Ярцова слободка, Сосновецъ, Турьи горы, Бубол,

[590] Примечания: 590

Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник Ч. 1. СПб., 1901. С. 26; Ч. 2. СПб., 1902. С. 12; С. 42–44; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 93–94; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 57.

Вепреика, Якимова слободка, Маковецъ, Сетунка, Терехова, Спиркова, Ортемова слободка, Скомантова, Гриди Ярцова, Михалкова, Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Федотова Лукина»[591].

Археологически местоположение городка Лужи не определено. Тем не менее это возможно сделать, поскольку в бассейне одноименной реки помимо Малоярославецкого имеется еще лишь одно городище — Отяково (или Николо-Лужицкое). Оно находится в нынешнем Боровском районе Калужской области, правда, не на самой реке Луже, а на мысу правого берега реки Сушки в 80 м от впадения ее в речку Бобровку, являющуюся левым притоком Лужи. Городище расположилось на площадке трапециевидной формы 50×45 м, высотой 8–10 м над рекой. С напольной восточной стороны его защищает вал (высотой до 3 м) и ров (глубиной 1,5–3,5 м). Был обнаружен культурный слой толщиной от 0,2 до 0,6 м со слоями раннего железного века, XI–XIII, XIV–XVII вв., а также немногочисленные находки: лепная дьяковская керамика, гончарная древнерусская и позднесредневековая, шиферное пряслице, костяная рукоять ножа, железные шла-

[591] Примечания: 591
ДДГ. № 17. С. 46, 47.

ки, кости животных[592]. Само городище возникло не ранее XII в. и занимает площадь 0,28 га[593].

Данная локализация подтверждается сохранившимися писцовыми описаниями XVII в. Боровского уезда. Благодаря им имеется возможность очертить пределы территории, непосредственно «тянувшей» к Луже. В частности, в писцовой документации упоминается Лужецкий стан. Он являлся наиболее рано освоенной территорией Боровского уезда, охватывавшей земли по течению реки Лужи. В духовной грамоте Елены Ольгердовны 1433 г. «лужецкими селами» названы Юрьевское, Деготьское, Осеневское, Аврамовское, Михалково, Миседское и Сосновское[594]. До нашего времени не дожили только Деготьское и Миседское. Все остальные уверенно локализуются на современной карте. Со второй половины XV в. части прежней Лужецкой земли начинают постепенно оформляться в самосто-

[592] Примечания: 592

Археологическая карта России. Калужская область. М., 1992. С. 41. № 115.

[593] Примечания: 593

Прошкин О. Л. Типология древнерусских городищ Калужской области // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 6. Калуга, 2005. С. 50–51.

[594] Примечания: 594

ДДГ. № 28. С. 72.

ятельные станы и волости. Михалково вошло в состав Бубольского стана, на территории которого протекает речка Мисида, по которой можно локализовать исчезнувшее село Миседское. Аврамовское стало центром самостоятельной волости. Сосновское вошло в Ловышинский стан[595].

Каким же образом Лужа досталась жене Всеволода Большое Гнездо? Разгадка оказывается крайне простой: очевидно, эти земли представляли собой приданое, с которым она вышла замуж. Понятно, и почему лужане оказались во Владимире в марте 1206 г. Как известно, незадолго до смерти Мария приняла монашеский постриг, что означало отказ от всего мирского, и поэтому лужанам вскоре после ухода Марии в монастырь необходимо было выяснить, кому должна была перейти их волость.

Наше предположение, что Лужу и соседние земли Всеволод Большое Гнездо получил в приданое за Марией, подтверждается дальнейшей владельческой историей этих мест. Ранее нами уже отмечалось, что, поскольку земли, находившиеся на малоосвоенных стыках княжеств, не являлись родовыми владениями князей, те предпочитали

[595] Примечания: 595

Синелобов А. П. Феодальное землевладение Боровского уезда в XIV — первой трети XVII вв. М., 2011. С. 12–13.

передавать их из рук в руки в качестве приданого при заключении браков. У нас имеется возможность отметить некоторые случаи подобного «круговорота» здешних земель.

В частности, в «Записках по российской истории» Екатерины II под 1216 г. отмечается: «В том же году князь Владимир Всеволодович Московский [сын Всеволода Большое Гнездо. — *Авт.*] женился, взял дочь князя Глеба Святославича Черниговского»[596]. Очевидно, данный брак сопровождался получением в приданое некоторых владений.

Упоминание о землях, которые «как ся отступили князи торуские Федору Святославичю» в московско-рязанском договоре 1381 г. (среди них видим Лопасну), фиксирует их передачу в качестве приданого в результате брака Федора Святославича Смоленского на одной из тарусских княжон из черниговского княжеского дома[597].

Документы московских князей отмечают соседнюю с Лужей волость Заячков, принадлежавшую Анне, тетке Семена Гордого. В частности,

---

[596] Примечания: 596

Екатерина II, императрица. Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008. С. 548.

[597] Примечания: 597

ДДГ. № 10. С. 29.

в договорной грамоте 1341 г. Семена Гордого с братьями читаем: «Или что мя благословила которыми волостьми тетка моя, княгини Анна, Заячковым…»[598]. Второй раз ее имя встречается в завещании Семена Гордого 1353 г.: «Заячков, что мя благословила тетка моя, княгини Анна, и Гордошевичи…»[599]. В. А. Кучкин полагал, что в ней следует видеть «не упоминаемую источниками дочь первого московского князя Даниила Александровича, родную сестру Ивана Калиты, бывшую замужем за одним из рязанских князей»[600]. Позднее С. Н. Абуков предположил, что ее супругом мог быть рязанский князь Иван Коротопол[601]. Однако, на наш взгляд, она происходила из каргопольской ветви белозерских князей, в первом браке была женой можайского и брянского князя Святослава Глебовича († в 1310 г.), а затем вышла замуж за брата Ивана

---

[598] Примечания: 598

ДДГ. № 2. С. 12.

[599] Примечания: 599

ДДГ. № 3. С. 13.

[600] Примечания: 600

Кучкин В. А. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 5–6.

[601] Примечания: 601

Абуков С. Н. К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 5–11.

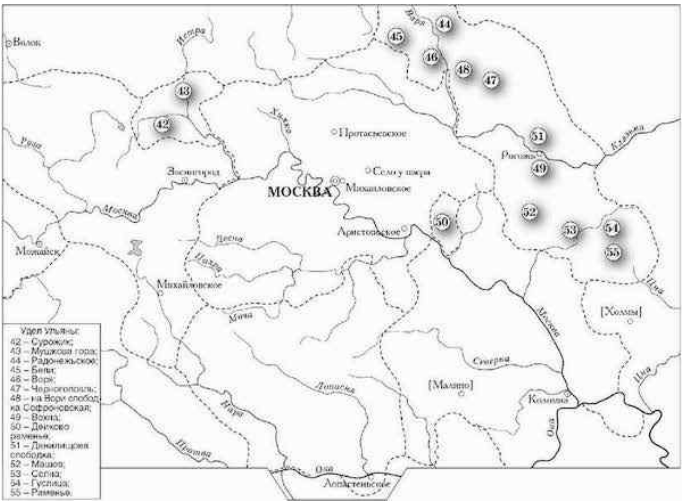
Калиты — Афанасия Даниловича († в 1322 г.) и тем самым приходилась теткой Семену Гордому.

После перехода Лужи в состав Серпуховского удела эти земли, по завещанию Владимира Андреевича Серпуховского, в начале XV в. также продолжали числиться за женской половиной Серпуховского княжеского дома, став собственностью его вдовы Елены Ольгердовны[602].

Характеризуя географию волостей младшего сына Ивана Калиты, мы обратили внимание, что их центр — село Лопастеньское — передавалось московским князем не ему, а своей второй жене Ульяне. Очевидно, это было сделано не случайно, а отражало владельческую традицию земель москвичей в данном районе, когда они представляли собой территории, полученные в приданое. Судя по всему, они достались московским князьям в результате нескольких браков. В главе о Можайске уже обращалось внимание на династические браки московских и тверских князей на княжнах смоленско-брянского дома. К сожалению, история связанных с ними территориальных изменений остается практически неизученной и требует дальнейшего исследо-

[602] Примечания: 602
ДДГ. № 17. С. 47.

вания.



Карта 15. Удел Ульяны по духовной грамоте Ивана Калиты

Глава 8. Переславль и Владимирское великое княжение

Мнения историков о времени приобретения московскими князьями Переславля-Залесского. Вопрос о датировке духовных грамот Ивана Калиты. Был ли Даниил Московский великим князем? Совместное владение Владимиром и другими городами Северо-Восточной Руси потомками Всеволода Большое Гнездо.

Московский летописный свод конца XV в. под 1302 г. поместил следующее известие: «Преставися князь Иванъ Дмитриевичь в Переславли маия 15, бе же чад не имея, и дасть очину свою Переславль князю Данилу Александровичю Московскому, того бо паче всех любляша. Князь же Данило посла наместники своя на Переславль…». И далее под 1304 г. продолжает: «князь Иванъ Даниловичь пришедъ в Переславль седе на княжении. Тогда же прииде на него бояринъ княжь Михаиловъ [Михаила Ярославича Тверского. — *Авт.*] Акинфъ со тверичи, и бысть им бои крепокъ под Переславлемъ, и поможе богъ князю Иоанну, и убиенъ бысть ту Акинфъ и зять его Давыдов и

много тверичь избиень бысть ту, а иных много на погони побиша, а дети Акинфовы, Иванъ да Федоръ, убегоша во Тверь»[603].

Большинство крупнейших исследователей русской истории полагало, что после этих событий Переславль-Залесский окончательно вошел в состав Московского княжества[604]. Однако В. О. Ключевский отметил, что этот город не упомянут в завещании Ивана Калиты[605]. Данный факт заставил последующих историков изменить точку зрения на вопрос о времени присоединения Переславля к Москве.

---

[603] Примечания: 603

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 393 (Далее: ПСРЛ).

[604] Примечания: 604

Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. Т. 3. СПб., 1902. Стб. 262–263; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 95; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 210; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 96; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 459.

[605] Примечания: 605

Ключевский В. О. Сочинения. Т. II. М., 1988. С. 15.

Рис. 100. Смерть Ивана Дмитриевича Переславского. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

К примеру, авторы «Большой российской энциклопедии» полагают, что после смерти бездетного князя Ивана Дмитриевича Переславль в конце 1302 г. захватил Даниил Александрович

Московский. После его смерти в начале марта 1303 г. Переславль смог удержать за собой его старший сын — новый московский князь Юрий Данилович. Между тем из Орды, вероятно, с ярлыком на Переславль вернулся великий владимирский князь Андрей Александрович. Осенью 1303 г. на собравшемся в Переславле княжеском съезде он вынужден был согласиться на сохранение этого города за Юрием, скорее всего, в качестве временного владения. Права московского князя были, по всей видимости, ограниченными (либо личное пожизненное владение, либо владение до смерти князя Андрея Александровича и появления его преемника на владимирском столе). В конце 1304 г. заменявший в Переславле уехавшего в Орду брата Иван Данилович Калита сумел отразить нападение тверских войск на Переславль, наголову разбив тверичей (командовавший ими боярин Акинф погиб в сражении). Однако в конце 1305 г. в результате похода на Москву ставший великим князем владимирским Михаил Ярославич сумел вернуть Переславль в состав владений владимирских великих князей, после чего Переславское княжество перестало существовать. Только с 1362 г. Переславль окончательно оказался под

контролем московских князей[606].

Подобные взгляды среди современных историков возникли в результате концепции «расширения территории великого княжения», сформулированной В. А. Кучкиным. Суть ее трактуется как проявление права великого князя владимирского, как старшего в роде, на выморочные княжества. В ее основе лежат взгляды историко-юридической школы, высказанные еще в XIX в. К примеру, в 1303 г. умер, не оставив наследников, костромской князь Борис Андреевич. Полагают, что сразу после его кончины Кострома вернулась в состав великокняжеских земель. Это же касается оставшихся выморочными: Переславля, после смерти в 1302 г. князя Ивана Дмитриевича, Нижнего Новгорода после кончины князя Бориса Даниловича в 1320 г., Юрьева-Польского после гибели юрьевского князя Ивана Ярославича в смоленском походе 1339/40 г. По мысли исследователя, процесс территориального роста Владимирского великого княжества являлся «одним из существенных проявлений объективного центростремительного процесса на русском Северо-Востоке в то

[606] Примечания: 606
Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 662, 679.

время»[607].

Но насколько эта теоретическая конструкция отвечает тогдашней реальности? Как известно, в XIV в. назначение того или иного князя на великокняжеский владимирский стол зависело от воли хана, выдававшего соответствующий ярлык. При этом следующим великим князем мог быть не сын предыдущего, а представитель другой ветви потомства Всеволода Большое Гнездо. По меткому замечанию С. М. Соловьева, «это значило бы обогащать других князей за свой счет»[608].

Чтобы разобраться в данной ситуации, необходимо вновь вернуться к духовным грамотам Ивана Калиты. Выше уже говорилось, что они практически идентичны, за некоторыми отличиями, главное из которых заключается в том, что во второй духовной грамоте Иван Калита перечисляет полтора десятка принадлежавших ему сел, находившихся за пределами собственно Московского княжества и лежавших уже на территории Владимирского великого княжения.

Схожесть этих двух текстов привела к тому, что

---

[607] Примечания: 607

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 101, 125–144.

[608] Примечания: 608

Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. II. С. 332. Прим. 417.

долгое время их считали вариантами одного и того же завещания, составленными одновременно. Но позднее было доказано, что речь все же должна идти о двух разновременных завещаниях.

Это обстоятельство заставляет поднять вопрос о датировке духовных грамот Ивана Калиты. Исследователями они датировались чрезвычайно широко — с 1327 до 1341 г. Связано это с тем, что вплоть до середины XV в. на Руси не было принято ставить даты непосредственно на документах. Тем не менее в тексте грамот московского князя имеются указания, позволяющие их достаточно точно датировать.

В первой грамоте читаем: «А грамоту писалъ дьякъ князя великого Кострома»[609]. Так как титул великого князя Иван Калита получил в 1328 г., становится понятным, что завещание было написано после этого года.

Другим датирующим признаком является то, что обе грамоты были составлены московским князем перед поездкой в Орду: «се язъ, грешныи худыи рабъ божии Иванъ, пишу душевную грамоту, идя въ Ворду»[610]. Таковых поездок Ивана

---

[609] Примечания: 609
ДДГ. № 1. С. 8.

[610] Примечания: 610
ДДГ. № 1. С. 7, 9.

Калиты в качестве великого князя известно пять: в 1328, 1331, 1333, 1336 и 1339 гг. Поскольку великим князем Иван Калита стал после поездки в Орду в 1328 г., выясняется, что эта дата должна быть исключена. В тексте грамоты говорится о не названной по имени княгине «с меншими детьми». Под 1332 г. московский летописец поместил известие о кончине жены Ивана Калиты Елены: «В лето 6840. Преставися велика княгиня Елена Иванова в черницахъ и въ схиме, и положиша ю въ Спасе марта въ 1 день»[611]. Сопоставив эти факты, Н. М. Карамзин пришел к выводу, что первая духовная грамота Ивана Калиты была составлена «прежде Елениной кончины, но уже во времена Иоаннова великокняжения»[612], то есть подразумевалось, что перед поездкой в Орду в 1331 г.

[611] Примечания: 611
ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.

[612] Примечания: 612
Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 144–145.

Рис. 101. В. П. Верещагин. Русский князь в татарской ставке

С этим не согласился С. М. Соловьев, указавший, что в завещаниях Ивана Калиты под не названной по имени княгиней имеется в виду не Елена, а вторая жена Ивана Калиты Ульяна. Он обратил внимание на фразу завещания Ивана Калиты: «А что золото княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своей Фетинье». Понятно, что золотые украшения своей первой жены московский князь мог передать дочери от этого брака только после смерти Елены. Тем самым из числа воз-

можных дат составления документа исключается 1331 г. Также оказалось, что в завещании сына Ивана Калиты — Ивана Красного упоминается некая княгиня Ульяна, владевшая по «душевной» грамоте его отца, то есть самого Ивана Калиты, волостями, среди которых названы Сурожик и Лучинское, а также в ее пользу шло осмничее. Сопоставив это указание с текстом духовных грамот Ивана Калиты, где указанные волости и пошлина отдавались не названной по имени княгине, историк пришел к выводу, что в завещаниях Ивана Калиты говорится о его второй жене Ульяне[613].

Позднее исследователи обратили внимание на известие Рогожского летописца о втором браке Ивана Калиты: «В лето 6840[1332]… Того же лета въ другое оженися князь великии Иванъ Даниловичь» (сообщение о смерти первой супруги московского князя он датирует предыдущим 6839 г.)[614]. Было также выяснено, что под «меньшими детьми», упомянутыми в завещаниях Ивана Калиты, подразумеваются две его дочери

[613] Примечания: 613

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. М., 1988. С. 654. Прим. 169.

[614] Примечания: 614

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 46–47 (первой пагинации).

от второго брака: Мария и Феодосия. Соответственно, первая духовная грамота московского князя могла быть составлена по меньшей мере через два года после его второй женитьбы, то есть после 1334 г. Поскольку две духовные грамоты Ивана Калиты разновременны (за это говорит несовпадение почерков писцов, некоторые мелкие отличия в орфографии, то, что приложенные к грамотам печати крепились разными шнурами: в первом случае — красным, во втором — голубым), В. А. Кучкин датировал их по двум оставшимся его поездкам в Орду: 1336 и 1339 гг.[615]

Предложенные В. А. Кучкиным датировки двух завещаний московского князя внешне выглядят весьма стройными и логичными. И все же, если обратить внимание на одно мелкое и, на первый взгляд, несущественное обстоятельство, появляются сомнения в их правильности.

Историк не пояснил, почему в первой духовной грамоте, в отличие от второй, не перечислены отдельные села, расположенные на территории Владимирского великого княжения. В свое

[615] Примечания: 615

Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1989. М., 1989. С. 206–225.

время высказывалось мнение, что указанные во второй духовной грамоте села московский князь мог приобрести за промежуток времени, прошедший между составлением первого и второго завещаний. Оно могло бы выглядеть вполне обоснованным, поскольку Ивану Калите, занимавшему в то время великокняжеский стол, не составляло особого труда округлить свои владения. Однако этому противоречит вторая духовная грамота Ивана Калиты, где среди прочих упоминается «село Павловское, бабы нашее купля»[616], то есть одно досталось Ивану Калите еще от его бабки, жены Александра Невского, и он несомненно владел им задолго до того, как приступил к написанию завещательных распоряжений.

Между тем данный парадокс объясняется весьма просто. Как известно, после подавления восстания в Твери хан Узбек разделил Владимирское великое княжение между Иваном Калитой и суздальским князем Александром Васильевичем, также принимавшим участие в походе 1327 г. на Тверь.

Последний скончался в 1332 г. Под этим годом московский летописный свод конца XV в. по-

---

[616] Примечания: 616
ДДГ. № 1. С. 10.

местил известие о его кончине: «Того же лета преставися князь Александръ Васильевичь Суждальскыи»[617] (Рогожский летописец помещает это известие годом ранее)[618]. Отсюда делаем вывод: поскольку Иван Калита до смерти своего соправителя полностью не распоряжался Владимирским великим княжением, он не имел права указывать принадлежавшие ему на этой территории села. И только после того, как он стал единственным полновластным великим князем, у него появилась такая возможность. Тем самым приходится признать, что прав был Н. М. Карамзин, относивший составление первой духовной грамоты Ивана Калиты к его поездке в Орду в 1331 г.

Но как тогда быть с выводами исследователей, убедительно доказавших, что в обоих завещаниях московского князя упоминаются именно его вторая супруга Ульяна и две дочери от этого брака?

Оказывается, что известие о втором браке московского князя имеется только в Рогожском летописце, памятнике тверского летописания.

---

[617] Примечания: 617
ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.

[618] Примечания: 618
Там же. Т. XV. Стб. 46 (первой пагинации).

Московский же летописец, фиксирующий даже незначительные детали жизни в Москве и который, казалось бы, первым должен был упомянуть о столь значительном событии в жизни Ивана Калиты, странным образом молчит по этому поводу. Указанное обстоятельство вызывает первые подозрения, что с новой женитьбой князя были связаны определенные «скользкие» обстоятельства, которые были нежелательны в официальной московской летописи.

Сомнения только усиливаются, если вспомнить, что представляло собой тверское летописание XIV в. Разгром Твери после восстания 1327 г. привел к тому, что тверская летописная традиция прерывается и возобновляется лишь в 70-е годы XIV в., при князе Михаиле Александровиче Тверском. Составитель тверской летописи, восстанавливая события пропущенных лет, должен был опираться на другие летописи, собственные припоминания и расчеты, которые были не совсем корректными, следствием чего стали хронологические ошибки. В главе о Можайске нами уже приводилось ошибочное известие из Рогожского летописца о смерти брянского и можайского князя Василия Александровича в 1314 г., хотя тот прожил вплоть до 1356 г.

Составителю Рогожского летописца, несомненно, было известно о существовании княгини Ульяны. Точная дата ее кончины не известна, но поскольку в московско-серпуховском договоре 1367 г. о ней говорится как о живой, а в аналогичном договоре 1372 г. уже как о покойной[619], ее смерть можно отнести к этому промежутку. Тверской летописец знал, что она являлась второй женой Ивана Калиты, но ему была не известна дата заключения этого брака. Найдя известие о смерти Елены, которую он ошибочно приурочил к 1331 г.[620], он предположил, что во второй брак московский князь вступил после положенного в подобных случаях годичного траура. Тем самым оказывается, что известие Рогожского летописца о дате вторичной женитьбы Ивана Калиты есть плод позднейших расчетов тверского летописца. Это обстоятельство заставляет внимательнее посмотреть на все факты, так или иначе связанные с семейной жизнью Ивана Калиты.

Московский летописец, говоря о смерти Елены, подчеркнул, что она скончалась «в черницах и

---

[619] Примечания: 619
ДДГ. № 5. С. 20; № 7. С. 23.

[620] Примечания: 620
ПСРЛ. Т. XV. Стб. 46 (первой пагинации)

в схиме»[621], то есть перед смертью не только постриглась в монахини, но и приняла схиму — высшую монашескую степень в православной церкви, требующую от посвященного в нее строгого аскетизма и полного отречения от «мирской суеты». Подобное не являлось чем-то необычным для тогдашних людей. Тот же летописец, сообщая о смерти Ивана Калиты, уточнял, что тот умер «в чернецех и во схиме»[622].

[621] Примечания: 621
Там же. Т. XXV. С. 170.

[622] Примечания: 622
ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

Рис. 102. Смерть Елены, первой жены Ивана Калиты. Миниатюра Лицевого летописного сво-

да XVI в.

Вопрос заключается в том, когда постриглась Елена? Это могло произойти как за несколько дней до ее кончины, так и за несколько месяцев и даже лет. Разгадку дают все те же духовные грамоты Ивана Калиты. Среди волостей, предназначавшихся для Ульяны с ее дочерями, упоминается и волость Раменье, относительно которой говорится: «что было за княгинею». Все историки единодушны в том, что данная отсылка имеет в виду Елену. Зачем московскому князю понадобилось в свое время выделять эту волость первой супруге? Хотя подобные примеры известны, все они относятся к совершенно иным ситуациям. В частности, московские князья при составлении завещаний оставляли своим женам отдельные волости и села, обеспечивая их старость и чтобы они материально не зависели от детей.

Выделение отдельной волости княгине при жизни мужа возможно было только в единственном случае — когда она уходила в монастырь и «на прожиток» ей предоставлялось небольшое земельное владение. В качестве подобного примера приведем факт, когда Софье, дочери старшего брата Ивана Калиты — князя Юрия Даниловича, после пострижения из всех ее владений была

оставлена лишь одна волость Кистьма[623]. Более того, если княгиня принимала схиму, она отказывалась и от этих владений. Разумеется, и речи не могло быть, чтобы при схимнице находились женские украшения. Как следствие этого, фраза о «золоте Оленином», которое Иван Калита отдавал дочери от первого брака, не может служить твердым показателем того, что духовные грамоты были составлены после смерти Елены.

Обыкновенно принятие схимы сопровождалось наречением нового имени. Так, из записи на одном из Евангелий Антониева Сийского монастыря XIV в. выясняется, что Иван Калита после пострига стал именоваться «рабом божиим Ананиею черньцем». Возможным оказывается выяснить и схимническое имя его супруги. В одной из приписок XVII в. к Никоновской летописи (в списке Оболенского) помещена родословная легенда Аничковых. В ней читаем: «В лето 6829-го приехал из Большие орды царевич Берька ко государю великому князю Ивану Даниловичю Калите к Москве, и крестил его Петр митрополит да великая кнеиня Соломанида от бесерьменства

[623] Примечания: 623

Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты. История присоединения Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М., 2018. С. 214–215.

в православную веру и нарекоша имя ему во святом крещение Аникей; и от того пошли Оничковы». А. И. Копанев, обративший внимание на это известие, отмечал, что «неясно, кто такая великая княгиня Соломанида, ибо обе жены Ивана Калиты имели другие имена»[624]. Разумеется, относиться к данной дате (6829/1321 г.) следует скептически, поскольку в это время Иван Калита еще не был великим князем. И хотя запись была сделана позднее, по припоминаниям, она важна свидетельством, что первая жена Ивана Калиты постриглась за довольно большой срок до своей кончины.

[624] Примечания: 624

ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 301; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 37. Прим. 2.

Рис. 103. Сийское Евангелие XIV в.

Можно ли попытаться определить время пострижения Елены? Очевидно, это могло произойти только в промежуток между 4 июля 1327 г., когда она родила мужу младшего сына Андрея[625], и 1 марта 1332 г., когда она скончалась. Уточнить дату позволяет то обстоятельство, что вопрос о разводе великого князя должен был решаться только с санкции митрополита. Под 1329 г. московский летописец сообщает, что 26

[625] Примечания: 625
ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.

марта в Новгород прибыл Иван Калита, вслед за которым сюда же приехал митрополит Феогност[626]. В этом не было бы ничего необычного, если бы до нас не дошли сведения Никоновской летописи, являющейся памятником митрополичьего летописания. Она сообщает, что из Новгорода Феогност отправился на Волынь, а оттуда — в Киев. «И тамо приидоша к нему послы от великаго князя Ивана Даниловичя Володимерскаго и Московьскаго: составити ему манастырь внутрь града Москвы, и церковь вздвигнути святого Спаса Преображениа, и тамо архимандритию принести от Данила святаго из Заречья, юже князь велики Данило Александровичь имяше тамо в свое имя и яко солнцесиательныя благодати насыщашеся. Сей же въсхоте ю вселити внтрь града, близ своего двора, любомудриа желатель сый и иноческаго жития ревнитель, их же ни в день, ни в нощь, ни в един час отлучен быти хотяше; и тако благословение приемлет от пресвященнаго Феогнаста, митрополита киевскаго и всея Русии, и делу касашеся»[627].

---

[626] Примечания: 626

Там же. С. 169.

[627] Примечания: 627

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 203.

Рис. 104. Митрополит Феогност. Деревянная скульптура XVII в.

Два обстоятельства в данном отрывке вызывают удивление. Прежде всего — желание Ивана Калиты получить благословение на строительство церкви именно от митрополита. Московская летопись подробно рассказывает о церковном

строительстве в Москве конца 20-х годов XIV в. В 1327 г. здесь возводится Успенский собор, в 1329 г. строятся храмы Иоанна Лествичника и церковь во имя честных вериг апостола Петра[628]. Но при этом ни разу в этой связи не упоминается имя митрополита. Вызывает недоумение и то, что Иван Калита, видевшийся с Феогностом в марте 1329 г. в Новгороде и, казалось бы, имевший возможность именно там получить благословение на строительство нового храма, должен был уже через несколько недель отправить в Киев специальное посольство по этому поводу. Написанные эзоповым языком слова митрополичьего летописца о том, что послы московского князя «делу касашеся», а сам он «ни в день, ни в нощь, ни в един час отлучен быти хотяше» говорят, что получение благословения на строительство нового храма было всего лишь благовидным формальным предлогом, а на самом деле речь шла о разводе великого князя.

Если предположить, что развод великого князя состоялся в первой половине 1329 г., то через два года, к 1331 г. он вполне мог иметь от нового брака двух дочерей. Отсюда делаем вывод, что первая

[628] Примечания: 628
ПСРЛ. Т. XXV. С. 168–169.

духовная грамота Ивана Калиты была составлена после его развода с Еленой и ее пострижения в монахини, перед его поездкой в Орду в 1331 г.

Исследователи полагают, что хан Узбек разделил в 1328 г. Владимирское великое княжение, опасаясь усиления русских князей. Но так ли это было на самом деле?

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к событиям рубежа XIII–XIV вв. После того, как 27 июля 1304 г. скончался великий князь Андрей Александрович, претензии на великокняжеский стол выдвинули Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский. Историки XIX в. выражали определенное удивление по поводу того, что в борьбу за владимирский стол ввязался Юрий, на их взгляд, не имевший на него никаких прав. По этому поводу С. М. Соловьев указывал, что «по прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу Тверскому, поскольку он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Данилович Московский — правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства»[629].

---

[629] Примечания: 629

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 209.

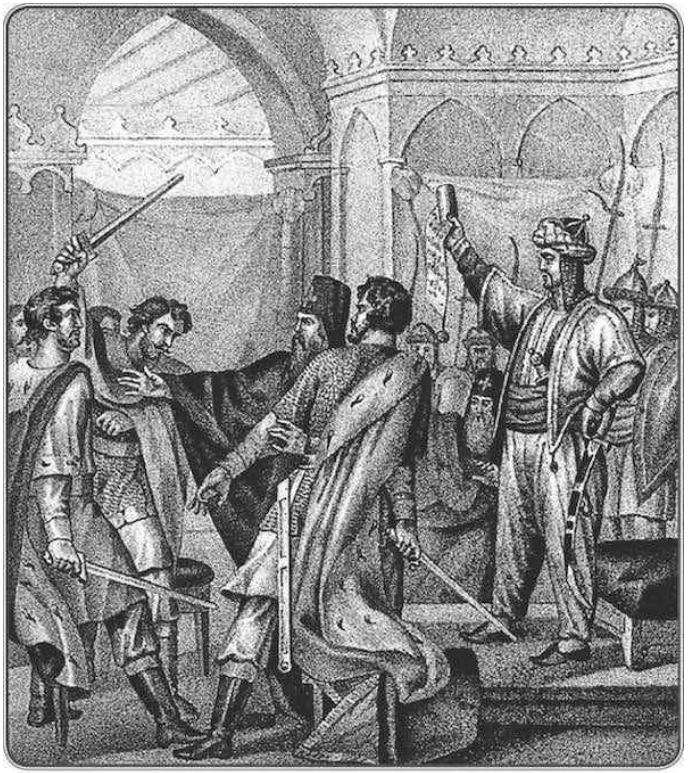


Рис. 105. Б. А. Чориков. Распря русских князей в Орде за ярлык на великое княжение. 1836

Однако выдающийся историк ошибался, и Да-

ниил Московский все же был великим князем. На первый взгляд, этот вывод может показаться достаточно странным. Как известно, Даниил Московский (1261–1303) был младшим сыном Александра Ярославича Невского, являвшегося в 1252–1263 гг. великим князем владимирским. После его кончины владимирский великокняжеский стол перешел к его брату Ярославу Ярославичу Тверскому, занимавшему его с 1263 по 1272 г. В этом году Ярослав умер и владимирский великокняжеский стол занял еще один брат Александра Невского — Василий Ярославич Костромской.

После кончины Василия Ярославича в 1276 г. владимирский великокняжеский стол перешел в следующее поколение Рюриковичей Северо-Восточной Руси. Великим князем владимирским с 1277 г. стал второй сын Александра Невского — Дмитрий Александрович Переславский. Однако претензии на Владимирское великое княжение высказал его брат — третий сын Александра Невского — Андрей Александрович Городецкий, получивший у хана Туда-Менгу ярлык на великое княжение. В 1281 г. он изгнал Дмитрия Александровича из Владимира, который вынужден был бежать в Орду, по всей вероятности, к Ногаю,

соперничавшему с Туда-Менгу. С помощью Ногая в 1283 г. он вернул себе великое княжение. В последующее время братья то мирились, то вновь воевали. В 1294 г. Дмитрий скончался, и великокняжеский стол по праву достался Андрею Александровичу Городецкому. Великим князем владимирским он был вплоть до своей кончины летом 1304 г. К этому моменту других сыновей Александра Невского в живых уже не оставалось (младший из них — Даниил Александрович Московский скончался в начале весны 1303 г.) и великокняжеский стол достался Михаилу Ярославичу Тверскому, как старшему в роду северо-восточных Рюриковичей. На нем он сидел вплоть до своей смерти в 1318 г., когда великим князем стал старший сын Даниила Московского Юрий Данилович.

Как видим, Даниил Александрович Московский никогда не являлся великим владимирским князем. Это подтверждает Лаврентьевская летопись, везде именующая его просто князем (под 1297 г.: «Данило Московьскии князь», под 1301 г.: «Данило князь Московьскыи», под 1303 г.: «Данило князь Олександровичь», под 1304 г.: «князь Дани-

ло Олександрович»)[630]. Аналогичную картину дает и Московский летописный свод конца XV в., также называющий Даниила только князем (под 1282, 1296, 1303 и 1330 гг.)[631].

Между тем составленная в XVI в. Никоновская летопись именует Даниила Московского при жизни преимущественно великим князем (под 1282 г.: «князь велики Московской Данило Александровичь», под 1288 г.: «великимъ княземъ Даниломъ Александровичемъ Московскимъ», под 1295 г.: «князь великы Данило Александровичь Московский», под 1301 г.: «князь Данило Александровичь Московский» и тут же — «князь великы Данило Александровичь Московский», под 1302 г.: «великого князя Данила Александровича Московскаго» и «князь велики Данило Александровичь Московский», под 1303 г.: «князь великый Данило Александровичь Московьский»)[632]. Как видим, из семи упоминаний в шести случаях Даниил назван «великим князем». Также великим князем он именуется в посмерт-

---

[630] Примечания: 630
ПСРЛ. Т. I. Стб. 484–486, 528.

[631] Примечания: 631
Там же. Т. XXV. С. 154, 158, 169, 393.

[632] Примечания: 632
Там же. Т. X. С. 160, 167, 171, 173, 174.

ных известиях (под 1305, 1329, 1330 гг.)[633].

Откуда составитель Никоновской летописи взял титул великого князя, который, судя по Лаврентьевской летописи и Московскому летописному своду конца XV в., Даниилу Московскому не принадлежал?

В свое время исследователи, пытаясь объяснить данный факт, обратили внимание на статьи, находящиеся в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи. Первая из них носит заголовок «Сице родословятся велицеи князи русьстии» и содержит краткое родословие русских князей от Рюрика до Василия Темного. Среди прочих в нем упоминается Даниил Московский: «Александръ роди Данила Московьскаго. Данилъ роди Ивана, иже исправи Русьскую землю от татеи и от разбоиникъ» (в другом варианте: «Сынове Александровы: Дмитрии Переяславьскыи, Андреи Городецкыи, Василии Костромьскыи, Данило Московьскыи. Сынове Даниловы: Юрьи Великыи, Иванъ, Борисъ, Семеонъ, Александръ,

[633] Примечания: 633
Там же. С. 176, 203, 204.

Афанасии»[634]). Аналогичный текст читается и в начале Симеоновской летописи: «Александровы сынове Невскаго: Василие, Дмитреи, Андреи, Данило Московскии. Даниловы сынове: Юрьи, Александръ, Борисъ, Иванъ, Афанасеи»[635], откуда он был позаимствован составителем Никоновской летописи, поместившим данное родословие в начале своего труда[636].

Поскольку в Новгородской первой летописи данная роспись имеет заголовок «Сице родословятся велицеи князи русьстии», а продолжатели поколений являлись великими князьями, историки предположили, что составитель Никоновского свода, живший через два с лишним столетия после Даниила Московского, не разобравшись, счел его великим князем. Отсюда был сделан вывод, что употребление в Никоновской летописи великокняжеского титула применительно к Даниилу Московскому является не более чем простой ошибкой ее составителя.

---

[634] Примечания: 634

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 465–466.

[635] Примечания: 635

Там же. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 24.

[636] Примечания: 636

Там же. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. XXIII.

Вместе с тем, ситуация оказывается несколько иной. Одним из источников Никоновской летописи является Симеоновская летопись конца XV в. В ней Даниил Московский именуется просто князем (под 1293, 1297, 1301, 1303 гг.)[637]. Внимание, однако, привлекает известие о его кончине, в заголовке которого Даниил прямо назван великим князем: «Преставление великаго князя Данила Московскаго. В лето 6812 месяца марта в 5, въ великое говеино, на безымяннои недели въ вторникъ, преставися князь Данило Александровичь, внукъ Ярославль, правнукъ великаго Всеволода, в чернецехъ и въ скиме, и положенъ бысть въ церкви святого Михаила на Москве, въ своеи отчине»[638].

В этой связи следует обратить внимание на одну договорную грамоту между Тверью и Новгородом. Обращаясь к новгородскому архиепископу Клименту, тверской князь Михаил Ярославич писал: «Поклонъ от князя от Михаила къ отьцю ко владыце. То ти, отьче, поведаю: с[ъ бр]атомь своимъ съ стареишимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ; а дети твои, посадникъ, и тысяць-

[637] Примечания: 637
ПСРЛ. Т. XVIII. С. 82–85.

[638] Примечания: 638
Там же. С. 85–86.

скыи, и весь Новъгородоъ на томъ целовали ко мне крьст: аже будеть тягота мне от Андрея, или от тат[ар]ина, или от иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступите вы ся мене ни въ которое же веремя»[639].

Следует объяснить, о чем идет речь в данном отрывке. Из него выясняется, что между Москвой, Тверью и Новгородом был заключен союз, направленный против великого князя Андрея Александровича. При этом союзники опасались военных действий как со стороны великого князя, так и со стороны татар, очевидно, поддерживавших Андрея. Издатели грамоты датировали ее промежутком между 1296 и 1301 гг. на основании того, что «розмирье» между князьями, упоминаемое в грамоте, резко обозначилось на княжеском съезде во Владимире в 1296 г., а уже в 1301 г. на съезде в Дмитрове князь Даниил примирился с великим князем Андреем Александровичем.

Кем являлся упомянутый в грамоте Иван? Издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» полагали, что им являлся князь Иван Дмитриевич

[639] Примечания: 639

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 4. С. 14 (Далее: ГВНП).

Переславский[640]. Дать точное отождествление указанного лица позволяет запись в одной из новгородских книг — в пергаменной ноябрьской Служебной минее. В ней на полях имеется запись конца XIII в.: «В лето 6804 (1296. — *Авт.*) индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрее съгониша новгородци наместниковъ Андреевыхъ съ Городища, не хотяще князя Андрея. И послаша новгородци по князя Данилья на Мъсквоу, зовоуще его на столъ в Новъгород на свою отциноу. И присла князь переже себе сына своего въ свое место именемъ Ивана. А сам князь Данилии. Того же лета поставиша мостъ великыи чересъ Вълхово. А псал Скорень, дьякон святыя Софии»[641].

Указанные в записи лица действительно известны в то время: архиепископ Климент занимал новгородскую кафедру с 1276 по 1299 г., а посадник Андрей Климович исполнял должность новгородского посадника с перерывами с 1286

---

[640] Примечания: 640

ГВНП. С. 357.

[641] Примечания: 641

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 150–151. Запись неоднократно издавалась. См.: *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 146.

по 1316 г. Но самое главное — приглашение на новгородский стол князя Даниила Александровича подтверждается находкой в Новгороде его свинцовых печатей[642].

Поскольку запись сделана на ноябрьской минее, можно полагать, что писец описывал события ноября 1296 г. Это позволяет отнести заключение упомянутого новгородско-тверского договора к ноябрю 1296 г. или несколько более позднему времени[643].

Что же происходило в этот период? Московский летописный свод конца XV в. сообщает: «В лето 6804. Бысть нелюбие межи князеи руских, княземъ великимъ Андреемъ и братомъ его княземъ Даниломъ Александровичемъ Московскимъ и князем Иваномъ Переславьским и княземъ Михаиломъ Тверьскимъ; прииде же тогды посолъ из Орды от царя, Олекса и Неврюи, а княземъ всемъ бысть съездъ въ Володимери. И сташа со едину сторону князь Андреи Александровичь, князь Федоръ Ростиславичь Ярославьски, князь

[642] Примечания: 642

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. М., 1970. С. 12–13.

[643] Примечания: 643

Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 305–309.

Костянтинъ Ростовьски. Противу сташа имъ князь Данило Александровичь Московьски и князь Михаило Ярославич Тферски, с ними же и Переславци съ единого. И малымъ не бысть межи ими кровопролитья, сведоша бо их в любовь владыка Семенъ и владыко Измаило, и разъехашася кождо во свояси»[644].

Никоновская летопись добавляет важную подробность: «И тако поделивьшеся княжениемъ разыдошася кождо въ свояси»[645]. Но только Софийская первая летопись указывает — что это было за княжение: «и поделишася великимъ княжениемъ»[646].

Тем самым видим, что раздел Владимирского великого княжения в 1328 г. между Иваном Калитой и Александром Васильевичем Суздальским не был единственным прецедентом, а продолжал давнюю традицию, зародившуюся еще в домонгольский период. Никоновская летопись не ошибалась, когда называла Даниила Москов-

---

[644] Примечания: 644
ПСРЛ. Т. XXV. С. 158.

[645] Примечания: 645
Там же. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 171.

[646] Примечания: 646
Там же. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 364.

ского великим князем.

Отсюда делаем важный вывод, что Владимир, так же как и Москва, находился в совместной собственности князей, потомков Всеволода Большое Гнездо. Но город необходимо было защищать, что требовало единоличного командования, и поэтому один из владимирских князей-совладельцев являлся великим князем по отношению к своим родичам. В ближайших окрестностях города находились отдельные княжеские села, принадлежавшие князьям-совладельцам, что подтверждается второй духовной грамотой Ивана Калиты.

При этом подобный же характер совместного владения был типичен и для других городов Северо-Восточной Руси этого времени. Одним из них являлась Кострома, которая была поделена между Тверью и Москвой. Судить об этом можно по летописному известию 1304 г.: «поиде князь велики Юрьи Даниловичь Московьский з братиею своею во Орду, а князя Бориса Даниловичя, брата своего, посла на Кострому, и поимаша его бояре великаго князя Михаила Ярославичя Тверскаго, и ведоша его въ Тверь; а стерегоша тогда на Костроме великаго князя Юрья Даниловичя Московскаго, но онъ проиде инымъ путемъ ко

царю въ Орду». Данные действия тверских бояр вызвали недовольство костромичей, о чем свидетельствует другое сообщение, помещенное под этим же годом: «Того же лета на Костроме бысть вече на боаръ: на Давида Давидовичя, да на Жеребца и на иныхъ, и убиша тогда Зерна и Александра»[647]. Судя по тому, что старомосковские боярские роды Сабуровых и Годуновых вели свое происхождение от Дмитрия Зерно, боярина времен Ивана Калиты и сына убитого Александра Зерно, можно полагать, что в пределах Костромского княжества великим князем стал Михаил Тверской.

При этом у нас имеется возможность определить границы тверских и московских владений в Костромском княжестве. Как уже говорилось ранее, Костромской уезд, представлявший, по сути, прежнее Костромское княжество, при проведении писцовых описаний делился Волгой на две части. Северная, с центром в самой Костроме, управлялась Тверью, а южная, с центром в Нерехте — Москвой. Это подтверждается источниками. В 1320 г. князь Константин Михайлович Тверской женился «и венчанъ бысть въ святемъ

[647] Примечания: 647
ПСРЛ. Т. X. С. 175.

Феодоре на Костроме»[648], находившемся непосредственно в самом городе. Во второй духовной грамоте Иван Калита упоминает «Олександр святыи, что есмь купил на Костроме». Как ранее говорилось, он находился на противоположном, правом берегу Волги, напротив Ипатьевского монастыря.

Следует также подчеркнуть, что подобное деление Костромского княжества не стало нововведением начала XIV в. Мы уже видели, что еще в 1214 г. Заволжская часть княжества с центром в Костроме принадлежала Юрию Всеволодовичу, а Нерехта — его брату Ярославу[649].

Но если тверским князьям удалось закрепить свое первенство в Костроме, то в случае с Переславлем верх взяли москвичи. Подробности становятся известны из «Повести об убиении Акинфове, боярине тверском», где сообщается, что Иван Калита «съ Москвы иде въ Переславль, и сяде въ нем на великомъ княжении. И бысть ему весть тайно изо Твери, яко хотятъ на него изгономъ приити ратью тверичи къ Переславлю; онъ

[648] Примечания: 648
ПСРЛ. Т. X. С. 187.

[649] Примечания: 649
ПСРЛ. Т. XLI. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 131.

же укрепи всехъ своихъ бояръ и переславцевъ, и къ Москве посла совокупляя рать. И прииде на него изгономъ подъ Переславль бояринъ тверьский Акинфъ княж Михаиловъ Ярославичя..., иже былъ той бояринъ Акинфъ преже сего князя Андреа Александровичя Городецкаго... И выиде противу его князь Иванъ Даниловичь, съ нимъ же переславьская рать единомыслено бе и крепко стоаше, къ тому же приспела и московьская рать, и бишася зело крепко, и поможе Богъ великому князю Ивану Даниловичю, и убиенъ бысть тутъ подъ Переславлемъ Акинфъ и зять его Давидъ, и много тверичь избиено бысть ту; а дети Акинфовы Иванъ да Федоръ вмале убежаша во Тверь»[650].

Можно высказать предположение, что москвичи владели в Переславле непосредственно самим городом, а также западной и южной частями бывшего княжества (именно в ней сосредотачивались села московских князей), тогда как тверским князьям принадлежала северная часть Переславской земли. Центром их владений, вероятно, был небольшой городок Клещин, упоминающийся в «Списке русских городов дальних

---

[650] Примечания: 650
ПСРЛ. Т. X. С. 175.

и ближних».

Понятно, что говорить о «расширении» владений великого князя, как полагает В. А. Кучкин, просто не приходится. Разумеется, Иван Калита в своей второй духовной грамоте не мог упоминать неполностью принадлежавшие ему Переславль и Кострому. Впервые «с волостьми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами» в духовных грамотах московских князей они названы только в завещании 1461 г. Василия Темного[651]. Именно эта дата может считаться окончательным оформлением де-юре вхождения Переславля и Костромы в состав московских владений. Как видим, данный процесс растянулся на несколько десятилетий, как и в случае с другими московскими «примыслами».

[651] Примечания: 651
ДДГ. № 61. С. 194.

Глава 9. Княжил ли Иван Калита в Киеве?

Митрополит Петр и Иван Калита. Густынская летопись о княжении Ивана Калиты в Киеве. Обзор мнений историков по этому поводу. Свидетельство Киево-Печерского патерика. Родословная легенда Квашниных. Деление Киева на две «половины». Киевский князь Федор — совладелец Ивана Калиты.

Говоря о Москве XIV в., исследователи вслед за В. О. Ключевским обычно отмечают, что в указанный период «Москва стала церковной столицей Руси»[652]. Но выдающийся историк формально был не прав. Вплоть до середины XIV в. официальным местопребыванием митрополичьей кафедры считался Киев. И только в июле 1354 г. константинопольский патриарх Филофей распорядился созвать церковный собор, который вынес специальное определение об официальном переносе кафедры Русской мит-

[652] Примечания: 652

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. II. Курс русской истории. Часть II. М., 1988. С. 23.

рополии из Киева, но при этом не в Москву, а во Владимир-на-Клязьме. При этом глава Русской церкви, как и ранее, должен был именоваться «митрополитом Киевским и всея Руси»[653]. Лишь с 1461 г., начиная с Феодосия (Бывальцева) они стали именоваться «митрополитами Московскими и всея Руси».

Рис. 106. Ключевский В. О.

Как бы то ни было, уже с первой четверти XIV в. предстоятели Русской церкви начинают пребывать в Москве, сначала наездами, а потом и постоянно. Историки кардинально расходятся в оценке того, каким образом это произошло.

[653] Примечания: 653

Русская историческая библиотека. 2-е изд. Т. VI. Ч. 1. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Приложения. № 12. Стб. 64–70.

Одни утверждают, что данная перемена явилась результатом случая, когда во время одного из своих объездов Руси тогдашний митрополит Петр, будучи проездом в Москве, скончался в ночь с 20 на 21 декабря 1326 г.[654] Этим поспешил воспользоваться московский князь Иван Калита, похоронивший святителя в своем стольном городе. Их оппоненты напоминают, что каменный храм в честь Успения Богородицы, где был погребен митрополит, был заложен еще в августе 1326 г., а Петр своими руками сделал для будущей могилы гроб. Указывают также и на обширное церковное строительство в Москве, где до той поры не было ни одной каменной церкви. Помимо завершения постройки Успенского собора Иван Калита возвел в Московском Кремле в 1329 г. — каменные церкви Иоанна Лествичника (соименного московскому князю) и Поклонения вериг апостола Петра (в память митрополита Петра); в 1330 г. — собор Спаса Преображения («Спаса на Бору»); в 1333 г. — Архангельский собор, ставший родовой усыпальницей московских

[654] Примечания: 654

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 168.

князей[655].

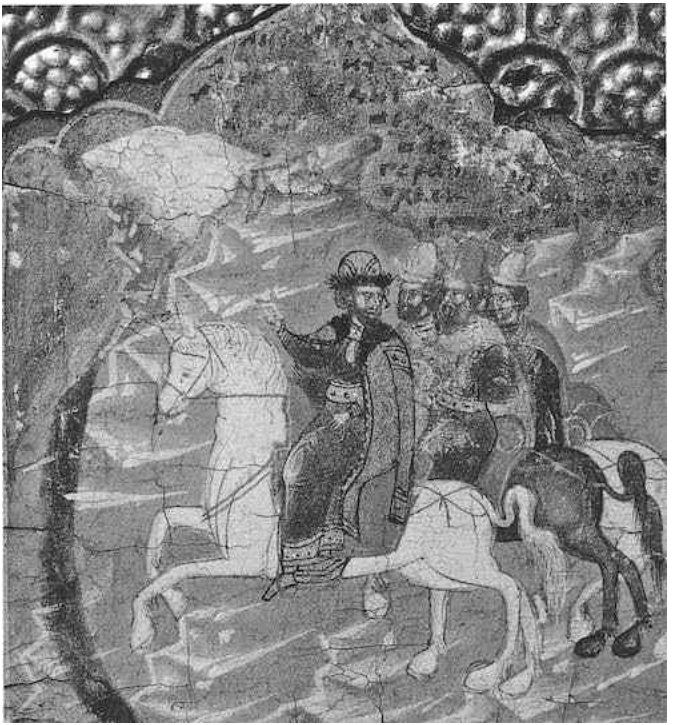


Рис. 107. Иван Калита видит себя во сне едущим

[655] Примечания: 655
ПСРЛ. Т. XXV. С. 169, 171.

перед высокой горой с тающим снегом. Клеймо иконы «Митрополит Петр с житием»

При всех разногласиях исследователи единодушны в том, что Ивана Калиту и митрополита Петра связывала тесная дружба. Об этом становится известным из жития святителя, дошедшего до нас в двух редакциях: краткой, составленной епископом Ростовским Прохором в 1327 г., и пространной, написанной митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном в конце XIV в.[656]

Вместе с тем историки не раз задавались вопросом: что же соединяло митрополита Петра с Иваном Калитой, обычным рядовым князем, занимавшим явно третьестепенное место в княжеской иерархии (после великого князя владимирского Михаила Ярославича Тверского и своего старшего брата Юрия)? Говорили о враждебности Михаила Тверского к Петру, когда после смерти митрополита Максима тверской князь выдвинул кандидатом в его преемники игумена Геронтия. Но, прибыв в Константинополь, тот обнаружил, что митрополитом «киевским и всея Руси» был уже избран Петр. При ближайшем рассмотрении

[656] Примечания: 656

ПСРЛ. Т. XXI. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. С. 321–333.

эти доводы оказываются неубедительными. Как известно, митрополит Максим скончался 16 декабря 1305 г., а Петр был поставлен на кафедру спустя два с половиной года — летом 1308 г.[657] Как видим, времени на путь из Северо-Восточной Руси до Константинополя было более чем достаточно. К тому же Петр, как глава митрополии, не мог не стремиться наладить диалог с великим князем владимирским, каковым являлся Михаил Тверской. Другие полагали Петра, на тот момент игумена Ратского Спасо-Преображенского монастыря, ставленником Юрия Львовича Галицкого, игнорируя при этом тот очевидный факт, что основное местопребывание митрополита было в Северо-Восточной Руси, а не во владениях галицкого князя.

[657] Примечания: 657
ПСРЛ. Т. XXV. С. 159, 393.

Рис. 108. Митрополит Петр. Икона XV в.

Ответ на интересующий нас вопрос находим в Густынской летописи, памятнике летописания XVII в. Свое название она получила по одному из списков, написанному в Густынском Троицком монастыре, построенном в 1600 г. на острове Густыня в верховье реки Удоя (в бывшем Прилуцком уезде Полтавской губернии). Сам памятник хронологически делится на две части, первая из которых близка по содержанию к Ипатьевской летописи, а вторая, охватывающая события 1300–1597 г., является самостоятельной и отличается краткостью. При этом автор на полях рукописи дает комментарии и ссылки на источники. Под 1305 г. Густынская летопись помещает уникальное, более не встречающееся нигде известие: «В то лето паки начат в Киеве княжити Иоанъ Даниловичъ Калита, вънукъ Ярослава»[658]. Калита упоминается данным памятником еще один раз, под 1322 г.: «В лето 6830. 132[]. Прийде из Орды Иванъ Даниловичъ, внукъ Александровъ, упросив себе у царя Турецкого великое княжение». При этом на левом поле было сделано уточне-

[658] Примечания: 658

ПСРЛ. Т. XL. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 128. Первый раз она издавалась в 1843 г. в качестве приложения к Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 348.

ние: «Иван Данилович, князь Московский»[659]. Отсюда становятся понятны истоки дружбы митрополита Петра и Ивана Калиты: поскольку основные владения кафедры сосредотачивались в Киеве, где княжил Иван Калита, они волей-неволей должны были иметь хорошие отношения.

Рис. 109. Густынский Троицкий монастырь

Среди историков к этим известиям сложилось

[659] Примечания: 659
ПСРЛ. Т. XL. С. 128.

двойственное отношение. Относительно сообщения 1305 г. отмечалось, что Иван Калита был не внуком упомянутого князя Ярослава Всеволодовича (1190–1246), а его правнуком (от сына Ярослава — Александра Ярославича Невского). Хотя под 1322 г. автор летописи правильно назвал Ивана Калиту внуком Александра Невского, он вновь допустил ошибки. Прежде всего, московский князь не мог получить, вернувшись из Орды, великое княжение от «турецкого царя». Поэтому издатели 1843 г. исправили слово «турецкого» на «татарского»[660]. Неверна и дата получения Иваном Калитой великого княжения. По общерусским летописям это произошло в 1328 г.[661], то есть на шесть лет позже, чем указано в Густынской летописи. Ради справедливости заметим, что автор летописи, видимо, и сам сомневался в этой датировке. Поэтому после даты по счету лет от сотворения мира — 6830 — он написал только первые три цифры по счету лет от Рождества Христова, оставив для последней четвертой пустое место.

Необходимо отметить, что Густынская ле-

---

[660] Примечания: 660
ПСРЛ. Т. II. С. 349.

[661] Примечания: 661
Там же. Т. XXV. С. 168.

топись содержит и другие хронологические ошибки за это время. Так, под 1304 г. она сообщает: «Преставися Андрей Александрович, князь Московский», смерть митрополита Максима относит к 1307 г., митрополита Петра — к 1324 г.[662] Согласно общерусским летописям, в 1303 г. скончался не Андрей Александрович Московский, а Даниил Александрович Московский; митрополит Максим умер в декабре 1305 г.; а Петр, как уже было сказано, — в декабре 1326 г.[663] Поэтому исследователи XIX в. посчитали Густынскую летопись источником крайне ненадежным, а известие о княжении Ивана Калиты в Киеве — позднейшим вымыслом.

Очевидно, такой же характер имеют и другие подобные известия Густынской летописи относительно Киева. Под 1243 г. она сообщает: «Ярослав, князь Московский, владеет Киевомъ. В лето 6751. 1243. Ярослав Всеволодич, Московский князь, пойде во Орду ко Батию, царю Татарскому, подъдавася ему и моли его, да не пленитъ более земле христианския. Он же обещася и постави его княземъ старейшим въсей Московъской земле и

---

[662] Примечания: 662
Там же. Т. XL. С. 128.

[663] Примечания: 663
Там же. Т. XXV. С. 168, 393.

над Киевом. Ярославъ же возвратися въ Москву, а над Киевом постави воеводу своего Дмитра Еконовича»[664].

Под 1249 г. помещено другое сообщение: «В лето 6757. 1249. Сартакъ Батеевичъ, царь Татарский, даде Киевъ и Рускую землю Александру Ярославичу Киевъскому, вънуку Всеволода Московъского, а брату его Андрею Володымеръ и Московскую землю»[665]. Под 1263 г. Густынская летопись извещает о смерти Александра Невского: «В лето 6771. 1263. Преставися Александеръ Ярославичъ, великий князь Московский и Киевъский, постриженся въ схиму»[666].

С какой целью в Густынскую летопись были включены эти известия? Поскольку она является памятником 70–80-х годов XVII в., то есть составленном после Переяславской рады 1653 г., подразумевалось, что эти вставки должны были подтвердить права русских царей на Киев, как наследников потомства Всеволода Большое Гнездо.

---

[664] Примечания: 664
ПСРЛ. Т. XL. С. 120.

[665] Примечания: 665
Там же. С. 121.

[666] Примечания: 666
Там же. С. 123.

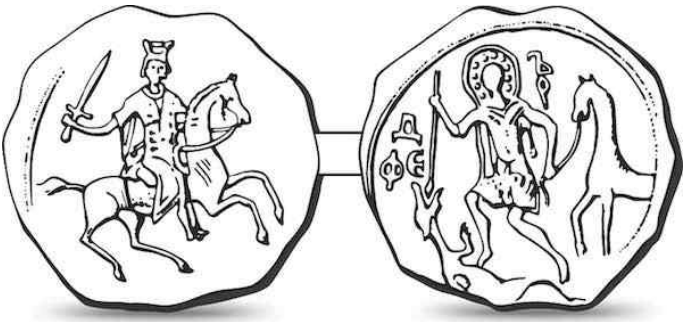


Рис. 110. Печать Александра Невского. Прорись. После 1236

Впрочем, вскоре в этой версии выяснились неувязки. Оказалось, что известия о принадлежности Киева в середине XIII в. князьям Северо-Восточной Руси содержатся не только в Густынской летописи, но и в общерусских сводах. Так, Ипатьевская летопись под 1245 г. сообщает, что Ярослав «обдержащоу Кыевъ Ярославоу бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ»[667]. Лаврентьевская летопись под 1249 г. поместила известие: «Тое же зимы. Приеха Олександр и Андреи от Кановичь и приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русьскую землю, а Андреи седе в

[667] Примечания: 667
ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 806.

Володимери на столе»[668]. Как видим, даже в середине XIII в. Киев продолжал признаваться формальной столицей Руси.

Основоположник украинской историографии М. С. Грушевский (1866–1934) не смог отрицать указанные известия Ипатьевской и Лаврентьевской летописей относительно владельческой принадлежности Киева после Батыева нашествия. При этом он писал: «Любопытно, что северные источники не только не упоминают о том, чтобы в Киеве сидел кто-либо из северных князей, — они не дают за все время Александра и Ярослава († 1272 г.) и за последующий период решительно никаких указаний на какую-либо зависимость Киева от них — не упоминается ни о посылке наместников, ни о каких-либо сношениях с Киевом». Отсюда он сделал вывод: «Такое упорное молчание источников, которые в общем довольно подробно излагают относящееся к северным князьям, едва ли только случайность; оно делает сомнительным самый факт зависимости Киева от северных князей».

---

[668] Примечания: 668

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 472.

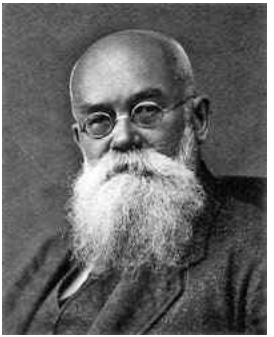


Рис. 111. Грушевский М. С.

Но как тогда быть с показаниями Густынской летописи? Ответ на этот вопрос для М. С. Грушевского очень прост: «Что касается до упомянутых свидетельств… то их легко объяснить домыслом составителя; найдя известие о подчинении Киева Александру, он предположил, что и в последующее время Киев оставался за ним, а затем перешел к его преемнику. Впрочем, говоря о вокняжении Ярослава Ярославича, составитель свода не упоминает о Киеве: „седе по нем (Александре) на княжении Московском Ярослав Ярославич“, и только говоря о кончине, называет его „литовским и киевским“; „киевский“, может быть, такая же обмолвка, … как и ниже под 1305 г.: „паки начат в Киеве княжити Иоанъ Данилович Калита“».

В итоге, по мнению М. С. Грушевского, во второй половине XIII в. Киевщина не принадлежала ни северным, ни галицко-волынским князьям и здесь вообще не было своих князей[669].

В современной российской историографии сложилась несколько иная позиция. По мнению А. А. Горского, в 40-е годы XIII в. претензии на Киев выдвигали три наиболее могущественных русских князя: Даниил Романович Галицкий, Михаил Всеволодович Черниговский и Ярослав Всеволодович Владимирский. По источникам известно, что во время осады Киева Батыем городом управлял тысяцкий Даниила Романовича Дмитр. В следующем году в Киеве видим Михаила Черниговского, который возвратился из Венгрии. Правда, он жил не в самом разоренном городе, а «подъ Кыевомъ во острове». В 1243 г. Батый признает старейшим из русских князей Ярослава Всеволодовича и отдает ему Киев. Но Ярослав в Киеве не сидел, предпочитая находиться в Северо-Восточной Руси, а на юге держал своего наместника, которым являлся упоминаемый в 1245 г. его боярин Дмитр Ейкович. В 1246 г. «Кыевъ и всю Русьскую землю» получил его сын

[669] Примечания: 669

Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава дл кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 443–450 (репринт издания 1891 г.).

Александр Невский. Дальнейшая судьба Киева крайне скудно освещена источниками. Густынская летопись называет киевским князем брата и преемника Александра Ярослава Ярославича, но, по мнению А. А. Горского, «источник этот слишком поздний, чтобы можно было с доверием отнестись к его сообщению». Как результат, исследователь вообще не рассматривает достоверности княжения в Киеве Ивана Калиты.

При этом А. А. Горский отверг доводы М. С. Грушевского о независимости Киева от северных князей на основании лишь того, что нет упоминаний об их киевских наместниках. Действительно, на этот счет известий нет, но это не значит, что наместников не было, поскольку и о наместничестве Дмитра Ейковича становится известно не из северо-восточного летописания, а из галицко-волынского, причем сообщение о нем носит попутный характер (в связи с проездом через Киев в Орду князя Даниила Романовича).

В рассматриваемое время были в Киеве и свои князья. В частности, в Северском синодике упоминается киевский князь Иоанн-Владимир Иоаннович, а белорусско-литовские летописи содержат рассказ о княжении в Киеве князя Станислава в начале 20-х годов XIV в. и захвате

города великим литовским князем Гедимином. Его, правда, А. А. Горский признал недостоверным из-за позднего происхождения и явных анахронизмов[670].

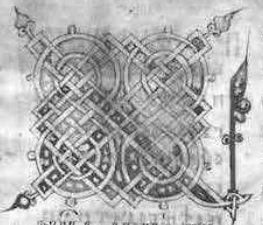
Между тем в нашем распоряжении имеется еще один источник, подтверждающий, что Иван Калита в начале XIV в. действительно владел Киевом. Речь идет о Киево-Печерском патерике.

Слово «патерик» буквально с греческого (от *patria* — отечество) означает «отечник», то есть книга отцов или об отцах. Так издавна назывались назидательные сказания о жизни и подвигах духовных отцов, подвизавшихся в пустынях или иноческих обителях различных стран христианского православного мира. Литература патериков возникла в IV–V вв. и достаточно быстро явилась основой жанра, ставшего чрезвычайно популярным в византийской литературе и христианской книжности. В славянской письменности патерики появились на самых ранних этапах ее развития и пользовались исключительной популярностью, дойдя до нас в большом числе рукописей, и вошли в извлечениях в славянский Пролог. По образцу переводных патериков на

[670] Примечания: 670

Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 38–39, 126.

Руси создавались и оригинальные произведения этого жанра, одним из которых явился Киево-Печерский патерик с рассказами из жизни монахов Киево-Печерского монастыря. Началом для него послужили два послания, написанные в XIII в. Первое принадлежит бывшему киево-печерскому монаху Симону, ставшему впоследствии епископом Владимирским и Суздальским (умер в 1226 г.), и было адресовано его ученику, киево-печерскому монаху Поликарпу. Цель послания — научить Поликарпа христианскому смирению путем повествований о чудной жизни подвижников, прославивших Киево-Печерскую обитель. Второе было написано киево-печерским монахом Поликарпом к киево-печерскому архимандриту Акиндину и также состоит из рассказов об иноках обители. Позднее к этим посланиям были присоединены сказания о начале Киево-Печерского монастыря, об украшении обители, первых подвижниках и другие статьи.



Г. ДНЬ. ОУСПЕНИЕ
СТЫѦ ОУЛФЕѠДО
СЬЯ. ПРОЦЕСИЯ
ПЕЧЕРЬСКАГО. СТѢ
РА. НАПИВОДКА
ГИА. Й. ПО. ѠПРЕ
ДѢЛЕНОУПО
СТАВИЛИ Й СТИѢ.
ОУЕВЕЛЮСЯДЕФЕДО
СЬЯ. ТЫѠЮТРЕ
БЫСЦПРИВЕЛИМЫ
СПАСЛЫСЛЪ. ВЕСЬ

МАПРИЛЕЖАЩЕЙ
БЕСЕДЕРМЪГЛЕЛЪ.
ПАСДЫДОСТОЙНЫЙ
ПРИНОСАШЕТЪ.
ѠСЕНОЙЪПОДЕНЕГЪ
ПРИПЕНЕ. СЪОЦІСЯ
ШАЯСЯЪ. ДОБРОДѢ
ТЕЛЪЫМИПѢНІЕ
ТЕМЪБЕЛЕГЫХЪѠ
БРѢТЕВЪСПРИЯТЬ
ПОДОСТОЙНЫЙ

ТЫМИНИХОМЪСЬКАГѠ
ГЛЕЛЬ. ПРОЦЕСТѢСЕ
ЯЛЪ. СВѢЩАПРЕ
СВѢТЛАЯ. СОЙДЕШЕ
ШЕХУПОДЕСЪВЫСОКІЙ
СТРАНОЦ. ТАМОБЪ
ПРЕМЕНЪ. ВРАСОЦЕНЕ
СТНОУЮ. ПЕСТЫВА
ѠБЦАЯЛЪСЛОВЕСНЫЯ

Рис. 112. Киево-Печерский патерик. Список 1406 г.

Впоследствии текст патерика неоднократно редактировался и видоизменялся, сохранившись во множестве списков и нескольких редакциях. Подобное обилие списков объясняется тем, что патерик регулярно читался при богослужении, от постоянного использования его экземпляры ветшали, и их приходилось переписывать вновь. Это же обстоятельство привело к тому, что древнейшие списки патерика дошли до нас лишь от конца XV — начала XVI в. Исследователи неоднократно обращались к истории создания данного памятника. В литературе сложилось мнение, что древнейшей редакцией памятника является так называемая Основная редакция.

Рис. 113. Яворский Ю. А.

В 1979 г. Л. А. Ольшевской в собрании рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде был обнаружен список Основной редакции патерика. Он был приобретен в Киеве в июне 1905 г. литературоведом, профессором Киевского университета Ю. А. Яворским (1873–1937), а в 1917 г. от него поступил в библиотеку[671]. Тогда же известным палеографом Х. М. Лопаревым (1862–1918) на основании анализа водяных знаков он был датирован концом XV — началом XVI в.

---

[671] Примечания: 671

Краткий отчет Рукописного отдела [Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] за 1914–1938 гг. Л., 1940. С. 59–60.

Рис. 114. Лопарев Х. М.

При этом на л. 1–13 по нижнему полю рукописи читается: «В лето 6825 [1317] || си || патериць || при || великомь || князе || списано || быста || книга || Иване || Даниловиче || и митрополите || Петре || Киевскиехъ»[672]. Это дало основание Л. А. Ольшевской считать данный список копией с более ранней рукописи, созданной в 1317 г. «в Киеве при князе Иване Даниловиче и митрополите Петре, о чем свидетельствует запись полууставом на нижних полях л. 1–13»[673].

---

[672] Примечания: 672

РНБ. Собр. Яворского (Ф. 893). № 9.

[673] Примечания: 673

Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. Издание подготовили Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 309.

По мнению исследовательницы, данный список наиболее близок к протографу Киево-Печерского патерика.

Первая реакция исследователей на данное открытие была скептической. По мнению Е. Л. Конявской, «такое предположение выглядит сомнительным по целому ряду оснований. 1) Почерк, которым выполнена запись, отличается от почерка рукописи и является поздним. 2) Выходные записи не пишут по нижнему полю. 3) Сам текст далеко не безупречен: он содержит мало приемлемую инверсию и неправильную глагольную форму, которая фиксируется только в XVII в. 4) По содержанию записи в 1317 г. Иван Данилович не был великим князем и не княжил в Киеве, поскольку в Троицкой летописи, по свидетельству М. Н. Карамзина, под тем же 1317 г. содержалось известие о посылке его Юрием Даниловичем в Новгород для получения новгородской помощи в борьбе против Михаила Ярославича»[674].

Однако в данном случае мы имеем дело не с выходной записью книги, завершавшей труд переписчика (самый известный пример — в

[674] Примечания: 674

Конявская Е. Л. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 33.

Лаврентьевской летописи[675]), а книжной маргиналией — заметкой на полях рукописи. Учитывая особенности бытования патериков, ее целью являлась необходимость указать источник, с которого был переписан данный текст. При этом, разумеется, запись должна была быть сделана позже написания основного текста рукописи другим почерком.

В отличие от Е. Л. Конявской, львовский исследователь Я. Б. Кныш счел данную маргиналию соответствующей действительности и признал, что в 1317 г. в Киеве княжил некий Иван Данилович. Но, идя в общем русле украинской историографии, он отказался признать в нем московского князя Ивана Калиту.

Как уже говорилось выше, Густынская летопись упоминает Калиту дважды: в 1305 г., где он ошибочно назван внуком Ярослава Всеволодовича, хотя приходился ему правнуком, а во второй, под 1322 г. уже правильно назван внуком Александра Невского. При этом историк обратил внимание на различия в написании его имени: «Иоанъ» (1305) и «Иванъ» (1322). На основании этого он посчитал, что первоначально в тексте Густынской

---

[675] Примечания: 675
ПСРЛ. Т. I. Стб. 487–488.

летописи содержалось только известие 1322 г. о «Иване Даниловиче, внуке Александровом». Пытаясь отождествить данного князя, составитель Густынской летописи ошибочно соотнес его с московским князем Иваном Даниловичем Калитой. Что касается известия 1305 г., то его Я. Б. Кныш полагал позднейшей вставкой в текст Густынской летописи.

Размышляя, кем мог быть Иван Данилович, украинский исследователь выстроил следующую генеалогию: у Даниила Галицкого (ум. 1264) был сын Мстислав Данилович (ум. после 1292 г.), у которого имелся единственный сын Даниил Мстиславич, упоминаемый как участник похода 1280 г. в Польшу. В свою очередь у последнего мог быть сын Иван Данилович, сведений о котором нет ни в одном источнике, но которого, видимо, и упоминает Густынская летопись под 1322 г.

Правда, исследователю мешал тот факт, что Даниил Мстиславич скончался еще при жизни отца, и в связи с этим после смерти Мстислава Даниловича Волынь как выморочное владение отошла к брату последнего Льву Даниловичу. Это явное противоречие Я. Б. Кныш пытался объяснить тем, что Иван Данилович на момент смерти

деда был еще несовершеннолетним[676]. При этом факт, что Густынская летопись под 1322 г. прямо называет Ивана Даниловича внуком Александра, а следовательно, он никак не мог быть внуком Мстислава, украинский исследователь просто проигнорировал. Комментарии в данном случае излишни.

Окончательно решить вопрос, княжил ли в Киеве Иван Калита, помогает привлечение родословных материалов. К летописной статье 1332 г. IV Новгородской летописи Список Дубровского добавляет любопытные подробности о выезде в Москву родоначальника Квашниных: «Того же лета. По званию великого князя Ивана Даниловича прииде к нему некто отъ киевскихъ благоплеменитыхъ велможъ служити Родионъ Нестеровичь, а с нимъ сынъ его Иванъ, и с нимъ же княжата и дети боярские и двора его до тысячи и до семисотъ. Князь же велики приятъ его с радостию, и дасть ему на Москве боярство, и устави ему надо всми болшинство, и дасть ему въ вотьчину полъ Волока Ламского, а другая бысть половина Новгородская. По лете же единомъ Родионъ Нестеровичь посадника новгородского

[676] Примечания: 676

Книш Я. Невідомий київський князь першої четверті XIV століття // Княжа доба: історія і культура. Вип. 6. Львів, 2012. С. 261–268.

Микулу сосла и приведе весь к великому князю. На приездъ на Москве князь великии дасть ему село во область, кругъ реки Восходни на пятинатцати верстахъ. В те поры же бысть на Москве бояринъ некто Онкифъ Гавриловичь, и не восхоте быти подъ Родіономъ в меншихъ и отбеже во Тверь, и с нимъ дети его и внуцы его…»[677].

Далее следует рассказ о бое с Акинфом под Переславлем-Залесским с важными подробностями, отсутствующими в летописях: «Того же лета. Подведе рать многу Онкифъ на великого князя Ивана Даниловича подъ Переяславль и осади великого князя во граде Переяславле, бе бо тогда князь велики со княгинею во граде Переяславле, а граду малу сущю и не тверду. Онкифъ же стоя тогда ратью под градомъ 3 дни; нелзе бяше собрати воиско великому князю Ивану, понеже вести из града некуды послати: тверичи облегоша градъ. Въ 4 же день приспе тогда Родионъ Нестеровичь с воискомъ своимъ и посла к великому князю отъ своихъ домочадецъ верныхъ ему сущу Свербея глаголемаго и втораго Сарачю, и идоша нощию в градъ Переяславль сквозе полки тверския и сказаша великому князю, яко Родионъ приспе на

[677] Примечания: 677
ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 478.

помощь и ста отъ града за 5 верстъ, а с нимъ его дворъ, а иного воиска мало присовокупишася, понеже вскоре не бе собратися. Князь же велики, слышавъ, радъ бысть и тое же нощи отосла к Родиону единого Сарачю, а Свербея у себе остави, и повеле Родиону заутро, ополчася, прити ззади на тверичь, а самъ же заутра высла весь свои дворъ, кои с нимъ обретошася во граде. И поидоша противу себе, и ступиша обои, а Родионъ тогда приспе ззади на тверичи. И бысть тогда под градомъ сеча зла, яко никогда тако бысть. И поможе Богъ великому князю Ивану, и побьены быша тверичи въ конецъ, яко ни единъ отъ нихъ остася; а смого Окинфа Родионъ рукама своима уби, и главу его отсекъ привезе, взоткнувъ на копие, к великому князю и рекъ: „се, господине, твоего изменника, а моего местника глава“. Князь же великии боярина своего многими дары отдаривъ его и почтив, и рече, яко „подобаетъ ти и всегда у меня началникомъ бытии, яко толико дръзновение и подвигъ по мне показа, яко никто отъ моихъ воинъ“»[678].

Родословная легенда Квашниных о выезде в Москву их родоначальника с дружиной в 1700

---

[678] Примечания: 678
ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 479.

человек достаточно подробно разобрана А. А. Горским и по его оценке может быть признана в основе достоверной[679]. Определенные сомнения вызывает лишь дата: Родион Нестерович Рябец не мог выехать в Москву в 1332 г., поскольку упоминаемый в родословной легенде Квашниных боярин Акинф погиб под Переславлем-Залесским еще в 1305 г.[680] Данный летописный рассказ восходит к родословной легенде Квашниных, согласно которой их родоначальник возглавлял московскую рать в битве под Переяславлем и лично убил Акинфа. Это означает, что в 1305 г. он уже находился на московской службе.

---

[679] Примечания: 679

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 36–38.

[680] Примечания: 680

ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 86.

Рис. 115. Бой с Акинфом под Переславлем-Залесским. Миниатюра Лицевого летописного свода

XVI в.

Выше говорилось, что Густынская летопись создавалась в 70–80-е годы XVII в. Особенность данного памятника состоит в том, что по сути он является переходным этапом между летописью и трудом историка. В Густынской летописи встречаются ссылки на «иные русские летописцы», «наши летописцы», «польских летописцев», «угорских летописцев», Печерский патерик, русский Пролог, работы польских историков XV–XVI вв., печатные книги о России С. Герберштейна, А. Гваньини и других авторов. В этой связи для нас важно то, что в 1682 г. при царе Федоре Алексеевиче состоялось соборное определение об отмене местничества, а для памяти потомства знатные роды должны были быть внесены в родословные книги. Судя по всему, автор Густынской летописи интересовался подаваемыми в это время в Разряд родословными росписями, включая и роспись Квашниных. Сопоставив упоминаемого в ней Акинфа с тверским боярином, погибшим, согласно общерусским летописям, в 1305 г. под Переславлем-Залесским, он пришел к выводу, что уже в это время киевский боярин Родион Нестерович служил Ивану Калите. Автор Густынской летописи был знаком

и с Киево-Печерским патериком (о чем в ней имеется прямая отсылка). Сопоставив родословие Квашниных с пометой на рукописи патерика, что он был списан с другого экземпляра при великом князе Иване Даниловиче и митрополите Петре, он пришел к выводу, что именно в 1305 г. в Киеве начал княжить Иван Калита.

Ранние редакции родословных книг, составленные в 40-х годах XVI в., родоначальником Квашниных именуют не Родиона Нестеровича, а его отца Нестера Рябца, пришедшего из Литвы к Ивану Калите[681]. Между тем Ипатьевская летопись под 1282 г. сообщает, что галицкий князь Лев Данилович послал на польского князя Болеслава «воеводы… Тюима, и Василка Белжянина, и Рябця»[682]. Крайне маловероятно, чтобы одновременно в Южной Руси были два боярина с одинаковым прозвищем (ни ранее, ни позже аналогий ему не встречается). Отождествление Рябца — боярина Льва Даниловича Галицкого — с Нестером Рябцом, выехавшим к Ивану Калите, ставит вопрос, каким образом он оказался на службе у последнего.

---

[681] Примечания: 681
Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 48, 137.

[682] Примечания: 682
ПСРЛ. Т. II. Стб. 889.

Известно, что в Средневековье служебные отношения бояр и князей носили исключительно личный характер. Нередко переходы бояр к другим князьям были связаны с кончиной прежнего сюзерена. К сожалению, у нас нет летописного известия о смерти Льва Даниловича. Исследователи, исходя из косвенных данных, датируют ее концом 1299, 1300 или (самое позднее) 1301 г. Возможно, Рябец не желал почему-либо служить его сыну, Юрию Львовичу, и перешел к московскому князю[683].

Но каким образом Иван Калита стал княжить в Киеве? Мы видели, что кроме Москвы система совместного (или «сместного») владения князьями — потомками Рюрика была достаточно характерна для Руси. В данном случае не составлял исключения и Киев.

Подобно тому, как Москва делилась в XIV–XV вв. на «трети», Киев был разделен на две «половины». Можно ли выяснить хотя бы примерные их границы? Определенные «зацепки» дает летописный рассказ об убийстве Аскольда и Дира, согласно которому, первого «несоша на гору и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское,

---

[683] Примечания: 683
Горский А. А. Москва и Орда. С. 39–40.

кде ныне Олъминъ дворъ; на той могиле поставилъ Олъма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною»[684].

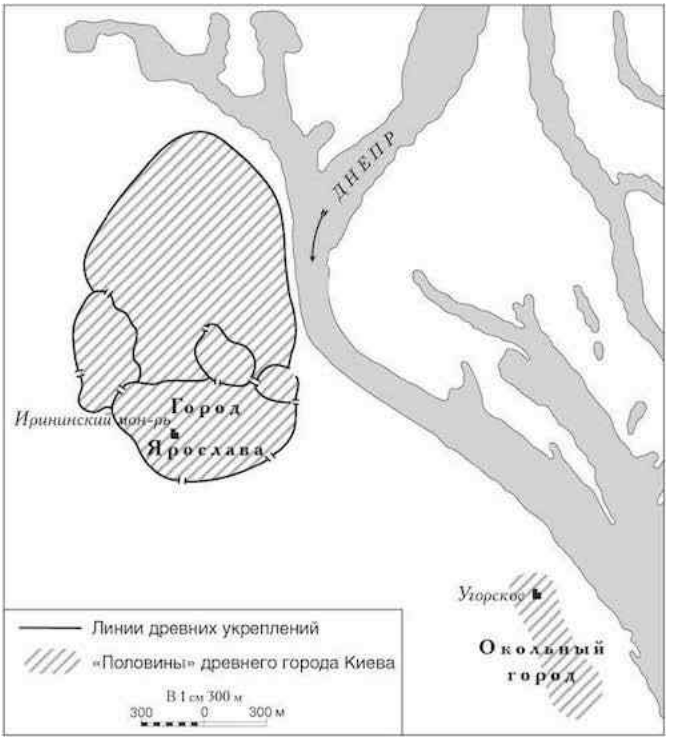
Киевские дворы как своего рода топографические указатели неоднократно упоминаются в «Повести временных лет». Кем был Ольма, строитель Никольской церкви, неизвестно. Большинство исследователей считают его современником летописца Нестора, боярином, который был хорошо известен киевлянам в начале XII в. Полагают, что двор располагался в Окольном городе Киева, в Угорском — киевском урочище на высоком правом берегу Днепра, в 2 км южнее Старокиевской горы. На этом основании некоторые отождествляют Ольму с Альмошем, полулегендарным вождем венгерских племен, проходивших в конце X в. мимо Киева. Впрочем, третьи утверждают, что никакого Ольмы не было, а в летопись вкралась описка: речь должна идти о дворе княгини Ольги, которая, по одной из версий, была здесь первоначально похоронена. В середине XII в. «под Угорским» существовал княжеский двор Изяслава Мстиславича. Местоположение Дировой могилы указывает церковь св.

[684] Примечания: 684
Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 14.

Ирины. Она была заложена при Ярославе Мудром в 1037 г.[685] в честь небесной покровительницы его жены Ингигерд, в крещении Ирины. Храм находился в пределах так называемого Ярославова города, между Золотыми воротами и Софийским собором. В литературе ранее уже обращалось внимание на разницу в захоронениях Аскольда и Дира. Правда, данный факт предпочитали интерпретировать как указание на разновременность их правления. Между тем Начальная летопись четко фиксирует одновременность гибели Аскольда и Дира, что дает нам возможность предположить, что деление Киева на «половины» восходит к IX в.

[685] Примечания: 685
Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 66.

Рис. 116. Аскольд и Дир отпрашиваются у Рюрика для похода на Киев. Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.



Карта 16. «Половины» Киева

Так же как и в Москве, один из киевских князей-совладельцев по отношению к другим (в пределах Киева) выступал в качестве великого князя. Именно этим обстоятельством и объясня-

ется запись в книжной маргиналии на страницах Киево-Печерского патерика о «великом князе Иване Даниловиче». В данном случае Иван Калита являлся главным по отношению к другим князьям-совладельцам Киева.

Тот факт, что в совместной собственности князей находилась и ближайшая округа столицы, дает возможность уточнить число совладельцев Киева. Киевская земля делилась на семь частей. Помимо частей, приходившихся на долю Ярославичей, сыновей Ярослава Мудрого, здесь имелись владения Изяславичей — потомков Изяслава Владимировича, владевших Полоцкой землей. Все эти князья происходили от Владимира Святого и поэтому неудивительно, что летописец XII в. именовал эти земли вокруг Киева Русью (в узком смысле). Выяснить приблизительные границы частей, на которые делилась Киевская земля, позволяет тот факт, что на рубеже XI–XII вв. в ее пределах начинают упоминаться княжеские стольные города. В некоторых случаях имеется возможность даже определить их владельческую принадлежность. Так, Белгород Киевский на правом берегу реки Ирпень (ныне село Белгородка) пришелся в конце XI в. на долю смоленского князя Рюрика Ростиславича и стал резиденцией

последнего. Также центрами особых княжений в этот период становятся Вышгород, в 20 км к северу от Киева (ныне одноименное село на правом берегу Днепра), Канев (ныне город в Черкасской области) и др.

Но как позднейшие князья, которых, судя по стольным городам в Киевской земле, было явно больше двух, управляли киевскими «половинами»? Судя по тому, что в аналогичном случае в XV в. московские князья-совладельцы управляли частями города по годам, чередуясь между собой, аналогичным способом поступали и совладельцы Киева.

Карта 17. «Стольные» города Киевской земли

С середины XII в. Киев начинает терять свое значение, а центр политической и экономической жизни вслед за массой переселенцев перемещается из Южной в Северо-Восточную Русь. И если еще Юрий Долгорукий, следуя старинному

обычаю, пытался закрепиться в столице Древней Руси, то уже его сын Андрей Боголюбский этого не делает, посылая в Киев в качестве наместников своих младших родичей. Данная традиция успешно пережила Батыево нашествие и именно в этом качестве номинального владельца части Киева оказался в начале XIV в. Иван Калита. Вряд ли он когда-либо был в бывшей столице Древней Руси. Очевидно, все функции по управлению городом он передал своему наместнику в лице родоначальника Квашниных — боярина Нестера Рябца.

Судя по тому, что Иван Калита назван Киево-Печерским патериком «великим князем», его наместник управлял половиной города. Другим совладельцем Киева был упоминаемый летописью под 1331 г. киевский князь Федор, в котором вслед за Н. П. Дашкевичем видим князя Федора Святославича (о нем шла речь в главе о Можайске).

Дату окончательного выезда Квашниных — 6840 (1332) г. — из их родословного предания позволяет подтвердить летописный рассказ о событиях 1331 г. в Киеве. Сообщается, что находившийся в этот момент на Волыни митрополит Феогност поставил новгородским архиепископом

Василия. Одновременно к Феогносту явились послы из Пскова, просившие поставить им епископом Арсения, кандидатуру которого поддерживал великий литовский князь Гедимин. Но это нарушало бы единство Новгородской епархии, и Феогност отказался. После того, как Арсений потерпел неудачу, разгневанный Гедимин «велел поимати» Василия. По словам летописей, митрополит Феогност предупредил Василия и его спутников о том, что Гедимин отправил за ними в погоню отряд воинов. Новгородцам удалось избежать встречи с погоней, но под Черниговом их настигли «Феодор князь Кыевъский со баскакы в 50 человек разбоем», взяли с них «окуп», а «Ратьслава, протодьякона митрополича, изымав в Кыев повели»[686].

Воскресенская летопись точно датирует основные этапы поездки Василия на Волынь: на страстной неделе в Новгород прибыли послы от митрополита Феогноста с приглашением Василию ставится «на владычество», 24 июня он покинул Новгород, поставление архиепископом состоялось во Владимире Волынском 25 августа, после чего Василий пошел на Киев 1 сентября и

[686] Примечания: 686
ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.

пришел в Торжок 3 ноября 1331 г.[687] Поскольку в Воскресенской летописи использовался мартовский стиль (год начинался с марта), она поместила данный рассказ под 6839 г. Никоновская летопись употребляет сентябрьский стиль. Поэтому поставление Василия она отнесла к 6839 г., а последующие события — к 6840 г.

Очевидно, именно из-за этих событий в 1331 г. сын киевского наместника Калиты — Нестера Рябца — Родион Нестерович счел за благо окончательно покинуть Киев и переселиться в Северо-Восточную Русь. Это обстоятельство позволяет объяснить противоречие в родословной легенде Квашниных, когда более ранний вариант говорит о выезде в Москву Нестера Рябца, а более поздний — его сына Родиона Нестеровича.

Нестер Рябец, перейдя на службу московскому князю, физически не покидал Киева, тогда как его сын Родион оставил город и перешел на службу в Москву. После того как он доказал свою преданность Ивану Калите в 1304 г. в бою под Переславлем, московский князь предпочел его назначить своим наместником в Киеве. Подобные службы в это время носили наследственный

---

[687] Примечания: 687
ПСРЛ. Т. VII. С. 202–203.

характер (самый известный пример, когда пост московского тысяцкого последовательно занимали на протяжении трех поколений бояре Вельяминовы). Очевидно, именно отсюда и появился в Густынской летописи 1305 г. как дата начала княжения Ивана Калиты в Киеве. Также верной в родословной легенде Квашниных оказывается и дата их окончательного выезда — 6840 (1332) г., когда вследствие событий 1331 г. Родион Нестерович вынужден был оставить Южную Русь.

Признание достоверности родословной легенды Квашниных приводит нас к выводу о справедливости известия Густынской летописи о княжении в Киеве в первой четверти XIV в. Ивана Калиты. Именно этим обстоятельством и следует объяснить тесные связи московского князя и митрополита киевского и всея Руси Петра, сохранявшего в Киеве значительное число храмов и церковного имущества.

Глава 10. Печорские владения Ивана Калиты. Новгород

«Печорские акты». Был ли Новгород боярской республикой? Завещание Ярослава Мудрого и происхождение новгородских пятин и концов.

Владения Ивана Калиты не исчерпывались Москвой, территорией Владимирского великого княжения и Киевом. Они прослеживаются и на крайнем северо-востоке Европы. Об этом становится известно из так называемых «Печорских актов». Под этим названием подразумевают дошедшие до нас акты — указную грамоту 1294–1304 гг. великого князя Андрея Александровича на Двину посадникам, скотникам и старостам о кормах и подводах для трех ватаг великого князя, ходящих на морской промысел; жалованную грамоту 1328–1339 гг. великого князя Ивана Даниловича Калиты печорским сокольникам Жиле с ватагой об освобождении их от даней и некоторых повинностей; указную грамоту 1329 г. Ивана Калиты и всего Новгорода на Двину о поручении Печорской стороны в ведение Михаила с ватагой для морского промысла; жалованную

кормленую грамоту 1363–1389 гг. великого князя Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление. В первой из них интересно указание на «старину»: «А как пошло при моем отце и при моем брате» (речь идет, соответственно, о великих князьях Александре Ярославиче Невском и его сыне Дмитрии Александровиче Переславском). Аналогичное свидетельство имеется и в последней грамоте: в ней прямо говорится, что после Ивана Калиты Печорой последовательно владели великие князья Семен Иванович Гордый и Иван Иванович Красный[688].

К этим актам примыкает свидетельство предисловия «Летописца княжения Тферскаго», в котором его автор, перечисляя владения тверского князя Александра Михайловича, сообщает, что тот владел «землею Русскою… даже до моря Печерскаго»[689].

Интерес князей Северо-Восточной Руси к да-

---

[688] Примечания: 688

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 1–4 (Далее: АСЭИ); Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 83–85, 87 (Далее: ГВНП); О датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 151–152, 163–165, 172.

[689] Примечания: 689

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 465.

лекому краю вполне объясним. Главную роль здесь играли рыбный промысел, охота и добыча морского зверя. Наиболее богатыми в этом плане являлись побережья Баренцова и Белого морей. С очень раннего времени для более равномерного использования природных ресурсов все арктическое побережье Русского Севера было поделено на промысловые участки. Напоминанием этого является то, что до сих пор различные части побережья Баренцева и Белого морей, начиная от Норвегии вплоть до устья Печоры, носят устойчивые названия «берегов»: Мурманский берег, Терский берег, Кандалакшский берег и т. д. На востоке крайним из этих «берегов» являлся Захарьин берег, протянувшийся вдоль западного побережья Печорской губы.

Границами «берегов» и поныне являются заметные ориентиры — глубоко вдающиеся в море мысы и устья крупных рек. При этом «чужакам» запрещалось вести на них лов: «А как пошло при моем отце и при моем брате не ходити на Терскую сторону ноугородцам, и ныне не ходять», — читаем в упомянутой грамоте великого князя Андрея Александровича[690]. Также ого-

[690] Примечания: 690
АСЭИ. Т. III. № 1.

варивалось число промышленников: «а ходитъ на море въ дватцати человекъ», или же указывались их имена[691]. При этом выясняется, что особенностью «Печорской стороны» являлась добыча высоко ценившихся при княжеских дворах соколов и кречетов.

По «берегам» Баренцева и Белого морей были разбросаны десятки становищ, в которых в сезон добычи рыбы и морского зверя промысловая жизнь била ключом. Здесь стояли жилые избы, а также имелись амбары, скеи (погреба) и помещения, где вытапливали рыбий жир и сушили рыбу.

[691] Примечания: 691
ГВНП. № 84, 85.

Рис. 117. Часть поморской шняки в экспозиции музея

К сожалению, у нас нет источников, подробно описывающих жизнь тогдашних морских промышленников. В определенной мере воссоздать картину их деятельности можно по более поздним документам. Рыбу ловили с лодок. Преобладающим типом промыслового судна была *шняка* — тяжелая, неуклюжая беспалубная лодка с одной мачтой и одним прямым парусом. В ней обычно находились 4 человека: *корщик*, распоряжавшийся ловом, *тяглец*, вытягивавший вместе с корщиком рыболовную сеть, *весельщик*,

который греб веслами, и *наживляльщик*, насаживавший на крючки наживку. Впрочем, имелись и другие, более мелкие лодки — *тройники, карбасы*, на которых промышляли обычно по 2–3 человека.

Главным орудием лова являлся *ярус* — веревка, к которой на расстоянии около 2 аршин[692] привязывались более тонкие веревки с крючками, наживляемыми мелкой рыбой или морскими червями. Длина яруса на шняках достигала нескольких километров, а на меньших судах была короче. Ярус опускали на дно с помощью трех самодельных якорей, к нему прикреплялись веревки с деревянными буйками (*кубасы*). При отливе воды ярус с добычей поднимали на шняки и снимали с крючков рыбу. Также ставились *завески* — сети, которые опускались под углом друг к другу с отводами-ловушками, из которых рыба не могла выйти. Преимущество яруса состояло в том, что он нередко давал огромное количество рыбы. Недостатком являлось то, что он требовал продолжительного времени для вынимания, что было неудобно при промысле далеко от берега, так как погода на севере крайне неустойчива и

[692] Примечания: 692
Аршин — русская мера длины, равна 0,71 м.

легко было попасть в бурю.

Помимо морской ловли рыбу ловили в реках, куда она шла на нерест. При этом применялись различные приемы. Наиболее эффективным было использование *езов*, представлявших собой забор-изгородь, ставившийся поперек реки, с отверстиями — проходами, где помещались ловушки (верши сетчатые). Но устройство езов было не каждому по силам и нередко их заменяли *гарвами* — ставными сетями, которые ставили на кольях поперек реки. Снизу к сети привязывали грузила, а к верхней кромке поплавки. Позади гарвы ставили вторую сеть с мелкими ячейками, именовавшуюся *тендевицей.* В других случаях пользовались неводом, один конец которого закрепляли на шесте, воткнутом в дно реки, а другой конец крепили на берегу. Наконец, на больших многоводных реках, где устройство езов было невозможно, использовали метод «поезда». Лодки и карбасы ставили в ряд и шли на веслах против течения реки. С каждых двух лодок тянули кошельковую сеть в виде большого мешка. За одно «поездование» выбирали до 10 пудов семги. Этот способ обычно применяли осенью, когда рыба становилась крупной и жирной.

Содержание лодок и снастей, устройство езов

являлось достаточно дорогим делом, и отдельный промышленник зачастую не мог позволить себе их иметь. Отсюда становится понятным, что основной формой организации промысла являлся так называемый *покрут.* Хозяин брал на себя все издержки по снаряжению и содержанию промышленников в течение лова, выдавал рабочим задатки, рабочие не отвечали за лодку и снасти и вознаграждались частью улова. Обычная форма покрута («поморский») заключалась в следующем: хозяин получал ⅔ улова, остальная ⅓ делилась поровну между 4 рабочими. Такая двенадцатая часть улова составляла «пай». Помимо этого корщик получал от хозяина еще ½ пая и некоторую сумму денег («свершонок»), величина которой зависела от репутации корщика. При другой, менее распространенной форме покрута («кольский») ловцы получали ½ улова. При этом одного из ловцов заменяли две женщины или подростка, именовавшиеся «половинками». Кроме этого, промышленников сопровождало много подростков («зуев»), которые распутывали и приводили в порядок ярус, за что получали рыбу.

Оценить, разумеется, очень приблизительно, размах здешних промыслов можно по одному летописному свидетельству. В 1386 г. Дмитрий

Донской в наказание за нападения новгородских ушкуйников на волжские города возложил на Новгород дань в 8 тыс. рублей, из которых 5 тыс. было собрано с Заволочья, «занеже заволочане быле же на Волге»[693]. Разумеется, это был экстраординарный сбор. Для сравнения отметим, что на рубеже XIV–XV вв. с Московского княжества собиралась дань от 5 до 7 тыс. рублей[694].

Проникновение новгородцев на арктические побережья фиксируется уже «Повестью временных лет» и относится к рубежу XI–XII вв. Под 1096 г. она помещает рассказ новгородца Гюряты Роговича, посылавшего своего отрока в Печору, где жили «люди, иже суть дань дающе Новугороду», откуда тот проник еще дальше — в Югру («Югра же людье есть языкъ немъ, и соседять с самоядью на полунощных странах»)[695].

Добраться в те времена до Печоры было крайне сложно: путь лежал исключительно по рекам, а водоразделы преодолевались волоками. Из

---

[693] Примечания: 693

ПСРЛ. Т. III. С. 380, 381.

[694] Примечания: 694

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 13, 16, 17.

[695] Примечания: 695

Повесть временных лет. 2-е испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 107–108.

Онежского озера поднимались вверх по реке Водле, откуда волоком выходили в Кену, приток Онеги. С востока к последней подходит река Емца, приток Северной Двины. В ее нижнем течении в Северную Двину впадает Пинега, делающая большую петлю. Для нас наибольший интерес представляет то, что в самой северной точке этой петли Пинега очень близко подходит к реке Кулой, впадающей в Мезенскую губу Белого моря. Здесь издавна существовал волок, на месте которого во второй половине 1920-х годов даже был построен судоходный канал длиной 6 км.

Но, выйдя в Мезенскую губу Белого моря, новгородцы опасались идти дальше «Дышючим» (или Дышащим) морем (именно так оно упоминается в «Сказании о погибели земли Русской», написанном вскоре после нашествия Батыя[696]). Первые землепроходцы, еще не дойдя до морского побережья, видимо, немало смутились духом, когда неведомая сила подхватила их суда и стремительно помчала с огромной скоростью вперед, поскольку ничего не знали о морских приливах и отливах, повторяющихся с четкой периодичностью дважды в сутки. Наибольшая их

[696] Примечания: 696
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 90.

сила наблюдается именно в Мезенской губе, где разница между уровнем воды в прилив и отлив достигает 10 м. В устье Мезени отлив, подхватив лодку, мчит ее к морю, словно санки с горы, со скоростью более 20 км/ч. Еще более ощутима морская мощь в прилив, когда бегущий по течению реки пенистый вал воды достигает 8 м в высоту, а приливная волна докатывается до реки Пезы, впадающей в Мезень на 86-м км от устья. Поэтому далее на восток путь лежал по реке Пезе, откуда волоком попадали в Цильму, впадающую в Печору.

Карта 18. Русский Север XII–XIV вв.

Расположенный в устье последней Захарьин берег получил свое название явно от какого-то Захария, очевидно, человека достаточно видного и богатого, возможно, первым освоившим эти места. Осторожно можно предположить, что речь

должна идти о новгородском боярине Захарии (Неревине), избранном в посадники в 1161 г. В определенной мере это подтверждается тем, что Захарий упоминается в берестяной грамоте № 724, где речь идет о конфликте 1169 г. новгородцев с Андреем Боголюбским по поводу сбора дани. Читаем в ней (в современном переводе): «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав (человека, через него) клятвенно заявил: „не давайте Савве ни единого песца с них собрать. (Я) сам за это отвечаю (или: (Он) сам за это взялся, то есть он самозванец)“. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и (его) люди отняли дань. А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или вышли из повиновения). Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его»[697].

[697] Примечания: 697

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. X. М., 2000. С. 22–25.

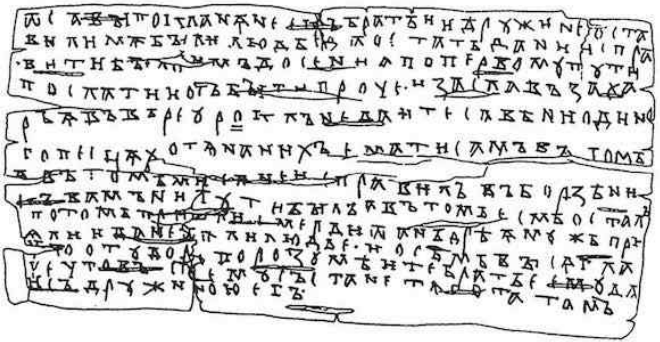


Рис. 118. Берестяная грамота 724. Прорись

Из «Печорских актов» выясняется, что Печорским краем на протяжении более чем столетия — с середины XIII в. по конец XIV в. — последовательно владели не новгородцы, как это считается до сих пор, а великие князья: сначала Александр Невский, затем его сыновья Дмитрий Переславский и Андрей Городецкий, которых сменил Александр Тверской, после которого этими землями обладали представители московского княжеского дома: Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской.

Между тем начиная с середины XIII в. до нас дошли первые договорные грамоты Новгорода с великими князьями владимирскими, в которых

Печора именуется новгородской волостью: «А се, княже, волости новгородьскыи… Пермь, Печора, Югра». Эта формулировка встречается во всех подобных договорах вплоть до самого конца новгородской независимости[698]. Впервые название «Печора» в перечне московских владений фиксируется лишь в духовной грамоте Ивана III 1504 г., то есть после присоединения Новгорода.

Чтобы объяснить данный парадокс, необходимо поднять вопрос: что представлял собой Новгород в это время? В отечественной литературе с давнего времени сложилось прочное убеждение, что Новгород являлся своего рода средневековой республикой. В качестве подтверждения приведем характерную в этом плане цитату современного российского историка И. Н. Данилевского: «Свой тип государственной власти сложился на Северо-Западе Руси. Здесь княжеская власть как самостоятельная политическая сила прекратила свое существование в результате событий 1136 г. (так называемой новгородской „революции“). 28 мая новгородцы посадили под арест своего князя — ставленника князя киевского, Всеволода Мстиславича, а затем изгнали

[698] Примечания: 698

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1–3, 6, 9, 14, 15, 19, 22, 26, 77 (Далее: ГВНП).

его из города. С этого времени окончательно установился порядок выбирать новгородского князя, подобно всем прочим государственным должностям Новгорода Великого, на вече. Он стал частью городского административного аппарата. Теперь функции его ограничивались военными вопросами. Охраной правопорядка в городе занимался воевода, а вся полнота власти в периоды между вечевыми сходками сосредоточивалась в руках новгородских посадников и епископа (с 1165 г. — архиепископа). Сложные вопросы могли решаться и на так называемом *смесном* суде, в состав которого входили представители всех властных структур Новгорода. Такой тип государственного устройства может быть определен как *феодальная республика*, причем республика „*боярская*“, „*аристократическая*“»[699].

Однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Сделаем достаточно большой экскурс в эпоху Ярослава Мудрого относительно тогдашнего статуса Новгорода в системе княжеских отношений на Руси.

Одной из спорных проблем истории Великого Новгорода является вопрос о времени возник-

[699] Примечания: 699

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 286.

новения пятин — частей, на которые делилась Новгородская земля. Одни исследователи полагали, что деление на пятины возникло в конце XV в., уже после ликвидации новгородской самостоятельности, когда московское правительство приступило к описанию доставшихся ему земель. Именно в составленных по этому поводу писцовых книгах 1490-х годов впервые фиксируются пятины. При этом за позднее происхождение пятин вроде бы говорил и факт, что в указанном источнике некоторые из «половин» пятин названы по именам писцов, описывавших их в конце XV в.

Другие историки склонялись к мнению, что пятинное деление Новгородской земли возникло еще во времена самостоятельного существования Новгорода. Свидетельства этому находим в «Записках о Московии» С. Герберштейна, «Описании Московии» А. Гваньини, житии Варлаама Важского. В данных источниках имеются упоминания о делении Новгородской земли в ранний период на пять частей. Однако все они были составлены в XVI в., то есть много позже эпохи новгородской независимости, и не могут рассматриваться в качестве абсолютно достоверных.

Была высказана и третья точка зрения: пятины

существовали в эпоху самостоятельности Новгорода, но возникли далеко не с самого ее начала. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые погосты (а именно из них состояли пятины) относились сразу к двум пятинам. Тем самым со всей очевидностью устанавливается, что деление на погосты древнее пятинного. Была сделана попытка определить и время возникновения пятин. По мнению ряда исследователей, речь должна идти о XIV в., поскольку именно с этого времени в летописях начинают упоминаться все пять новгородских концов. Хотя этот вопрос привлекает внимание ученых около 200 лет, он до сих пор остается нерешенным. Виной тому — утрата новгородского государственного архива эпохи независимости[700].

Тем не менее у нас имеются основания для решения этой проблемы. Для этого обратимся к показаниям еще более ранних источников. «Повесть временных лет», сообщая под 882 г. о захвате Олегом Киева, в конце рассказа добавляет любопытную подробность, что Олег «устави ва-

[700] Примечания: 700

Обзор историографии см.: *Андреев В. Ф. О* происхождении новгородских пятин // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 180–185.

рягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягомъ»[701].

Как известно, Ярослав Мудрый скончался в 1054 г. Перед смертью князь составил завещание (по выражению того времени «ряд»), распределявшее княжеские столы между его сыновьями. Уже современниками «ряд Ярослава» признавался одним из важнейших документов Древней Руси. В период удельной раздробленности вплоть до монгольского нашествия именно к нему постоянно апеллировали многочисленные потомки Ярослава Владимировича, разбившиеся на два клана — Мономашичей и Ольговичей.

[701] Примечания: 701
Повесть временных лет. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 14.

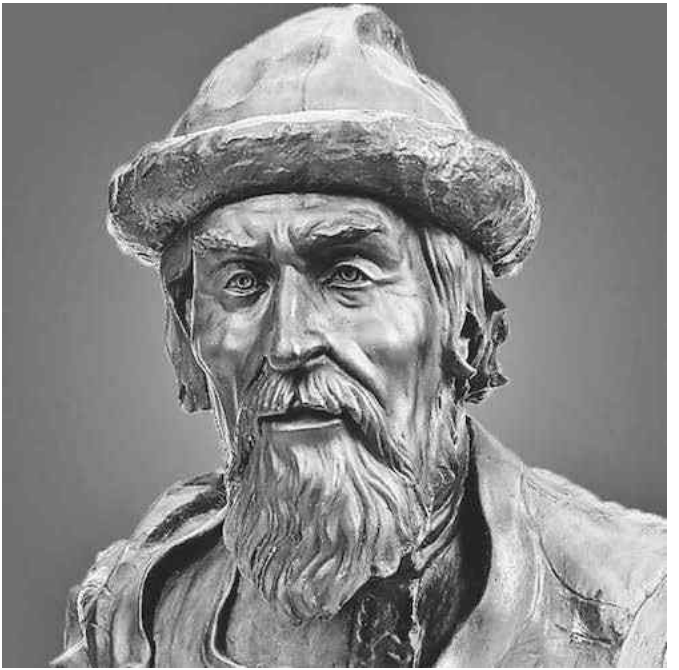


Рис. 119. Ярослав Мудрый. Реконструкция М. М. Герасимова

Завещание Ярослава Мудрого, к сожалению, дошло до нас только в пересказе летописца. Однако в нашем распоряжении имеется возможность выяснить основное содержание данного памятника. Под 1054 г. древнейшие сохранившиеся

Лаврентьевская (XIV в.) и Ипатьевская (XV в.) летописи помещают известие о смерти князя и о том, что еще при жизни («И еще бо живущю ему, наряди сыны своя») он распределил свои владения между детьми: «Се же поручаю в собе место столъ старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, яко же послушасте мене, да той вы будетъ в мене место; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смолинескъ»[702]. Отсюда выясняется, что Ярослав Мудрый разделил свои владения между четырьмя сыновьями.

Правда, указанное свидетельство вступает в противоречие с дальнейшим рассказом Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. После сообщения о завещании Ярослава под 1055 г. идет текст, где упоминаются уже пять сыновей: «Начало же княженья Изяславля Кыеве. Пришедъ Изяславъ седе Кыеве, Святославъ Чернигове, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ Смолиньске»[703].

Поэтому издатели «Повести временных лет»

---

[702] Примечания: 702

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 161; Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 149–150.

[703] Примечания: 703

Там же. Т. I. Стб. 162; Т. II. Стб. 151.

посчитали, что летописец пропустил слова «*а Игорю Володимерь*», и добавили их, выделив курсивом, в текст памятника: «Се же поручаю в собе место столъ старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, яко же послушаите мене, да той вы будетъ в мене место; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, *а Игорю Володимерь*, а Вячеславу Смолинескъ»[704].

При этом публикаторы памятника были далеко не первыми, кто добавил эту фразу в текст летописи. Данное несоответствие подметили уже летописцы XV в., в частности составитель Комиссионного списка Новгородской Первой летописи. В рассказе о предсмертных распоряжениях Ярослава он также дописал слова «а Игореви Володимиръ», приведя текст «ряда» Ярослава Мудрого в полное соответствие с тем порядком, в каком его сыновья сели на свои уделы[705].

Но, исправив ошибку в одном месте, новгородский летописец не заметил ее еще в двух местах. Под 989 г., рассказывая о потомках Владимира

---

[704] Примечания: 704

Повесть временных лет. С. 70.

[705] Примечания: 705

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 182.

Святого, он сообщает: «И преставися Ярославъ, и осташася 3 сынове его: вятшии Изяслав, а среднии Святославъ, меншии Всеволод. И разделиша землю: и взя болшии Изяславъ Кыевъ и Новъгород и иныи городы многы киевьскыя во пределехъ; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Белоозеро, Поволжье»[706]. Тот же текст читаем в статьях, предшествующих Комиссионному списку[707]. Укажем также на то, что в Новгородской Четвертой и Софийской Первой летописях сразу после известия о кончине Ярослава и его похоронах обнаруживается сообщение о разделе Смоленска между его сыновьями Изяславом, Святославом и Всеволодом: «И по семъ разделиша Смоленескъ на три части»[708].

В данном случае нельзя все свести к описке летописца, и поэтому встает вопрос: между сколькими сыновьями: *тремя, четырьмя* или *пятью* — разделил свои владения Ярослав Муд-

[706] Примечания: 706
Там же. С. 160.

[707] Примечания: 707
Там же. С. 469.

[708] Примечания: 708
Там же. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 118; Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 182.

рый? Поскольку в упомянутых выше летописных известиях содержится разный набор владений, необходимо выяснить: каков же был их реальный раздел?

Это попытались сделать исследователи относительно раздела Смоленска. Согласно «Повести временных лет», два младших сына Ярослава скончались вскоре после отца: Вячеслав в 1057 г., а Игорь — в 1060 г.[709] Оба они последовательно сидели в Смоленске. Соответственно, данный раздел мог произойти только в 1060 г., когда после смерти Игоря три оставшихся сына Ярослава разделили это выморочное владение между собой. Отсюда вполне логичным выглядит предположение, что новгородский летописец XV в., сообщая о владениях сыновей Ярослава, под 989 г. и в статьях, предшествующих Комиссионному списку, описывает их распределение «задним числом», уже после смерти Вячеслава и Игоря.

Но с подобным предположением согласиться нельзя. Новгородское летописание под 1054 г. говорит о разделе владений Ярослава, из которых Смоленск приходится на долю Вячеслава, затем о похоронах Ярослава, сразу после которых

---

[709] Примечания: 709
Повесть временных лет. С. 71.

сообщается о разделе Смоленска на три части. Под 1055 г. сказано о вокняжении в Смоленске Вячеслава, под 1056 г. о его кончине и передаче Смоленска Игорю. Наконец, под 1060 г. помещено известие о смерти Игоря[710]. Как видим, известие о разделе Смоленска не вписывается в логику изложения и выглядит попавшим случайно в это место летописи.

Данные факты заставляют поднять вопрос о датировке завещания Ярослава Мудрого. И хотя между исследователями дискутируется, был ли данный документ оформлен в письменном виде или же воля князя была изложена им устно, все они единодушно датируют завещание вслед за летописцем 1054 г., годом его кончины.

Между тем на Руси существовала традиция заблаговременного составления завещаний князей. К сожалению, в нашем распоряжении сохранился лишь единственный комплекс подобных документов — завещания князей московского княжеского дома, поскольку духовные грамоты других русских княжеских домов не уцелели. Несмотря на то, что эти источники дошли до нас от XIV–XVI вв., времени, довольно далекого от эпохи

[710] Примечания: 710
ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 117–118, 120; Т. VI. Вып. 1. Стб. 181–183.

Ярослава Мудрого, все же их можно привлечь к исследованию, поскольку традиция и правила составления княжеских завещаний были чрезвычайно устойчивыми.

По этим материалам видно, что княжеские духовные грамоты, как правило, писались за несколько лет до кончины князя. Поскольку подобные документы затрагивали обширный комплекс имущественных отношений, связанных с судьбами значительного числа людей, они не переписывались с завидной регулярностью, как это бывает иногда у некоторых современных людей. Новые варианты завещаний составлялись в исключительных случаях: смерти прежнего наследника, существенного изменения состава наследственных владений и т. п.

Тем самым, предположив, что завещание Ярослава было составлено задолго до его смерти, можно попытаться уточнить его дату, исходя из того, что разница в числе наследников объясняется тем, что завещание писалось после рождения старших сыновей, но до появления на свет младших.

Поскольку в завещании среди прочих владений назван Чернигов, ранее принадлежавший брату Ярослава — Мстиславу Владимировичу,

скончавшемуся в 1036 г., данный документ мог быть составлен не ранее этого года. Об этом же говорит и тот факт, что в завещании Ярослава (судя по изложению Лаврентьевской и Ипатьевской летописей) в числе его владений не упоминается Новгород, равно как и княжеский первенец Владимир, посаженный в том же 1036 г. отцом в этом городе[711].

Сыновья Ярослава Изяслав (в крещении Дмитрий), Святослав (в крещении Николай, Всеволод (в крещении Андрей) родились соответственно в 1024, 1027 и 1030 гг.[712] Следующий сын киевского князя Вячеслав (в крещении Меркурий), судя по «Повести временных лет», родился также в 1036 г.[713] Но в завещание своего отца он не попал. Тем самым можно говорить о том, что «ряд Ярослава» был составлен после перехода к нему Чернигова, последовавшего после смерти Мстислава Тмутараканского, но до рождения его

---

[711] Примечания: 711

Повесть временных лет. С. 66.

[712] Примечания: 712

Повесть временных лет. С. 65.

[713] Примечания: 713

Там же. С. 66. В Никоновской летописи запись о рождении Вячеслава помещена под 1033 г. (ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 80), а у В. Н. Татищева — под 1034 г. (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II и III. М., 1995. С. 77).

сына Вячеслава.

Вероятно, практически сразу после того как было составлено завещание, к Ярославу Мудрому отошел Смоленск. Это случилось после смерти его прежнего владельца. Им, согласно, Никоновской летописи, являлся сын Владимира Святославича и, соответственно брат Ярослава, князь Станислав Владимирович[714]. Известия о нем крайне скудны. В. Н. Татищев называл его сыном Владимира от чешской княжны. Полагают, что он скончался в 1036 г. Это убеждение основано на замечании Н. М. Карамзина, что после смерти Мстислава в 1036 г. «о детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде летописец не упоминает более».

Но сразу после кончины Станислава Ярослав Мудрый предпочел, видимо, не переписывать свое завещание, а составить к нему «приписную грамоту». Подобная традиция дожила вплоть до XV в., когда Василий Темный составил приписную грамоту к своему завещанию[715]. Видимо, аналогично действовал и Ярослав Мудрый. В «приписной грамоте» к своему завещанию он

[714] Примечания: 714

ПСРЛ. Т. IX. С. 57.

[715] Примечания: 715

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (Далее: ДДГ). М.; Л., 1950. № 61б, с. 198–199.

распорядился о разделе Смоленска между тремя старшими сыновьями. Указание на ее существование видим в упоминании раздела Смоленска Новгородской Четвертой и Софийской Первой летописями.

Традиция составления княжеских завещаний на Руси знает примеры, когда князьям приходилось составлять свои завещания по несколько раз, переписывая их в зависимости от складывавшейся обстановки. Так, от Ивана Калиты дошло две духовные грамоты, а от Василия I — три[716]. Не был исключением из этого правила и Ярослав Мудрый. Если новгородский летописец знает у него трех наследников, то Лаврентьевская и Ипатьевская летописи говорят уже о четырех.

Очевидно, это объясняется тем, что через несколько лет после составления первого завещания Ярослав написал второе, где помимо трех старших сыновей назвал наследником и родившегося к тому времени Вячеслава, которому предназначался Смоленск. Что же стало поводом для составления Ярославом нового завещания? Судя по всему, это мог быть военный поход или опасная поездка, откуда можно было не вернуть-

[716] Примечания: 716
ДДГ. № 1а, б, № 20–22.

ся. Традиция требовала от князей составления распоряжений на случай печального исхода. Неудивительно, что обе свои духовные грамоты Иван Калита составил перед поездками в Орду[717]. Для Ярослава таким толчком могли стать известные по летописи походы на Литву или мазовшан, соответственно в 1040 и 1041 гг.[718]

В новом завещании Ярослава Мудрого не было упоминания самого младшего сына Игоря. К сожалению, о его рождении летописи молчат, хотя В. Н. Татищев датирует это событие 1036 г. Отсутствие упоминания Игоря в пересказе завещания Ярослава, содержащемся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи, позволяет говорить, что новый вариант «ряда Ярослава» был составлен до его рождения. И хотя самый младший сын Ярослава не значился в его завещании, после смерти отца старшие братья выделили ему долю наследства. Это нашло отражение в известии 1055 г. о распределении уделов между сыновьями Ярослава.

Подобная традиция дожила до XIV в. В 1389 г. была написана духовная грамота великого князя

---

[717] Примечания: 717
Там же. № 1а, б.

[718] Примечания: 718
Повесть временных лет. С. 67.

Дмитрия Донского. Однако в ней в числе наследников не был указан младший из его сыновей — Константин, родившийся за несколько дней до смерти отца. Наделить его уделом пришлось старшему брату — великому князю Василию Дмитриевичу. В его первой духовной грамоте, датируемой 1406–1407 гг. читаем: «А брата своего и сына благословляю, князя Костянтина, даю ему въ оудел Тошню да Оустюжну, по душевнои грамоте отца нашего, великого князя»[719].

Таким образом, можно утверждать, что «ряд Ярослава» был составлен задолго до его кончины. Первый вариант был написан в 1036 г., скорее всего — сразу после того, как Ярослав стал, по словам летописи, «самовластьцемь Русьстей земли»[720]. В нем в числе наследников значились три его сына. После смерти брата Ярослава Станислава завещание киевского князя было дополнено приписной грамотой, содержавшей распоряжения о разделе Смоленска. Второй вариант завещания был составлен около 1040–1041 гг., перед одним из военных походов Ярослава. В нем имущество делилось уже между четырьмя сыновьями киев-

[719] Примечания: 719
ДДГ. № 12. С. 33–37; № 20. С. 57.

[720] Примечания: 720
Повесть временных лет. С. 66.

ского князя. После смерти Ярослава свою долю в наследстве получил и его младший сын Игорь.

Ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи, пересказывая завещание Ярослава Мудрого, ничего не сообщают о судьбе Новгорода. Только позднейший новгородский летописец уточняет, что на долю старшего сына Изяслава помимо Киева пришелся и Новгород: «и взя болшии Изяславъ Кыевъ и Новъгород»[721].

Объясняется это тем, что в 1052 г. умер старший сын Ярослава Владимир, по давней традиции княживший в Новгороде. Вскоре после его кончины Новгородская земля, согласно родовому обычаю, была поделена между остальными сыновьями Ярослава.

Исследователями достаточно давно была отмечена тесная географическая связь пятин с новгородскими концами. Четыре пятины (Водская, Шелонская, Деревская и Обонежская) начинались прямо от городских границ соответствовавших им городских концов (Неревского, Людина, Славенского, Плотницкого), являясь непосредственным продолжением последних. Лишь один из концов — Загородский, образо-

---

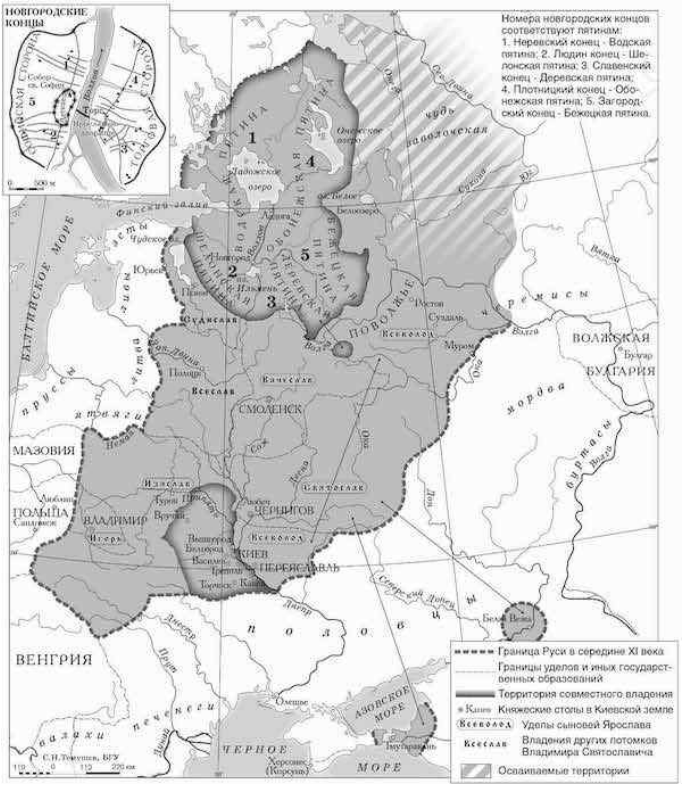
[721] Примечания: 721
ПСРЛ. Т. III. С. 160, 469.

вавшийся, видимо, позднее, соответствовал Бежецкой пятине, территория которой начиналась в 100 верстах от Новгорода, поскольку, по всей вероятности, земли у границ города были уже распределены между другими четырьмя концами. Очевидно, именно Загородский конец вместе с Бежецкой пятиной составили жребий Игоря, младшего сына Ярослава, выделенный ему старшим братом Изяславом уже после смерти отца. Таким образом, возникновение новгородских пятин и концов следует датировать эпохой Ярослава Мудрого. Они являлись территориями, выделенными каждому из его наследников.

Как видим, и здесь сталкиваемся с явлением совместного владения, очень типичного для Древней Руси, для которой был характерен расщепленный характер княжеской власти. Новгород с окрестностями, хотя и был поделен между наследниками Ярослава Мудрого, продолжал сохранять известное единство. Окончательному разделу города между князьями препятствовало то обстоятельство, что в общей нераздельной собственности совладельцев продолжал находиться целый ряд учреждений, позволявших выполнять отдельные общие функции (оборона, сбор дани и т. п.) для всех князей более эффективно, с меньши-

ми затратами, нежели, если бы они находились в индивидуальной собственности одного из них. В данном случае один из князей-совладельцев (в пределах Новгорода) по отношению к другим выступал в качестве великого князя. Именно этим обстоятельством объясняется уточнение позднейшего новгородского летописца, что на долю старшего сына Изяслава помимо Киева пришелся и Новгород: «и взя болшии Изяславъ Кыевъ и Новъгород»[722].

[722] Примечания: 722
ПСРЛ. Т. III. С. 160, 469.



Карта 19. Раздел Руси по «ряду» Ярослава Мудрого

В этом же качестве выступал и посадник —

представитель великого князя. Любопытно, что именно с эпохи Ярослава Мудрого начинают свой отсчет летописные списки посадников (если не считать легендарного Гостомысла, жившего за полтораста лет до следующего посадника Коснятина)[723].

История дальнейших переходов новгородских концов и пятин из рук в руки еще ждет своего исследователя. Здесь же отметим, что Ивану Калите, как прямому потомку в восьмом поколении сына Ярослава Мудрого Всеволода, получившего Северо-Восточную Русь, достались и новгородские владения его пращура — соответствующие новгородские конец и пятина. Остальные части города и Новгородской земли принадлежали другим князьям-совладельцам.

При этом после захвата части русских земель претензии на соответствующие части новгородских владений выдвинули и литовские князья. Именно в этом ключе следует рассматривать упоминавшееся нами посольство 1326 г. от Гедимина в Новгород, в котором участвовали князья Василий Александрович и Федор Святославич. Однако, судя по всему, эта попытка не удалась.

---

[723] Примечания: 723
Там же. С. 471–472.

Более серьезные последствия имели события 1331 г., связанные с поездкой на поставление в Киев новгородского архиепископа Василия, о которой говорилось выше. Новгородские послы и архиепископ Василий вынуждены были заключить с Гедимином соглашение, подробности которого приводит Никоновская летопись: «князь Гедименъ Литовский поима ихъ на миру, и въ той неволе дали слово правое сыну его Нариманту на пригороды на новогородцкиа Ладогу и Ореховъ городокъ, и Корелскую землю и половину Копорья ему и детемъ его въ вотчину и въ дедину, и тако отпустиша ихъ»[724].

Речь в данном случае идет о Водской пятине и Неревском конце Новгорода. Они продолжали контролироваться литовскими князьями даже в конце XIV в., о чем говорит упоминание «Сказанием о Мамаевом побоище» среди новгородских посадников, пришедших в 1380 г. на помощь великому князю Дмитрию Донскому, Михаила Львовича с характерным уточнением: «пан»[725].

Что касается владений князей Северо-Восточ-

---

[724] Примечания: 724

ПСРЛ. Т. X. С. 204.

[725] Примечания: 725

Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 130–134; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 86–89.

ной Руси в Новгороде (в начале XIV в. сначала тверских, затем московских), то они владели Шелонской пятиной. Об этом говорят упоминания в их договорах с Новгородом Русы (ныне Старая Русса), Озвада (ныне деревня Взвад в дельте Ловати при ее впадении в Ильмень), которые располагались на территории указанной пятины. Там же упоминается о праве князей Северо-Восточной Руси посылать своих людей в Заволочье: «А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву носаду по пошлине»[726]. Судя по «Печорским актам», речь в данном случае шла именно о Печоре.

[726] Примечания: 726
ГВНП. № 9. С. 19.

Заключение

Исчерпывались ли владения Ивана Калиты теми, что приведены в данной книге? Духовная грамота его внука, великого князя Дмитрия Донского, дает на этот вопрос отрицательный ответ. В ней читаем следующие распоряжения: «А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовъское. А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозеромъ, со всеми волостми, и Вольским съ Шаготью, и Милолюбскии езъ, и съ слободками, что были дети моих. А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Оуглечим полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою»[727].

На протяжении двухсот лет исследователи бились над разгадкой: что имел в виду Дмитрий Донской, говоря о «куплях» своего деда? По этому поводу было выдвинуто свыше десятка версий,

---

[727] Примечания: 727

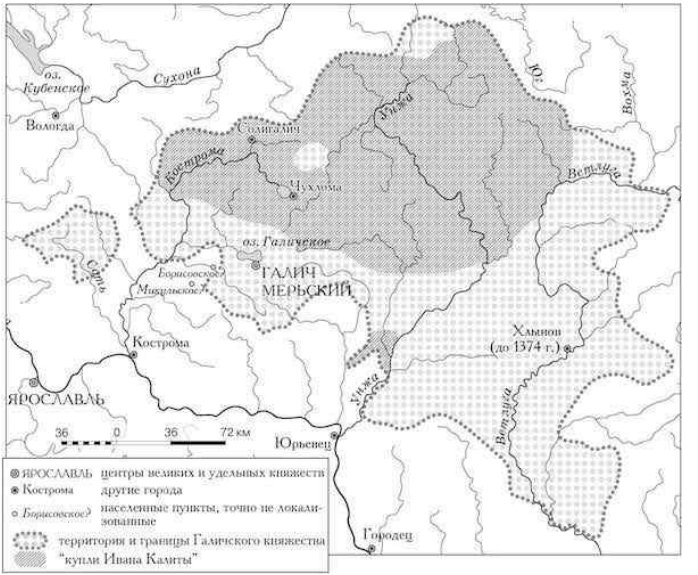
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 12. С. 34 (Далее: ДДГ).

порой остроумных, но ни одна из которых так и не смогла объяснить данный парадокс. Поскольку этой проблеме посвящена другая книга[728], позволим изложить здесь основные ее выводы.

Оказалось, что термин «приданое» известен на Руси только с XV в., а до этого данное понятие обозначалось словом «купля». Таким образом, три города — Галич, Белоозеро и Углич — были получены московскими князьями в результате династических браков.

[728] Примечания: 728

Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты. История присоединения Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М., 2018.

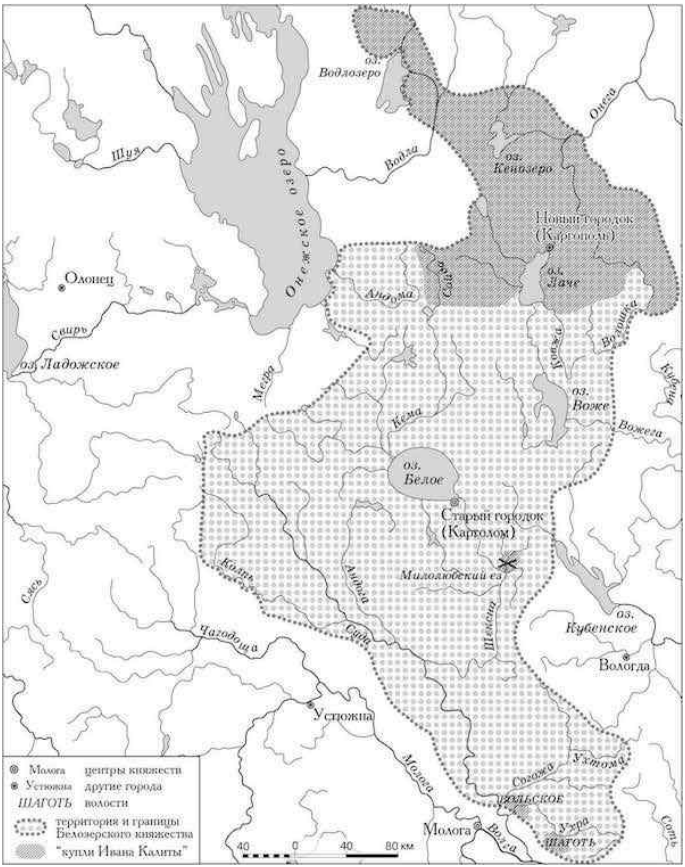


Карта 20. Галичское княжество

Галич достался Ивану Калите в результате его второго брака с Ульяной, дочерью галичского князя Федора Давыдовича. Поскольку по тогдашним правилам приданое являлось формальной собственностью жены, становится понятным, что московский князь не имел юридического права указывать эти земли в своем завещании.

Что касается Белоозера, оно досталось москов-

ским князьям, когда брат Ивана Калиты Афанасий женился на Анне, дочери князя Василия Глебовича Белозерского. Афанасий Данилович скончался в 1322 г. Его вдова надолго пережила супруга, и поэтому Иван Калита на момент составления своих духовных грамот также не мог указывать в них полученных таким образом владений. Дмитрий Донской не ошибался, когда говорил о Белоозере как «купле» своего деда: Афанасий Данилович приходился ему двоюродным дедом.



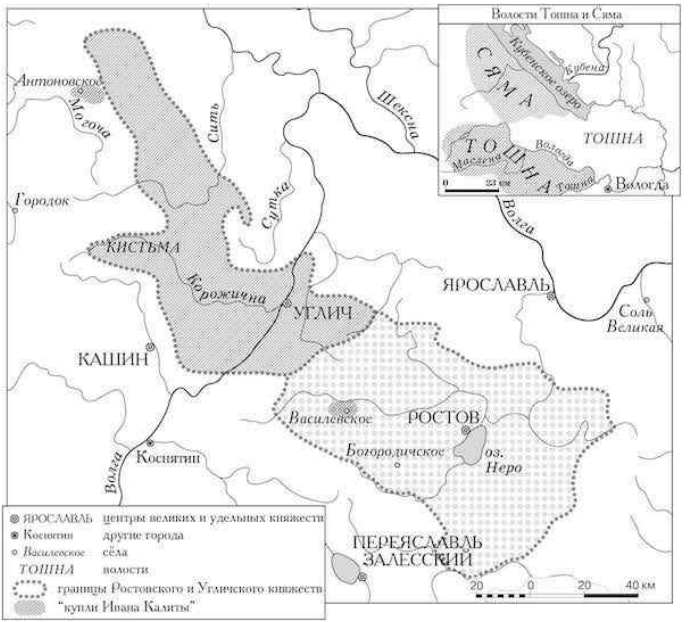
Карта 21. Белозерское княжество

Углич, входивший в состав Ростовского княжества, достался московским князьям в результате брака Юрия, старшего брата Ивана Калиты, с дочерью ростовского князя Константина Борисовича. От этого союза у Юрия родилась дочь Софья. В 1320 г. она вышла замуж за княжича Константина Михайловича Тверского. Этот брак, заключенный с целью примирения Москвы и Твери, оказался неудачным и в итоге был расторгнут. Земли, полученные Софьей в приданое, остались за ней, с тем, чтобы она могла с ними вторично выйти замуж.

Но этого так и не произошло, а под конец жизни Софья постриглась в монахини. На «прожиток» ей из всех ее владений были выделены волость Кистьма, «да села Онтоновьские, да в Ростове Василевское», которые после ее кончины вошли в состав московских владений. В этом качестве сын Дмитрия Донского Василий I упоминает их в своей второй духовной грамоте 1417 г. как «прадеда своего примыслъ»[729].

---

[729] Примечания: 729
ДДГ. № 21. С. 58.



Карта 22. Угличское княжество

Как видим, изучение эпохи Ивана Калиты крайне сложно для историка. Главной виной этому является скудость исторических источников. Мы не ошибемся, когда отметим главное: девять десятых знаний о московском князе исследователи черпают из отрывочных летописных известий. Но этот источник весьма своеобразен:

он является скорее исходным пунктом для размышлений исследователя, нежели полноценным рассказом о прошедшем. Это происходит из-за того, что нередко летописец излагал события прошлого эзоповым языком, стремясь угодить заказчику летописного свода, что хорошо видно при сравнении летописей, созданных в противоборствующих княжествах (к примеру, Москвы и Твери). К тому же он не обладал всей полнотой информации: так, сообщая о факте того или иного княжеского съезда, он никогда не раскрывал сути рассматриваемых на них вопросов и полемики по их поводу.

Неудивительно, что наши сведения об этом времени обрывочны и фрагментарны. В этих условиях историки на этой основе зачастую вынуждены рассказывать не о том, как это было, а о том, как это могло быть. Можно привести немало случаев, когда появление всего лишь одного факта обрушивало созданную исследователями логическую конструкцию и ее приходилось возводить вновь.

Применительно к теме данной книги нам повезло: до нас дошли, что очень важно — в подлиннике, две духовные грамоты московского князя. Завещания являются важным источником,

поскольку человек, уходя в мир иной, стремится крайне точно обозначить объем имущества, переходящего наследникам. Это дает возможность заглянуть в прошлое не только на момент составления завещательных распоряжений, но и на предшествующую историю приобретения тех или иных владений.

Скрупулезный анализ духовных грамот Ивана Калиты позволил выяснить историю складывания первых московских «примыслов» — Коломны, Звенигорода, Можайска, «лопастеньских мест», владений во Владимирском великом княжении, Киеве и Новгороде. Оказалось, что первые московские приобретения были сделаны не за несколько лет в начале XIV в., как это считали исследователи на основе летописных известий, а явились результатом длительных процессов, растягивавшихся на несколько десятилетий.

Выяснилось, что целый ряд сложившихся в историографии представлений подлежит корректировке. В первую очередь это относится к присоединению тех или иных владений в результате династических браков. До сих пор подразумевалось, что подобное происходило только в Западной Европе, где за XIII–XVIII вв. известно более полутора десятков вооруженных

конфликтов за то или иное «наследство». Оказалось, что то же самое происходило и на Руси.

Вторым выводом является необходимость пересмотра взглядов на раздробленность Руси. Следует отвергнуть мнение, что русские княжества и земли были едва ли не независимыми государствами, проводившими самостоятельную независимую внешнюю политику. В действительности для Руси этого времени был характерен расщепленный характер княжеской власти, когда страна по-прежнему продолжала рассматриваться как общее достояние потомков Рюрика.

Требует дальнейшего изучения начавшийся в XIII–XIV вв. процесс индивидуализации земельных владений, когда они из общей собственности всего княжеского рода превращаются в частную.

Именной указатель[730]

Абуков С. Н. 270, 323
Авдусина Т. Д. 31
Аверьянов К. А. 309, 336, 402
Агрипина, вел. кнг. суздальская 122
Агрипина Михайловна, жена Даниила, кн. московского 246, 248, 255, 259
Агрипина Ростиславна, кнг. 122, 247
Акиндин, архимандрит киево-печерский 363
Акинф Гаврилович, боярин 325, 327, 349, 350, 367–370
Александр, кн. 301
Александр Васильевич Суздальский, вел. кн. 278, 332, 333, 347
Александр Глебович, вел. кн. смоленский 266, 279, 281–287, 289, 291, 293, 299, 303, 304
Александр Данилович, кн. московский 215, 221, 246, 344
Александр Дмитриевич, кн. 165
Александр Захарьевич Зерно, боярин 122, 348

---

[730] Примечания: 730

Сокращения: библ. — библейский, вел. — великий, великая; кн. — князь; кнг. — княгиня; кнж. — княжна; митроп. — митрополит; св. — святой, святая.

Александр Михайлович, вел. кн. 161, 258, 275, 309, 380, 387
Александр Перский (Пергийский), св. 122, 193
Александр Римский, св. 121, 193
Александр Ярославич Невский, вел. кн. 8, 44, 115, 122, 123, 161, 163, 174, 180, 182–185, 187, 188, 190–193, 195–197, 202, 203, 248, 249, 278, 332, 342, 344, 356–361, 366, 379, 387
Александра, жена Александра Невского, вел. кнг. 115
Александра, жена Ивана Красного, вел. кнг. (в инокинях Мария) 254, 273, 274, 275
Алексей Михайлович, царь 271
Альмош, вождь венгров 372
Аминь, посол 306
Анастасия Романовна Захарьина, жена царя Ивана IV 188
Андреев В. Ф. 389
Андрей Александрович Городецкий, вел. кн. 262, 263, 285, 327, 340, 342, 344–347, 350, 357, 379, 380, 387
Андрей Васильевич Большой, кн. угличский 87, 90, 142, 167, 171
Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский 167, 171
Андрей Владимирович, кн. радонежский 167,

168
Андрей Дмитриевич, кн. можайский 166, 167, 168, 169, 266, 308, 402
Андрей Иванович, кн. серпуховской 59, 68, 95, 98, 100, 110, 114, 125, 143, 144, 166, 167, 258, 268, 306, 313, 314, 338
Андрей Иванович, кн. старицкий 111, 167, 172, 173
Андрей Климович, новгородский посадник 346
Андрей Михайлович, кн. вяземский 283, 284
Андрей Фрязин 379
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. 13, 15, 16, 21, 30, 45, 46, 52, 53, 154, 375, 386, 387
Андрей Юрьевич, кн. волынский 293, 294
Андрей Ярославич, вел. кн. 185, 187, 358, 359
Андрей, епископ тверской 119
Андреян (Андрей) Мстиславич, кн. звенигородский 225, 227, 228, 233–238, 243, 251, 252, 254, 256, 257, 259, 260
Аничковы 337
Анна Алексеевна Колтовская, жена царя Ивана IV 188
Анна Васильевна, жена кн. Святослава Глебовича, затем кн. Афанасия Даниловича 189, 247, 249, 302, 309, 322, 403
Анна Васильчикова, жена царя Ивана IV 188

Анна Мстиславна, кнг. 185, 187
Анна Святославна, жена кн. Александра Михайловича Тверского 308, 309
Анна, жена Ростислава Михайловича, кн. черниговского 247
Антонина Римская, св. 121
Антонович В. Б. 297
Анучин Д. Н. 35
Аракчеев В. А. 138
Арсений, кандидат в псковские епископы 376
Аскольд, варяг 371, 372, 373, 374
Афанасий Данилович, кн. московский 189, 246, 249, 302, 305, 309, 323, 344, 403, 404
Бабичев А., кн. 156
Байер Готлиб Зигфрид 23
Балушок В. Г. 199
Бантыш-Каменский Н. Н. 80
Барсов Н. П. 61, 70, 73, 74, 76, 78, 82, 84, 85, 87, 89, 90, 93, 94, 97–105, 107, 113, 116, 122
Басенок Федор 177
Батый, хан 44, 207, 357, 360, 384
Баумгартен Н. А., фон 185, 187, 190, 191
Бахрушин С. В. 111
Безносов А. В. 156
Беклемишев И. 142
Бела IV, венгерский король 247, 249

Белянчиков Н. Н. 100
Бенешевич В. Н. 301
Бережков Н. Г. 195–197
Берка, ордынский царевич (в крещении Аникей) 337
Болеслав, польский кн. 370
Болеслав V, польский король 249
Болховские, кн. 260
Борзаковский В. С. 285
Борис Андреевич, кн. костромской 328
Борис Васильевич, кн. волоцкий 84, 85, 89, 167, 171, 172
Борис Всеславич, кн. полоцкий 184
Борис Данилович, кн. московский 215, 221, 246, 328, 344, 348
Борис Федорович Годунов, царь 100
Бороздин В. П. 73
Бортеневы 84
Брячислав Василькович, кн. полоцкий 189, 190
Бычкова М. Е. 233
Валуевы 88
Варлаам Важский 389
Василий I Дмитриевич, вел. кн. 113, 126, 129, 130, 161, 166–169, 177, 396, 397, 406
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. 104, 105, 114, 115, 167–171, 319, 344, 350, 395

Василий III Иванович, вел. кн. 97, 167, 168, 172, 173, 231
Василий Александрович, кн. брянский и можайский 189, 238, 257, 268, 269, 276–284, 287, 288, 290–293, 296, 299, 302–305, 307, 308, 334, 400
Василий Александрович, кн. новгородский (сын Александра Невского) 278
Василий Владимирович, кн. перемышльский 167, 168
Василий Всеволодович, кн. ярославский 205
Василий Глебович, кн. белозерский 403
Василий Данилович, княжич московский 246, 276
Василий Иванович, кн. смоленский 281
Василий Константинович, кн. рязанский 175, 176, 212, 215, 216, 218, 220–222
Василий Михайлович, кн. (сын Михаила Верейского) 171
Василий Михайлович, кн. кашинский, вел. кн. тверской 145, 269, 303
Василий Пантелеевич, кн. звенигородский 225, 236, 238, 243, 251, 256, 259, 260
Василий Юрьевич Косой, кн. звенигородский, вел. кн. 167, 169
Василий Ярославич Костромской, вел. кн. 163, 342, 344

Василий Ярославич, кн. муромский 220
Василий Ярославич, кн. серпуховской 167, 169, 170
Василий, новгородский архиепископ 376, 377, 400
Василиса Мелентьева, жена царя Ивана IV 188
Василко Белжянин, воевода 370
Васнецов А. М., художник 6, 18, 19, 35, 36, 119, 130, 148
Васнецов В. М., художник 18
Векслер А. Г. 20
Вельтман А. Ф. 25
Вельяминов Василий Васильевич, тысяцкий 269, 270, 272–275
Вельяминов Василий Протасьевич, тысяцкий 270, 271, 273–275
Вельяминов Иван Васильевич, боярин 22
Вельяминов Микула Васильевич, боярин 269
Вельяминов Полиевкт Васильевич 274, 275
Вельяминов Протасий, тысяцкий 270, 273–275
Вельяминова Мария Дмитриевна, кнж. суздальская 269
Вельяминовы 270, 273, 274, 377
Верещагин В., художник 330
Веселовский С. Б. 44, 51, 64, 66, 67, 73, 88, 94, 102, 104, 109, 118–121, 142, 180, 235, 241, 242, 256, 317

Вешняков В. 141
Витов М. В. 65, 66
Владимир, кн. полоцкий 190
Владимир Андреевич, кн. серпуховской 7, 97, 105, 109, 114, 126, 129, 149, 160, 166–169, 171, 172, 309, 316, 319, 323
Владимир Андреевич, кн. старицкий 103, 260
Владимир Всеволодович, кн. юрьевский 158, 159, 160, 322
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. 199
Владимир Глебович, кн. переяславский 47
Владимир Святославич, княжич 13
Владимир Святославич, кн. киевский 21, 297, 374, 392, 395
Владимир Ярославич, кн. новгородский 394, 398
Владимирский-Буданов М. Ф. 132
Владислав Локетек, польский король 294
Власьев Г. А. 237
Воиний, брат Гедимина 277
Волынский В. И. 76
Волынский Дмитрий Михайлович Боброк 276
Ворков Борис 116
Воронин Н. Н. 230
Ворыпаевы 76
Всеволод Александрович, кн. холмский 145

Всеволод Владимирович, кн. 395
Всеволод Мстиславич, кн. новгородский 388
Всеволод Мстиславич, кн. смоленский 190
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. 21, 30, 41, 42, 47, 154, 158, 159, 182, 196–199, 202, 207, 318, 321, 322, 325, 328, 345, 348, 358
Всеволод Юрьевич, кн. новгородский 207, 209
Всеволод Ярославич, кн. переяславский 391, 392, 395, 400
Вяземские, кн. 79
Вятко, племенной вождь 29
Вячеслав Ярославич, кн. смоленский, 391, 393, 395, 396
Гамонт, кн. литовский 225, 236, 237
Гарданов В. К. 271
Гваньини А. 370, 389
Гедимин, вел. кн. литовский 227, 276, 277, 294–298, 301, 302, 306, 361, 376, 400
Герасимов М. М. 46, 390
Герберштейн С. 370, 389
Геронтий, игумен 353
Герцен А. А. 49
Гиреев В. М. 156
Глеб Владимирович, кн. рязанский 31, 203–205
Глеб Ростиславич, кн. рязанский 207, 223
Глеб Ростиславич, вел. кн. смоленский 281–284

Глеб Святославич, кн. брянский 283
Глеб Святославич, кн. смоленский 302, 308
Глеб Святославич, кн. черниговский 196, 197, 322
Глеб Юрьевич, кн. переславский и киевский 52
Годунов Дмитрий Иванович 239
Годуновы 348
Голенин А. А., кн. 89
Голенин А. Ф., кн. 92
Голенина Мария, кнг. 240
Голубев С. Т. 301
Голубовский П. В. 281–284
Голышенко В. С. 346
Горовенко А. В. 191
Горский А. А. 247–249, 262, 263, 266, 286, 289, 318, 360, 361, 368, 371
Гостомысл, новгородский посадник 400
Готье Ю. В. 53, 54, 64, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 84–89, 96–98, 100–104, 106, 111, 141, 156
Гринев, литературный персонаж 271
Грушевский М. С. 359, 360, 361
Гюрята Рогович 384
Давид, зять Акинфа 325, 350
Давид Давидович, боярин 348
Даль В. И. 35
Даниил Александрович, кн. московский 8, 68,

140, 161, 163, 165, 174, 176, 210, 212, 213, 221, 224, 228, 246–251, 254–256, 259, 262–266, 273–275, 286, 323, 325, 327, 338, 340, 342–348, 357
Даниил Данилович, княжич московский 246
Даниил Иванович, княжич московский 68
Даниил Мстиславич, кн. галицкий 366
Даниил Романович, кн. галицкий 185, 187, 247, 293, 360, 361, 366
Данилевский И. Н. 387, 388
Данилов У. 142
Даниловичи 287
Дашкевич Н. П. 297, 301, 302, 376
Дашков А. Д., кн. 156
Дебольский В. Н. 63, 70, 72–76, 78–80, 83–91, 93–106, 110, 111, 113, 116, 319
Дедук А. В. 67
Дементьев П. 137
Диоклетиан, император 193
Дир, варяг 371, 372, 373, 374
Дмитр Еконович (Ейкович), воевода 358, 359, 360, 361
Дмитрий Александрович Переславский, вел. кн. 163, 165, 263, 285, 342, 344, 379, 387
Дмитрий Зерно 348
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 7, 55, 57, 77, 82, 87, 91, 92, 103, 107, 113, 115, 117, 129–131, 160,

166–170, 244, 251, 255, 266, 269, 270, 273–276, 308, 309, 312, 316, 379, 383, 387, 397, 401, 402, 404, 406
Дмитрий Иванович, кн. угличский 167, 172, 173
Дмитрий Михайлович Грозные Очи, вел. кн. 161, 199, 200
Дмитрий Романович, кн. брянский 283, 303
Дмитрий Солунский, св. 41
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. угличский 167, 169
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. угличский, вел. кн. 167, 169, 172, 177
Добронравов В. Г. 113–115, 117
Добрынские 120
Добрынский Петр Константинович, боярин 120
Долгоруков П. В., кн. 225
Доленга-Ходаковский З. 24
Домбровский Дариуш 190, 191
Дюдень, ордынский военачальник 263
Евдокия Дмитриевна, вел. кнг., жена Дмитрия Донского 251, 255, 269
Евпраксия Федоровна, кнг., жена Семена Гордого 303
Евсевий, новоторжец 270
Евстафий Акирский, св. 198
Евфросинья Полиектовна, кнг., жена Петра Дмитриевича, кн. дмитровского 273–275

Екатерина II, императрица 140, 185, 212, 213, 215, 216, 218, 236, 247, 282, 291, 293, 302, 308, 309, 322
Елена, дочь Гамонта, кн. литовского 236, 237
Елена Александровна, вел. кнг., первая жена Ивана Калиты (в инокинях Соломанида) 68, 247, 276, 305, 330, 331, 334–338, 340
Елена, кнг., жена Михаила Михайловича, кн. черниговского 243
Елена, кнг., дочь Льва Даниловича, кн. галицкого 248
Елена Ивановна, кнг., жена Василия Кашинского 303
Елена Ольгердовна, кнг., жена кн. Владимира Серпуховского 320, 321, 323
Ельцин Б. Н. 195
Ельчаниновы 89
Еремей Глебович, воевода 207, 209
Жила, печорский сокольник 379
Забелин И. Е. 7, 24, 76, 135–137
Зализняк А. А. 21, 387
Захарий (Неревин), новгородский посадник 386
Звенигородские, кн. 225–227, 231, 233, 242–244, 249, 256, 259
Звенигородский Александр, кн. 231, 233–236, 238, 243

Звенигородский Г. В., кн. 156
Звенигородский Даниил Васильевич (в иноках Дионисий), кн. 233, 235
Звенигородский Федор Александрович, кн. 231
Зверинский В. В. 78, 122–124, 193
Зимин А. А. 138, 304
Зиновий, игумен 117
Зонтиков Н. А. 121, 122
Зотов Р. В. 235, 243, 245, 251, 252, 260, 298, 300, 301
Иван I Данилович Калита, вел. кн. (в иноках Ананий) 8–11, 40, 55, 57–65, 67–69, 74, 77, 79–83, 87, 91, 95, 98, 100, 103, 108–112, 115–118, 122, 124–127, 129–131, 133, 140, 141, 143, 144, 147–149, 153, 165–167, 174, 177, 178, 180, 189, 209, 218, 222–224, 228, 244–247, 252, 256–259, 261, 262, 266, 268, 270, 273–279, 286, 287, 290, 293, 302, 304–306, 309, 313, 323–325, 327, 329–340, 344–353, 355–357, 360, 361, 364–368, 370, 371, 374, 376–380, 387, 396, 400, 402, 403, 405–407
Иван II Иванович Красный, вел. кн. 40, 55, 59, 68, 77, 83–86, 90, 91, 94, 100, 113, 115, 117, 122, 124, 143, 144, 166, 167, 244, 253, 254, 257, 258, 266, 268, 273–275, 303, 306, 315, 316, 331, 380, 387
Иван III Васильевич, вел. кн. 55, 56, 73, 76, 101, 111, 131, 142, 167, 168, 171–173, 231, 387
Иван IV Васильевич Грозный, царь 72, 90, 94,

127, 188, 260
Иван Акинфович, боярин 325, 350
Иван Александрович Большой, кн. смоленский 281–283, 293, 303, 304, 307
Иван Андреянович, кн. звенигородский 233, 234, 243, 260
Иван Андреевич, кн. можайский 167, 169–173
Иван Борисович, кн. рузский 167, 172
Иван Васильевич, вел. кн. рязанский 145
Иван Васильевич, кн. можайский 281, 308
Иван Владимирович, кн. серпуховской 167, 168, 319
Иван Данилович, мифический кн. 366
Иван Дмитриевич, кн. переславский 10, 325–328, 346, 347
Иван Иванович Коротопол, кн. рязанский 222, 323
Иван Иванович, княжич, сын Ивана Красного 166, 167, 254, 316
Иван Михайлович Тропарь 120
Иван Михайлович, вел. кн. тверской 161
Иван Ярославич, кн. пронский 212, 218, 222
Иван Ярославич, кн. юрьевский 328
Иван, кн. мстиславский 205
Иван, кн. рязанский 295
Игнатьев А. 295

Игорь Глебович, кн. рязанский 185, 191, 223
Игорь Рюрикович, мифический рязанский кн. 185
Игорь Ярославич, кн. владимиро-волынский 391–393, 396–398
Измаил, епископ сарайский 347
Измайлов К. А. 156
Изяслав Владимирович, кн. полоцкий 374
Изяслав Владимирович, кн. пронский 203, 207
Изяслав Мстиславич, кн. киевский 373
Изяслав Ярославич, вел. кн. киевский 391, 392, 395, 398, 400
Изяславичи 374
Ильин А. 141
Ингварь Игоревич, кн. рязанский 205, 211, 212
Ингварь Ингваревич, кн. рязанский 211, 212
Ингигерд (в крещении Ирина), жена кн. Ярослава Мудрого 373
Иоанн Златоуст, св. 239
Иоанн, епископ ростовский 199
Иоанн-Владимир Иоаннович, кн. киевский 300, 361
Иона, митроп. киевский и всея Руси 120
Иосиф Волоцкий 240
Каменевич-Рвовский Тимофей, дьякон 22
Карамзин Н. М. 12, 55, 60, 81, 131, 149, 150, 174,

229, 269, 327, 330, 333, 365, 395
Карпов А. Ю. 190
Каштанов С. М. 56
Квашнин Г. И. 137
Квашнин Иван Родионович, в иноках Игнатий 119, 120, 367
Квашнин Нестер Рябец 370, 371, 376, 377
Квашнин Родион Нестерович Рябец 367, 368, 370, 377
Квашнины 351, 367, 368, 370, 376–378
Киприан, митроп. киевский и всея Руси 353
Кирилл, митроп. киевский и всея Руси 249
Кирпичников А. Н. 31
Климент, новгородский архиепископ 345, 346
Клосс Б. М. 290
Клюг Э. 286
Ключевский В. О. 5, 6, 25, 327, 351
Кныш Я. Б. 365, 366
Кобрин В. Б. 53
Кологривов Л. А. 141
Колтовский С. В. 141
Конев С. В. 246, 247, 276
Константин Борисович, кн. ростовский 251, 347, 405
Константин Всеволодович, вел. кн. 154, 155, 158, 159, 184, 202

Константин Владимирович, кн. пронский 203–205
Константин Дмитриевич, кн. угличский 167–171, 173, 397
Константин Михайлович, кн. тверской 349, 405
Константин Романович, вел. кн. рязанский 174–176, 210, 212–215, 218, 221, 304
Констанция, жена Льва Даниловича, кн. галицкого 247–249
Кончака (в крещении Агафья), сестра хана Узбека 246
Конявская Е. Л. 365
Копанев А. И. 337, 338
Кориад, брат Ольгерда 306
Коснятин, новгородский посадник 400
Кострома, дьяк 329
Костюхина Л. М. 346
Краснов Н. А. 256
Краснов Ю. А. 256
Крашенников В. В. 283
Крис Х. И. 73
Кузнецов С. К. 26
Кузьмин А. Г. 176, 210, 218, 220
Кулибакин Н. 84
Кулибакины 84
Кусов В. С. 67

Кучкин В. А. 67, 70, 72, 73, 75, 76, 80, 84, 86, 88, 95, 96, 101–103, 108, 109, 111, 116, 187–190, 195, 196, 216, 244, 247, 269, 270, 273, 276, 317, 318, 322, 323, 328, 332, 350
Кучковичи, сыновья боярина Кучки 16
Лаврентьев А. В. 317
Ласкирев Ф. 156
Лебедев К. В., художник 39
Лев Александрович, кн. можайский 309, 312
Лев Данилович, кн. галицкий 247–249, 366, 370, 371
Лев Юрьевич, кн. луцкий 293–295
Лелецкий В. В. 85
Леонид (Кавелин Л. А.), архимандрит 224, 225, 227, 228
Лисюченко И. В. 201
Лихачев Н. П. 241, 242
Лихачева Э. А. 38
Лодыгин А. В. 142, 156
Лопарев Х. М. 364
Лука, епископ ростовский 202
Любавский М. К. 63, 64, 70, 72–76, 78, 82–90, 92–104, 106, 111, 228, 301, 317
Мазуров А. Б. 67, 70, 72–76, 79, 95–100, 108, 111, 317, 319
Макарий (Булгаков), митроп. московский и

коломенский 188
Макаров М. Н. 24
Максим, митроп. киевский и всея Руси 249, 353, 355, 357
Мальгин Т. С. 184, 185
Мамай, темник 78
Мамат Хожа, ордынский посол 315
Маматова Е. П. 84, 85
Мария, кнж., дочь Ивана Калиты 68, 331
Мария (в иночестве Марина), вел. кнг. суздальская 122
Мария Александровна Тверская, вел. кнг., жена Семена Гордого 55, 77, 271
Мария Васильевна, кнг. ярославская 205
Мария Темрюковна Черкасская, жена царя Ивана IV 188
Мария Федоровна Нагая, жена царя Ивана IV 188
Мария Шварновна, жена вел. кн. Всеволода Большое Гнездо 318, 321
Мария Ярославна, вел. кнг. 82, 115, 290
Мария Ярославна, кнж. 186
Мартынов А. 225
Марфа Васильевна Собакина, жена царя Ивана IV 188
Мельникова А. С. 20

Менгу-Тимур, хан 211
Менде А. И., картограф 114
Микула, новгородский посадник 367
Миндовг, кн. литовский 185, 190
Мисаил, инок 124
Митрошенкова Л. В. 86, 108
Михаил, кн. ижеславский 205
Михаил, промысловик 379
Михаил Александрович, боярин 315
Михаил Александрович, кн. тверской 309, 334
Михаил Андреевич, кн. верейский 167, 169–171, 173
Михаил Всеволодович, кн. черниговский, св. 201, 205, 225, 233–236, 238, 242, 243, 247, 300, 360
Михаил Данилович, княжич московский 246
Михаил Львович, посадник новгородский 401
Михаил Михайлович, кн. черниговский 242, 243
Михаил Ростиславич, вел. кн. смоленский 282, 283
Михаил Федорович, царь 113
Михаил Ярославич, вел. кн. 10, 122, 161, 176, 199, 200, 215, 216, 221, 263, 285, 287, 325, 327, 340, 342, 345, 347–349, 353, 355, 365
Михалко Юрьевич, вел. кн. 21, 207
Молева Н. М. 100

Монгайт А. Л. 78
Мономашичи 391
Морозов Б. И., боярин 271
Москотиньев Н. Ф. 89
Мосох, библ. персонаж 22
Мстислав Владимирович, кн. черниговский и тмутараканский 394, 395
Мстислав Данилович, кн. галицкий 366
Мстислав Михайлович, кн. карачевский 228, 233–238, 243, 249, 251, 252, 254, 257
Мстислав Мстиславич Удатный, кн. торопецкий 182, 184, 185, 187, 189, 190, 248
Мстислав Романович, кн. смоленский 190, 191
Мстислав Ростиславич, кн. новгородский 31
Мстислав Святославич, кн. черниговский 196
Мятлев А. И. 156
Муравьева Л. Л. 176, 308, 309
Муромцев Г. Ф. 83
Наримант, кн., сын Гедимина 401
Наумов А. Ф. 72, 103
Наумов В. И. 156
Неврюй, ордынский посол 347
Нестор, летописец 15, 372
Никандров А. Ю. 67, 95–100, 108, 317, 319
Никольская Т. Н. 81, 230, 231
Ногай, правитель 263, 342

Ной, библ. персонаж 22
Овцыны 93
Огарев И. 156
Окатий, боярин 88, 256
Окулов А. В. 87
Олег, кн. переяславский 295
Олег Вещий, кн. 389, 390
Олег Иванович, вел. кн. рязанский 77, 107, 110
Олег Ингваревич, кн. рязанский 211, 212
Олег Святославич, княжич 13
Олекса, ордынский посол 347
Ольга, кнг. 372
Ольга, кнж. рязанская 295
Ольгерд, вел. кн. литовский 235, 279, 306–310
Ольгимунт Гольшанский, кн. 301
Ольговичи 301, 391
Ольма 371, 372
Ольшевская Л. А. 364
Ордынцев И. И. 156
Орлов В. М. 117
Орлов С. М., скульптор 11
Осока И. Г. 82
Паламарчук П. (Звонарев С.) 136
Панин Л. И. 62
Панова Т. Д. 31
Пантелеймон Мстиславич, кн. звенигородский

238, 243, 252, 254, 256
Пашуто В. Т. 203, 205
Перцов В. Н. 64, 73, 102, 104, 109, 142, 180
Петр, митроп. киевский и всея Руси 10, 291, 337, 351–357, 364, 370, 378
Петр I, император 140, 153, 194
Петр Дмитриевич, кн. дмитровский 166–171, 173, 274, 275, 402
Погодин А. Л. 26
Погодин М. П. 81, 107
Позвизд Владимирович, кн. 395
Полевой Н. А. 5,
Поликарп, монах киево-печерский 363
Польский П. Р. 28
Пресняков А. Е. 77, 132, 133, 327
Приселков М. Д. 120, 301
Прокофий, игумен 116, 117, 122
Протасовы 276
Протасьев Лука, боярин 275, 276
Протасьева Т. Н. 346
Прохор, епископ ростовский 353
Прошкин О. Л. 320
Прусаков А. П. 79
Путин В. В. 195
Пушкин А. С. 271
Пушкины 120

Рабинович М. Г. 64, 99
Радим, племенной вождь 29
Разумневич И. 100
Раппопорт П. А. 65, 109
Ратьслав, протодьякон 376
Рогов А. И. 295
Рожков В. Н. 94
Розенфельд Р. Л. 65
Роман Глебович, кн. брянский 283–286, 290, 299, 300
Роман Глебович, кн. рязанский 223
Роман Ингваревич, кн. рязанский 209
Роман Михайлович, кн. брянский 283, 295
Роман Ольгович, кн. рязанский 211, 212
Ростислав Михайлович, кн. черниговский 201, 202, 205, 247
Ростислав Мстиславич, кн. смоленский, вел. кн. 282, 283, 318
Ростислав Юрьевич, кн. переславский 223
Ростислав Ярославич, кн. вышгородский 202
Ростислава Мстиславна, кнг. 182, 184, 187, 188
Рыбаков Б. А. 230, 244
Рюрик, кн. 276, 344, 372, 407
Рюрик Ростиславич, кн. киевский 196, 249, 374
Рюриковичи 163, 230, 247, 342
Рязанов Н. 156

Сабуров Е. 142
Сабуров Ф. И. 72
Сабуровы 348
Савва, адресат берестяной грамоты 386
Савельич, литературный персонаж 271
Салов Ф. И. 28
Сарача 367, 368
Сартак, хан 358
Сахаров А. М. 319
Свербей 367, 368
Свидригайло, кн. литовский 177, 231–233
Святополк Изяславич, вел. кн. 20
Святослав Всеволодович, кн. киевский 196, 197, 223
Святослав Глебович, кн. брянский 261, 283–287, 289–292, 299, 302, 305, 308, 309, 323
Святослав Иванович, кн. смоленский 281, 302, 308, 309
Святослав Мстиславич, кн. карачевский 238, 243, 251, 252, 257, 293
Святослав Ольгович, кн. новгород-северский 13
Святослав Ярославич, кн. тверской 285, 286
Святослав Ярославич, кн. черниговский 21, 47, 391, 392, 395
Святослава, кнг., дочь Льва Даниловича, кн. галицкого 248

Святославичи 197
Селифонтов В. 76
Семен Владимирович, кн. боровский 167, 168, 319
Семен Данилович, кн. московский 246, 344
Семен Жеребец, боярин 348
Семен Иванович Гордый, вел. кн. 55, 59, 68, 69, 77, 79, 80, 83, 111, 143, 144, 166, 167, 174, 181, 188, 247, 249, 258, 261, 266, 268–271, 276, 279, 287, 303, 306, 307, 315, 322, 323, 380
Семен Иванович, кн. калужский 167, 172, 173
Семен, епископ ростовский 347
Семенов-Тян-Шанский П. П. 62, 229
Семенченко Г. В. 134, 138
Сергеевич В. И. 132, 150, 151
Сергий Радонежский, св. 50, 116, 120
Симеон Иерусалимский, св. 199
Симон, епископ владимирский и суздальский 363
Симсон П. Ф. 96, 98
Синелобов А. П. 321
Скирин Д. 141
Скорень, дьякон 346
Смолицкая Г. П. 65, 84
Снегирев И. М. 25, 225, 226
Соболевский А. И. 28

Соловьев С. М. 5, 6, 62, 70, 72, 74–80, 82, 84–86, 88–93, 95, 97, 98, 100, 104, 107, 116, 131, 281, 299, 327, 328, 330, 331, 340
Солодков А., художник 210
Софья Витовтовна, вел. кнг. 113, 114
Софья Юрьевна, кнг., дочь Юрия Московского 336, 405
Спиридон, архиепископ новгородский 201
Сталин И. В. 11
Станислав, кн. киевский 295, 299, 361
Станислав Владимирович, кн. 297, 395, 397
Станиславль В. Г. 156
Станкевич Н. В. 5
Станюкович А. К. 73
Старков Ф. 142
Сташевский Е. Д. 127
Степанов Н. В. 194
Стефан (Степан) Иванович Кучка, боярин 13–15, 21, 22, 35
Стефанович П. С. 191
Строев А. 141
Стрыйковский Матвей 295, 297–299
Судаков Т. М. 156
Сыроечковский В. Е. 150, 151
Таптыков П. И. 72
Татищев В. Н. 15, 24, 48, 192, 229, 236, 237, 315,

395, 396
Темушев В. Н. 67, 68, 70, 72–76, 81, 82, 84–90, 92–98, 100–106, 109, 111, 305, 317–319
Теремицкий Т. Ф. 156
Тит, св. апостол 216
Тит Мстиславич, кн. карачевский 233–238, 243, 251, 252
Тихомиров М. Н. 134, 163–165, 269, 319
Товтивил, кн. литовский 190
Токмаков И. Ф. 116
Толмачев Р. 156
Топоров В. Н. 27
Тотуй, ордынский посол 306
Тохта, хан 215, 216, 263
Тохтамыш, хан 228
Троицкий Н. И. 107
Туда-Менгу, хан 342
Тудор 387
Тюим, воевода 370
Узбек, хан 218, 220–222, 246, 259, 277, 298, 332, 340
Улита, дочь боярина Кучки 15
Ульяна Ивановна, кнг. мстиславская 205
Ульяна Федоровна, вторая жена Ивана Калиты 68, 115, 143, 144, 256, 323, 324, 331, 333, 334, 336, 403
Фасмер М. Р. 26, 27, 301

Федор, брат Гедимина 301
Федор Акинфович, боярин 325, 350
Федор Александрович, кн. тверской 258
Федор Алексеевич, царь 370
Федор Андреевич Свибло, боярин 7
Федор Андреянович, кн. звенигородский 233–236, 238, 243, 260
Федор Борисович, кн. волоцкий 167, 172, 173
Федор Васильевич, кн. рязанский 145
Федор Глебович, посол 306
Федор Давыдович, кн. галичский 403
Федор Данилович, боярин 191
Федор Иванович, царь 227
Федор Романович, вел. кн. рязанский 212
Федор Ростиславич Черный, кн. смоленский и ярославский 205, 206, 263, 266, 282–287, 347
Федор Святославич, кн. вяземский 107, 277, 279, 283, 297, 299, 301–303, 313, 316, 322, 350, 376, 400
Федор Стратилат, св. 193
Федор Ярославич, княжич 184, 187, 191–193, 202, 203
Федосья Дмитриевна, кнг., жена Ивана Красного 303
Феогност, митроп. киевский и всея Руси 301, 338–340, 376, 377
Феодор, боярин черниговский 242

Феодосий (Бывальцев), митроп. московский и всея Руси 352
Феодосия, кнг. (дочь Ивана Калиты) 68, 331
Феодосия Игоревна, кнг., мать Александра Невского 182, 184–187, 189, 191, 203, 205, 223
Феофил, митроп. литовский 301
Феофилатьевы 114
Фетинья, дочь Ивана Калиты 331
Фефилатьев И. 142
Фехнер М. В. 65
Фивейский Г. И. 93, 94
Филофей, константинопольский патриарх 351
Фролов А. Н. 98, 99
Хлопов Т. А. 142
Хорошкевич А. Л. 138
Холмский Д. Д., кн. 89
Хмыров М. Д. 15, 25, 158, 249
Черепнин Л. В. 133, 151, 152, 269, 327
Чернов С. З. 57, 65, 67, 73, 83, 84, 92, 105, 110
Чернышов Г. П. 135
Чичерин Б. Н. 131, 132, 149, 150
Чориков Б. А., художник 48, 341
Шабульдо Ф. М. 298
Шадрин-Вельяминов А. И. 106
Шарапов Андрей 117
Шеляпина Н. С. 31

Шестаков Н. А. 156
Шереметев С. Д., граф 249
Шлецер А. Л. 24
Шполянский С. В. 97
Шубачеев Федор, посол 306
Шуйский А. И., кн. 94
Шулепников А. Л. 156
Щевель Г. 156
Щекатов А. М. 61
Щелкан (Чолхан), татарский посол 218
Щепкина М. В. 346
Щербатов М. М. 327
Экземплярский А. В. 163, 184, 185, 193, 211, 220, 278, 285, 307
Этцелин, оруж. мастер 31
Юрий Андреевич, кн. 21
Юрий Васильевич, кн. дмитровский 114, 167, 171
Юрий Владимирович Долгорукий, вел. кн. 11–18, 20, 22, 30, 41, 52, 223, 228, 229, 375
Юрий Всеволодович, вел. кн. 47, 48, 154, 156–161, 184, 198, 199, 207, 349
Юрий Данилович, вел. кн. 8, 10, 68, 87, 122, 174, 176, 189, 213–216, 221, 222, 224, 226, 228, 246, 248, 251, 254, 261, 262, 287–289, 327, 336, 340, 342, 344, 348, 353, 365, 405

Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский 94, 130, 166, 167, 168, 169, 170, 244, 402
Юрий Иванович, кн. дмитровский 89, 101, 167, 172, 173
Юрий Игоревич, кн. рязанский 187, 189
Юрий Кончакович, половецкий хан 182, 184, 185
Юрий Львович, кн. галицкий 248, 355, 371
Юрий Святославич, кн. смоленский 302, 308
Юшко А. А. 49, 65, 67, 72, 73, 81, 84, 86–88, 90–93, 95–97, 99–101, 105–107, 126, 207, 319
Яворский Ю. А. 364
Яким, тиун 191
Яковлев И. 142
Янин В. Л. 20, 21, 346, 380, 387
Ярополк Ростиславич, вел. кн. 30
Ярослав Владимирович, кн. малоярославецкий 167–169, 319
Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. 373, 374, 379, 388, 390–400
Ярослав Всеволодович, вел. кн. 44, 47, 48, 123, 154, 156–161, 174, 182, 184–189, 191–193, 195, 199, 202, 203, 205, 209, 223, 340, 345, 349, 355–360, 366
Ярослав Романович, кн. пронский, вел. кн. рязанский 212
Ярослав Ярославич, вел. кн. 161, 162, 248, 342,

360, 361
Ярославичи 374

Географический указатель[731]

Аваковское, с. 111, 113
Аврамовское, с. 321
Акатово, д. 88
Александр святой, м-рь у Костромы 115, 117, 118, 121, 349
Александр святой, м-рь у Переславля (Александрова гора) 116, 123, 124
Александр святой, м-рь в Суздале 115, 122–124, 193
Александров, г. 113, 117
Андреевский сорок Белоозера 137
Андреевское, с., затем вол. 57, 90, 93
Андреевское, с. «в Скирманове» 89
Андроньев м-рь в Москве 138
Антониев Сийский м-рь 337
Аристов-Пречистое, погост 106
Аристовьское (Аристово), с. 104, 106, 144
Архангельский собор в московском Кремле 90,

[731] Примечания: 731

Сокращения: вел. — великое; вол. — волость; г. — город; губ. — губерния; д. — деревня; истор. — исторический; м-рь — монастырь; наб. — набережная; нац. — национальный; обл. — область; оз. — озеро; пер. — переулок; площ. — площадь; пуст. — пустошь; р. — река; р-н — район; с. — село; совр. — современный; сц. — сельцо; у. — уезд; ул. — улица; уроч. — урочище.

100, 155, 162, 345, 353
Астафьевское, с. 79, 80, 143
Бадеева слободка, вол. 320
Бадеево-Лопасня, с. 107
Бакава, р. 115
Барановское, с. 72
Барашевка, р. 72
Баренцово море 380, 381
Бачевка, р. 117
Бежецкая пятина Новгорода 398
Бекреневка, р. 111
Бекренево, д. 111
Белогород Киевский, г. (Белгородка, с.) 374
Белжиньское, с. 90, 91
Бели, вол. 100, 101
Бели, с. 89
Белобородов сорок Белоозера 137
Белое море 380, 381, 384
Белое, оз. 105
Белозерское княжество 404
Белоозеро, г. 58, 137, 138, 392, 402–404
Беляницино, д. 111
Бениць 318
Березина, р. 30
Берестов, вол. 266
Берестовская десятня Суздаля 147

Бисерово, с. 73
Битяговьское, с. 98, 99
Бобровка, р. 320
Бобровницы 318
Богородицкий м-рь на Шоше 119
Богородицкое (Богородичское, Богородское), с. 116
Богородский стан 116
Богородский у. 111
Богословский сорок Вологды 137
Богоявленский м-рь в Москве 103
Болонеск, вол. 266
Болотная площ., наб., ул. в Москве 17
Большая Лопасть, р. 106
Большая Орда 337
Большой Киржач, р. 117
Большой Кремлевский дворец 17
Большой Микулин стан 179, 180
Борисовское, с. во Владимире 111, 113
Борисовское, с. в Костроме 402
Борисоглебская половина Ростова 145
Боровицкие ворота московского Кремля 17
Боровицкий (Кремлевский) холм в Москве 7, 16, 17, 19, 36–38
Боровск (Боровеск), г. 313, 316
Боровский р-н Калужской обл. 320

Боровский у. 98, 321
Боршева, с. 72, 73
Боянь, вол. 266
Броднич 107, 313, 316
Брошевая, вол. (Брошевский стан) 69, 72, 73
Брянск (Дебрянск), г. 229, 279, 281–283, 290–292, 295, 296, 299, 300, 307, 308
Брянское княжество 290
Бубол, вол. (Бубольский стан) 320, 321
Варварка (Варьская), ул. в Москве 37, 138
Варварская десятня Суздаля 147
Варварьское (Варварино), с. 114
Василевское, с. в Ростове 406
Васильевский сорок Вологды 137
Васильцов стан 111
Васильцово сто, борть 110, 111
Введенская десятня Суздаля 147
Вейна, р. 87
Великая (Юрьева) слобода 52, 83, 86, 87, 228, 246, 254, 255
Великая ул. в Москве 138
Великий Устюг, г. 138
Венгрия 247
Вепреика, вол. 320
Верейский удел 170, 171
Верея, вол. и г. 48, 260, 268, 309, 313, 316

Верхний посад Звенигорода 255, 256
Вильно, г. 298
Владимир Волынский, г. 294, 377, 391, 392
Владимир на Клязьме, г. 13, 15, 20, 32, 44, 111, 113, 115, 154, 156, 159, 177, 196, 199, 202, 207, 209, 229, 319, 321, 325, 346–348, 351, 358, 359
Владимирка, дорога 32
Владимиро-Суздальская земля (княжество) 12, 223
Владимирская губ. 93, 113, 123
Владимирская обл. 113–116, 117
Владимирский у. 141, 156
Владимирское вел. княж. 30, 32, 163, 222, 305, 325, 328, 329, 332, 333, 340, 347, 379, 407
Власьевский сорок Вологды 137
Водла, р. 384
Водская пятина Новгорода 398, 401
Вожа, р. 78
Вознесенский м-рь в московском Кремле 113
Войницкий мыт 8
Волбушевка, р. 96
Волга, р. 23, 29, 45, 47, 121, 157, 184, 349
Волго-Окское междуречье 45
Волжская Орда 263
Вологда, г. 137, 138
Вологодский край 137

Волок Ламский (Волоколамск), г. 6, 8, 90, 159, 177, 309, 367
Волхов, р. 346
Волхонка, ул. в Москве 37
Вольское, вол. 402
Волынь 294, 301, 338, 366, 376
Воробьевы горы в Москве 38
Воря, вол., стан 100, 101, 127
Воря, р. 83, 100–102
Воскресенск, г. 70, 72
Воскресенский сорок Белоозера 137
Вохна, вол. 100, 102
Вохонка, р. 102
Враниково, д. 111
Вседобрич (Добрячево), с., уроч. 113, 114
Всех святых на Кулишках, церковь в Москве 35
Всходня, р. (приток Речмы) 8
Вышгород, г. под Киевом 48, 374
Вышгород, с. под Вереей 48, 229, 306
Вышнее, вол. 266
Вяземка, р. 38
Вяземская дорога 30
Вяземский стан Московского у. 38
Вяземьское (Успенское), с. 90, 93, 143
Вязь, р. 101
Вязьма, г. 283

Вязьма, р. 23
Галицко-Волынская земля 295
Галич, г. в Костромской обл. 48, 229, 402, 403
Галич, г. на Украине 48
Галичская земля (княжество) 47, 403
Гвоздинское, оз. 73
Гвоздна, вол. 69, 73, 74
Гвоздня, р. 73
Германия 30
Гжатский у. 70, 103
Гжать, р. 70
Гжелка, р. 73, 76, 82
Гжеля (Гжель), вол. 69, 76, 104
Глиньское, вол. 266
Глубокое, оз. 84
Гнилая Северка, р. 98
Голичино, сц. 96
Голичичи, вол. 95, 96
Гордошевичи, вол. 268
Горетов стан Московского у. 38, 76, 106
Горетова, вол. 69, 76–78
Горетовка, р. 38, 76
Горетово, с. под Луховицами 77, 78
Горетово, с. под Можайском 76
Горетовский монастырь 77, 78
Горки (Горская), вол. 69, 78, 79

Горки, с. 79
Городенка, вол. 55, 69
Городенка, р. 70
Городец на Волге, г. 184, 229
Городище, с. 107, 108, 123
Городище в Новгороде 346
Городня, с. 70
Городок в Звенигороде 225, 228
Городская часть Коломны 179
Городской стан Звенигородского у. 84, 245
Городской стан Рузского у. 85
Горы, с. 78
Горышкино, д. 94
Готский берег (Готланд, о.) 190
Гремичи, вол. 268
Грибачево, пуст. 111
Гриди Федотова Лукина слобода 320
Гриди Ярцова слобода 320
Гряда, р. 89
Гуслица, вол. 100, 103
Гуслица, р. 110
Густынский Троицкий м-рь 355, 356
Густыня, о. 355
Данилищова слободка 100, 102
Данилищово оз. 102
Данилов м-рь в Москве 102, 338

Данилова слобода в Москве (Даниловское) 102, 138
Двина (Северная Двина), р. 379
Девичье поле в Москве 120
Деготьское, с. 321
Деденево, д. 111
Деигуниньское (Дегунино), с. 104, 105, 144
Деиково раменье (Замосковное Раменейце), вол. 100, 103, 104
Деревни, вол. (Деревенский стан) 69, 74
Деревская пятина Новгорода 398
Джучи, улус 263
Дмитреевский сорок Вологды 137
Дмитриева слобода 52
Дмитров, г. 20, 41, 159, 346
Дмитровский у. 73, 103
Днепр, р. 372, 374
Доброчков, с. 318
Добрятино, с. 318
Добрятинская борть 126
Долгое, оз. 106
Домонтовьское, с. (Домантовская вол.) 90, 93, 143
Дон, р. 47
Дорна, р. 73
Дорогобуж, г. 229, 283

Дорогомилово, с. 138
Дракино, с. 317
Дубок, г. 107, 313, 316
Дубровка, р. 85
Дынка Мосолова слобода 320
Европа 294, 379
Европейская часть России 62
Егорьевск, г. 110
Егорьевский сорок Белоозера 137
Ельнинский у. 87
Емца, р. 384
Жадемль 313, 316
Жадене городище 107, 313, 316
Жуков и Логинов сорок Белоозера 137
Жуковский, г. 104
Забелина ул. в Москве 37
Заберега, вол. 268
Заболотский сорок Белоозера (Заболотская ул.) 137
Заволжская часть Костромского у. 157, 158, 349
Заволочье 384, 401
Загородский конец Новгорода 398
Загарье, вол. 103
Загорье, вол. 266
Замоскворецкий сорок Москвы 135
Замосковная половина Московского у. 141, 143,

159, 161
Замош, посад 87
Замошье, с. 87
Замошье, с. («у Василия Святого») 94
Замошьская слобода (Замошье, вол.) 52, 83, 87, 90, 94, 254
Занеглименье (Заречье), р-н в Москве 138, 139, 338
Западная Европа 407
Запрудная часть Коломны 179
Зарайск, г. 77, 99
Зарайский у. 103
Зарецкая половина Московского у. 141, 143, 159, 161
Захаринское, с. 103
Захарьин берег 380, 386
Захарьин сорок Белоозера 137
Зачатейское-Лопасня, с. 107
Заячков, вол. 322
Звенигород, вол. и г. 48, 58, 83, 92, 93, 125, 224–231, 244–246, 251, 252, 254, 255, 257, 259, 260, 268, 286, 293, 407
Звенигород, с. подо Львовом (Звенигород Галицкий) 48, 227
Звенигород Киевский, г. 227
Звенигородский удел (княжество) 225, 252–254,

256, 259, 260
Звенигородский у. 51, 57, 73, 84, 91, 93, 245, 260
Звенигородское городище 227, 230
Золотые ворота в Киеве 373
Зосимовский сорок Вологды 137
Иван, погост 74
Иван Великий, колокольня 37
Ивани, вол. 69, 73, 74
Ивановская горка, холм в Москве 37
Ивановский сорок Вологды 137
Ивановский сорок Москвы 135
Ивановский и Новиночный сорок Белоозера 137
Ивановское Васильевича в Гремичах, с. 268
Ижора, р. 23
Икша, р. 27
Ильинский конец Смоленска 145
Ильинское-Скульнево, с. 75
Ильмень, оз. 401
Иневка, р. 86
Иоанна Лествичника, церковь в Москве 339, 353
Иосифо-Волоколамский м-рь 85, 86, 88, 89, 93
Ипатьевский м-рь 121, 239, 349
Иран 298
Ирины св., церковь в Киеве 371, 373

Ирпень, р. 295, 374
Исады, с. 204
Исачково (Исаково), пуст., д. 111
Исмея, вол. 266
Истра, г. 104
Истра, р. 92, 93, 100, 101
Калужская губ. 74, 84, 85, 87, 89, 93, 99
Калужская обл. 320
Калужский у. 93
Каменичьское (Каменское), с. 90, 100
Каменка, р. 95
Каменка, с. 90
Камер-Коллежский вал 142
Кандалакшский берег 380
Канев, г. 374
Канев, вол. (Каневский стан) 69, 75, 76
Каневское, с. 75
Каниковка-Березниковка, р. 75
Карачев, г. 252, 257, 293
Карачевское княжество 228
Карельская (Корельская) земля 285, 401
Карпово, с. 70
Кашинский у. 73, 82
Кашира, г. 317
Каширка, р. 75, 110
Кена, р. 384

Киев, г. 13, 15, 44, 47, 52, 227, 229, 295–300, 302, 338, 340, 351, 355–361, 364, 367, 371–379, 389, 391, 392, 398, 400, 407
Киево-Печерский м-рь 363
Киевская земля (княжество) 45, 47, 226, 297, 300, 360, 374, 375
Киржач, г. 114, 116
Кирилловский сорок Вологды 137
Кистьма, вол. 336, 405
Китай-город в Москве, станция метро 19, 35, 37
Китайский сорок Москвы 135
Клещин, г. 350
Клязьма, р. 7, 8, 23, 26, 27, 32, 79, 102, 106, 113, 143, 185, 229
Кляповское, с., вол. 57
Козельск, г. 252, 257, 260
Козихинские пер. в Москве 17
Козлов Брод, вол. 320
Козленский (Покровский) сорок Вологды 137
Козье болото 17
Колбасинка, р. 99
Колбасинское, с. (Колбасино, уроч.) 98, 99
Колокша, р. 114
Коломенка, р. 179
Коломенка (Грайвороновка), р. 110
Коломенский удел 144, 181

Коломенский у. 70, 72–75, 177
Коломна, г. 9, 55, 69, 70, 75, 80, 82, 174, 175, 177–179, 205, 207, 209, 210, 212, 213, 218, 222, 223, 260, 268, 286, 313, 316, 317, 407
Коломниньское (Коломенское), с. 98, 100, 143
Колоча, вол. 266
Колтеск, г. (Колтово, с.) 317
Кольчугино, г. 113
Кольчугинский р-н 113, 114
Комлево, с. 85
Конев Бор, д. 75
Кононовское, с. 104
Константиновское, с. под Кашиным 82
Константинополь, г. 353, 355
Копорье, г. 401
Копотеньское (Капотня), с. 79, 81, 82, 143
Коржань, вол. 268
Корзенева, вол., стан 127
Косино («село у озера») 104, 105, 144
Космы и Дамиана погост 73
Кострома, г. 115, 117, 118, 121, 122, 157, 328, 348, 350, 402
Кострома, р. 23, 349
Костромская обл. 48
Костромское княжество 348, 349
Костромской у. 141, 156, 157, 349

Костянтиновское (Константиново), с. 79, 82, 143
Кошелев стан 106
Кременское, с. 84
Кремична, вол. 83–85, 254
Кремична, погост 84
Кремична, р. (приток Москвы-реки) 84
Кремична, р. (приток Нары) 84, 97
Кремлевский дворец съездов 18
Кремль в Москве 7, 17–19, 22, 24, 31, 113, 126, 135, 136, 148, 149, 155, 162, 224, 309, 353
Круглое, оз. 106
Крылошевский конец Смоленска 145
Крым 150
Кудрино, с. 130
Куликово поле 276
Кулишки, с. 35
Кулой, р. 384
Кунья, вол. 102
Кучково поле 21, 35,
Кушва, р. 24
Ладога, г. (Старая Ладога) 401
Лама, р. 27, 86
Левичин, вол. (Левичинский стан) 69, 75
Левычино, д. 75
Ленинград (ныне Санкт-Петербург), г. 364
Леонтиевское (Леонтьево), с. 116, 117, 122, 124

Леонтьевский сорок Вологды 137
Лефортовский (Введенские горы) холм в Москве 38
Липицкое поле, место битвы 47, 48, 184
Литва (Великое княжество Литовское) 161, 177, 190, 226, 227, 231, 277, 293, 296–298, 300–303, 308, 309, 312, 370, 396
Литвиново, с. 104
Лихоборка, р. 105
Лобня, р. 27
Лобынск, г. 317
Лобь, р. 27
Ловать, р. 401
Ловышна, вол. (Ловышинский стан) 320, 321
Лопаково, пуст., д. 111
Лопасня, р. 95, 98, 107, 108, 109, 316, 318
Лопастеньский удел 314
Лопастеньское (Лопасна), с. 95, 104, 106, 107, 110, 125, 144, 313, 315–317, 323
Лопастна, вол. 95, 106–110, 313, 316, 317
Лосино-Петровский, г. 106
Лосиный остров, нац. парк 32
Лубянская площ. в Москве 21
Лужа, г. 313, 316, 319, 320, 321, 323
Лужа, р. 84, 320, 321
Лужецкий стан 321

Луховицы, г. 77
Луцинское, с. на Яузе 7
Луциньское (Лучинское), с., затем вол. 55, 56, 104, 143, 331
Лучинское, с. под Подольском 104
Лысцевское, с. 80
Лысьва, р. 24
Львов, г. 48
Людин конец Новгорода 398
Маглуша, р. 100
Макаровка, д. 107, 317
Маковець, вол. (Маковский стан) 69, 74, 75, 320
Маково, с. 74
Максимовка, д. 92
Максимовское, с. 90, 92
Малаховьское (Малахово), с. 79, 82, 143
Малая Истра, р. 100
Малая Северка, р. 75
Малино («село коломенское») 110, 144
Малоярославец (Ярославль), г. 319, 320
Малоярославецкий у. 85
Мамошино, с. 89
Матвеищовьское (Матвейщево), с. 114
Мачва, истор. обл. в Сербии 205
Машев, вол. 100, 103
Машево, оз. 103

Медведка, р. 110
Медынский у. 84
Мезенка (Мезыня), р. 70, 72
Мезенская губа 384, 385
Мезень, р. 385, 386
Мезыня (Мезынская), вол. 55, 69, 70
Микульское, сц. 79, 82, 143
Микульское, с. в Костроме 402
Микульское-Архангельское, с. 83
Милолюбский ез 402
Минск, г. 302
Мироносицкий сорок Вологды 137
Миседское, с. 321
Мисида, р. 321
Митрополиче, с. 76
Михаиловское, с. 104, 144
Михаиловское на Яузе, с. 104, 110, 144
Михайловское, усадьба на Наре 104
Михайловский у. 78
Михалкова слобода (Михалково, с.) 320, 321
Можайск, г. 9, 10, 30, 55, 69, 76, 83, 88, 91, 125, 224, 226, 246, 261–263, 266, 268, 282, 284, 286, 287, 289, 290, 305, 306, 312, 323, 334, 376, 407
Можайское княжество (удел) 261, 262, 267, 284, 305
Мозгава (Москава), р. 30

Моишин холм, вол. 268
Молодильня, р. 100
Моравия 29
Мордвес, р. 97
Мосальский у. 87, 99
Москва, г. 5–12, 16–19, 21–27, 29–33, 35, 36, 48, 57, 64, 76, 81, 82, 94, 99, 100, 105–107, 120, 124, 126, 127, 129–145, 147–150, 152, 153, 156, 158–161, 163, 165, 166, 168–176, 178, 207, 209, 210, 213, 215, 216, 218, 221, 222, 224–226, 228, 231, 245, 255, 257, 258, 261, 263, 276, 277, 286, 287, 289, 290, 306–309, 313, 315–317, 327, 338, 339, 345, 346, 348, 349, 351–353, 358, 367, 368, 371, 374, 377, 379, 405, 406
Москва-река 6, 7, 15–17, 22–27, 29, 30, 34, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 82–85, 91, 110, 111, 138, 141, 174, 180, 207, 223, 224, 256, 261, 317
Москворецко-Окское междуречье 223
Московец, руч. 30
Московица, р. 30
Московка, балка 30
Московская губ. 82
Московская земля 358
Московская обл. 117, 216
Московский у. 73, 76, 98, 101–104, 111, 127, 141–144, 149, 156, 159, 179
Московское государство 150

Московское княжество 8, 10, 11, 58–60, 71, 112, 124–128, 133, 150, 153, 165, 166, 174, 175, 177, 209, 224, 226, 228, 245, 249, 251, 261–263, 266, 268, 287, 312, 315, 317, 318, 327, 329, 384
Моча, р. 96, 97, 99, 318
Мстиславль, г. 205, 308
Мурманский берег 380
Муром, г. 392
Мушков погост 101, 120
Мушкова гора, вол. 100, 101, 126
Мытищи, г. 7, 8
Мьстиславль, у. 107, 313, 316
Мячково, с. под Коломной 81
Напрудная, р. 83
Напрудная слобода 99
Напрудское, с. 79, 83, 143
Нара, р. 27, 81, 86–88, 90, 95–97, 99, 104, 316, 318
Наро-Фоминск, г. 97, 99
Нарьское (Нара), с. 98, 99
Нарунижъское, вол. 95, 99
Неглинка (Неглинная), р. 7, 16, 17, 23, 83, 138
Негуча, вол. 83, 90, 254
Негуча, р. 90, 92
Некиматово, с. 76
Неполодь, р. 227, 230
Неревский конец Новгорода 398, 401

Нерехта, г. 157, 158, 349
Нерль Клязьминская, р. 113
Нероново, д. 111
Нерская (Мерьская), р. 72, 103, 207, 223
Нивенка, р. 96
Нивна, вол. 95, 96
Нижний Новгород, г. 328
Нижний посад Звенигорода 255
Никитский сорок Москвы 135, 139
Никитское, с. 70
Никола-Боршевка, погост 72
Николо-Угрешский м-рь 82
Николы Мокрого, церковь в Москве 138
Николы св., церковь в Киеве 371, 372
Николы св., церковь на Звенигородском городище 227
Никольский сорок Вологды 137
Никольское (Степоньково-Никольское), с. 83
Новгород, г. 21, 31, 44, 50, 138, 141, 145, 163, 182, 188, 189, 191, 192, 201, 215, 275, 277, 279, 281, 294, 302, 305, 338, 340, 345, 346, 365, 376, 377, 379, 383, 384, 387–390, 392, 394, 398, 400, 401, 407
Новгородская епархия 376
Новгородская земля 47, 388, 389, 398, 400
Новое Беляницино, д. 111
Новое Якимовское, д. 111

Новое, сц. 115, 116
Новый городок 109, 110, 313, 316
Ногатиньское (Нагатино), с. 98, 100, 143
Норвегия 380
Обонежская пятина Новгорода 398
Озвад (ныне Взвад), д. 401
Озерецкая дорога 10
Озерецкое, с. 105
Озерна, р. 87, 89, 90
Ока, р. 8, 27, 29, 45, 65, 69, 77, 78, 95, 107–110, 174, 223, 227, 313, 315–317
Окатьева слободка 52, 83, 88, 254, 256
Окологородный стан Серпуховского у. 95
Окольный город в Киеве 372
Октябрьская железная дорога 27
Окуловское, с. 104
Олексиньское (Алексино), с. 113
Ольмин двор в Киеве 371
Онега, р. 23, 384
Онежское оз. 384
Онтоновские села 405
Орда 8, 133, 150, 151, 174, 176, 211, 215, 216, 218, 220–222, 225, 233, 238, 258, 259, 275, 281, 291, 298, 302, 305, 306, 307, 315, 316, 327, 329, 333, 340–342, 347, 348, 355, 357, 361, 396
Орехов (Орешек, ныне Шлиссельбург), г. 401

Орининьское (ныне Молоково), с. 79, 81, 82, 143
Ортемова слободка 320
Оружейная палата в Москве 17
Осеневское, с. 321
Осетр, р. 97, 317
Остафьево, с. в волости Канев 76
Остафьево, с. под Подольском 79
Осташково, с. 79
Остоженка, ул. в Москве 94
Островьское (Остров), с. 79, 81, 82, 143
Острый конец в Москве 138
Отра, р. 70, 75
Отъезжая вол., позднее стан 102
Отяково (Николо-Лужицкое), городище 320
Оугожь, вол. (Угожский стан) 83, 87, 254
Оусть-Мерьска, вол. (Усть-Мерска, Усть-Мерский стан) 69, 72
Павловский посад (Вохна), г. 102
Павловское, с. близ Суздаля 115, 332
Павловское на Масе (Павловский выселок, Павловка), с., д., уроч. 113–115, 122, 124
Параскевы Пятницы в с. Городище церковь 108
Пахра, р. 23, 82, 318
Пашков дом в Москве 35, 37
Педня, р. 88
Пеза, р. 386

Пекша, р. 113
Пергия, г. 193
Перевитск, г. (Перевитское городище) 78, 79
Перевитский стан 77
Перемышль Калужский, г. 97, 229
Перемышль, вол. 95, 97, 125, 245, 318
Перемышльский у. 74
Перемышльское, с. и г. (Перемышль Московский) 98, 99, 106, 125, 245, 309
Переславль-Залесский, г. 8–10, 32, 44, 48, 117, 123, 124, 177, 182, 184, 191, 203, 229, 325, 327, 328, 349, 350, 367–370, 377
Переславль-Рязанский (совр. Рязань), г. 48, 150, 174, 175, 176, 213
Переславский у. 123, 124
Переславское княжество (земля) 262, 287, 327, 350
Переяславль Русский, г. 44, 48, 158, 159, 391, 392
Пермь, вол. 387
Песочна, вол. (Песоченский стан) 55, 69, 70
Песочна (Песоченка), р. 23, 70
Петра апостола вериг, церковь в Москве 339, 353
Петра и Павла церковь в с. Петровском (Большепетровском) 113
Петровский сорок Белоозера 137

Петровское (Большепетровское), с. 113
Петровско-Разумовское (Семчино), с. 94
Пехорка, р. 38, 83, 104
Пехорский стан Московского у. 38
Печора, р. 380, 386
Печорская губа 380
Печорская сторона (Печора, Печорский край) 379, 381, 384, 387, 401
Печорское море 380
Пинега, р. 23, 384
Плещеево (Клещино), оз. 26, 123, 229
Плотницкий конец Новгорода 398
Пневичи, вол. 266
Поволжье 392
Подмосковье 21, 25, 27, 28, 33, 48, 49, 57, 64, 79, 83, 100
Подольск, г. 79, 95–97, 104
Поеловьское (Поелово), с. 114
Поколяйка, р. 113
Покровский у. 93
Половецкая земля 47
Полоцк, г. 190
Полоцкая земля 47, 190, 374
Полтавская губ. 355
Польша 30, 366
Поочье 318

Поротва, вол. 266
Похряне, вол. (Похрянский уезд, Похрянский стан) 61, 69, 70, 79, 81, 124, 177, 178, 209, 223
Похрянка, р. 70
Похрянский погост 70
Пресня, р. 23, 38
Пречистенка, ул. в Москве 94
Пречистенский сорок Москвы 135, 139
Пречистое-Скирманово, с. 89
Прилуцкий у. 355
Прокофьево («сельцо на Кержачи») 116, 117, 122, 124
Пронск, г. 212
Протасьевское (Протасово), с. 104, 106, 144
Протва, р. 25, 86, 306, 313, 316–319
Пруженка, р. 82, 83
Пружки, погост 83
Псков, г. 189, 308
Псковская горка, холм в Москве 37
Псковская земля 47
Путьтино 318
Пятницкий конец Смоленска 145
Радонежьское, с., затем г. Радонеж 55, 56, 104–106, 125, 143, 245
Радонежьское, вол. 100, 101, 245
Рамейки, с. 103

Раменки, с. 103
Раменье, вол. 100, 103, 104, 336
Растовец, вол. 95, 97, 318
Растовицкая вол. 97
Растовка, р. 88
Ратский Спасо-Преображенский м-рь 355
Рейн, р. 31
Репиньское, с. 268
Речма, р. 8, 95
Ржева, г. 177
Рига, г. 190
Рим, г. 36, 294
Рогожь, с., затем вол. (позднее г. Богородск, ныне Ногинск) 57, 104, 106, 143
Рожая, р. 82, 98, 99
Рождества Богородицы на Кулишках, церковь в Москве 35
Рождества Иоанна Предтечи, церковь в Москве 17
Рождествено, с. 104
Розвадня, р. 89
Романовское, с. 97
Ростиславль, г. 229, 317
Ростов Великий, г. 32, 116, 145, 154, 251, 290, 392, 406
Ростовский у. 116

Ростовка, д. 97
Ростово-Суздальское княжество (земля) 13, 47, 228, 405
Ростовская епархия 290
Ростовское княжество 145
Ростовское (Неро), оз. 26
Ростовцево, д. 88
Ростовци, вол. (Ростовецкий стан) 83, 88, 254
Рудь, вол. 268
Руза, вол. 83, 85, 254
Руза, г. 85, 88, 91, 92
Руза, р. 26, 85, 86, 88, 94
Рузино, д. 91
Рузский у. 85, 87, 88, 90,
Рузьское (Старая Руза), с. 90, 91
Румянцево, сц. 98
Руса (ныне Старая Русса), г. 401
Русская митрополия 351
Русский Север 380, 385
Русь, Россия 5, 7, 10, 17, 33, 38, 47, 54, 61–63, 74, 78, 140, 144, 150, 152, 177, 188, 191, 193–199, 201, 205, 207, 218, 226, 229, 231, 233, 235, 238, 241, 249, 251, 263, 271, 282, 290, 297, 300, 351, 352, 358–360, 363, 370, 371, 374–376, 380, 388, 390, 396, 398, 399, 402, 407
Рюховьское (Рюховское), с. 90
Рязанская губ. 78, 103

Рязанская земля (княжество) 47, 78, 145, 176, 203, 205, 213, 223, 315, 317
Рязань, г. (Старая Рязань) 31, 44, 77, 107, 134, 174, 176, 189, 205, 207, 210–212, 216, 218, 221, 222, 313, 315–317
Сабурово, с. 72
Саввинская слобода, с. 92
Саввинский м-рь в Москве 120
Савво-Сторожевский м-рь 86, 90, 92, 94
Садки-Лопасня, с. 107
Саудовская Аравия 44
Свейский город 285
Свина, р. 21
Свиринка, д. 81
Свирино, д. 81
Святое, оз. 105
Северка, р. 70, 75, 80, 81, 95
Северная Двина, р. 384
Северная Русь 6
Северо-Восточная Русь 10, 11, 20, 26, 30, 41, 45, 48–50, 52, 117, 141, 154, 156, 176, 187, 189, 196, 224, 229, 284, 287, 296, 300, 325, 328, 342, 348, 355, 359, 360, 375, 377, 380, 400, 401
Северова, д. 95
Северское (село на Северсце, Свирилеск), с. 61, 79–81, 209, 223, 317

Северьска, вол. 81, 95
Селецкая вол. 103
Селище, с. 121
Селна, вол. 100, 103, 111
Семеновское, с. (близ Рузы) 85
Семеновское, с. (в Раменье) 104
Семиславка, р. 110
Семьцинское (Семьчинское), с. 90, 94, 138, 143
Сергиев Посад, г. 117
Сергиево-Посадский р-н 117
Середокоротна, вол. 69, 111, 180, 252
Серпейка, р. 95
Серпохов, вол. 95, 125, 245
Серпоховьское, с., затем г. Серпухов 8, 81, 95, 96, 98, 106, 125, 130, 245
Серпуховской удел 144, 313, 323
Серпуховский у. 95
Сетунка, вол. 320
Сибирь 15,
Сивцев Вражек, пер. в Москве 17
Симонов м-рь в Москве 101, 104
Синие воды, место битвы 297
Скирманово, д. 88
Скирмановская слобода (Скирминовьское, Скирмановский стан) 52, 83, 88, 89, 92, 254
Скомантова, слобода 320

Скулнев, вол. (Скульневский стан) 69, 75
Славенский конец Новгорода 398
Смедва, р. 25
Смоленск, г. 145, 190, 266, 279, 284, 286, 287, 302, 303, 306, 307, 309, 312, 391–393, 395–397
Смоленская губ. 70, 87, 103
Смоленская епископия 318
Смоленская земля (княжество) 10, 13, 47, 189, 262, 263, 282, 303
Советская (ныне Тверская) площ. в Москве 11–12
Сож, р. 29
Сорокодня, погост 111
Сосновець, вол. (Сосновское, с.) 320, 321
Сосьва, р. 24
Софийский собор в Киеве 373
Софийский собор в Новгороде 201, 346
Софроновская слободка 100, 102
Спас на Всходне, м-рь 8, 120
Спаса на Бору, м-рь в Москве 330, 338, 353
Спасов сорок Вологды 137
Спас-Темна, с. 96
Спашь, г. 230
Спиркова, вол. 320
Сретенка (Стретеньская) ул. в Москве 138
Сретенская половина Ростова 145

Сретенские ворота, площ. в Москве 21
Сретенский сорок Москвы 135
Сретенский холм в Москве 38
Старо-Ваганьковский холм в Москве 37
Старогородская десятня Суздаля 147
Стародуб, г. 229
Старое Ваганьково, с. 35
Старокиевская гора 372
Степана Осипова слобода 320
Степановское, с. 72
Стефановский сорок Вологды 137
Страстной м-рь в Москве 37
Стромынский м-рь 114
Стромынский тракт 114
Суздаль, г. 113–115, 122, 123, 145, 147, 193, 199, 229, 392
Суздальская земля 45, 47
Суздальский р-н 113, 115
Суздальский у. 93, 113
Сула, р. 47
Сурожик, вол. (Сурожский стан) 55, 100, 101, 331
Суходол, вол. (Суходольский стан) 83, 86, 90, 254
Суходол, д. 86
Сушка, р. 320
Сушов, вол. 268
Сходня (Всходня), р. 7, 8, 76, 120, 367

Сяма, вол. 402
Таганский (Швивая горка) холм в Москве 37, 38
Талеженка, р. 98
Талежъское (Талеж), с. 98
Талица, р. 101
Таруса, р. 87
Тарутино, с. 95
Тверская губ. 82
Тверская ул. в Москве 11
Тверское княжество 218, 221
Тверской у. 101
Тверской холм в Москве 37, 38
Тверь, г. 10, 16, 145, 163, 216, 218, 219, 221, 222, 277, 285, 303, 304, 308, 309, 312, 325, 332, 333, 345, 348–350, 367, 405, 406
Тевтонский орден 293, 298
Теменка, р. 96
Темна, вол. (Теменский стан) 95, 96
Терехова, вол. 320
Терский берег 380
Тимофеевское, с. 7
Торгоша, р. 101
Торжок, г. 15, 184, 377
Торопец, г. 189, 190
Торусинское, с. 76
Тошна, вол. 397, 402

Три горы, холм в Москве 38, 130
Трифона в Напрудном, церковь в Москве 99
Троице-Сергиев монастырь (позднее лавра) 76, 83, 85, 89, 93, 97, 98, 101, 117
Тростенское, оз. 86, 89, 92
Тростна, вол. (Тростенский стан) 83, 89, 254
Трубеж, р. 48
Труфоновское, с. в Калужской губ. 99
Труфоновьское (Труфаново), с., затем пуст. 98, 100
Турьи горы, вол. 320
Тухачев, вол. 95, 98, 318
Тушино, р-н 7
Тушков, вол. 266
Тыловское, с. 104, 106, 144
Углич (Оуглече поле), г. 229, 402, 403, 405
Угличское княжество 405
Угорское, уроч. в Киеве 371–373
Угра (Оугра), р. 307
Удоя, р. 355
Украина 30, 48, 158
Уловка, р. 113, 115
Улово (Улол), с. 111, 113
Успенский собор в московском Кремле 19, 106, 339, 353
Успенский собор во Владимире 202

Успенское (Нижнее), с. 95
Устьмерский погост 72
Устюжна, вол. 397
Уча, р. 101
Федоровский собор в Костроме 349
Федоровский сорок Вологды 137
Фоминское, с. 85
Фоминьское, вол. 83, 85, 254
Фомкина, д. 85
Халдеевское, с. 95
Харитоновское, д. 111
Хатунь, с. 109, 316, 319
Ходца, р. 102
Холмская вол. 110
Холмы, с. 110, 144
Холопий м-рь в Мологе 22
Хотунская вол. 109
Хотьков монастырь 120
Христа Спасителя, храм 17
Христорождественский погост 102
Центральная Европа 29
Цильма, р. 386
Цна, р. 77, 107, 313
Черкасская обл. 374
Чернигов, г. 21, 201, 202, 211, 300, 376, 391, 392, 394, 395

Черниговское княжество (земля) 13, 47, 223, 227, 230, 231, 251, 300
Черноголовль, вол. 100, 102
Черноголовль, р. 102
Черное, оз. 105
Чертолье, р-н 17
Чертольский холм в Москве 37
Черторый, руч. 17
Чехия 29
Чехов (Лопасня), г. 107
Числов, вол. 266
Чудов м-рь в Москве 76
Шаготь, вол. 402
Шараповское (Шарапово), с. 116, 117, 122, 124
Шелонская пятина Новгорода 398, 401
Шеренский лес 32
Шерна, вол., стан 127
Шерна, р. 32,
Шоша, р. 27, 119
Шувоя, р. 33
Щитов, вол. (Щитовский стан) 95, 96, 97
Щитово, сц. 97
Югра, вол. 384, 387
Южная Русь 6, 45, 47, 48, 182, 196, 229, 296, 371, 375, 377
Юрьевец, г. 229

Юрьево, с. 86
Юрьев-Польский, г. 20, 113–115, 159, 177, 184, 229, 328
Юрьев-Польский р-н 113, 114
Юрьевское, с. 321
Язвенка, р. 104
Якимова слободка 320
Якимовское (Якимово), д. 111
Яковлевское, с. 85
Ямуга, р. 27
Ярославль, г. 20, 205, 206, 229, 283, 286
Ярославов город в Киеве 373
Ярцова слободка 320
Ясиновьское (Ясенево), с. 98, 100, 143
Яуза, р. 7, 16, 22, 23, 104, 105, 110, 138, 144
Яхрома, р. 41

ПРИЛОЖЕНИЕ
Русские историки об эпохе Ивана Калиты

Н. М. КАРАМЗИН
Из «Истории государства Российского»[732]

Северная Россия отдыхает. Москва — глава России. Предсказание Митрополита. Милость Хана к Иоанну. Великодушие Псковитян. Особенный Епископ во Пскове. Происшествия Новогородские. Закамское серебро. Политика Новогорода. Хан прощает Александра. Иоанн повелевает Князьями. Несчастие Александра. Мир с Норвегиею. Неприязнь Шведов. Разбои Литовские. Ссора Иоаннова с Новогородом. Поход к Смоленску. Кончина и достоинства Иоанновы. Прозвание Калиты. Кремник. Торг на Мологе. Мурза Чет. Завещание Великого Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Северная Россия отдыхает. Летописцы говорят, что с восшествием Иоанна на престол Великого Княжения мир и тишина воцарились в северной России; что Моголы престали на-

---

[732] Примечания: 732

Источник: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд., испр. Т. IV. СПб., 1819.

конец опустошать ее страны и кровию бедных жителей орошать пепелища; что Христиане на сорок лет опочили от истомы и насилий долговременных[281] — то есть Узбек и преемники его, довольствуясь обыкновенною данию, уже не посылали Воевод своих грабить Великое Княжение, занятые делами Востока и внутренними беспокойствами Орды или устрашаемые примером Твери, где Шевкал был жертвою ожесточенного народа. Отечество наше сетовало в уничижении; головы Князей все еще падали в Орде по единому мановению Ханов: но земледельцы могли спокойно трудиться на полях, купцы — ездить из города в город с товарами, Бояре — наслаждаться избытком; кони Татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность, старцы не умирали на снегу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народов благоденствующих: угнетенные желают только облегчения и славят Бога за оное.

Рис. 120. Неизвестный художник. Иоанн Данилович Калита. Первая половина XIX в. Государственный исторический музей

Москва — глава России. Сия действительно благословенная по тогдашним обстоятельствам перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанновых сделалась истинною главою России. Мы видели, что и прежние Великие Князья любили свои Удельные, или наследственные, города более Владимира, совершая в нем только обряд восшествия на главный престол Российский: Димитрий Александрович жил в Переславле Залесском, Михаил Ярославич в Твери; следуя той же естественной привязанности к родине, Иоанн Даниилович не хотел выехать из Москвы, где находилась уже и кафедра Митрополии[282]: ибо Святой Петр, имев несколько раз случай быть в сем городе, полюбил его красивое местоположение и доброго Князя, оставил знаменитую столицу Андрея Боголюбского, правимую тогда уже одними Наместниками Княжескими, и переселился к Иоанну.

Предсказание Митрополита. «Если ты, — говорил он Князю в духе пророчества, как пишет Митрополит Киприан в житии Св. Петра, — если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных Князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде; святители

захотят обитать в оном, и руки его взыдут на плеща врагов наших»[283]. Иоанн исполнил желание старца и в 1326 году, 4 августа, заложил в Москве на площади первую церковь каменную во имя Успения Богоматери, при великом стечении народа. Святой Митрополит, собственными руками построив себе каменный гроб в ее стене, зимою преставился; над прахом его в следующем году освятил сию церковь Епископ Ростовский, и новый Митрополит, именем Феогност, родом Грек, основал свою кафедру также в Москве, к неудовольствию других Князей: ибо они предвидели, что наследники Иоанновы, имея у себя Главу Духовенства, захотят исключительно присвоить себе достоинство Великокняжеское. Так и случилось, ко счастию России. В то время, когда она достигла вышней степени бедствия, видя лучшие свои области, отторженные Литвою, все другие истерзанные Моголами, — в то самое время началось ее государственное возрождение, и в городке, дотоле маловажном, созрела мысль благодетельного Единодержавия, открылась мужественная воля прервать цепи Ханские, изготовились средства независимости и величия государственного. Новогород знаменит бывшею в нем колыбелию Монархии, Киев купелию Хри-

стианства для Россиян; но в Москве спаслися отечество и Вера. — Сие время великих подвигов и славных усилий еще далеко. Обратимся к происшествиям.

Милость Хана к Иоанну. Первым делом Великого Князя было ехать в Орду вместе с меньшим братом Александра Тверского, Константином Михайловичем, и с чиновниками Новогородскими[284]. Узбек признал Константина Тверским Князем; изъявил милость Иоанну: но отпуская их, требовал, чтобы они представили ему Александра. Вследствие того Послы Великого Князя и Новогородские, Архиепископ Моисей и Тысячский Аврам, прибыв во Псков, именем отечества убеждали Александра явиться на суд к Хану и тем укротить его гнев, страшный для всех Россиян. «И так вместо защиты, — ответствовал Князь Тверской, — я нахожу в вас гонителей! Христиане помогают неверным, служат им и предают своих братьев! Жизнь суетная и горестная не прельщает меня: я готов жертвовать собою для общего спокойствия»[285].

Великодушие Псковитян. Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастным состоянием, сказали ему единодушно: «Останься с нами: клянемся, что тебя не выдадим; по крайней мере

умрем с тобою». Они велели Послам удалиться и вооружились. Так народ действует иногда по внушению чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плененный славою великодушия. Чем реже бывают сии случаи, тем они достопамятнее в летописях. Разделяя с Новым городом выгоды Немецкой торговли, Псковитяне славились в сие время и богатством и воинственным духом. Под защитою высоких стен они готовились к мужественной обороне и построили еще новую каменную крепость в Изборске, на горе Жераве[286].

Г. 1329. Иоанн, боясь казаться Хану ослушником или нерадивым исполнителем его воли, приехал в Новогород с Митрополитом и многими Князьями Российскими, в числе коих находились и братья Александровы, Константин и Василий, также Князь Суздальский, Александр Васильевич. Ни угрозы, ни воинские приготовления Иоанновы не могли поколебать твердости Псковитян: в надежде, что они одумаются, Великий Князь шел медленно к их границам и чрез три недели расположился станом близ Опоки[287]; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибегнул к иному способу, необыкновенному в древней России: склонил Митрополита наложить проклятие

на Александра и на всех жителей Пскова, если они не покорятся. Сия Духовная казнь, соединенная с отлучением от церкви, устрашила народ. Однако ж граждане все еще не хотели предать несчастного сына Михаилова. Сам Александр великодушно отказался от их помощи. «Да не будет проклятия на моих друзьях и братьях ради меня! — сказал он им со слезами: — иду из вашего града, освобождая вас от данной мне клятвы». Александр уехал в Литву, поручив им свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадник их, именем Солога, объявил Иоанну, что изгнанник удалился. Великий Князь был доволен, и Митрополит, разрешив Псковитян, дал им благословение. Хотя Иоанн в сем случае казался только невольным орудием Ханского гнева, но добрые Россияне не хвалили его за то, что он, в угодность неверным[288], гнал своего родственника и заставил Феогноста возложить церковное проклятие на усердных Христиан, коих вина состояла в великодушии. — Новогородцы также неохотно участвовали в сем походе и спешили домой, чтобы смирить Немцев и Князей Устюжских: первые убили в Дерпте их Посла, а вторые — купцев и промышленников на пути в землю Югорскую[289]. Летописцы не говорят,

каким образом Новогородское Правительство отмстило за то и другое оскорбление.

Рис. 121. Б. А. Чориков. Князь Александр Михай-

лович в Пскове. 1836

Г. 1330–1332. Особенный Епископ во Пскове. Страх, наведенный Иоанном на Псков, не имел желаемого действия: ибо Александр, принятый дружелюбно Гедимином Литовским, обнадеженный им в защите и влекомый сердцем к добрым Псковитянам, чрез 18 месяцев возвратился[290]. Они приняли его с радостию и назвали своим Князем; то есть отложились от Новогорода и, выбрав даже особенного для себя Епископа, именем Арсения, послали его ставиться к Митрополиту, бывшему тогда в Волынии. Александр Михайлович и сам Гедимин убеждали Феогноста исполнить волю Псковитян; однако ж Митрополит с твердостию отказал им и в то же время — с Епископами Полоцким, Владимирским, Галицким, Перемышльским, Хелмским — посвятил Архиепископа Василия, избранного Новогородцами, коего Епархия, согласно с древним обыкновением, долженствовала заключать в себе и Псковскую область. Гедимин стерпел сие непослушание от Митрополита, уважая в нем Главу Духовенства, но хотел перехватить Архиепископа Василия и Бояр Новогородских на их возвратном пути из Волыни, так что они едва могли спастися, избрав иную дорогу, и принужде-

ны были откупиться от Киевского неизвестного нам Князя Феодора, который гнался за ними до Чернигова с Татарским Баскаком.

Происшествия Новогородские. Г. 1333. Между тем как Иоанн, частыми путешествиями в Орду доказывая свою преданность Хану, утверждал спокойствие в областях Великого Княжения, Новогород был в непрестанном движении от внутренних раздоров, или от внешних неприятелей, или ссорясь и мирясь с Великим Князем[291]. Зная, что Новогородцы, торгуя на границах Сибири, доставали много серебра из-за Камы, Иоанн требовал оного для себя и, получив отказ, вооружился, собрал всех Князей Низовских, Рязанских; занял Бежецк, Торжок и разорял окрестности. Тщетно Новогородцы звали его к себе, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствие: он не хотел слушать Послов, и сам Архиепископ Василий, ездив к нему в Переславль, не мог его умилостивить. Новогородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, с условием, чтобы он возвратил села и деревни, беззаконно им приобретенные в их области; но Иоанн не согласился и в гневе уехал тогда к Хану.

Политика Новогорода. Сия опасность заставила Новогородцев примириться с Князем

Александром Михайловичем. Уже семь лет Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василий, забыв их строптивость, приехал к ним с своим Клиросом, благословил народ, чиновников и крестил сына у Князя. Желая иметь еще надежнейшую опору, Новогородцы подружились с Гедимином, несмотря на то, что он в сие время вступил в родственный союз с Иоанном Даниловичем, выдав за его сына, юного Симеона[292], дочь или внучку свою Августу (названную в крещении Анастасиею). Еще в 1331 году (как рассказывает один Летописец) Гедимин, остановив Архиепископа Василия и Бояр Новогородских, ехавших в Волынию, принудил их дать ему слово, что они уступят Нариманту, его сыну, Ладогу с другими местами в вечное и потомственное владение[293]. Обстоятельство весьма сомнительное: в достовернейших летописях нет оного; и могло ли обещание, вынужденное насилием, быть действительным обязательством? Гораздо вероятнее, что Гедимин единственно изъявил Новогородцам желание видеть Нариманта их Удельным Князем, обещая им защиту, или они сами вздумали таким образом приобрести оную, опасаясь Иоанна столь же, сколько и внешних врагов: политика не весьма согласная с общим

благом Государства Российского; но заботясь исключительно о собственных выгодах — думая, может быть, и то, что Россия, истерзанная Моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новогородцы искали способ устоять в ее падении с своею гражданскою вольностию и частным избытком. Как бы то ни было, Наримант, дотоле язычник, известил Новогородцев, что он уже Христианин и желает поклониться Святой Софии. Народное Вече отправило за ним Послов и, взяв с него клятву быть верным Новогороду, отдало ему Ладогу, Орехов, Кексгольм, всю землю Корельскую и половину Копорья в отчину и в дедину, с правом наследственным для его сыновей и внуков[294]. Сие право состояло в судебной и воинской власти, соединенной с некоторыми определенными доходами.

Г. 1334. Однако ж Новогородцы все еще старались утишить гнев Великого Князя и наконец в том успели посредством, кажется, Митрополита Феогноста, с коим деятельный Архиепископ Василий имел свидание в Владимире[295]. Иоанн, возвратясь из Орды в Москву, выслушал милостиво их Послов и сам приехал в Новогород. Все неудовольствия были преданы забвению.

Рис. 122. Софийский собор в Великом Новгороде. Центральный вход. Современный вид

Г. 1335. В знак благоволения за оказанную ему почесть и приветливость жителей, умевших иногда ласкать Князя, Иоанн позвал в Москву Архиепископа и главных их чиновников, чтобы за роскошное угощение отплатить им таким же. В сих взаимных изъявлениях доброжелательства он согласился с Новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича из России и смирить Псковитян, исполняя волю Татар или следуя

движению личной на него злобы. Условились в мерах, но отложили поход до иного времени.

Спокойные с одной стороны, Новогородцы искали врагов в стенах своих. Еще и прежде, сменяя Посадника, народ ограбил домы и села некоторых Бояр[296]: в сем году река Волхов была как бы границею между двумя неприятельскими станами. Несогласие в делах внутреннего правления, основанного на определениях Веча или на общей воле граждан, естественным образом рождало сии частые мятежи, бывающие главным злом свободы, всегда беспокойной и всегда любезной народу. Половина жителей восстала на другую; мечи и копья сверкали на обоих берегах Волхова. К счастию, угрозы не имели следствия кровопролитного, и зрелище ужаса скоро обратилось в картину трогательной братской любви.

Г. 1337. Примиренные ревностию благоразумных посредников, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный Летописец, умалчивая о вине сего междоусобия, говорит только, что оно было доказательством и гнева и милосердия Небесного, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и ненадолго. Чрез несколько времени опять упоминается в Новогородской летописи о возмущении, в коем пострадал один Архиманд-

рит, запертый и стрегомый народом в церкви как в темнице.

Согласие с Великим Князем было вторично нарушено походом его войска в Двинскую область[297]. Истощая казну свою частыми путешествиями в корыстолюбивую Орду и видя, что Новогородцы не расположены добровольно поделиться с ним сокровищами Сибирской торговли, он хотел вооруженною рукою перехватить оные. Полки Иоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встреченные сильным отпором двинских чиновников, они не имели успеха и возвратились, потеряв множество людей. Сие неприятельское действие заставило Новогородцев опять искать дружбы Псковитян чрез их общего Духовного Пастыря: Архиепископ Василий отправился во Псков; но жители, считая Новогородцев своими врагами, уже не хотели союза с ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной так называемой судной пошлины, или десятой части из судебных казенных доходов. Напрасно Василий грозил чиновникам именем Церкви и, следуя примеру Митрополита Феогноста, объявил проклятие всему их городу. Псковитяне на сей раз выслушали оное спокойно, и разгневанный Архиепископ уехал, видя, что

они не верят действию клятвы, внушенной ему корыстолюбием или Политикою и несогласной с духом Христианства.

Хан прощает Александра. Впрочем, Великий Князь, испытав неудачу, оставил Новогородцев в покое, встревоженный переменою в судьбе Александра Михайловича. Жив около десяти лет во Пскове, Александр непрестанно помышлял о своей отчизне и средствах возвратиться с безопасностию в ее недра. «Если умру в изгнании, — говорил он друзьям, — то и дети мои останутся без наследия»[298]. Псковитяне любили его, но сила не соответствовала их усердию: он предвидел, что Новогородцы не откажутся от древней власти над ними, воспользуются первым случаем смирить сих ослушников, выгонят его или оставят там из милости своим Наместником. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему Тверского престола: ибо сей Литовский Князь избегал войны с Ханом. Александр мог бы обратиться к Великому Князю[299]; но, будучи им издавна ненавидим, надеялся скорее умилостивить грозного Узбека и послал к нему юного сына своего, Феодора, который (в 1336 году) благополучно возвратился в Россию с Послом Могольским. Привезенные вести были таковы,

что Александр решился сам ехать в Орду и, взяв заочно благословение от Митрополита Феогноста, отправился туда с Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный! — сказал он Хану с видом покорности, но без робости и малодушия: — я заслужил гнев твой и вручаю тебе мою судьбу. Действуй по внушению Неба и собственного сердца. Милуй или казни: в первом случае прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою»[300]. Свирепый Хан смягчился, взглянул на него милостиво и с удовольствием объявил Вельможам своим, что «Князь Александр смиренною мудростию избавляет себя от казни». Узбек, осыпав его знаками благоволения, возвратил ему достоинство Князя Тверского.

Г. 1338. Александр с восхищением прибыл в свою отечественную столицу, где братья и народ встретили его с такою же искреннею радостию. Тверь, в 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла из своего пепла трудами и попечением Константина Михайловича; рассеянные жители собралися, и церкви, вновь украшенные их ревностию к святыне, сияли в прежнем велелепии. Добрый Константин, восстановитель сего княжения[301], охотно сдал правление старшему

брату, коего безрассудная пылкость была виною столь великого несчастия, и желал, чтобы он превосходством опытного ума своего возвратил их отчизне знаменитость и силу, приобретенные во дни Михаиловы. Александр призвал супругу и детей из Пскова, велев объявить его добрым гражданам вечную благодарность за их любовь, и надеялся жить единственно для счастия подданных. Но судьба готовила ему иную долю.

Иоанн повелевает Князьями. Благоразумный Иоанн — видя, что все бедствия России произошли от несогласия и слабости Князей, — с самого восшествия на престол старался присвоить себе верховную власть над Князьями древних Уделов Владимирских и действительно в том успел, особенно по кончине Александра Васильевича Суздальского, который, будучи внуком старшего сына Ярославова, имел законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступил оное Иоанну, однако ж, господствуя в своей частной области, управлял и Владимиром[302]: так говорит один Летописец, сказывая, что сей Князь перевез было оттуда и древний Вечевой колокол Успенской Соборной церкви в Суздаль, но возвратил оный, устрашенный его глухим звоном. Когда ж Александр (в 1333 году) преставился бездетным,

Иоанн не дал Владимира его меньшему брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностию Хана, начал смелее повелевать Князьями; выдал дочь свою за Василия Давидовича Ярославского, другую — за Константина Васильевича Ростовского и, действуя как глава России, предписывал им законы в собственных их областях. Так Московский Боярин, или Воевода, именем Василий Кочева, уполномоченный Иоанном, жил в Ростове и казался истинным Государем: свергнул тамошнего Градоначальника, старейшего Боярина Аверкия; вмешивался в суды, в расправу; отнимал и давал имение[303]. Народ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти и что Москва тиранствует! Самые Владетели Рязанские долженствовали следовать за Иоанном в походах; а Тверь, сетуя в развалинах и сиротствуя без Александра Михайловича, уже не смела помышлять о независимости. Но обстоятельства переменились, как скоро сей Князь возвратился, бодрый, деятельный, честолюбивый. Быв некогда сам на престоле Великокняжеском, мог ли он спокойно видеть на оном врага своего? Мог ли не думать о мести, снова уверенный в милости Ханской? Владетели Удельные хотя и повиновались Иоанну,

но с неудовольствием, и рады были взять сторону Тверского Князя, чтобы ослабить страшное для них могущество первого: так и поступил Василий Ярославский, начав изъявлять недоброжелательство тестю и заключив союз с Александром. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбия, и нужное для спокойствия Государства, Иоанн решился низвергнуть опасного совместника.

В сие время многие Бояре Тверские, недовольные своим Государем, переехали в Москву с семействами и слугами: что было тогда не бесчестною изменою, но делом весьма обыкновенным. Произвольно вступая в службу Князя Великого или Удельного, Боярин всегда мог оставить оную, возвратив ему земли и села, от него полученные[304]. Вероятно, что Александр, быв долгое время вне отчизны, возвратился туда с новыми любимцами, коим старые Вельможи завидовали: например, мы знаем, что к нему выехал из Курляндии во Псков какой-то знаменитый Немец, именем Доль, и сделался первостепенным чиновником двора его. Сие могло быть достаточным побуждением для Тверских Бояр искать службы в Москве, где они без сомнения не старались успокоить Великого Князя в рассуждении мнимых или действительных за-

мыслов несчастного Александра Михайловича.

Г. 1339. Иоанн не хотел прибегнуть к оружию, ибо имел иное безопаснейшее средство погубить Тверского Князя: отправив юного сына, Андрея, к Новогородцам, чтобы прекратить раздор с ними, он спешил в Орду и взял с собою двух старших сыновей, Симеона и Иоанна, представил их величавому Узбеку как будущих надежных, ревностных слуг его рода; искусным образом льстил ему, сыпал дары и, совершенно овладев доверенностию Хана, мог уже смело приступить к главному делу, то есть к очернению Тверского Князя. Нет сомнения, что Иоанн описал его закоснелым врагом Моголов, готовым возмутить против него всю Россию и новыми неприятельскими действиями изумить легковерное милосердие Узбеково[305]. Царь, устрашенный опасностию, послал звать в Орду Александра, Василия Ярославского и других Князей Удельных, коварно обещая каждому из них, и в особенности первому, отменные знаки милости. Иоанн же, чтобы отвести от себя подозрение, немедленно возвратился в Москву ожидать следствий.

Несчастие Александра. Хотя Посол Татарский всячески уверял Александра в благосклонном к нему расположении Узбековом, однако ж сей

Князь, опасаясь злых внушений Иоанновых в Орде, послал туда наперед сына своего, Феодора, чтобы узнать мысли Хана; но, получив вторичный зов, должен был немедленно повиноваться[306]. Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитриеву. Казалось, что самая природа остерегала несчастного Князя: в то время, как он сел в ладию, зашумел противный ветер, и гребцы едва могли одолеть стремление волн, которые несли оную назад к берегу. Сей случай казался народу бедственным предзнаменованием. Василий Михайлович проводил брата за несколько верст от города; а Константин лежал тогда в тяжкой болезни: чувствительный Александр всего более жалел о том, что не мог дождаться его выздоровления. — Вместе с Тверским Князем поехали в Орду Роман Михайлович Белозерский-[307] и двоюродный его брат, Василий Давидович Ярославский. Ненавидя последнего и зная, что он будет защищать Александра перед Ханом, Великий Князь тайно отправил 500 воинов схватить его на пути; но Василий отразил их и ехал в Орду с намерением жаловаться Узбеку на Иоанна, своего тестя.

Того же дѣ пасадецѣ ѹ зѣ бѣ ѥ ѥ нацаръ
ѥ ѥ ѣ ѣ ѣ

Рис. 123. Хан Узбек. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

28 октября. Юный Феодор Александрович, встретив родителя в Улусах, со слезами известил его о гневе Хана. «Да будет воля Божия!» — сказал Александр и понес богатые дары Узбеку и всему его двору. Их приняли с мрачным безмолвием. Прошел месяц: Александр молился Богу и ждал суда. Некоторые Вельможи Татарские и Царица вступались за сего Князя; но прибытие в Орду сыновей Иоанновых решило дело: Узбек, подвигнутый ими или друзьями хитрого их отца, без всяких исследований объявил, что мятежный, неблагодарный Князь Тверской должен умереть. Еще Александр надеялся: ждал вестей от Царицы и, сев на коня, спешил видеть своих доброжелателей; узнав же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вместе с сыном причастился Святых Таин, обнял верных слуг и бодро вышел навстречу к убийцам, которые, отрубив голову ему и юному Феодору, розняли их по составам[308]. Сии истерзанные остатки несчастных Князей были привезены в Россию, отпеты в Владимире Митрополитом Феогностом и преданы земле в Тверской Соборной церкви, подле Михаила и Димитрия: четыре жертвы Узбекова тиранства,

оплаканные современниками и отмщенные потомством! Никто из Ханов не умертвил столько Российских Владетелей, как сей: в 1330 году он казнил еще Князя Стародубского, Феодора Михайловича, думая, что сии страшные действия гнева Царского утвердят господство Моголов над Россиею. Оказалось следствие противное, и не Хан, но Великий Князь воспользовался бедственною кончиною Александра, присвоив себе верховную власть над Тверским Княжением: ибо Константин и Василий Михайловичи уже не дерзали ни в чем ослушаться Иоанна и как бы в знак своей зависимости должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колокол отменной величины, коим славились Тверитяне[309]. Узбек не знал, что слабость нашего отечества происходила от разделения сил оного и что, способствуя единовластию Князя Московского, он готовит свободу России и падение Царства Капчакского.

Мир с Норвегиею. Новогородцы, столь безжалостно отвергнув Александра в несчастии и способствовав его изгнанию, тужили о погибели сего Князя: ибо предвидели, что Иоанн, не имея опасного соперника, будет менее уважать их вольность. Между тем они старались обеспечить

себя со стороны внешних неприятелей. Мир, в 1323 году заключенный со Шведами, продолжался около пятнадцати лет. Король Магнус, владея тогда Норвегиею, распространил его и на сию землю, нередко тревожимую Новогородцами, которые издавна господствовали в восточной Лапландии. Так они, по летописям Норвежским, в 1316 и 1323 году опустошили, пределы Дронтгеймской области, и Папа Иоанн XXII уступил Магнусу часть церковных доходов, чтобы он мог взять действительнейшие меры для защиты своих границ северных от Россиян[310]. Вельможа сего Короля, именем Гаквин, в 1326 году, Июня 3, подписал в Новогороде особенный мирный договор, по коему Россияне и Норвежцы на десять лет обещались не беспокоить друг друга набегами, восстановить древний рубеж между обоюдными владениями, забыть прежние обиды и взаимно покровительствовать людей торговых[311].

Рис. 124. Портрет короля Магнуса Эрикссона из сборника шведских законов. 1350-е гг.

Неприязнь Шведов. Но в 1337 году Шведы нарушили мир: дали убежище в Выборге мятежным Российским Корелам; помогли им умертвить купцев Ладожских, Новогородских и многих Христиан Греческой Веры, бывших в Корелии; грабили на берегах Онежских, сожгли предместие Ладоги и хотели взять Копорье.

Разбои Литовские. В сей опасности Новогородцы увидели худое к ним усердие Нариманта и бесполезность оказанной ему чести: еще и прежде (в 1335 году) — несмотря на его Княжение в их области и на родственный союз Иоаннов с Гедимином — шайки Литовских разбойников злодействовали в пределах Торжка: за что Великий Князь приказал своим Воеводам сжечь в соседственной Литве несколько городов: Рясну, Осечен и другие, принадлежавшие некогда к Полоцкому Княжению[312]. Хотя сии неприятельские действия тем и кончились, однако ж доказывали, что дружба Гедимина с Россиянами была только мнимая. Когда же Новогородцы, встревоженные нечаянною ратию Шведскою, потребовали Нариманта (бывшего тогда в Литве) предводительствовать их войском, он не хотел ехать к ним и даже вывел сына своего, именем Александра, из Орехова, оставив там одного Наместника. Но Шведы имели более дерзости, нежели силы: гордо отвергнув благоразумные предложения Новогородского Посадника Феодора, ушли от Копорья и не могли защитить самых окрестностей Выборга, где Россияне истребили все огнем и мечем. Скоро начальник сей крепости дал знать Новогородцам, что предместник его сам собою начал войну

и что Король желает мира. Написали договор, согласный с Ореховским и через несколько месяцев клятвенно утвержденный в Лунде, где Послы Российские нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали им всех беглых Корелов; но Магнус не согласился, ответствуя, что сии люди уже приняли Веру Латинскую и что их число весьма невелико[313]. «Корелы, — сказал он, — бывают обыкновенно виною раздоров между нами; и так возьмем строгие меры для отвращения сего зла: впредь казните без милости наших беглецов; а мы будем казнить ваших, чтобы они своими злобными наветами не мешали нам жить в согласии».

Ссора Иоаннова с Новогородом. Окончив дело с Шведами, Новогородцы отправили обыкновенную Ханскую дань к Иоанну; но Великий Князь, недовольный ею, требовал с них еще вдвое более серебра, будто бы для Узбека[314]. Они ссылались на договорные грамоты и на древние Ярославовы, по коим отечество их свободно от всяких чрезвычайных налогов Княжеских. «Чего не бывало от начала мира, того и не будет, — ответствовал народ Послам Московским: — Князь, целовав святой крест в соблюдении наших уставов, должен исполнить клятву». Прошло несколько времени:

Великий Князь ждал вестей из Орды. Когда же Хан отпустил его сыновей с честию и всех других Князей с грозным повелением слушаться Московского, тогда Иоанн объявил гнев Новогороду и вывел оттуда своих Наместников, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величавого народа и решить вечную прю его вольности со властию Княжескою. К счастию Новогородцев, он должен был обратить силы свои к иной цели.

Г. 1340. Поход к Смоленску. Хотя мы не видим по летописям, чтобы Князья Смоленские когда-нибудь ездили в Орду и платили ей дань, но сему причиною то, что повествователи наших государственных деяний, жив в других областях, вообще редко упоминают о Смоленске и его происшествиях. Возможно ли, чтобы Княжение, столь малосильное, одно в России спаслося от ига, когда и Новогород, еще отдаленнейший, долженствовал повиноваться Царю Капчакскому? В Смоленске господствовал тогда Иоанн Александрович, внук Глебов, с коим Димитрий, Князь Брянский, в 1334 году имел войну[315]. Татары помогали Димитрию; однако ж ни в чем не успели, и Князья, пролив много крови, заключили мир. Вероятно, что Хан не участвовал в предприятии

Димитрия и что сему последнему служила за деньги одна вольница Татарская; но Иоанн Александрович ободрился счастливым опытом своего мужества и, вступив в союз с Гедимином, захотел, кажется, совершенной независимости[316]. По крайней мере Узбек объявил его мятежником, отрядил в Россию Могольского Воеводу, именем Товлубия, и дал повеление всем нашим Князьям идти на Смоленск. Владетель Рязанский, Коротопол, выступил с одной стороны, а с другой — сильная рать Великокняжеская. Под знаменами Московскими шли Константин Васильевич Суздальский, Константин Ростовский, Иоанн Ярославич Юрьевский, Князь Иоанн Друцкий, выехавший из Витебской области, и Феодор Фоминский, Князь Смоленского Удела[317]. Не имея особенной склонности к воинским действиям, Иоанн Даниилович остался в столице и вверил начальство двум своим Воеводам. Казалось, что соединенные полки Моголов и Князей Российских должны были одним ударом сокрушить державу Смоленскую; но, подступив к городу, они только взглянули на стены и, не сделав ничего, удалились! Вероятно, что Россияне не имели большого усердия истреблять своих братьев и что Воевода Узбеков, смягченный дарами Смолян,

взялся умилостивить Хана.

31 Марта. Кончина и достоинства Иоанновы. Сим заключилось достопамятное правление Иоанна Данииловича: остановленный в важных его намерениях внезапным недугом, он променял Княжескую одежду на мантию Схимника и кончил жизнь в летах зрелого мужества, указав наследникам путь к единовластию и к величию[318]. Но справедливо хваля Иоанна за сие государственное благодеяние, простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики. Суд Истории, единственный для Государей — кроме суда Небесного, — не извиняет и самого счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога.

Несмотря на коварство, употребленное Иоанном к погибели опасного совместника, Москвитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя Собрателя земли Русской и Государя-отца: ибо сей Князь не любил проливать крови в войнах бесполезных, освободил Великое Княжение от грабителей внешних и

внутренних, восстановил безопасность собственную и личную, строго казнил татей и был вообще правосуден[319]. Жители других областей Российских, от него независимых, завидовали устройству, тишине Иоанновых, будучи волнуемы злодействами малодушных Князей или граждан своевольных: так в Козельске один из потомков Михаила Черниговского, Князь Василий Пантелеймонович, умертвил дядю родного Андрея Мстиславича; так Владетель Рязанский, Коротопол, возвращаясь из Орды перед Смоленским походом, схватил по дороге родственника своего, Александра Михайловича Пронского, ехавшего к Хану с данию, ограбил его и лишил жизни в нынешней Рязани; так Брянцы, вследствие мятежного Веча, умертвили (в 1340 году) Князя Глеба Святославича, в самый великий для Россиян праздник, в день Св. Николая, несмотря на все благоразумные убеждения бывшего там Митрополита Феогноста[320].

Прозвание Калиты. Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок, или калиту, наполненную деньгами для бедных: отчего и прозван Калито-

ю[321]. Кроме собора Успенского им построены еще каменный Архангельский (где стояла его гробница и где с того времени погребали всех Князей Московских), церковь Иоанна Лествичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображения, древнейшая из существующих ныне и бывшая тогда Архимандритиею, которую основал еще отец Иоаннов на берегу Москвы-реки при созданной им деревянной церкви Св. Даниила: Иоанн же перевел сию обитель к своему дворцу, любил более всех иных, обогатил доходами; кормил, одевал там нищих и в ней постригся пред кончиною.

Кремник. Украшая столицу каменными храмами, он окружил ее (в 1339 году) дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время Кремник, или Кремль, бывший внутреннею крепостию или, по старинному именованию, детинцем[322]. В Княжение Иоанна два раза горела Москва; были и другие несчастия: ужасное наводнение от сильного дождя и голод, названный в летописях рослою рожью. Но подданные, облаготворенные деятельным, отеческим правлением Калиты, не смели жаловаться на бедствия случайные и славили его счастливое время.

Торг в Мологе. Тишина Иоаннова Княжения способствовала обогащению России северной.

Новогород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу Немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (чрез Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками Татарских разбойников: милостивые грамоты Узбековы, данные Великому Князю, служили щитом для путешественников и жителей. Открылись новые способы мены, новые торжища в России: так в Ярославской области, на устье Мологи, где существовал Холопий городок, съезжались купцы Немецкие, Греческие, Италиянские, Персидские, и казна в течение летних месяцев собирала множество пошлинного серебра, как уверяет один писатель XVII века[323]: бесчисленные суда покрывали Волгу, а шатры — прекрасный, необозримый луг Моложский, и народ веселился в семидесяти питейных домах. Сия ярмонка слыла первою в России до самого XVI столетия.

Мурза Чет. Добрая слава Калиты привлекла к нему людей знаменитых: из Орды выехал в Москву Татарский Мурза Чет, названный в крещении Захариею, от коего произошел царь Борис Федорович Годунов; а из Киева Вельможа Родион Несторович, предок Квашниных, который был

вызван Иоанном еще во время Михаила Тверского и привел с собою 1700 Отроков или Детей Боярских[324]. Летописец рассказывает, что сей Родион, возведенный Московским Князем на первую степень Боярства, возбудил зависть во всех других Вельможах; что один из них, Акинф Гаврилович, не хотев уступить ему старшинства, бежал к Михаилу Тверскому, с сыновьями своими, оставив в челядне, или в людской избе, новорожденного внука Михаила, прозванного Челяднею, что усердный Родион спас Иоанна Данииловича в битве с Тверитянами под городом Переславлем, в 1304 году, зашедши им в тыл, и, собственною рукою отрубив голову Акинфу, привез оную на копье к Князю; что Иоанн наградил его половиною Волока, а Родион отнял другую у Новогородцев, выгнав их Наместника, и получил за то от Великого Князя еще иную волость в окрестностях реки Восходни. Сии обстоятельства прописаны также в челобитной Квашнина, поданной Царю Иоанну Васильевичу на Бутурлиных, потомков Боярина Акинфа, во время несчастных споров о Боярском старейшинстве.

Рис. 125. Парсуна с изображением Бориса Годунова. Конец XVII в. Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»

Завещание Великого Князя. Древняя Русская пословица: близ Царя, близ смерти, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи

Моголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию Царскою или по крайней мере с головою! Так Иоанн Даниилович, в начале своего Великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завещание и распорядил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою, которая преставилась Монахинею в 1332 году[325]. Сия древнейшая из подлинных Духовных грамот Княжеских, нам известных, свидетельствует, какие города принадлежали тогда к Московской области и как велико было достояние Князей. После обыкновенных слов: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», Иоанн говорит: «Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, куда еду, оставляю сию душевную грамоту, написанную мною добровольно, в целом уме и совершенном здравии. Приказываю, в случае смерти, сыновьям моим город Москву: отдаю Симеону Можайск, Коломну с волостями; Ивану — Звенигород и Рузу; Андрею — Лопастну, Серпухов, Перемышль; Княгине моей с меньшими детьми — села, бывшие в ее владении» (следуют имена их)… «также оброк городских волостей, а купеческие пошлины, в оных собираемые, остаются доходом наших сыновей. Ежели Татары отнимут волость или село у кого из вас, любезные

дети, то вы обязаны снова уравнять свои части или Уделы. Люди численые» — то есть вольные, окладные, плативше дань государственную — «должны быть под общим вашим ведением; а в раздел идут единственно купленные мною. Еще при жизни дал я сыну Симеону из золота четыре цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом и два ковша, а серебром три блюда; Ивану — из золота четыре цепи, два пояса с жемчугом и с каменьями, третий сердоликовый, два ковша, две круглые чаши, а серебром три блюда; Андрею — из золота четыре цепи, пояс фряжский жемчужный, другой с крюком на червленом шелку, третий Ханский, два ковша, две чарки, а серебром три блюда. Золото Княгинино отдал я дочери Фетинье: четырнадцать колец, новый сделанный мною складень, ожерелье матери ее, чело и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгине своей с меньшими детьми. Из одежд моих назначаю Симеону шубу червленую с жемчугом и шапку золотую, Ивану — желтую объяринную шубу с жемчугом и мантию с бармами, Андрею — шубу соболью с наплечками, низанными жемчугом, и портище алое с нашитыми бармами; а две новые шубы, низанные жемчугом, — меньшим детям, Марье

и Федосье. Серебряные поясы и другие одежды мои раздать священникам, а 100 рублей, оставленных мною у казначея, по церквам. Большое серебряное блюдо о четырех кольцах отослать в храм Владимирской Богоматери. Прочее серебро и Княжеские стада — кроме двух, отданных мною Симеону и Ивану, — разделить моей супруге и детям. Тебе, Симеон, как старшему, приказываю меньших братьев и Княгиню с дочерьми: будь им по Боге главным защитником. — Грамоту писал Дьяк Великокняжеский Кострома, при Духовных отцах моих, Священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому Бог судия». — К грамоте привешены две печати: одна серебряная вызолоченная с изображением Спасителя и Св. Иоанна Предтечи и с надписью: «печать Великого Князя Ивана», а другая свинцовая[326]. — В сем завещании не сказано ни слова о Владимире, Костроме, Переславле и других городах, бывших достоянием Великокняжеского сана: Иоанн, располагая только своею отчиною, не мог их отказать сыновьям, ибо назначение его преемника зависело от Хана.

Рис. 126. Фреска с изображением Симеона Гордого. 1652–1666. Архангельский собор Московского Кремля

Исчисляя свои села, Великий Князь упоминает о купленных или вымененных им в Новогороде, Владимире, Костроме и Ростове: таким образом он старался приобретать наследственную собственность и вне Московской области, к неудовольствию других Князей и вопреки условию, заключенному с Новогородцами. Но еще несравненно важнейшим приобретением были города Углич, Белозерск и Галич, купленные Иоанном Данииловичем[327], первые два — у потомков Константина I, а третий — у наследников Константина Ярославича Галицкого, как сказано в одной из грамот Димитрия Донского: чему надлежало случиться незадолго до преставления Калиты. Однако ж сии Уделы до времен Донского считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается об них в завещаниях сыновей Калитиных.

Ярославская грамота. Мы имеем еще иную достопамятную грамоту времен Иоанновых, данную Василием Давидовичем Ярославским Архимандриту Спасской обители[328]. Сей Князь пишет, что он, следуя примеру деда, Феодора

Черного, определяет жалованье монастырским людям, в год по два рубля; освобождает их от всех налогов, также от яма, или подвод, от постоя и стражи; далее говорит: «Судии мои, Наместники и Тиуны, да не шлют Дворян своих за людьми Св. Спаса без ведома Игумена, который один судит их, или вместе с моим судиею, буде истец или ответчик не есть человек монастырский; в последнем случае часть денежной пени, налагаемой на виновного, идет в казну Св. Спаса, а другая в Княжескую. Жители иных областей, перезванные Игуменом в его ведомство, считаются людьми монастырскими; но работники их, приписанные к моим селениям, остаются под судом Княжеским. Черноризцы и Крылошане Спасские, торгуя в пользу Святой обители, увольняются от пошлин: что, однако ж, не уничтожает древнего устава о перевозах и бобровых реках». Сия харатейная грамота скреплена черною восковой печатаю и свидетельствует, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри в России, согласно с уважением наших добрых предков к иноческому сану и в противность намерению, с коим были учреждены первые Христианские Обители, основанные единственно для трудов душеспасительных и чуждые миру.

Судьба Галича. Наконец, описав Княжение Иоанново, должны мы в последний раз упомянуть о Галиции как о Российской области. Внук Юрия Львовича, Князь Георгий, скончался около 1336 года, не оставив детей, и Хан прислал своих Наместников в Галицию; но жители, по сказанию одного современного Историка[329], тайно умертвили их и с дозволения Ханского поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовского, и Марии, сестры Георгиевой, зятю Гедиминову, обязав его клятвою не отменять их уставов, не касаться сокровищ государственных или церковных и во всех делах важных требовать согласия народного или Боярского: без чего город Львов — где находилось сильное войско, составленное отчасти из Моголов, Армян и других иностранцев, — не хотел покориться сему Князю. Но Болеслав не сдержал слова. Воспитанный в Греческом исповедании, он в угодность Папе и Королю Польскому, своему родственнику, сделался Католиком: ибо Вера нашего отечества, утесненного, растерзанного, казалась ему уже несогласную с мирскими выгодами. Сего мало: изменив Православию, Болеслав хотел обратить и подданных в Латинскую Веру; сверх того угнетал их налогами, окружил себя Немцами, Ляхами, Богемцами и,

следуя прихотям гнусного сластолюбия, отнимал жен у супругов, дочерей у родителей. Такие злодеяния возмутили народ, и Болеслав умер скоропостижно, отравленный столь жестоким ядом, как уверяют Летописцы, что тело его распалось на части. Казимир, свояк Болеславов, умел воспользоваться сим случаем и (в 1340 году) завладел Галициею, обещав жителям не теснить их Веры. Львов, Перемышль, Галич, Любачев, Санок, Теребовль, Кременец присягнули ему как законному Государю, и сокровища древних Князей Галицких — богатые одежды, седла, сосуды, два креста золотые с частию Животворящего Древа и две короны, осыпанные алмазами, — были отвезены изо Львова в Краков. Довольный сим успехом, Король ограничил на время свое властолюбие и, заключив мирный договор с Литвою, уступил Кестутию, сыну Гедиминову, Брест, а Любарту, женатому на Княжне Владимирской, — Холм, Луцк и Владимир, как бы законное наследство его супруги. Так рушилось совершенно знаменитое Княжение, или Королевство Даниилово, и древнее достояние России, приобретенное оружием Св. Владимира, долго называемое городами Червенскими, а после Галичем, было разделено между иноплеменниками.

Примечания

[281] См. *Троицк.* и *Никон. Лет.* О состоянии Орды см. Абульгази Hist. des Tatars.

[282] См. ниже, примеч. 302. *Никон. Лет.* говорит, что Хан дал Иоанну, кроме Великого, еще *многие* иные Княжения: какие же?

[283] См. *Степен. Кн.* I, 419, и *Никон. Лет.* Св. Петр начал жить в Москве или с 1326 года, или еще ранее. Он скончался Декабря 20. Его погребал Феодосий Епископ Лучский. — Прохор, Епископ Ростовский, освятил церковь Успения в 1327 году, Авг. 14. — Феогност приехал из Царяграда в 1328 году. В *Никонов. Лет.*: «…иде изъ Кіева въ Володимерь и въ славный градъ Москву къ Чудотворцеву гробу Петрову, и въ его дворцѣ нача жити».

[284] «Новогородци послаша отъ себе Ѳеодора Колесницу къ Царю».

[285] См. Синод. Летоп. под № 349, л. 60, и *Никонов. Лет.* — В *Новог. Лет.* Попа Иоанна: «…посла Князь Иванъ (в 1328 году) свои послы, а Новогородци отъ себе Владыку Моисея» и проч. Там говорится только об одном посольстве к Александру. Иоаннов посол в других летописях назван Боярином Лукою Протасьевым.

[286] В *Псков. Лет.*: «…того же лѣта, *еще при Князѣ Александрѣ*, Шолога Посадникъ съ Псковичи и съ Изборяны поставиша градъ Изборескъ на горѣ на Жоравьи» а в других лѣтописях (Синодал. библ. № 349, л. 60): «поставиша Изборескъ *каменъ* городокъ на Жеравѣ горѣ».

[287] В *Псков. Лет.*: «…а хоженія его (Іоаннова) отъ Новагорода до *Опокы* три недѣли, не хотя разгнѣвати Псковичь». Нынешний город *Опочка* совсем не на пути от Новогорода ко Пскову: здесь говорится о другом месте. — Далее: «Александръ отъиде въ *Литву* (не ве Ливонию), а Княгиню свою ту оставивъ. Тогда бяше во Псковѣ туга и печаль… Зане бяше Александръ добротою и любовію по сердцу Пьсковичемъ».

[288] В летописях: «…вложи окаянный врагъ Діаволъ *злую* мысль Княземъ Рускымъ взыскати Князя Александра» и проч.

[289] «Того же лѣта (1229) убиша въ Юрьевѣ Новогородскаго посла, Ивана Сыпа… Той же зимы Князи Устюжскіе избиша Новогородцевъ, кои быша пошли на Югру».

[290] См. *Псков. Лет.* В *Новогород.*: «Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ Князя Александра изъ Литовскія рукы… Въ то же время (в 1331 году) пріидоша

послове изъ Плескова отъ Князя Александра и отъ Гедимина послове, и отъ всѣхъ Князей Литовскыхъ къ Митрополиту, и приведоша Арсенія, хотяще его поставити… Постриженся въ Скиму Архіеп. Моисей (в 1330 году) по своей волѣ, и много молиша его Новгородци, дабы сѣлъ пакы на своемъ столѣ, и не послуша, нъ благослови весь Новгородъ, сице рекъ: изберите мужа достойна… Новгородци же пребыша безъ Владыки 8 мѣсяць, и взлюбиша Григоріа Калѣку, Іереа бывша Свв. Козмы и Даміана на Холопіи улици, и повелѣша ему пріяти Ангельскій образъ, мѣсяца Генваря, и нареченъ бысть Василій… Пріидоша (в 1331 году) послове отъ Митрополита изъ Волынской земли, Ѳедоръ и Семенъ, на Страстной недѣли, зовуще Василія къ Митрополиту на поставленіе… Мѣсяца Іюня, на память Рожества Іоанна, пойде къ Митрополиту, а съ нимъ Бояре Кузьма Твердиславль, Варѳоломей Остафьевъ, Тысячного сынъ, и пакы пришедшимъ имъ въ Володимерь Волынскій, и створиша праздникъ свѣтелъ, и поставиша его на память Св. Апост. Тита. Тогда явись на небеси звѣзда свѣтла надъ церьковію… Постави его Ѳеогностъ; а Владыкъ тогда бѣ Григорій Полотьскій, Аѳанасій Володимерскій, Ѳедоръ Галицкій, Марко Перемышлевскый, Іоаннъ Холмовскый… Арсеній

съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь пойде на Кіевъ на память Симеона Столпника. А Василій въ тоже время пойде съ своими Бояры. Яко пришедшу ему къ Черьнѣгову, и ту пригнася Князь Ѳедоръ Кыевскы съ *Баскакомъ Татарскимъ* въ 50 человѣкъ разбоемъ, и Новогородци остерегошась, и сташа доспѣвъ противу; мало ся зло не учини промежу ими: а Князь въспріемъ срамъ, побѣжо прочь; а отъ Бога казни не убѣжа: помроша бо у него кони. А Владыка пойде на Брянескъ, и пріиде въ Торжокъ на память Св. Акепсимы, и ради быша Новоторжци; а въ Новѣгородѣ печальни быша, зане же вѣсти не бяше, нъ вѣсть бяше сица: яко Владыку Литва изымали, а дѣти его избиша… Приде Владыка въ Новгородъ мѣс. Дек. на память Св. Потапіа, въ день Недѣльный, при Князѣ Иванѣ, при Посадницѣ Варѳоломеи, при Тысячскомъ Остафіи». — В *Воскресен. Лет.*: «Владыка Василій пойде отъ Митрополита на Кіевъ вборзѣ, бояся Литвы. Митрополитъ же посла за Владыкою съ грамотою слугу своего, река: отпустилъ на васъ Князь (Гедиминъ) 300 Литвы, а велѣлъ поимати васъ. Они жь убѣжаша, и пріидоша подъ Черниговъ, и ту пригна Князь Ѳеодоръ Кіевскій… Даша Новгородци окупъ съ себе; а Ратслава, Протодіакона Митрополича,

изымавъ въ Кіевъ повели, а чрезъ цѣлованье» (т. е. в противность данной клятве). — *Никон. Лет.*: «...вымыслил, что с Архиепископом было 600 человек; что Митрополит осыпал Князя Ѳеодора укоризнами за его разбой» и проч.

[291] Иоанн ездил к Хану в годах 1328, 1331 (вместе с Константином Михайловичем Тверским), 1333, 1336 и 1339. Оставляем Князю Щербатову угадывать особенную причину каждого путешествия. — В *Новогород. Лет.*: «Вел. Князь Иванъ пріиде изъ Орды (в 1232 г.) и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ *серебра за-Камскаго*». О серебре Сибирском см. сей *Истории* Т. III. — Далее: «Пріиде Князь Иванъ въ Торжекъ съ всѣми Князи Низовскими и съ Рязанскими, и присла въ Новгородъ, и сведе Намѣстникы, а самъ сѣде въ Торжку отъ Крещеніа и до Сбора» (второй недѣли Вел. поста) «теряя волости Новгородскія. И послаша Новгородци послы... Архимандрита Лаврентіа, Ѳедора Твердиславля и Луку Валѳромеева... и онъ не послушалъ, и пакы прочь пойде... Того же лѣта послаша Владыку Василіа къ Князю Великому съ мольбою, и пришедъ къ нему въ Переяславль съ Терентіемъ Даниловичемъ и съ Даниломъ Машкиничемъ, и даваша ему 500 рублей» и проч. *Никон. Лет.* говорит, что Хан прислал тогда посла

Саранчюка, с коим Иоанн отправился в Орду.

[292] «Тое же зимы (въ 1333) приведена бысть Князю Семену Ивановичу Княжна изъ Литвы, именемъ Литовскимъ Айгуста, и крестиша ю, и наречена бысть Настасіа; и бысть бракъ великъ на Москвѣ» и проч. Щербатов думал, что Анастасия была дочь Кестутия Гедиминовича; но Стриковский пишет, что Кестутий имел двух дочерей, выданных им за Князей Мазовецких. В *Польском Титулярнике* названа Симеонова супруга дочерью Гедимина (см. в Архиве Иностран. Коллегии Миллерово собрание рукописей, бумажник под заглавием Polonica).

[293] В *Воскресен. Лет.*: «Гедиминъ изыма ихъ на миру, и въ такой тяготѣ слово право дали сыну его Нариманту пригороды Новогородскіе въ вотчину и дѣдину». В *Новогород. Лет.* нет о том ни слова.

[294] «Въ семъ же лѣтѣ (1333) вложи Богъ въ сердце К. Наримонту, въ крещеніи Глѣбу, и присла въ Новгородъ» и проч. Далее: «…и послаша Новогородци по него Григоріа и Александра… и пріиде въ Новгородъ м. Октября» и проч. В прибавлении к нашим Родословным Книгам находится следующее: «Преставися К. В. Гедиминъ, и *по немъ сѣде на В. Княженіи* сынъ его другій, *Наримант*ъ, и бысть тому брань съ иноплеменники, и впаде въ

руцѣ ихъ; и въ то время бывшу Вел. Князю Ивану Даниловичу въ Ордѣ, и выкупилъ К. В. Нариманта у Татаръ, и отпустилъ его на В. Княженіе въ Литву. Онъ же, не дошедъ своя отчины, крестися по своему обѣщанію и нареченъ бысть Глѣбъ. И того ради братія его и вся земля Литовская не даша ему В. Княженіе, но сяде на ономъ братъ его Ольгердъ. Князь же Наримантъ отъиде въ Великій Новгородъ; взяша бо его Новгородцы на пригороды». Сия повесть есть басня: Наримант никогда не бывал *Великим* Князем Литовским и еще *при жизни отца* господствовал в Уделе Новогородском. Ни Стриковский, ни современные наши Летописцы не говорят также, чтобы Наримант был пленен Татарами и выкуплен Иоанном.

[295] См. *Новог. Лет.* — Умалчиваю о догадках Кн. Щербатова.

[296] «Въ лѣто 6840 (1332) въсташа коромолници въ Новѣгородѣ и отъяша Посадничество у Ѳеодора у Ахмыла, и даша Захаріи Михайловичю, и пограбиша дворъ Семена Судокова, а брата его Селифонта села пограбиша… (в 1335) Богъ не далъ кровопролитіа промежи братіею» и проч. — Далее: «…сташа прочаа чадь (в 1337) на Архимандрита Есипа, и сътвориша Вѣче, запро-

ша Есипа въ церкви Св. Николы, и сѣдоша около церкви нощь и день кромольници стрегуще его: да аще кто подъ другомъ яму копаеть, самъ впадется вню».

[297] В *Новогород. Лет.*: «Той же зимы В. К. посла рать на Двину за Волокъ, не помянувъ крестнаго цѣлованіа; и тамо посрамлени быша» и проч. — Ниже упоминается о судебной десятине: мы знаем, что во XII веке Новогородские Епископы получали за нее 100 гривен из казны Княжеской (см. Т. II).

[298] «Пріиму смерть здѣ, что убо ми будеть и дѣтямъ моимъ?.. Лишени будуть Княженія своего».

[299] В *Троицк. Лет.*: «Александръ пойде въ Орду, а не укончавъ со Княземъ съ Великимъ». Но *Новогород.* и *Воскресен.* он поехал к Хану в 1337, а не 1338 году. — В *Никон. Лет.*: «...а съ нимъ (с Ѳеодором из Орды) посолъ Авдулъ». В *Воскресен.* здесь означен 1336 год. В первой летописи сказано, что Александр, по возвращении сына, ездил с ним в Тверь и приехал назад во Псков: сего нет в достовернейших летописях.

[300] «Господине вольный Царю! аще много зла сотворихъ ти, но пріидохъ къ тебѣ или смерть или животъ отъ тебе пріяти, како тебѣ Богъ

извѣстить: на все есмь готовъ. Аще по своему Царскому величеству даси ми милость, благодарю Бога и твою милостъ. Аще ли смерти предаси мя, достоинъ есмь смерти, и се глава моя предъ тобою есть» и проч. — Далее: «Князь Александръ пріиде изъ Орды во Тферь, а съ нимъ послы (по *Троицкой*) Киндыкъ и Авдуля».

[301] Александр говорит о Константине: «...се есть при кончинѣ нашей наставникъ и собратель отчинѣ нашей, о немъ же утвердишася люди» (см. *Никон. Лет.* IV, 167). Бывшее горестное состояние Твери описано так: «Костянтинъ Мих. и Василій Мих. съ матерію ихъ и съ Бояры пріидоша во Тферь препочивше отъ великія печали, и сѣдоша во Тфери въ велицѣ нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля пуста, и быша пустыни насилія ради Татарского; и начаша по малу збирати люди и утѣшати, и во св. церквахъ пакы начинашесь пѣніе».

[302] Он был внук Андрея, большего брата Александру Невскому. См. в Синодальн. библиот. летопись XV века в лист под № 349, л. 226, где сказано даже, что Царь Узбек разделил Великое Княжение между Иоанном и Александром Васильевичем, утвердив Владимир за последним. «Царь Озбякъ подѣлилъ имъ Княженіе: Князю

Ивану Даниловичю Новгородъ и Кострому, а Суздальскому Князю А. В. Володимерь и Поволожье: и княжилъ полтретья года. Сій Князь Александръ изъ Володимеря ВѢчьный колоколъ Св. Богородици возилъ въ Суждаль, и колоколъ не почалъ звонити, якоже былъ въ ВолодимерѢ; и видѢ Александръ, яко съгрубилъ Св. Богородици, и повелѣ его пакы везьти въ Володимерь; и поставиша его въ свое мѣсто, и пакы бысть гласъ, яко же и преже богоугоденъ. И по смерти сего Александра пойде въ Орду К. В. Иванъ къ Царю *Албугу* (Узбеку же): онъ же его пожаловалъ, и вдасть ему Княженіе Великое надо всею Русскою землею, яко же и праотець его Великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичь».

[303] См. *Повесть о Св. Сергии в Никонов. Лет.* IV. 204; «Наста насилованіе много, сирѣчь Княженіе Великое Московское досталось Ивану Даниловичю, купно же и Ростовское къ МосквѢ. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и Княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь, и слава; и потягнуша къ МосквѢ, и изыде повелѣніе В. К. Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій Воевода единъ отъ Вельможъ, именемъ Василій, прозвище Кочева, и съ нимъ Миняй. Егда внидоста во градъ Ростовъ,

тогда возложиста велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ Ростовецъ Москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе… Толико дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяша, яко и Епарха градскаго старѣйшаго Боярина, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана, точію жива». — Василий Давидович, внук Феодора Черного, назван зятем Иоанновым в *Новогород. Лет.* Попа Иоанна, с. 603. В Родословных Книгах: «У В. К. Василіа (Ростовского) дѣти Князь Ѳеодоръ, да Князь Констянтинъ, а женился К. Констянтинъ у В. К. Ивана Даниловича Московскаго (в 1328 году); а оттолѣ Ростовскихъ Князей родъ пошелъ надвое: Князю Ѳеодору досталася Стрѣтенская сторона, а Констянтину Борисоглѣбская сторона». Феодор Васильевич скончался в 1331 году, Марта 28.

[304] Сия свобода Бояр доказывается следующими местами, находящимися в духовной Иоанна Данииловича и договорной грамоте его внука, Димитрия Ивановича, с братом (см. ниже, или в *Древн. Рос. Вивлиоф.* I, 56 и 77): «1) …далъ есмь Борису Воръкову, *аже* иметь сыну моему которому служити, село будеть за нимъ; не иметь ли

служити, село отоимуть. — 2) А который Бояринъ поѣдеть изъ кормленья отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ». — В Родословных Книгах, в описании рода Левашовых: «Пріѣхалъ изъ Нѣмецъ во Псковъ Нѣмчинъ Доль, а отчина его была городъ Вдовъ (Виндау) и съ тѣмъ и во Псковъ пришелъ, да и крестился во Псковѣ, а во крещеніи имя ему Василей, да поставилъ во Псковѣ церковь Василей Святый у Трупорѣховскихъ воротъ, а изо Пскова пріѣхалъ во Тверь къ Князю Александру Михайловичю, и былъ во Твери у Александра знатный Бояринъ».

[305] В *Новогород. Лет.*: «...ходи К. В. Иванъ въ Орду, *его же думою* прославше Татарове позваша Александра, Василіа Давидовичь Ярославскаго и всѣхъ Князей въ Орду». В *Никон. Лет.*: «Царю Азбяку много клеветаша *нѣцыи* на Князя Александра, и уши Царевы наполниша многіе горести. Царь же Азбякъ, призвавъ единаго отъ слугъ своихъ, именемъ Истрочея, и глагола: иди въ Русь, и призови ми Князя Александра» и проч. А Татищев пишет, что Александр, будучи в Литве и в Немецкой земле, многим тамошним Вельможам обещал дары и не сдержал слова; что они поехали к Хану и старались оклеветать сего Князя.

[306] В *Новогород. Лет.*: «Александръ послалъ бѣ прежде себе въ Орду сына своего Ѳедора, чаа оттолѣ вѣсти; и присла по него Царь, и пойде въ Орду». *Никон. Лет.* говорит, что Феодор известил отца о гневе Ханском, но что Александр на все решился. Там же: «...мати же его и Бояре, и гости, и *Житейскіе мужи* унимаша его много». Имя *Житейские* означало то же, что *люди Житьи* или прежде *Огнищане* в Новогороде (см. Т. V.). Далее: «...братъ его, Князь Василей Михайловичь, съ Бояры и слугами проводиша его до Святославля поля» и проч.

[307] «Князь *Романчукъ* Бѣлозерскій». Князь Щербатов думал, что это не имя, а прозвание или отчество; но *Романчук* есть уменьшительное *Романа*, так же, как *Василько Василия*, и проч. «У Романа Михайловича, — пишет Щербатов, — было по Родословным два сына, Ѳеодор и Василій». Нет, в Родословных сказано, что Роман умер бездетен, а Феодор и Василий были сыновья брата его, Феодора Михайловича. Отец Романов в 1277 году женился на тетке Василия Давидовича Ярославского, дочери Феодора Черного.

[308] В *Троицк.*: «...и разоимани быша по съставомъ» — *Никон. Лет.* расплодила описание последних минут Александровых, сообразуясь с

повестью о кончине отца его; именует двух убийц сего Князя Берканом и Черкасом, и проч.

Сыновья Иоанновы — Симеон, Иван, Андрей — приехали к Хану в начале осени, а Князь Тверской был казнен в исходе Октября. — В *Никон. Лет.*: «Бояре и слуги, вземше тѣлеса ихъ, повезоша на Русь: и срѣте ихъ въ Володимерѣ Митрополитъ, и пѣвше надъ ними надгробное пѣніе, отпустиша ихъ, Братія же Князь Костянтинъ и Василей срѣтоша ихъ въ Переславлѣ, тоже и Гаврилъ Епископъ Ростовскій и Ѳедоръ Епископъ Тверскій, и тамо надгробное пѣніе совершиша, и отпустиша во Тверь; и тамо у Св. Михаила срѣтиша ихъ граждане, и вземше ихъ на главы своя, понесоша во градъ, и внесоша въ церковь Св. Спаса. Мати же его, и братія, и Княгиня его съ дѣтьми, и весь градъ плакашась горько. И тако Тверское Княженіе доконца опустѣ» и проч. Гробы сих Князей уже неизвестны. — В *Никон. Лет.* К. Стародубский Феодоръ назван Иоанновичем, а в Родословн. Книгах Михайловичем: «…у Князя Ивана Всеволодича» (дяди Александра Невского) «сынъ Иванъ Калистратъ, а Княжь Ивановъ сынъ Князь Михайло, а у Князя Михайла сынъ Князь Ѳедоръ, прозвище ему *Благовѣрной*, убитъ въ Ордѣ отъ Царя».

[309] См. *Никон. Лет.*

[310] Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314, 326, и Райнальд. Annal. Eccl. г. 1326, № 10. Пишут, что Новогородцы в тот же поход отняли стадо лосей у Шведских Лапландцев, которые собрались близ Каппивара (Käppivare) на горе, облив ее водою в жестокие морозы; пустили оттуда множество бревен на Россиян и побили великое число людей. — Папа Іоанн пишет к своим Легатам: Infideles pagani, Carelli videlicet et Rutheni, regnis Norvegiæ, Sueciæ ac Gociæ propinqui, adeo regna ipsa, præsertim Norvegiæ prædictum sibi vicinius, et degentes Christocolas in eodem per rapinas, incendia, strages varias, captiones, incarcerationes, depopulationes, et tam locorum sacrorum, quam aliorum dirutiones, et alios, incursus hostiles multiplices hactenus [«Нечестивые язычники, корелы и русские, соседи государства Норвежского, Швеции и Готланда, эти земли, в особенности ближайшую к ним Норвегию, и живущих там христиан тревожат разбоем, поджогами, всяким разорением, уводят жителей в плен, в темницы, истребляют их, многочисленными набегами разрушают святыни»] и проч.

[311] Сей трактат выписан Бишингом из Датского Архива и напечатан в Histor. Magaz. III, 177. От

имени Новагорода *целовали крест* Архиепископ Моисей, Посадник Варфоломей и Тысячский Евстафий (Borgravius Olphormoy и Dux Asthaphius), о коих упоминается и в наших летописях сего времени (см. *Новогород. Лет.* с. 178 и 179). Следующие места достойны замечания: «Въ возстановленіи древнихъ границъ полагаемся (мы Новогородцы) на Бога и на совѣсть Короля Магнуса… Гости или купцы Норвежскіе могутъ свободно ѣздить въ Новгородъ и Санлокъ (Sanloecke), котораго жители участвуютъ въ семъ мирѣ… Переводчиком трактата былъ Верикинъ… Писано въ Новѣгородѣ 1326 года, Іюня 3». — В *Новогород. Лет.*: «Той же зимы (1337) Корела, подведши Нѣмець, побиша Русь, Новогородцевъ много и Ладожанъ гостей, и кто жилъ Христіанъ въ Корелѣ; а сами побѣжали въ Нѣмедьскый городокъ, и потомъ много посѣкоша Христіанъ изъ Нѣмѣцскаго города. — Той же весны (1338) ходиша Новогородци съ Посадникомъ Ѳеодоромъ въ Неву, и стояша подъ Орѣховымъ съсылающеся послы съ Воеводою Нѣмедскимъ съ Стенемъ, и не бысть миру, но такъ възвратишась Новогородци въ Новгородъ. Воеваша Нѣмци съ Корелою много по Обонѣжію; послѣди же и Ладогу пожгоша, пригонивше посадъ; нъ города не взяша. Потомъ

ходиша молодци Новогородстіи съ Воеводами и воеваша Городецскую (Выборгскую) Корелу Нѣмецкую, и много попустошиша земли ихъ, и пріидоша вси здравіи. Того жь лѣта приходиша Нѣмци изъ городка воевати на Толъдогу (близъ Ладоги), оттолѣ идяху на Вотскую землю» (где ныне Ораниенбаум) «и не взяша ничто же: остерегли бо ся бяху, и пакы вышедъше Копорьяне съ Ѳедоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьянина, мужа добра, а подъ Ѳедоромъ конь раниша; а они вышли бяхуть вмалѣ… Той же зимы прислаша послы изъ Нѣмедска городка изъ Выбору о миру въ Новгородъ отъ Петрика Воеводы, рекуще, яко Князь Свѣйскій того не вѣдаетъ, что учинися розмиріе съ Новымгородомъ, нъ то подѣялъ Стень Воевода о своемъ умѣ. Новогородци же послаша Козму Твердиславичь и Олександра Борисовичь посольствомъ, и привезоша миръ, по тому, что докончали съ Вел. Кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Коболитьскую Корелу послати къ Свѣйскому Князю. — Послаша Новогородци (въ 1339 году) Кузму Твердиславля и Олександра Борисовичь съ другы, а отъ Владыкы сестричича его Матьѳеа за море къ Свѣйскому Князю посольствомъ, и наѣхаша его въ Мурьманской земли въ городѣ въ Людвли (см. Далин.

Gesch. Schw. II, 350), и докончаша миръ по старымъ грамотомъ» и проч.

312 Рясна есть ныне село между Могилевым и Мстиславлем. Осечену надлежало быть там же. В описании древней России имена сих двух городов стоят рядом (см. *Воскр. Лет.* I, 22).

313 «Мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша гнѣвомъ Божіимъ».

314 «Ко Князю же Ивану послаша Селивестра Волошевичь и Ѳедора Аврамова съ выходомъ (Ханской данью). Князь же присла послы свои, прося другова выхода: а *еще дайте ми запросъ Царевъ, чего у мене Царь запрошалъ*».

315 «Того же лѣта приде ратью съ Татары Князь Дмитрей Брянскій къ Смоленску на Князя Ивана Александровича, и бишась много, и взяша миръ». — Щербатов признает сего Димитрия братом Иоанна, т. е. Александровичем, ссылаясь на Родословные Книги; но это сомнительно. Летописи упоминают только о двух сыновьях Александра Глебовича, Василии и Иоанне (см. *Никон. Лет.* III, 108). В печатной Родословной Книге (II, 43) сказано: «*Пришелъ* изъ Смоленска Князь Александръ Глѣбовичь; у него 3 сына: *Дмитрей*, Володимеръ, *Иванъ*. Дмитрей да Володимеръ *были Воеводы* у Великаго Князя *Дмитрея на До-*

ну». Сии Александровичи, вышедшие в Москву с *отцем* около времен Мамаевых, не могли быть сыновьями владетельного Смоленского Князя Александра Глебовича, умершего еще в 1313 году (см. *Никон. Лет.*).

316 Увидим, что любимый сын Гедиминов, по смерти отца изгнанный братьями, искал убежища в Смоленске.

317 О Князьях Фоминских сказано в Родословных Книгах, что они происходят от Константина Юрьевича, коего отец, Князь Юрий Святославич Смоленский, в 1404 году изгнан из своего владения Гедиминовым внуком, Витовтом, и что сын Константинов, Феодор, женился на второй супруге Симеона Иоанновича, сына Калитина, по разводе ее с Великим Князем. Это явная нелепость: мог ли Феодор Константинович жениться около 1350 года, когда *дед* его в XV веке княжил в Смоленске? Что Фоминские выехали из Смоленска, тому верю; но не сын Юрия Святославича был их родоначальником, когда о сих Князьях упоминается еще в 1340 году. — Князья Друцкие должны быть потомками древних Владетелей Кривских или Полоцких. — Иван Ярославич *Юрьевский* без сомнения происходил от Всеволода III, хотя и не знаем, от чьего колена. Святослав

Всеволодович и сын его Димитрий княжили в Юрьеве около половины XIII века; наследники Димитриевы неизвестны.

В летописях: «Князь Великій послалъ же свою рать съ Товлубьемъ къ Смоленску по Цареву повелѣнью, а отпустилъ» — следуют имена Князей — «а съ ними Воеводу Александра Ивановича и Ѳеодора Акинѳовича; и стоявши рать у Смоленска не много дней, и отступивъ пойде прочь; милостію же Божіею съблюдена бысть вся рать Руская, и ничимъ же неврежена». Только въ *Никон. Лет.* сказано, что соединенные Князья Российские, *Мордовские* и Татары выжгли посады Смоленские, разграбили села и проч.

[318] Иоанн скончался в 1340, а не в 1341 (см. *Лет. Новогород.* и *Троицк.*). Лета сего В. Князя знаем единственно по тому, что отец его родился в 1261, а старший сын, Симеон, был в 1333 году семнадцати лет.

[319] В *Степенной Книге* I, 406: «Злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея». — В слове о житии Димитрия Донского, в его время сочиненном, сказано: «Бысть внукъ православнаго Князя Ивана Даниловича, *събрателя Русской земли*».

[320] «Того жь лѣта (1339) убьенъ бысть Князь

Козельскій Андрей Мстиславичь отъ своего братанича, отъ Пантелеева сына, отъ окаяннаго Василья мѣс. Іюля въ 23». По Родословн. Книгам у Михаила Черниговского был сын Мстислав Карачевский, а у Мстислава Андрей, или Андреян; первым же Козельским Князем назван Иоанн Титович, внук Мстислава Карачевского. О Пантелеймоне не упоминается.

«Царь послалъ (Товлубия) ратью къ Смоленску, а съ нимъ Князь Иванъ Коротополъ Рязанскій; и пріидоша въ Переяславль въ Рязанскій, а Князь Александръ Михайловичь Пронскій пошелъ былъ въ Орду ко Царю съ выходомъ, и стрѣтивъ его Коротополъ, има его, да пограбилъ, а самаго привелъ въ Переяславль, и ту убьенъ бысть Кн. Александръ отъ своего брата». (Князь Щербатов назвал Александра *Михайловича* сыном Кира Михаила Пронскаго, современника Всеволода III: в таком случае Александр имел бы около *ста тридцати летъ!*) «Тое же зимы злые коромольницы Брянци, сшедшеся Вѣчемъ, убиша Князя Глѣба Святославича Дек. въ 6 день; бѣ же въ то время въ Дебрянскѣ и Митрополитъ Ѳеогностъ, и не возможе уняти ихъ». Сей Глеб Святославич должен быть сыном Святослава Глебовича (забытого здесь Щербатовым) и двоюродным братом

Иоанна Александровича Смоленского. В Брянске княжил Димитрий (см. выше, примеч. 315): увидим его и после тамошним Князем.

321 См. *Ядро Рос. Истории.* Я нашел *современное* свидетельство сего Иоаннова прозвища. В Синодальной библиотеке под № 551, в четв. листа, есть харатейный Требник с следующей подписью Феогноста Митрополита: «Книга рекомая Потребникъ переведена съ моей келейной книги Греческой, зовомыя Эвхологіонъ, на Рускій языкъ, по прошенію моему грѣшному, по повелѣнію же Великаго Князя Іоанна Даниловича, по реклу *Калиты*; и азъ грѣшный Ѳеогностъ сію книгу сводилъ съ своею, съ нея же велѣлъ переводити, и она во всемъ добра и право переведена: того дѣля и рукою моею грѣшною на сей книгѣ написалъ есми въ лѣто отъ створенія міра 6837, а отъ по плоти Рождества Христова 1329, Мѣсяца Августа въ 27 день». Признаюсь, однако ж, что сия подпись кажется мне сомнительной, то есть новейшею времен Феогностовых. — В некоторых исторических рукописях сказано, что калита, носимая Иоанном, была ему подарена Ханом.

Но в той же книге, и тою же рукою, которою она писана, во втором столбце 97 листа, находится следующая, уже несомнительная припись:

«Въ лѣто отъ созданія міра 6837 году, а отъ по плоти Рожества Бога Слова въ лѣто 1359 году, повелѣніемъ благочестиваго Великаго Князя Ивана Даниловича, по реклу Калиты, по совѣту же во духовномъ чину и по благословенію отца его и богомолца Ѳеогноста Митрополита Грека, кныга сія, рекомая Евхологыонъ, или по просту по Рускы Потребникъ, новопреведеся з Греческаго языка ка Русски языкъ, з Греческаго писменнаго древняго Евъхологіона или Потребника, его же привезе собою смирены Митрополитъ Ѳеогностъ Грекъ, сего же вышеписаннаго году, и написася сія кныга, рекомая Потребникъ, съ переводу на бѣло въ славу единаго Бога, во Троицы славимаго, Отца и Сына и Св. Духа. Аминь». — За сим, под знаком трех крестов, написано: «Хрони твердѣ; огорожайся часто образомъ креста, складываючи три палца первыя, а два послѣднія пригнувъ добрѣ, ниче протягнувъ, клади на чело, на пупокъ, на правое плечо да на лѣвое, з доброю памятію, мыслячи на немъ распята за тобе, и тако не посмѣянъ будеши Дьяволомъ, и онъ стыдомъ пойдотъ прочь отъ тобя. Тако ся всегда огорожай; а я помощъю креста и кныгы ся написалъ». (Сообщено от Г. Калайдовича.)

[322] «Въ лѣто 6841 (1333) Князь Великій созда цер-

ковь камену на Москвѣ Св. Архангела Михаила, одиного лѣта и почата и кончана, а священа бысть Θеогностомъ Митроп. священьемъ великимъ Сент. въ 20 день». Отец и брат Иоаннов, Георгий, по сказанию Летописцев, были погребены также в храме Св. Михаила, но в деревянном. Далее: «Въ лѣто 6837 (1329) Маія 21 основана бысть на Москвѣ церковь камена во имя Св. Ивана Лѣствичника (в *Никон.*: еже есть подъ колоколы); того жь лѣта и свершена и священа бысть Сент. въ 1 день». На месте ее находится славная колокольня Ивана Великого. — «Того жь лѣта создана бысть церковь во имя Св. Апостола Петра поклоненью честныхъ его веригъ на память отца Максима. — Въ лѣто 6838 (1330) Мая въ 10 день Князь Великій заложи церковь камену во имя Св. Спаса Преображенья близъ сущу своего двора, и нарече быти ту монастырю… И приведе перваго Архимандрита, именемъ Ивана, мужа сановита суща, разумна же и словесна сказателя книгамъ, иже за его добродѣтель поставленъ бысть Епископомъ Ростову… Глаголютъ же нѣціи отъ древнихъ старецъ, яко первѣе бѣ Князь Данило Александровичь сію Архимандритію имѣяше у Св. Даніила за рѣкою» и проч. В *Степен. Книге* прибавлено следующее: «Древній же монастырь Даниловскій и погостъ и

села и все наслѣдіе вручи Вел. Князь Архимандриту Св. Спаса, да вкупѣ оба монастыря подъ единымъ началомъ устрояются. Мнозѣмъ лѣтамъ минувшимъ, старый монастырь Даниловскій оскудѣ нерадѣніемъ Архимандритовъ Спасскихъ, яко ни слѣду монастыря познаватися; токмо едина церковь оста, и прозвася мѣсто то *сельцо Даниловское.* Монастырь же Св. Спаса пребысть на Царскомъ Дворѣ до лѣтъ Вел. Князя Ивана Васильевича. Сей Самодержецъ паки изъ града Москвы переведе той монастырь и постави на новомъ мѣстѣ надъ Москвою рѣкою, на горѣ Крутицѣ обонъ-полъ, отъ древняго яко зрѣймо едино, иже нынѣ зовома есть великая обитель *Спасъ на Новомъ*; во градѣ же на Дворѣ Царскомъ у церкви Христова Преображенія устроенъ бысть Соборъ мірскихъ Іереевъ и Протопопство». В *Степен. Книге.* I. 408: «…во едину отъ нощій почивающу ему (Іоанну) на ложѣ своемъ, внезапу поторжеся цѣпь у двери ложницы его, и глаголъ слышася: *се старецъ пріиде!* а не видѣ никого же глаголющаго, и уразумѣ Вел. Князь, яко сбысться ему прорѣченіе Чудотворца Петра, и скоро вставъ, оставляетъ вся, и въ монастырь отходитъ Преображенія, въ немъ же и Мнишескаго образа сподобися воспріяти, и съ миромъ къ Богу отыде».

В летописях: «На туже зиму, Ноября 25 (г. 1339), заложенъ градъ Москва дубовый, а кончаша на весну въ Великое говѣнье». — В *Троицк.*: «...погорѣ (в 1331 году) Мая въ 3 день городъ *Кремникъ* на Москвѣ». И так название Кремля не есть Татарское и происходит от *кремня; Детинцем* же называли внутреннюю крепость, или замок от имени *Детских* (см. Т. I), или Отроков, коим поручалась ея защита. — Второй пожар был в 1337 году, Июня 13; церквей сгорело 18. О голоде сказано в *Троицкой*: «...въ лѣто 6840 (1332) бысть меженина велика въ землѣ Русьской, дороговь и гладъ хлѣбный и скудота всякаго жита; сію жь дороговь нѣціи глаголють *рослую рожь*» не для того ли, что сжатая рожь *проросла* в копнах от дождей?

[323] Так говорит Диакон Тимофей Каменевич-Рвовский в сочиненіи о древностях Российских, писанном его собственною рукою и хранящемся в Синодальной библиотеке под № 529, кн. I, Т. 2, л. 517. Вот точные слова его: «На устіи славныя Мологи рѣки древле были торги великіе, даже и до дній грознаго Господаря Василия Васильевича Темнаго, усмирившаго Русскую землю всю отъ разбоевъ правдою скиптродержавства своего, и во время его, прежде Шемякина суда, бывшаго

на него Государя (см. сей *Истории* Т. V.), сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ сбирали и вѣсили. Пріѣзжали торговать купцы многихъ государствъ Нѣмецкихъ и Польскихъ, и Литовскихъ, и Грецкихъ и Римскихъ — глаголютъ же и Персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во премногихъ ямахъ Холопскихъ (городка Холопьяго) и Моложскихъ товары своя драгія тѣ иностранные купцы и гости клали, и питія преузорочная и красная виноградная и прочая сокровища вся содержали и надъ ними торговали. Нынѣ же то наше купечество Моложское раздѣлися по инымъ торгамъ, къ славному городу Архангельскому, тажь и на Свинскую предбывшую славную ярманку, потомъ и Желтоводскую (Макарьевскую), и въ весь Ехонскую, и на Тихвину Новгородскую и по инымъ; той же Моложской превеликой и первой старой торгъ разно разыдеся. Рѣка же та великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устіи широкомъ, яко по судамъ тогда безъ перевозовъ преходили людіе рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ Моложскій, великій и прекрасный, иже иматъ во округъ свой 7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ или по 70,000 (рублей?) и болши собираху въ казну Вел. Князя, яко же бывшіи тогда въ память свою намъ о семъ

повѣдаша, яже отъ отецъ своихъ слышаша. Тогда же на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ розъѣздовъ по четыре мѣсяцы всѣ купцы и гости». — Каменевич писал в 1699 году, следуя древнему преданию. Он был родом Москвитянин, а жил в Угличе. Герберштеин (Rer. Moscov. Comment, с. 42 и 57) еще упоминает о славной ярмонке Холопьего городка (см. нашей *Истории* Т. I.).

[324] В родословной Годуновых сказано, что Захария выехал при Митрополите Феогносте, а крестил его Петр Митрополит: но Петра уже не было на свете, когда приехал Феогност в Россию. — В Родословных Книгах: «Ѳедоръ Бяконтъ пришелъ изъ Чернигова къ Вел. Князю Ивану Даниловичу, да былъ у него Бояринъ, и Москва за нимъ была; а у него 5 сыновъ: большой Алексѣй Чудотворецъ» и проч. Нет: сей Вельможа был в Москве еще при отце Иоанновом.

В Архив. *Ростов. Лет.*, л. 310 и 312: «Того же лѣта (1332) по званію Великаго Князя Іоанна пріиде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ Вельможъ служити, Родіонъ Несторовичь, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же Княжата и Дѣти Боярскія и двора его до тысящи и до семи сотъ. Князь же Великій пріятъ его съ радостію,

и даде ему Болярство на Москвѣ и устави ему надо всѣми большинство, и даде ему въ вотчину пол-Волока Ламскаго, а другая бысть половина Новогородская. По лѣтѣ же единомъ Родіонъ сосла Посадника Новогородскаго Микулу и приведе весь (Волокъ) къ Великому Князю. Великій же Князь даде ему села въ область кругъ рѣки Восходни на 15 верстахъ. Въ тѣ же поры бысть на Москвѣ Боляринъ Акинѳъ Гавриловичь, и не восхотѣ быти подъ Родіономъ въ меньшихъ, и отбѣжа во Тферь, и съ нимъ дѣти и внуцы его, а меньшаго своего внука остави во дворѣ своемъ, и найдоша его въ челяднѣ: бѣ бо 3 дни какъ родился; того ради прозваша его Михайло Челядня… Того же лѣта (1333) Князь Тферскій отъя у Великаго Князя волость Въюлки отъ Переяславскаго города, понеже наученъ бысть Акинѳомъ… Того же лѣта (1337) подведе рать многу Акинѳъ на Вел. Князя подъ Переяславль и осади его во градѣ: бѣ бо тогда Іоаннъ со *Княгинею* въ Переяславлѣ, а граду малу сущу и не тверду. Акинѳъ же стоя 3 дни, и не возможно бяше Вел. Князю собрати войска. Въ четвертый же день приспѣ Родіонъ съ войскомъ, и посла къ В. Князю отъ своихъ домочадецъ вѣрныхъ Свербея и Сарачю, и идоша нощію во градъ сквозѣ полки Тферскія,

и сказаша, яко Родіонъ приспѣ и ста отъ града за 5 верстъ, а съ нимъ его Дворъ и иніи вои, мало число… Іоаннъ же тое же нощи отосла къ Родіону Сарачю, а Свербея у себя остави, и повелѣ заутра ополчася прійти созади на Тферичь, а самъ заутра же выслa весь свой Дворъ… и соступишася, а Родіонъ приспѣ созади на Тферичь; и бысть сѣча зла, и поможе Богъ Великому Князю… а самого Акинѳа Родіонъ рукама своима уби, и главу его, взоткнувъ на копіе, привезе къ Іоанну, и рекъ: *се, Господине, твоего измѣнника, а моего местника глава.* Вел. Князь Боярина своего одаривъ и почтивъ, рече, яко подобаетъ ти и всегда у мене начальникомъ быти». Сия повесть есть новейшая вставка в Ростовскую летопись. Сражение с Акинфом под городом Переславлем было не в 1337, а в 1304. Тогда Иоанн не был еще Великим Князем. В 1337 году и супруги его уже не было на свете. Но главное происшествие вероятно, и Квашнины, потомки Родионовы, описывают оное в своей челобитной, поданной ими в 1576 году Царю Иоанну Васильевичу, говоря, что Акинф бежал от Калиты к Князю *Михаилу Ярославичу* Тверскому (убиенному в 1319 году). Сия челобитная находится в Архиве Иностранной Коллегии, в Миллеровом собрании рукописей, в бумажнике

под заглавием: *древнѣйшія дипломатическія извѣстія* № 13.

[325] «На туже зиму (лѣта 6839), Марта 1, преставися Княгиня Великая Иванова, именемъ Елена, въ Черницѣхъ и въ Скимѣ, и положена бысть въ церкви Св. Спаса». Сия грамота (напечатанная въ *Собрании Госуд. Грамот*, I, 31) писана в 1328 или 1331 году (см. выше, примеч. 291, и *Воскр. Лет.* II, 302 и 306), то есть прежде Еленины кончины, но уже во время Иоаннова Великокняжения: ибо на приложенной к ней серебряной, вызолоченной печати (с изображением Иоанна Предтечи и Спасителя) вырезаны слова: «печать *Великаго* Князя Ивана». Выписываем некоторые места: «А изъ городскихъ волостей даю своей Княгинѣ *осмничее*, а тамгою и иными волостьми» — т. е. иными доходами городских или *Московских* волостей — «подѣлятся сынове мои. Тако же и мыты, которыи въ которомъ уѣздѣ, тѣ тому; а оброкомъ медовымъ городскимъ Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои». О сборе *осмничем* упоминается несколько раз в завещаниях Княжеских; например, в духовной Димитрия Донскаго (см. Т. V): «Тамга изъ двою моихъ жеребьевъ Княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина, а *осмничее* мои два жеребья Княгинѣ моей». В чем

состоял сей доход, не знаем: потому я назвал его общим именем *оброка.* Далее: «А *числньыя* люди, а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча… а что мои люди купльныи въ великомъ свертцѣ» — т. е. описанные въ большомъ свертке — «а тыми ся подѣлятъ сынове мои». В договорной грамоте Димитрия Донского с братом его Владимиром сказано: «…а *численыхъ* людій блюсти ны съ одиного, а *земель ихъ* не *купити*». Сим именем означались люди свободные и владельцы. — Далее: «Два чума золота» от сего старинного имени ковша остались теперь слова *чумак, чумич, чумичка.* — «Поясъ съ *капторгами*» род застежек. — «Блюдо *пъздниньское*, два блюдца меньшіи… *Коць* великій съ бармами» не *ковер*, как думал Кн. Щербатов, а мантию Княжескую (см. выше, примеч. 43). — «*Бугай* соболій съ наплечки… Два кожуха съ *аламы* съ жемчугомъ». *Аламами* называлась наплечки с застежками. — В имени Марьи стерлись некоторые буквы; видно только М — Р — Я. — Здесь в первый раз употреблено имя *Дьяка* в смысле Секретаря, у Греков название Diakonos, у Скандинавов Diækne, означало слугу, школьника.

[326] Свинцовая маленькая печать привешена к Княжеской: на ней изображены два треугольника с звездочками, а на другой стороне, кажется,

буквы Татарские. Она могла быть чиновника Ханского или Баскакова. — И Переславль Залесский считался городом Великокняжеским, а не Московским: по тому взял его Димитрий Константинович Суздальский, сделавшись в 1360 году Великим Князем. — Иоанн, сверх Коломны и Можайска, отдал Симеону волости Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковець, Левичин, Скульнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьсце (может быть, на *Севе-реке*) в Похрянском Уезде, Констянтиновское, Орининское, Островское, Копотенское, Микульское, Малоховское, Напрудское у города (Москвы), сыну Ивану — Кремичну, Фоминское, Суходол, Великую свободу (слободу), Замошьскую, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовское, Тростну, Негучу, село Рюховское, Каменичьское, Рузьское, Белжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село в Замошской свободе, Семцинское, сыну Андрею — Нарунижское, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Растовец, Тухачев, село Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговское, Трофоновское, Ясеновское, Коломнинское, Ногатинское, а Великой

Княгине — Сурожик, Мушкину гору, Радонежское, Бели, Ворю, Черноголовль, на Воре свободку Софроньевскую, Вохну, Дейково, Раменье, Данилищову свободку, Машев, Селню, Гуслицу, село Михайловское, Луцинское, Радонежское, Дейгунинское, Тыловское, Рогожь, Протасьевское, Аристовское, Михайловское на Яузе, два села Коломенские. Многие из сих деревень или сел известны и ныне под теми же именами. — Далее: «А опрочь Московскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ *Новѣгородѣ* на Улалѣ, другое въ *Володимери* Борисовское; а что есмь купилъ село Петровское и Олексиньское, Вседобричь и Павловьское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ... а селця на Масѣ, что есмь купилъ у Афинея, то даю сыну своему Ивану; а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловьское у Юрьева, что есмь смѣнилъ на Матвеищовьское село, то даю сыну своему Андрею; а что село Павловское, бабы нашее купля, и новое селце, что есмь купилъ, и Олександръ Святый» (такъ называемое селение) «что есмь купилъ на *Костромѣ*, то даю Княгини своей; а что есмь купилъ село въ *Ростовѣ* Богородическое, а далъ есмь Бориску Воръкову... А что есмь

прикупилъ селце на Кержачи у Прокофья у Игумна, другое Леонтіевское, третье Шараповское, а то даю Св. Олександру (монастырю) собѣ въ поминанье». Не только Новогородцы, но и Князья Удельные не хотели, чтобы другие покупали села в их областях.

Так в договорной грамоте Донского с братом сказано: «…а селъ ти не купити въ моемъ Удѣлѣ» (см. *Рос. Вивлиоф.* I, 98). Сих духовных грамот Иоанновых две; в одной прибавлено о купленных селах; впрочем, все то же, от слова до слова.

[327] Донской в завещании своем говорит: «…а сына своего Юрья благословляю *куплею* своего *дѣда*, Галичемъ — а сына Андрея куплею же дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ — а сына Петра куплею же своего дѣда, Углечемъ Полемъ» (см. *Рос. Вивлиоф.* I, 103). — Константин Галицкий был родной брат Александра Невского. — В 1339 году вместе с Александром Тверским ездил в Орду еще независимый Князь Роман Михайлович Белозерский.

У меня есть так называемый *Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли*, в коем находятся следующие обстоятельства: «Въ 1332 году выѣхали изъ Орды всѣ Князья Русскіе, и К. Семену Ивановичу досталась въ удѣлъ Кострома съ Галичемъ. К. Семенъ черезъ годъ умеръ: сынъ его

Ѳеодоръ взялъ Галичь, а другой сынъ Андрей Кострому. Послѣдній женился на дочери *Ветлужскаго* Князя, Никиты Ивановича Байбороды. Братья, ссорясь между собою, Ѣздили мириться къ Вел. Князю Кіевскому, также и къ Московскому, который любилъ К. Ѳеодора. Въ то время Печерскій Игуменъ Даніилъ возвратился изъ Іерусалима и далъ своего ученика, Аѳанасія, Князю Ѳеодору. Среди глубокихъ лѣсовъ, близъ Чудскаго озера на рѣкѣ Костромѣ, гдѣ жилъ пустынникомъ знатный Тверитянинъ Гавріилъ, они построили великолѣпную церковь и монастырь Воскресенія. Тамъ К. Ѳеодоръ скончался Инокомъ, оставивъ сына, именемъ Андрея, съ коими воевали дядя его, К. Андрей Семеновичь, и Ветлужскій Никита Ивановичь, нанимая Луговую Черемису, Ногаевъ, Казанцевъ; имъ помогали также Суздальскіе Воеводы, племянники Ветлужскаго или Хлыновскаго. Они въ 1375 году разорили монастырь Воскресенскій, умертвивъ Иноковь» и проч. Это новая сказка. Князьями Галича были, после Константина Ярославича, сын его Давид, внук Иван, правнук Димитрий, изгнанный оттуда Димитрием Донским: ни Семена, ни Феодора, ни Андрея, ни Ветлужских, ни Хлыновских Князей не бывало, и Владетели Галицкие не могли тогда

судиться въ Киеве.

[328] Сия грамота не была нигде напечатана: для того включаю оную здесь.

«Се азъ Князь Василей Давыдовичь Ярославскій докончалъ есмь съ Архимандритомъ съ Пиминомъ про домъ Св. Спаса по дѣда своего грамотѣ, пожаловалъ есмь что людей Св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ, уреклъ есмь имъ на годъ два рубля давати, а не надобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восмничее, ни бобровое, ни стану не чинятъ въ селѣхъ Спаскихъ, ни дворскаго не емлютъ, ни иного ничего не емлютъ, ни становщикъ не въѣздитъ ни о чемъ же, ни *Бегеули* мои» (приставы: слово Татарское) «не имаютъ людей Спаскихъ въ сторожу, ни въ корму; а судьи мои вси, Намѣстницы и Тіуни не шлютъ Дворянъ своихъ по люди Св. Спаса, но шлютъ ко Игумену, а Игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей. А что будетъ судъ Спаскимъ людемъ съ моими людми, пріѣхавъ моему судьи въ монастырь, судити ему со Игуменомъ въ правъдѣ по цѣлованію; а вина, посулъ и пересудъ на полы, до моего ли дойдетъ, до Спаскаго ли; а что учинится между Спаскими людми бой, или татьба, или душегубство, или самосудъ, то все судитъ Игуменъ, и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса; а нашимъ судьямъ не надобѣ,

ни Дворяномъ; а кого перезоветъ Игуменъ изъ иные волости, то люди Св. Спаса, а мнѣ ся нихъ не вступати; а кто будетъ людей моихъ Св. Спаса въ половницы (в работниках), ать потягнутъ ко мнѣ данью и виною, до кого что дойдетъ, а Игумену ся не вступати; а что торгованіе на домъ Св. Спаса, крылошаномъ и Чернцомъ, тамга, ни восмничее не надобѣ; а перевозъ и рѣки бобровые, а то по давной пошлинѣ; а дому Св. Спаса блюсти ми, самому не обидѣти и въ обиду не давати. А далъ есмь домъ Св. Спаса на руцѣ отцу своему, примыслитъ ли, умыслитъ ли; а черезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ Св. Спаса, и милости Св. Спаса не буди на немъ». Подлинная грамота скреплена черной восковой печатью.

В рукописном собрании Двинских грамот есть две Калитины; в одной сказано: «Се язъ К. В. пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други: не надобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имь не тянути; и что у нихъ третники и наймиты, кто стражетъ на готовыхъ конехъ, а въ кунахъ» — кто работает на готовых конях, но за деньги — «и тѣмь не надобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, ни биричь ихъ не поторгывать» — не вызывать их чрез бирючей — «не надобѣ ни кормъ, ни подво-

да». В другой: «Отъ В. К. отъ Ивана, отъ Посадника Данила, отъ Тысяцкого Аврама, и отъ всего Новагорода къ Двинскому Посаднику на Колмогоры и къ Бояромъ къ Двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходить на море въ двадцати человѣкъ. А вы, Бояре Двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста; а погостъ Кергольскій и Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ, како то было при моихъ дядьяхъ, и при моемъ братѣ при старѣйшемъ» и проч.

Разные случаи Иоаннова Княжения, о коих мы не упоминали, суть следующие: в 1328 году, Сент. 7, преставился Ростовский Епископ Прохор; на его место поставлен Антоний. Юрьев Немецкий обратился в пепел; *каменные палаты* разрушились, и в домах сгорело Немцев 2580, а Россиян 4 человека. (По *Никон. Лет.* умеръ Тверской Епископ Варсонофий, и было в Новегороде землетрясение). — В 1329 «безъ Князя и безъ Новогородцевъ загорѣся Ондрешковъ дворъ въ Плотническомъ Концѣ и погорѣ до Св. Ѳеодора; и на той же недѣли погорѣ Иліина улица мало не вся, и Лубяница, и церкви Св. Спаса и Св. Лукы». (По *Никон. Лет.* в 1330 году умер сын Узбеков Темир, который убил *Загорского* Царя; отец весьма об нем печалился. Царь Узбек дал милостивую грамоту Сарайскому

Епископу. Убит Великий Князь Ординский Асан. Была засуха. Василий Михайлович Тверской женился в Брянске. Митрополит в Владимире Волынском поставил Тверского Епископа Феодора.) — В 1331 Новогород. Архиеп. Василий заложил кам. стену от церкви Св. Владимира до церкви Богоматери и Бориса и Глеба. (По сказанию *Никон. Лет.* было затмение солнца.) — В 1332 Новогородцы сменили Посадника Захарию и выбрали на его место Матфея Коску. — В 1333 Новогород. Архиеп. Василий «Св. Софею сторону свинцемъ поби, и великый крестъ обнови на Св. Софіи и сволокы сна сторону, и городъ (ограду) каменны постави». Митрополит Феогност возвратился в Россию из Константинополя и из Орды. — В 1334 Архиеп. Василий покрыл сделанную им ограду Софийскую. Руссов в своей Ливонской хронике пишет, что около сего времени Магистр Ордена, Эбергард, нападал на землю Российского Князя Сатата (Satates), друга Гедиминова, и воевал со Псковитянами, в такую холодную зиму, что один из его Рыцарей сказал: «…если бы я был Римскимъ Королем, то отдал бы половину моего Королевства за теплую горницу». Князя Сатата не знаем. Вероятно, что сия война Псковитян с Орденом есть та самая, о коей в наших летописях

упомиминается в 1342 году. — В 1335 Владыка Василий заложил церковь Богоматери в Зверинце, а бывший Новогородский Архиепископ Моисей — кам. церковь Св. Воскресения на Деревяннице, основав при оной монастырь. Архиеп. Василий с Посадником Феодоромъ Даниловичем, Тысячским Евстафием и со всеми Новогородцами заложил кам. стену на другой стороне Волхова от церкви Св. Илии до Св. Павла. Сгорела Вологда, Витебск и Дерпт. Архиеп. Василий и предместник его довершили церкви Богоматери в Зверинце и Св. Воскресения. «Той же осени внесе ледъ и снѣгъ въ Волховъ, и вышибе 15 городенъ (свай) великаго мосту». — В 1336 скончался Ростов. Епископ Антоний, и на его место поставлен Гавриил. Архиеп. Новог. Василий заложил, Июня 25, кам. церковь Вход в Иерусалим, на том месте, где был прежде теремец. Достроили новый мост через Волхов. Архиеп. Василий вновь *отынил* Софийскую церковь и сделал в ней *медные вызолоченные двери.* Сгорели во Пскове все дворы и церкви за городскою стеною. — В 1337, Апреля 12, у сына Калитина, Симеона Иоанновича, родился сын Василий. Сгорел Торопец. Новогород. церковь Вход в Иерусалим, сооруженная в 9 недель, была освящена 21 Сентября Архиеп. Василиемъ. В *Пс-*

ков. Лет.: «…придѣлаша *перси*» (часть нынешнего укрепления) «у дѣтинца, и путь простороннѣйшій створиша ко Св. Троици на городъ. Преставися Шолога Посадникъ Сент. 7». — В 1338 «бысть вода велика въ Волховѣ, якожь не бысть была такова николи же, по Велицѣ дни на третьей недѣли въ Среду, и снесе великаго мосту 10 городень; тогда же и Жилотужскій мостъ снесе, и сътворися зло много. Повелѣ Владыка Василій писати церковь входъ Іерусалима Исакію Гречину съ другы, Маіа въ 4. Дѣлаша мостъ новъ, что было вышибло, повелѣніемъ Владыки; самъ бо Владыка присталъ тому, и почалъ, и кончалъ своими людми, и много добра сътвори Христіаномъ. Преставись Архимандритъ Лаврентій Св. Георгія, и посадиша Іосифа». (По *Никон. Лет.* Татары воевали Литву.) — В 1339 «бысть знаменіе въ Новѣгородѣ Авг. 13 у Св. Лазаря отъ иконы Св. Вогородицы на вечерни: изъ обѣю очію яко слеза течаху, и подставиша двѣ вощаници; наутрія же увѣдавше городъ весь, Игумени и Попове съ причетники въ ризахъ съ кресты ходиша видѣти. Кончаша церковь Владычню пишующе. Окт. 5 погорѣ околотокъ отъ Св. Владиміра». (По *Никон. Лет.* было небесное знамение.) В *Псков. Лет.*: «…заложена бысть церковь кам. Св. Архангела Михаила и

Гавріила въ Городцѣ».

[329] См. в Эккарт. Corp Hist. medii ævi T. I. Хронику Иоанна Витодурана, с. 1862, или в Наруш. Hist. Narod. Polsk. V. 411: Causam adventus horum paganorum (Татаръ на Польшу въ 1341 году) aliqui aliter assignant, dicentes, quod Imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora reges satis idoneos Ruthenis præfecerat, quibus successive ab eis per venenum extinctis, procuravit eis christianum Latinum (т.е. Болеслава Мазовскаго...) qui dum regni gubernacula per plura anuorum curricula strenue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset, et hoc Ruthenis displicuisset, illum intoxicabant per venenum tam fortem, quod dissiliit in plures partes [«Другие указывают ные причины прихода этих неверных, говоря, что татарский государь незадолго до того прислал двух наместников, довольно подходящих для русских а после того, как они были отравлены, поставил над русскими христианина латинской веры. Он правил в течение многих лет, но не угоден был русским, ибо умножил там латинские обряды, и они отравили его ядом столь сильным, что тело его распалось на многие части»].

Стриковский называет мать Болеславову доче-

рью Льва Даниловича, а Зиморович — сестрою; второе совсѣмъ невероятно: ибо отец Болеславов, Тройден, родился после 1279 года, а Даниил умер в 1266 (см. Наруш. Hist. N. P. V, с. XLII). Несравненно достовернейший *Архидиакон Гнезненский* (см. его летопись в Зоммерсберг. Scriptoribus T. II, с. 97), Писатель современный, говорит: Post (coronationem Casimiri an. 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe *Kazimiro*, dicto *Georgio*, totius regni Russiæ Duce, Troidem Dux Masoviæ (надобно читать: Boleslaus, Troydeni filius) qui *avunculo* suo in Ducato Russiæ successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat [«После (коронации Казимира в 1333 г.) спустя немного времени по смерти великого князя Казимира, названного Георгием, правителя всея Руси, Тройден, князь Мазовский (…Болеслав, сын Тройдена), который наследовал своему дяде по матери в княжестве Русском, скончался, отравленный россиянами»]. Следственно Болеслав родился *от сестры Георгия* и, как вероятно, дочери Андреевой; Георгий же, сверх Христианского имени, мог называться Славянским *Казимира.* Зиморович называет и жену Любартову Даниловною; а Длугош удивительным образом путает, говоря о супруге Тройдена, Болеславе и Любарте: в одном месте пишет (кн.

IX, с. 1057), что первая была и Россиянка, и дочь Гедиминова; что Болеслав, умерший в 1339 году, наследовал Галицию уже по смерти дяди своего, Любарта, который, однако ж, в 1349 году еще княжил в Владимире и Луцке (Длугош. кн. IX, с. 1087).

Об условиях, на коих граждане Львовские поддалися Болеславу, пишетъ Зиморович в своем Triplici Leopoli: Sola Leopolis a commilitonibus Leonis, Tartaris, Saracenis (Аравитян?), Armenis, cæterisque stipatoribus Principis mascule defensa, peregrinis dominis (Мазовшанам) portas clausit, nec nisi pactis initis patefecit, ut nimirum Boleslaus, titulo Ducis Russiæ in se sumpto, urbanam multitudinem indemnem ac immunem suis legibus et ritibus vivere permittet, a cimeliarcho Ducali, velut re sacra, manus cohiberet, nihilque in publicum sine comitiis centurialis ageret. Hujusmodi sponsionibus vinctus, Boleslaus Leopolim receipt [«Львов, прочно защищенный соратниками Льва, тарами, сарацинами (Аравитян?), армянами и прочими союзниками князя, открыл ворота чужеземным господам на том условии, что Болеслав, приняв звание правителя Руси, позволит городскому люду без всякого ущерба свободно жить по своим законам и обычаям, не притронется к государственной

и церковной сокровищнице и ничего не станет делать в государственных делах без боярского согласия. Связанный обещаниями такого рода, Болеслав и получил Львов»].

О насилиях Болеславовых в Галиции см. Длугош. Hist. Polon. кн. IX, с. 1058. Папа Иоанн, сведав о намерении сего Князя принять Латинскую Веру, писал еще в 1327 году к его родственнику, Королю Польскому, чтобы он своими отеческими наставлениями утвердил Болеслава в таком душеспасительном желании: «…да отрасль твоего племени (говорит Иоанн) не будетъ отдѣленною отъ корня!» В Райнальд. Annal. Eccles. T. XV, г. 1327. № 49: Cum itaque sicut exultatione prægrandi nuper audivimus, nobilis vir *Boleslaus, Dux Russiæ*, pronepos tuus, qui ex ritus imitatione Græcorum ab universalis S. Romanæ matris Ecclesiæ unione dividitur, spiritum, Domino aspirante, conceperit ad unitatem ipsius Ecclesiæ redeundi, nec bene conveniat, ut ex tuæ, quod absit, degeneratione prosapiæ arbor discrepet a radice, rogamus excellentiam regiam, quantum affectuose possumus, et hortamur, te nihilominus in remissionem peccaminum obsecrantes quatenus præfatum Ducem, cui super hoc per alias nostras literas scribimus, quod relicto hujusmodi ritu erroneo redeat seu veniat in suæ salutis præmium ad ipsius

Ecclesiæ unitatem, paternis et salubribus inducere monitis non omittas [«Как мы недавно к вящей радости узнали, славный муж Болеслав, князь Российский, твой правнук который, следуя греческим обрядам, отделился от союза с общей нашей матерью римской святой церковью, склоняется теперь, Господом вдохновленный, к возвращению в общую веру, и нехорошо, если ветвь твоего рода будет отделена от корня. Мы сколь возможно горячо просим твое королевское высочество, молясь об отпущении грехов, и побуждаем тебя не оставить спасительными отеческими наставлениями вышеназванного князя, к которому пишем еще и другое послание, чтобы он, покинув ложные обряды, возвратился к единой церкви во свое спасение»]. Папа называет Болеслава Князем *Российским*: видно, что он при дяде своем, Георгии, имел какой-нибудь Удел в Галиции или в Волынии.

О завоевании Галиции Казимиром, зятем Гедиминовым, в 1339 году, пишет Длугош. кн. IX, с. 1058: Rex castris et civitate Leopoliensi potitus, plura antiquorum Russiæ Principum, magni valoris in auro, argento, gemmis, lapidibusque clenodia et deposita illic reperiens, inter quæ duas cruces aureas, notabili portione ligni Dominici insignes,

duoque diademata, lapides et graves censu uniones habentia, tunica et sella auro et gemmis superba, monstrabantur, in suum redigit ærarium [«Князь, завладев крепостью и городом Львовом и найдя там многие сокровища русских правителей, драгоценные знаки княжеского достоинства из золота, серебра и дорогих камней, среди которых были два золотых креста с частью Господнего древа, две короны, украшенные камнями и жемчугами большой цены, богатые одежды и трон с дорогими украшениями, взял все это в свою казну»].

О договоре Короля Польского с Литовскими Князьями см. Кромера кн. XII, с. 204. Они с обеих сторон условились тогда в случае распри прибегать к посредничеству Короля Венгерского. Кромер видел сей договор в Архиве Королевском.

С. М. СОЛОВЬЕВ
Из «Истории России с древнейших времен»[733]

Соперничество между Михаилом Ярославичем тверским и Юрием Даниловичем московским. — Борьба за Переяславль. — Юрий увеличивает свою волость. — Наступательные движения Твери на Москву. — Борьба Новгорода с Михаилом. — Юрий женится на сестре ханской и воюет с Михаилом, который побеждает его. — Жена Юрия умирает в плену тверском. — Вызов Михаила в Орду и убиение его. — Юрий получает ярлык на великое княжение. — Димитрий Михайлович тверской усиливается против него в Орде. — Димитрий убивает Юрия и сам убит по ханскому приказу. — Хан отдает великое княжение брату Димитриеву, Александру Михайловичу. — События в других княжествах. — Продолжение борьбы у Новгорода со шведами, у Пскова с ливонскими немцами. — Набег литвы. — Война новгородцев с

---

[733] Примечания: 733

Источник: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Второе издание. Книга первая. Т. I–V. СПб., 1895.

устюжанами. — Иоанн Данилович Калита княжит в Москве. — Митрополит Петр утверждает свой престол в Москве. — Истребление татар в Твери. — Калита с татарами опустошает Тверское княжество. — Александр спасается сперва в Пскове, а потом в Литве. — Он мирится с ханом и возвращается в Тверь. — Возобновление борьбы между Александром и Калитою. — Александр вызывается в Орду и умерщвляется там. — Московский князь примышляет к своей волости. — Судьба Ростова и Твери. — События в других северных княжествах. — События в Новгороде и Пскове. — Смерть Калиты и его духовные грамоты. — Усиление Литвы на западе. — Поляки овладевают Галичем. — События на восточной стороне Днепра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому[734], потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Данилович московский — правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства. Но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило

---

[734] Примечания: 734

Полн. собр. русск. лет. V, 207: Ему же по старейшиньству дошел бяше степень княжения великого.

теперь соперничество по праву силы: Юрий московский был также силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому считал себя вправе быть ему соперником. Когда Михаил отправился в Орду за ярлыком, то и Юрий поехал туда же. Когда он был во Владимире, митрополит Максим уговаривал его не ходить в Орду, не спорить с Михаилом, ставил себя и тверскую княгиню, мать Михаилову, поруками, что Михаил даст ему волости, какие только он захочет[735]. Юрий отвечал: «Я иду в Орду так, по своим делам, а вовсе не искать великого княжения». Он оставил в Москве брата своего Ивана, а другого, Бориса, отправил в Кострому; но здесь Борис был схвачен тверскими боярами, которые хотели перехватить и самого Юрия на дороге, но тот пробрался другим путем. Опасность грозила Переяславлю, и князь Иван Данилович переехал из Москвы сюда оборонять отцовское приобретение от тверичей. Ему дали тайно весть из Твери, что хотят оттуда прийти внезапно под Переяславль с войском; и действительно, под городом скоро появились тверские

[735] Примечания: 735

Чего всхочеши из отчины вашея, то ти дасть. По всем вероятностям, дело шло о Переяславле.

полки под начальством боярина Акинфа[736]. Этот Акинф был прежде боярином великого князя Андрея Александровича городецкого, по смерти которого вместе с другими боярами перешел в Москву; но туда же пришел тогда на службу знаменитый киевский боярин Родион Несторович с сыном и привел собственный двор, состоявший из 1700 человек; московские князья обрадовались такому слуге и дали ему первое место между своими боярами. На этом оскорбился Акинф, отъехал к Михаилу тверскому и теперь спешил отомстить Даниловичам московским за свое бесчестье. Он три дня держал Ивана в осаде; но на четвертый день явился на выручку Родион из Москвы, зашел тверичам в тыл; Иван в то же время сделал вылазку из города, и неприятель потерпел совершенное поражение; Родион собственноручно убил Акинфа, взоткнул голову его на копье и поднес князю Ивану с такими словами: «Вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова!»[737]

Между тем в Орде решился спор между князьями другим образом: когда Юрий приехал в Орду,

---

[736] Примечания: 736
Акинф Ботрин у Татищева (IV, 84).

[737] Примечания: 737
Карамз. IV, примеч., 325.

то князья татарские сказали ему: «Если ты дашь *выходу* (дани) больше князя Михаила тверского, то мы дадим тебе великое княжение». Юрий обещал дать больше Михаила, но тот надбавил еще больше; Юрий отказался, и Михаил получил ярлык[738]. В 1305 году Михаил возвратился из Орды и, узнав о смерти боярина своего Акинфа, пошел на Юрия; чем кончилась эта война, на каких условиях помирились соперники, неизвестно; но известно, что после этого Юрий московский начал стремиться к усилению своей волости, не разбирая средств: он убил рязанского князя, плененного отцом его Даниилом, и удержал за собою Коломну, и в том же году встречаем известие об отъезде братьев Юрьевых из Москвы в Тверь. Через два года (1308) Михаил опять пошел к Москве, бился под ее стенами, наделал много зла, но ушел, не взявши города. Под 1312 годом находим в летописях трудное для объяснения известие, что двенадцатилетний сын Михаила тверского, Димитрий, отправился в поход на Нижний Новгород, на князя Юрия, но во Владимире был удержан от своего намерения митрополитом

[738] Примечания: 738
Татищ., IV, стр. 86.

Петром и распустил войско[739].

До сих пор мы видели наступательные движения на Москву со стороны Твери; но в 1313 году дела переменились: хан Тохта умер, престол ханский занял молодой племянник его Узбек, и Михаил спешил в Орду взять ярлык от нового хана; этим отсутствием решились воспользоваться новгородцы, чтоб с помощью московского князя избавиться от притеснений тверского. Уже давно северные князья по примеру родоначальника своего Всеволода III стремились привести Новгород в свою волю, и только соперничеству между ними последний был обязан продлением своего быта. Когда по смерти Андрея Александровича оба князя соперника — и московский и тверской — отправились в Орду, тверичи хотели силою ввести в Новгород наместников своего князя; но последние не были приняты новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжок на случай нападения тверичей; тверские полки действительно явились у Торжка, но не решились напасть, потому что новгородцы собрали

[739] Примечания: 739

Арцыбашев (II, 72) говорит: «Может быть чтоб перехватить его (Юрия) на дороге в Орду». Но нет никакого повода думать, чтоб Юрий ездил в это время в Орду: об этом происшествии летописец по обычаю сказал бы непременно. В некоторых летописях: «И не благослови его митрополит столом в Володимери, и стоял три недели в възвратися въ свояси».

всю свою землю против них; наконец, положено было, что новгородцы на свободе будут дожидаться ханского решения, признают своим князем того из соперников, кто привезет ярлык на Владимирское княжество. Ярлык привез Михаил, и новгородцы в 1308 году посадили его у себя на столе на обычных условиях[740]. Однако в самом начале мы уже встречаем повторительные договорные грамоты новгородцев с Михаилом, и в их числе находится следующая жалоба новгородцев на двоих волостелей[741]: «Князь великий Андрей и весь Новгород дали Федору Михайловичу город стольный Псков, и он ел хлеб; а как пошла рать, то он отъехал, город бросил, новгородского и псковского поклона не послушал, да еще приехавши в село Новгородскую волость пусту

[740] Примечания: 740

Собр. гос. гр. и дог. I, № 6.

[741] Примечания: 741

Эти грамоты напечатаны в Собр. гос. гр. и дог. т. I, под № 9, 10 и 11-м; они относятся ко времени, следующему тотчас после первого вступления Михаила на стол новгородский, т. е. к 1308 году, ибо к ним привешаны печати архиепископа Феоктиста, а Феоктист отказался от архиепископства в 1308 году (Полн. собр. русск. лет. III, 68). Посадник в них означен *Гюрги*, вероятно, старый Юрий Мишинич, о новом избрании которого хотя и нет известия в летописи, но на летопись в этом случае положиться нельзя, ибо в ней нет о смене Юрия Мишинича в 1293 году, нет о смене последнего Семеном и есть только о смене Семена Андреем в 1303 году; в 1309 году сказано: «Даша посадничество Михаилу Павшиничу», но не сказано: у кого оно было отнято, следовательно, имеем право между Андреем и Михаилом поместить снова

Юрия Мишинича.

положил, братью нашу испродал. Тебе, князь, не кормить его новгородским хлебом, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадим. Бориса Константиновича кормил Новгород корелою, а он корелу всю истерял и за немцев загнал, да и на Новгороде брал больше, чем следует. Как будешь в Новгороде у отца своего владыки и у своих мужей, то нам с ним суд перед тобою, господин, и теперь серебра не вели ему брать. И тебе, господин, новгородским хлебом не кормить его, пусть выедет из Новгородской волости, а за села его деньги отдадим». Четыре года прошли, впрочем, мирно; на пятый встала ссора: Михаил вывел своих наместников, захватил Торжок, Бежецк со всеми волостями и остановил подвоз хлеба, что всего хуже было для новгородцев; весною, в распутье, отправили они владыку Давыда в Тверь, и тот успел заключить мир: Михаил *отворил ворота для* обозов и прислал опять своих наместников в Новгород, взявши с него за мир 1500 гривен серебра. Легко догадаться, что тверские наместники не стали воздержнее после этого, было от них новгородцам много обид и нужды, и вот в 1314 году, в отсутствие Михаила, новгородцы послали в Москву звать к себе князя Юрия. Тот отправил к ним сначала князя Федора ржевского,

который перехватал тверских наместников и пошел с новгородскими полками к Волге, куда навстречу вышел к нему сын Михаилов Димитрий с тверскою ратью. Битвы, впрочем, не было: простоявши до морозов у Волги, новгородцы заключили мир с Димитрием и послали в другой раз в Москву звать к себе князя Юрия на всей воле новгородской; Юрий на этот раз приехал сам вместе с братом Афанасием, и рады были новгородцы своему хотению, говорит их летописец.

Недолго радовались новгородцы: хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими[742], оставив в Новгороде брата Афанасия; тогда же пришла весть, что Михаил идет в Русь, ведет с собою татар. Новгородцы не могли теперь ждать от него милости и решились защищаться силою: князь Афанасий вышел с полками к Торжку и стоял здесь шесть недель, чтоб перенять весть; весть пришла, что Михаил со всею Низовою землею и татарами идет на Новгород. На этот раз дело не обошлось без битвы, и битва была злая: новгородцы потеряли много мужей добрых, бояр и купцов, и потерпели совершенное поражение: князь Афанасий с

[742] Примечания: 742
Карамз. IV, прим. 219.

остатком рати затворился в Торжке, куда победитель прислал сказать новгородцам: «Выдайте мне Афанасия и Федора ржевского, так я с вами мир заключу». Новгородцы отвечали: «Не выдаем Афанасия, но помрем все честно за св. Софию». Михаил прислал опять, требовал выдачи по крайней мере одного Федора ржевского; новгородцы сперва не соглашались, но потом поневоле выдали его, кроме того, заплатили Михаилу 50 000 гривен серебра[743] (по другим известиям — только 5000)[744] и заключили мир. Но Михаил, несмотря на мирное постановление, призвавши к себе князя Афанасия и бояр новгородских, перехватал их и отправил заложниками в Тверь, на жителей Торжка наложил окуп, сколько кто мог заплатить за себя, отобрал у них все оружие и тогда отправил своих наместников в Новгород, где посадничество дано было Семену Климовичу; но, по некоторым, очень вероятным известиям, Михаил дал посадничество из своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Димитриевичу. Заключен

[743] Примечания: 743
Полн. собр. русск. лет. III, 71: пять тем гривен серебр.

[744] Примечания: 744
Никон., III, 110. 378.

был договор[745]: «Что сталось между князем и Новгородом, какое розратье, что в эту замятню взято в княжой волости, или у наместников, или у послов, или гостиный товар, или купеческий, или в церквах, или у которого боярина и по всей волости, то все князь отложил; а что взято новгородского товара но всей волости, того всего Новгороду не поминать. Которые села или люди новгородские заложились в эту замятню за князя и за княгиню, или за детей их и бояр, или кто купил села — тот возьмет свои деньги, а села отойдут Новгороду по прежней грамоте владыки Феоктиста, что утвердил в Твери. Что взято полону по всей волости Новгородской, то пойдет к Новгороду без окупа. Князю великому Михаилу и боярам его не наводить рати на Новгород ни за

[745] Примечания: 745

Этот договор я читаю в грамоте, напечатанной в СГГиД. под № 12 и утвержденной в Новгороде и в Твери. Карамзин (IV, примеч. 221) думал, что эта грамота утверждена в Торжке, и по ней поправлял противоречивые показания летописей относительно суммы окупа; но он не обратил внимания на окончание грамоты, им самым выписанное: здесь прямо говорится, что великий князь должен изрезать прежнюю грамоту, написанную в Торжке вместе с тою, которая написана была в Городце на Волге. Далее Карамзин говорит: «Грамота же, писанная в Городке на Волге (ныне Городна близь Твери), содержала в себе, чаятельно, договор архиепископа Давида, заключенный им с великим князем в 1312». Но в летописи сказано, что владыка ходил для заключения этого договора в Тверь. Мы думаем, что эта грамота утверждена была новгородцами с князем Димитрием Михайловичем, когда они сошлись с ним на Волге, в 1314 году.

что, гостя не задерживать в Суздальской земле, нигде; а за все это взять князю у Новгорода 12 000 серебра, а что взято у заложников, то пойдет в счет этих 12 000; брать эти деньги в низовый вес, в четыре срока; а когда князь все серебро возьмет, то всех заложников должен отпустить. Нелюбье князь отложил от Новгорода, и от Пскова, и от всех пригородов и недругам своим мстить не будет; Новгороду держать княженье без обиды, а князю великому держать Новгород без обиды, по старине; опять сел князь великий Михаил на Феоктистовой грамоте, которую утвердил с владыкою и послами новгородскими в Твери. Если Новгород заплатит все серебро, 12 000, то великий князь должен изрезать две прежние грамоты: одну, которая утверждена была в Городце, на Волге, и другую — новоторжскую, что утвердили в Торжке».

Договор не был исполнен; новгородцы отправили послов к хану жаловаться на Михаила, но тверичи поймали послов и привели их в Тверь; в 1316 году наместники Михаиловы выехали из Новгорода, по другим известиям, были выгна-

ны[746], и Михаил отправился к Новгороду со всею Низовскою землею, а новгородцы сделали острог около города по обе стороны, и к ним на помощь сошлась вся волость: псковичи, ладожане, рушане, корела, ижора, вожане схватили какого-то Игната Беска, били его на вече и сбросили с моста в Волхов, подозревая, что он держит перевет к Михаилу, но правда ли это — бог один знает, по замечанию летописца; тогда же убит был и Данилко Писцов своим холопом, который донес горожанам, что господин посылал его с грамотами к князю Михаилу. Между тем Михаил приближался с войском и стал в 50 верстах от города[747]; но собственная болезнь, мор на лошадей, вести о враждебных намерениях Юрия московского заставили его отступить[748], и отступление было гибельно: тверские ратники

[746] Примечания: 746

Никон. III, 171; здесь же находим известие, что новгородцы с князем Афанасием Даниловичем ходили в Торжок и потерпели опять здесь поражение от Михаила.

[747] Примечания: 747

«Ста в Устьянех». Устьянский погост Деревской пятины Щедковского стана, в 50 верстах от Новгорода — Арцыб., II, прим. 547; у Татищева (IV, 96) вместо *на Устьянех — на устьцны.* По Никонов, ратники заблудились, идя к Новгороду, зашли на р. Ловать и там начали терпеть бедствия.

[748] Примечания: 748

Татищ., IV, 96.

заблудились в озерах и болотах, начали мереть от голода, ели конину, оружие свое пожгли или побросали и пришли пешком домой. В надежде, что эта беда сделает Михаила уступчивым, новгородцы в следующем 1317 году отправили к нему владыку Давыда с мольбою отпустить на окуп новгородских заложников; но Михаил не послушал просьбы архиепископской; ему, как видно, нужно было иметь в руках новгородских заложников в предстоящей борьбе с Юрием московским.

Юрий недаром жил в Орде; он не только оправдался в обвинениях Михаиловых, но умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его, Кончаке, которую при крещении назвали Агафиею. Ханский зять возвратился в Русь с сильными послами татарскими, из которых главным был Кавгадый; один татарин отправился в Новгород звать на Михаила его жителей; но последние, еще не зная, где князь Юрий, заключили с Михаилом договор в Торжке, по которому обязались не вступаться ни за одного из соперников, после чего тверской князь, собравши войско и снесшись с другими князьями, пошел к Костроме, навстречу Юрию. Долго соперники стояли на берегу Волги, наконец заключили договор, в со-

держании которого источники разногласят: по одним известиям, Юрий уступил великое княжение Михаилу[749], по другим, наоборот, Михаил уступил его Юрию[750]. Как бы то ни было, дело этим не кончилось; Михаил, возвратясь в Тверь, стал укреплять этот город, ожидая, как видно, к себе врага, и действительно, Юрий остался в Костроме, собирая отовсюду войска. Когда пришли к нему князья суздальские и другие, то он двинулся из Костромы к Ростову, из Ростова пошел к Переяславлю, из Переяславля к Дмитрову, из Дмитрова к Клину; а новгородцы уже дожидались его в Торжке. Наконец войска Юриевы пошли в Тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыевы ездили в Тверь, к Михаилу, с лестию, по выражению летописца, но мира не было, и в 40 верстах от Твери при селе Бортеневе произошел сильный бой, в котором Михаил остался победителем; Юрий с небольшою дружиною успел убежать в Новгород, но жена его, брат Борис, многие князья и бояре остались пленными в руках победителя. Кавгадый, видя торжество тверского князя, велел дружине своей бросить

[749] Примечания: 749
Никон., III, 112.

[750] Примечания: 750
Полн. собр. русск. лет. V, 208.

стяги и бежать в стан, а на другой день послал к Михаилу с мирными предложениями и поехал к нему в Тверь. Михаил принял его с честию, и татары стали говорить ему: «Мы с этих пор твои, да и приходили мы на тебя с князем Юрием без ханского приказа, виноваты и боимся от хана опалы, что такое дело сделали и много крови пролили». Князь Михаил поверил им, одарил и отпустил с честию.

Между тем Юрий явился опять у Волги, и с ним весь Новгород и Псков с владыкою своим Давыдом: понятно, что Новгород должен был вступиться за Юрия, не ожидая себе добра от усиления Михаилова. Тверской князь вышел к неприятелю навстречу, но битвы не было: заключили договор, по которому оба соперника обязались идти в Орду и там решать свои споры; Михаил обязался также освободить жену Юриеву и брата; новгородцы заключили с ним особый договор, как с посторонним владельцем[751] (1317 г.). Но жена Юриева не возвратилась в Москву: она умерла в Твери, и пронесся слух, что ее отравили. Этот слух был выгоден Юрию и опасен для Михаила в Орде, и когда тверской князь отправил в

[751] Примечания: 751
Собр. гос. гр. т. I, № 14.

Москву посла Александра Марковича с мирными предложениями, то Юрий убил посла и поехал в Орду с Кавгадыем, со многими князьями, боярами и новгородцами.

Начальником всего зла летописец называет Кавгадыя: по Кавгадыеву совету Юрий пошел в Орду. Кавгадый наклеветал хану на Михаила, и рассерженный Узбек велел схватить сына Михаилова, Константина, посланного отцом перед собою в Орду; хан велел было уморить голодом молодого князя, но некоторые вельможи заметили ему, что если он умертвит сына, то отец никогда не явится в Орду, и Узбек приказал выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то он боялся присутствия Михаилова в Орде и послал толпу татар перехватить его на дороге и убить; но это не удалось; чтоб воспрепятствовать другим способом приезду Михаилову, Кавгадый стал говорить хану, что тверской князь никогда не приедет в Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войско. Но в августе 1318 года Михаил отправился в Орду, и когда был во Владимире, то явился туда к нему посол из Орды, именем Ахмыл, и сказал ему: «Зовет тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц; если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на

тебя и на города твои: Кавгадый обнес тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде». Бояре стали говорить Михаилу: «Один сын твой в Орде, пошли еще другого». Сыновья его, Димитрий и Александр, также говорили ему: «Батюшка! Не езди в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдет». Михаил отвечал им: «Хан зовет не вас и никого другого, а моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души». Давши ряд сыновьям, разделив им отчину свою, написавши грамоту, Михаил отправился в Орду, настиг хана на устье Дона, по обычаю, отнес подарки всем князьям ордынским, женам ханским, самому хану и полтора месяца жил спокойно; хан дал ему пристава, чтоб никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал князьям своим: «Вы мне говорили на князя Михаила: так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав и кто виноват». Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание вельмож ордынских, где читали ему грамоты обвинительные: «Ты был горд и непокорлив хану нашему, ты позорил

посла ханского Кавгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казною и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался; но судьи стояли явно за Юрия и Кавгадыя; причем последний был вместе и обвинителем и судьею. В другой раз Михаила привели на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханом, который ехал на охоту; по ночам руки у Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал псалтирь, то отрок сидел перед ним и перевертывал листы. Орда остановилась за рекою Тереком, на реке Севенце, под городом Дедяковым, недалеко от Дербента. На дороге отроки говорили Михаилу: «Князь! Проводники и лошади готовы, беги в горы, спаси жизнь свою». Михаил отказался. «Если я один спасусь, — говорил он, — а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?» Уже двадцать четыре дня Михаил терпел всякую нужду, как однажды Кавгадый велел привести его на торг, созвал всех заимодавцев, велел поставить князя перед собою на колени, величался и говорил много досадных слов Михаилу, потом сказал ему: «Знай, Михайло! Таков ханский обычай: если хан

рассердится на кого и из родственников своих, то также велит держать его в колодке, а потом, когда гнев минет, то возвращает ему прежнюю честь; так и тебя завтра или послезавтра освободят от всей этой тяжести, и в большей чести будешь»; после чего, обратясь к сторожам, прибавил: «Зачем не снимете с него колоды?» Те отвечали: «Завтра или послезавтра снимем, как ты говоришь». «Ну по крайней мере поддержите колоду, чтоб не отдавила ему плеч», — сказал на это Кавгадый, и один из сторожей стал поддерживать колоду. Наругавшись таким образом над Михаилом, Кавгадый велел отвести его прочь; но тот захотел отдохнуть и велел отрокам своим подать себе стул; около него собралась большая толпа греков, немцев, литвы и руси; тогда один из приближенных сказал ему: «Господин князь! Видишь, сколько народа стоит и смотрит на позор твой, а прежде они слыхали, что был ты князем в земле своей; пошел бы ты в свою вежу». Михаил встал и пошел домой. С тех пор на глазах его были всегда слезы, потому что он предугадывал свою участь. Прошел еще день, и Михаил велел отпеть заутреню, часы, прочел со слезами правило к причащению, исповедался, призвал сына своего Константина, чтоб объявить ему последнюю

свою волю, потом сказал: «Дайте мне псалтирь, очень тяжело у меня на душе». Открылся псалом: «Сердце мое смутися во мне, и страх смертный прииде на мя». «Что значит этот псалом?» — спросил князь у священников; те, чтоб не смутить его еще больше, указали ему на другой псалом: «Возверзи на Господа печаль свою, и той тя пропитает и не даст вовеки смятения праведному». Когда Михаил перестал читать и согнул книгу, вдруг вскочил отрок[752] в вежу, бледный, и едва мог выговорить: «Господин князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!» Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: «Знаю, зачем идут, убить меня», — и послал сына своего Константина к ханше. Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торгу, потому что торг был близко от вежи, на перелет камня. Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену так, что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из

[752] Примечания: 752
Значит не всех отроков отогнали.

них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце[753]. Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?» Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары[754]; здесь гости, знавшие покойника, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церкви с честию, со свечами, но бояре московские не дали им и поглядеть на покойника и с бранью поставили его в хлеве за сторожами; из Маджар повезли тело в Русь, привезли в Москву и похоронили в Спасском монастыре. Из бояр и слуг Михайловых спаслись только те, которым удалось убежать к ханше; других же ограбили донага, били как злодеев и заковали в железа (1319 г.).

---

[753] Примечания: 753

22 ноября в среду, в седьмом часу дня.

[754] Примечания: 754

Теперь городище на реке Куме, Кавказской губернии, Георгиевского уезда.

Рис. 127. В. П. Верещагин. Михаил Ярославич Тверской у хана Узбека. 1896. Альбом «История Государства Российского в изображениях державных его правителей с кратким пояснительным текстом»

Рис. 128. Д. Плеханов. Михаил Тверской. 1686. Фрагмент росписи Софийского собора в Вологде

В 1320 году Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение и привел с собою молодого князя тверского Константина и бояр его в виде пленников; мать и братья Константиновы, узнавши о кончине Михаила и погребении его в Москве, прислали просить Юрия, чтоб отпустил тело в Тверь; Юрий исполнил их просьбу не прежде, как сын Михаилов Александр явился к нему во Владимир и заключил мир, вероятно на условиях, предписанных московским князем. В том же году Юрий отправил в Новгород брата своего Афанасия и ходил войною на рязанского князя Ивана, с которым заключил мир, а под следующим годом

встречаем известие о сборах Юрия на тверских князей; но войны не было: князь Дмитрий Михайлович отправил к Юрию в Переяславль послов и заключил мир, по которому заплатил московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать под ним великого княжения. Две тысячи рублей взяты были для хана; но Юрий не пошел с ними навстречу к татарскому послу, отправился в Новгород, куда вызвали его для дел ратных. Этим воспользовался Димитрий тверской, поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение; есть известие, что он объяснил хану всю неправду Юрия и особенно Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Димитрию дал великое княжение, узнавши от него, что Юрий сбирает дань для хана и удерживает ее у себя[755]. Последнее известие тем вероятнее, что находится в прямой связи с приведенным выше известием летописи об удержании тверского выхода Юрием; в связи с известием о гневе ханском на Юрия находится также известие о татарском после Ахмыле, который сделал много зла Низовской земле, много избил христиан, а других повел

[755] Примечания: 755

Татищ., IV, III. — О Кавгадые Полн. собр. русск. лет. V, 214: Смерть же грешников люта, еже бысть беззаконному и проклятому Кавгодыю, и не пробыв убо ни единого лета и зле изверже окаянный живот свой.

рабами в Орду. Как бы то ни было, впрочем, Тверь взяла перевес; Юрий видел необходимость идти опять в Орду и усердно просил новгородцев, чтоб проводили его: но на дороге, на реке Урдоме[756], он был захвачен врасплох братом Димитриевым Александром, казна его была отнята, сам же он едва спасся во Псков, откуда опять приехал в Новгород, ходил с новгородцами на берега Невы, потом в Заволочье и оттуда уже отправился в Орду по Каме, будучи позван послом ханским, в 1324 году. Димитрий тверской не хотел пускать соперника одного в Орду и поспешил туда сам. Мы не знаем подробностей о встрече двух врагов; летописец говорит, что Димитрий убил Юрия, понадеявшись на благоволение ханское; Узбек, однако, сильно осердился на это самоуправство, долго думал, наконец велел убить Димитрия (1325 г.); но великое княжение отдал брату его Александру; таким образом, Тверь не теряла ничего ни от смерти Михаила, ни от смерти Димитрия; в третий раз первенство и сила перешли к ее князю.

Взглянем теперь, что происходило в других княжествах во время этой первой половины борьбы

---

[756] Примечания: 756
Ярославской губернии, Романовского уезда.

между Москвою и Тверью. В год смерти великого князя Андрея Александровича (1304) вспыхнул мятеж в Костроме: простые люди собрали вече на бояр, и двое из последних были убиты; в следующем году в Нижнем Новгороде черные люди избили бояр князя Андрея Александровича; но в том же году возвратился из Орды князь Михаил Андреевич и перебил всех вечников, которые умертвили бояр. Здесь представляется вопрос: кто был этот князь Михаил Андреевич? До сих пор утверждено было мнение, что все князья суздальские происходят от Андрея Ярославича, брата Александра Невского, в таком порядке: Андрей — Михаил — Василий — Константин — Димитрий и т. д. В самом деле, летопись говорит, что после Андрея Ярославича осталось двое сыновей — Юрий и Михаил[757]. Юрий умер в 1279 году, и вместо него садится в Суздале брат его Михаил[758]; потом летопись упоминает о смерти сына Михаилова Василия в 1309 году[759]; потом встречаем Александра и Константина Василье-

---

[757] Примечания: 757
Никон., III, 43.

[758] Примечания: 758
Никон., III, 67.

[759] Примечания: 759
Никон, III, 105.

вичей суздальских, которых легко принять за детей Василья Михайловича. И действительно, в большей части родословных эти князья показаны происходящими от Андрея Ярославича. Но вот под 1364 годом читаем в летописи известие о кончине князя Андрея Константиновича суздальского, и этот князь называется потомком не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невского, в таком порядке: Андрей — Михаил — Василий — Константин[760]. В известии о кончине брата Андреева, Димитрия Константиновича, повторена та же родословная. Эта последняя родословная объявлена ошибочною; утверждено, что князь Михаил Андреевич был сын Андрея Ярославича, а не Александровича, у которого детей не было, кроме Бориса, умершего при жизни отца. Но на чем же основано такое утверждение? Основываются на том[761], что по смерти Андрея Александровича бояре, не имея государя, уехали к Михаилу тверскому. Но если б Михаил Андреевич был сын Андрея Александровича, то бояре последнего могли по разным причинам отъехать к Михаилу тверскому, имея

---

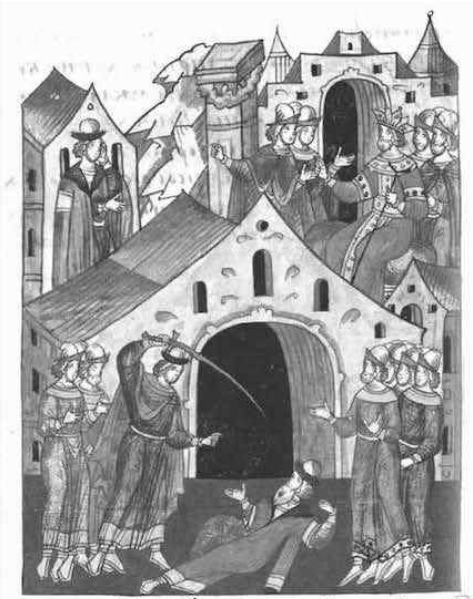
[760] Примечания: 760
Там же, IV, 8.

[761] Примечания: 761
Карамз., IV, примеч. 209.

за собою право отъезда. Мы привели известия летописи об избиении бояр черными людьми в Нижнем Новгороде и о наказании мятежников великим князем Михаилом Андреевичем; но если Михаил Андреевич был сын Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре последнего являются в его княжестве и распоряжаются так, что возбуждают против себя черных людей? Это показывает, с другой стороны, что не все бояре Андрея Александровича отъехали в Тверь; часть их, и может быть большая, дожидалась в Нижнем прибытия князя Михаила Андреевича, сына своего прежнего князя. Итак, отъезд бояр — не причина признавать Михаила Андреевича сыном Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другие указания, подтверждающие родословную летописи: царь Василий Иванович Шуйский в грамоте о своем избрании, говоря о происхождении своем, ведет общий род до Александра Невского, которого называет своим *прародителем,* и после Александра начинает разветвление рода на две отрасли: отрасль Андрея Александровича, от которого пошли они, князья суздальские — Шуйские, и отрасль Даниила Александровича, от которого пошли князья, потом цари московские: «Учинились мы на отчине

прародителей наших, царем и великим князем на Российском государстве, которое даровал бог прародителю нашему Рюрику, и потом в продолжение многих лет, до прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского, на Российском государстве были прародители мои, а потом на Суздальский удел отделились, не отнятием, не по неволе, но как обыкновенно большие братья на бо´льшие места садились»[762]. Линия Андрея Александровича отделилась на Суздальский удел, как обыкновенно большие братья сажались на большие места: в самом деле, Андрей Александрович был большой брат Даниилу Александровичу, и Суздаль был большое место относительно Москвы. Итак, вопрос о происхождении князей суздальских-нижегородских не может быть решен окончательно.

[762] Примечания: 762
Собр. гос. гр. и дог. II, № 141.



Того же лѣта князь Дмитрей Михайловичь
Тферскій, иноуя Ярослава, оубѣ
ю(т)ца своего князя Юрья Даниловича
Московскаго, иноуя Александра
Ярославича, праправноуча
всеволожа, прапраправноуча Юрья
Долгорукаго, прапраправнука Мер-
маномаха, праправнука Ярослава.
Прапраправнука Георгіева.

Рис. 129. Дмитрий Михайлович убивает Юрия

Даниловича Московского в Орде. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

В Ростове в 1309 году умер князь Константин Борисович, и место его заступил сын Василий; другого, Александра, мы видели в Угличе; под 1320 годом упоминается о смерти сына его, Юрия Александровича. В Ярославле в 1321 году умер князь Давыд, сын Федора Ростиславича Черного, смоленского; место его занял сын, Василий Давыдович. В Галиче упоминается под 1310 годом князь Василий Константинович, внук Ярослава Всеволодовича, княживший, как видно, по брате своем, Давыде. В Стародубе по смерти внука Всеволода III, Михаила Ивановича, княжил сын его Иван, умерший в 1315 году; место покойного заступил сын его, Федор Иванович. В Рязани после Константина Романовича, убитого в Москве, княжил сын его Василий, который был убит в Орде в 1308 году; в 1320 году видим в Рязани двоюродного брата Василиева, князя Ивана Ярославича, против которого предпринимал поход Юрий московский. В 1313 году умер князь Александр Глебович смоленский, оставив двоих сыновей, Василия и Ивана.

Касательно внешних отношений упоминается под 1308 годом о нашествии татар на Рязань,

имевшем, как видно, связь с убиением тамошнего князя Василия Константиновича в Орде. В 1318 году приходил из Орды лютый посол, именем Конча, убил 120 человек у Костромы, потом пошел и весь Ростов повоевал ратию. В 1320 г. посол Байдера много зла наделал во Владимире; в 1321 г. татарин Таянчар был тяжек Кашину; в 1322 году посол Ахмыл наделал много зла низовым городам, Ярославль взял и повел много пленников в Орду[763]. На северо-западе продолжалась старая борьба — у Новгорода со шведами, у Пскова с ливонскими немцами. В 1310 году новгородцы в лодьях и *лойвах* вошли в Ладожское озеро, в реку Узерву, и построили на пороге новый город, разрушивши старый[764]. В следующем году под начальством князя Димитрия Романовича смоленского они отправились войною за море, в шведские владения, в Финляндию (емь); переехавши море, повоевали сначала берега Купецкой реки, села пожгли, людей побрали в плен, скот побили; потом взяли всю Черную реку, по ней подплыли к городу Ванаю, город взяли и сожгли; шведы заперлись во внутренней

[763] Примечания: 763
Никон, III, 127: и Ярославль взяша и *сожгоша.* Не Солигалич ли?

[764] Примечания: 764
Книга Больш. Черт.: на усть реки Узервы на острову город Корела.

крепости, или детинце, построенном на высокой неприступной скале, и прислали к новгородцам с поклоном просить мира, но те мира не дали и стояли трое суток под городом, опустошая окрестную страну: села большие пожгли, хлеб весь потравили, а из скота не оставили ни рога; потом пошли, взяли места по рекам Кавгале и Перне, выплыли этими реками в море и возвратились в Новгород все здоровы[765]. Шведы отомстили новгородцам сожжением Ладоги в 1313 году. Мы уже видели попытки корелы отложиться от Новгорода и попытки шведов утвердиться в Корельской земле; видели и причину неудовольствия корелы в жалобе новгородцев на княжеского наместника, Бориса Константиновича, который своими притеснениями заставлял корелян бежать к шведам; в 1314 году встречаем новое известие о восстании корелян: они перебили русских, находившихся в Корельском городке, и ввели к себе шведов; новгородцы, однако, недолго позволяли короле оставаться за шведами; в том же году пошли

[765] Примечания: 765

Места здесь означенные спорные: по одним Ванай близ Тавастгуса, где теперь приход Ваная, Купецкая река — Кумо, Черная — Нокия; по другим Купецкая река есть залив Пойо, Черная — Карие. Река Перно в Кименегородской губернии; Кавгалу принимают за Борго, отделяющую Кименегородскую губернию от Тавастгусской. См. Карамз, IV, примеч. 214; Арцыбаш, II, прим. 528–533. Lehrberg — Untersuchungen, стр. 232.

они с наместником великого князя Михаила Ярославича Феодором к городу и перебили в нем всех шведов и переветников корелян. Через два года неприятельские действия возобновились: шведы в 1317 году вошли в Ладожское озеро и побили много обонежских купцов; а в следующем году новгородцы отправились за море и много воевали: взяли Або и находившийся недалеко от него епископский замок. В 1322 году шведы опять пришли драться к Корельскому городку, но не могли взять его; вслед за этим новгородцы с великим князем Юрием пошли к Выборгу и били его 6 *пороками*, но взять не могли, перебили только много шведов в городе и взяли в плен; из пленников одних перевешали, других отправили в Суздальскую землю (на Низ), потеряли несколько и своих добрых мужей. Надобно было ждать мести от шведов, и новгородцы в 1323 году укрепили исток Невы из Ладожского озера, поставили город на Ореховом острове (Орешек); но вместо рати явились послы шведские с мирными предложениями, и заключен был мир вечный по старине. Юрий с новгородцами уступил шведам три корельских округа: Саволакс, Ескис и

Егрепя[766]. Под 1320 годом встречаем известие о враждебном столкновении с норвежцами: какой-то Лука, сказано, ходил на норвежцев, которые разбили суда какого-то Игната Молыгина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востоке князья заняты усобицами, там идет важный вопрос о том, какому княжеству пересилить все остальные и собрать землю Русскую; Новгород занят также этими усобицами и борьбою со шведами; притом же у него со Псковом начинаются неприятности, переходящие иногда в открытую вражду, причины которой в летописи не высказаны ясно. Стремление Пскова выйти из-под опеки старшего брата своего Новгорода мы замечаем с самого начала: после это стремление все более и более усиливается; новгородцы, разумеется, не могли смотреть на это равнодушно и не могли близко принимать к сердцу затруднительное положение младших братьев: отсюда жалобы последних на холодность новгородцев, оставление без помощи, что еще более усиливало размолвку; притом

[766] Примечания: 766

Полн. собр. русск. лет. III, 72; Арцыб, II, прим. 558, 559. *Буткова*, Три древние договора русских с норвежцами и шведами, в журн. Мин. вн. д. 1837 г, ч. 23. *Неволина*, О пятинах Новгор, в записк. Геогр. общ. кн. VIII; Antiquites Russes t. II.

же, не имея возможности давать чувствовать псковичам свое господство в политическом отношении, новгородцы сильно давали чувствовать его в церковном, вследствие того что Псков был подведомствен их владыке: отсюда новые неприятности и стремление псковичей отложиться от новгородского владыки, получить для себя особого епископа[767]. Когда князья русские приезжали во Псков, то граждане принимали их с честью, от всего сердца[768]; но эти князья не могли ходить с псковичами на немцев или отсиживаться в осаде от них; так, были во Пскове по необходимости на короткое время князья Димитрий Александрович и Юрий Данилович. Не видя помощи от русских князей, псковитяне принуждены были посылать за литовскими. В 1322 году немцы во время мира перебили псковских купцов на озере и рыболовов на реке Нарове, опустошили часть Псковской волости; псковичи послали в Литву за князем Давыдом, пошли с ним за Нарову и опустошили землю до самого Ревеля. В марте 1323 года пришли немцы под Псков со всею силою,

[767] Примечания: 767

Полн. собр. русск. лет. IV, 183: бысть псковичем немирье со владыкою Феоктистом и с новгородцы.

[768] Примечания: 768

Там же, стр, 184.

стояли у города три дня и ушли с позором, но в мае явились опять, загордившись, в силе тяжкой, без бога; пришли на кораблях, в лодках и на конях, со стенобитными машинами, подвижными городками и многим замышлением. На первом приступе убили посадника; стояли у города 18 дней, били стены машинами, придвигали городки, приставляли лестницы. В это время много гонцов гоняло из Пскова к великому князю Юрию Даниловичу и к Новгороду, со многою печалию и тугою, потому что очень тяжко было в то время Пскову, как вдруг явился из Литвы князь Давыд с дружиною, ударил вместе с псковичами на немцев, прогнал их за реку Великую, машины отнял, городки зажег, и побежали немцы со стыдом; а князь великий Юрий и новгородцы не помогли, прибавляет псковский летописец.

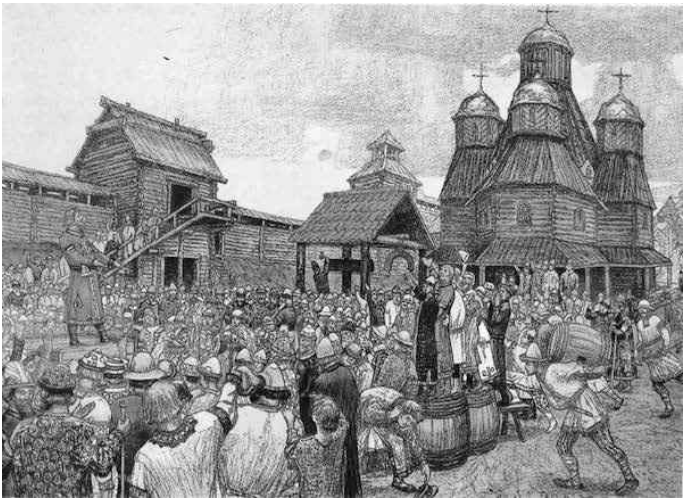


Рис. 130. А. М. Васнецов. Псковское вече. 1909. Мемориальный музей-квартира А. М. Васнецова

Литовцы в 1323 году напали на страну по реке Ловати, но были прогнаны новгородцами. Мы видели волнения среди корел, видели и прежде восстания финских племен в Двинской области против новгородцев; в 1323 году началась у последних вражда с устюжанами, которые перехватили новгородцев, ходивших на югру, и ограбили их. Задвинские дани и торговля были главным источником богатства для новгородцев,

и потому они не могли оставить этого дела без внимания: в следующем же году с князем Юрием Даниловичем они пошли в Заволочье и взяли Устюг на щит; когда они были на Двине, то князья устюжские прислали к Юрию и новгородцам просить мира и заключили его на старинных условиях. В чем состояли эти старинные условия, мы не знаем; знаем только то, что еще в 1220 году великий князь Юрий Всеволодович, собирая войско на болгар, велел ростовскому князю взять также и полки устюжские; из этого известия можно только заключить о зависимости Устюга от ростовских князей.

Таковы были отношения Северной Руси к соседним народам в первую половину борьбы между Тверью и Москвою до смерти Димитрия тверского и Юрия московского. Димитрию наследовал, как мы видели, брат его Александр Михайлович с ярлыком и на великое княжение, Юрию также брат — Иоанн Данилович Калита, остальные братья которого — Александр, Афанасий, Борис — умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, следовательно, княжил один в Московской волости; как видно, он управлял Москвою гораздо прежде смерти Юрия, когда последний находился то в Орде, то в Новгороде; иначе он не имел бы времени сбли-

зиться с митрополитом Петром, ибо Юрий убит в 1325 году, а митрополит Петр умер в 1326. Еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал на жительство во Владимир. Последний город был столицею великих, или сильнейших, князей только по имени, ибо каждый из них жил в своем наследственном городе; однако пребывание митрополита во Владимире при тогдашнем значении и деятельности духовенства сообщало этому городу вид столицы более, чем предание и обычай. После этого ясно, как важно было для какого-нибудь города, стремившегося к первенству, чтоб митрополит утвердил в нем свое пребывание; это необходимо давало ему вид столицы всея Руси, ибо единство последней поддерживалось в это время единым митрополитом, мало того, способствовало его возрастанию и обогащению, ибо в него со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого имел пребывание, Калита умел приобресть расположение митрополита Петра, так что этот святитель живал в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней. Гроб

святого мужа был для Москвы так же драгоценен, как и пребывание живого святителя: выбор Петра казался внушением божиим, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева. Петр, увещевая Калиту построить в Москве каменную церковь Богоматери, говорил: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Другие князья хорошо видели важные последствия этого явления и сердились; но помочь было уже нельзя.

Рис. 131. Дионисий. Икона «Митрополит Петр в житии». 1480-е гг.

Но в то время, как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, Александр тверской необдуманным поступком погубил себя и все княжество свое. В 1327 году приехал в Тверь ханский посол, именем Шевкал (Чолхан), или Щелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Вдруг в народе разнесся слух, что Шевкал хочет сам княжить в Твери, своих князей татарских посажать по другим русским городам, а христиан привести в татарскую веру. Трудно допустить, чтоб этот слух был основателен: татары изначала отличались веротерпимостью и по принятии магометанства не были ревнителями новой религии. Узбек, по приказу которого должен был действовать Шевкал, покровительствовал христианам в Кафе, позволил католическому монаху Ионе Валенсу обращать в христианство ясов и другие народы по берегу Черного моря; он же, как мы видели, выдал сестру свою за Юрия

московского и позволил ей креститься[769]. Еще страшнее был слух, что Шевкал хочет сам сесть на великом княжении в Твери, а другие города раздать своим татарам. Когда пронеслась молва, что татары хотят исполнить свой замысел в Успеньев день, пользуясь большим стечением народа по случаю праздника, то Александр с тверичами захотели предупредить их намерение и рано утром, на солнечном восходе, вступили в бой с татарами, бились целый день и к вечеру одолели. Шевкал бросился в старый дом князя Михаила, но Александр велел зажечь отцовский двор, и татары погибли в пламени; купцы старые, ордынские, и новые, пришедшие с Шевкалом, были истреблены, несмотря на то что не вступали в бой с русскими: одних из них перебили, других перетопили, иных сожгли на кострах.

Но в так называемой Тверской летописи Шевкалово дело рассказано подробнее, естественнее и без упоминовения о замысле Шевкала относительно веры: Шевкал, говорится в этой летописи, сильно притеснял тверичей, согнал князя Александра со двора его и сам стал жить на нем; тверичи просили князя Александра об обороне,

[769] Примечания: 769

См. исследование Г. Григорьева: о достоверности ярлыков, данных русскому духовенству стр. 59.

но князь приказывал им терпеть. Несмотря на то, ожесточение тверичей дошло до такой степени, что они ждали только первого случая восстать против притеснителей; этот случай представился 15 августа: дьякон Дюдко повел кобылу молодую и тучную на пойло; татары стали ее у него отнимать, дьякон начал вопить о помощи, и сбежавшиеся тверичи напали на татар[770].

Узбек очень рассердился, узнав об участи Шевкаловой, и, по некоторым известиям, послал за московским князем, но, по другим известиям, Калита поехал сам в Орду тотчас после тверских происшествий и возвратился оттуда с 50 000 татарского войска. Присоединив к себе еще князя суздальского, Калита вошел в Тверскую волость по ханскому приказу; татары пожгли города и села, людей повели в плен и, просто сказать, положили пусту всю землю Русскую, по выражению летописца; но спаслась Москва, отчина Калиты,

---

[770] Примечания: 770

В некоторых списках летописи Александр говорит те же самые слова, какие древний летописец заставляет говорить Ярослава Старого перед битвою с Святополком: «Не яз почах избивати, но он и да будет отместник бог крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрия, зане прольяша кровь праведную, егда мне сеже створить?». Если бы Александр действительно говорил что-нибудь подобное, то этим указал бы нам главную причину восстания, а в вопросе «егда мне сеже створить?», видели бы мы только опасение и нисколько не убеждение в справедливости слухов о татарских замыслах.

да Новгород, который дал татарским воеводам 2000 серебра и множество даров. Александр, послышав о приближении татар, хотел бежать в Новгород, но новгородцы не захотели подвергать себя опасности из-за сына Михаилова и приняли наместников Калиты; тогда Александр бежал во Псков, а братья его нашли убежище в Ладоге. В следующем 1328 году Калита и тверской князь Константин Михайлович поехали в Орду; новгородцы отправили туда также своего посла; Узбек дал великое княжение Калите, Константину Михайловичу дал Тверь и отпустил их с приказом искать князя Александра. И вот во Псков явились послы от князей московского, тверского, суздальского и от новгородцев уговаривать Александра, чтоб ехал в Орду к Узбеку; послы говорили ему от имени князей: «Царь Узбек всем нам велел искать тебя и прислать к нему в Орду; ступай к нему, чтоб нам всем не пострадать от него из-за тебя одного; лучше тебе за всех пострадать, чем нам всем из-за тебя одного попустошить всю землю». Александр отвечал: «Точно, мне следует с терпением и любовию за всех страдать и не мстить за себя лукавым крамольникам; но и вам недурно было бы друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться

им, защищать Русскую землю и православное христианство». Александр хотел ехать в Орду, но псковитяне не пустили его, говоря: «Не езди, господин, в Орду; что б с тобою ни случилось, умрем, господин, с тобою на одном месте». Надобно было действовать силою, но северные князья не любили действовать силою там, где успех был неверен; они рассуждали: «Псковичи крепко взялись защищать Александра, обещались все умереть за него, а близко их немцы, те подадут им помощь». Придумали другое средство, и придумал его Калита, по свидетельству псковского летописца: уговорили митрополита Феогноста проклясть и отлучить от церкви князя Александра и весь Псков, если они не исполнят требование князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья мои! не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей». Псковичи поцеловали крест и отпустили Александра в Литву, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове туга и печаль и молва многая по князе Александре, который добротою и любовию своею пришелся по сердцу псковичам. По отъезде Александра послы

псковские отправились к великому князю московскому и сказали ему: «Князь Александр изо Пскова поехал прочь; а тебе, господину своему князю великому, весь Псков кланяется от мала и до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовы, и жены, и малые дети». Услыхав, что Александр уехал изо Пскова, Калита заключил с псковичами мир вечный по старине, по отчине и по дедине, после чего митрополит Феогност с новгородским владыкою благословили посадника и весь Псков (1329 г.).

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза приутихла, возвратился к жене во Псков, жители которого приняли его с честию и посадили у себя на княжении. Десять лет спокойно княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери: Псков по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его; относительно же родной области он знал старый обычай, по которому дети изгнанного князя не могли надеяться на наследство; по словам летописи, Александр рассуждал так: «Если умру здесь, то что будет с детьми моими? все знают, что я выбежал из княжества моего и умер на чужбине: так дети мои будут лишены своего княжества». В 1336 году Александр послал

в Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли как-нибудь умилостивить хана, и, узнавши, что есть надежда на успех, в 1337 году отправился сам к Узбеку. «Я сделал много зла тебе, — сказал он хану, — но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что бог возвестит тебе». Узбек сказал на это окружавшим: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти» — и позволил ему занять тверской стол; князь Константин Михайлович волею или неволею уступил княжество старшему брату.

Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью: скоро встречаем в летописи известие, что тверской князь не мог поладить с московским, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видим, что бояре тверские отъезжают от Александра к московскому князю[771]. Спор мог кончиться только гибелью одного из соперников, и Калита решился предупредить врага: в 1339 году он отправился с двумя сыновьями в Орду, и вслед за этим Александр получил приказ явить-

[771] Примечания: 771

Карамзин говорит при этом: «Вероятно, что Александр, быв долгое время вне отчизны, возвратился туда с новыми любимцами, коим старые вельможи завидовали». Догадка эта очень основательна; это явление объясняется местничеством: новые бояре Александровы *заехали* старых тверских.

ся туда же: зов этот последовал *думою* Калиты, говорит летописец[772]. Александр уже знал, что кто-то оклеветал его пред ханом, который опять очень сердит на него, и потому отправил перед собою сына Феодора, а за ним уже отправился сам по новому зову из Орды. Феодор Александрович встретил отца и объявил ему, что дела идут плохо; проживши месяц в Орде, Александр узнал от татар — приятелей своих, что участь его решена. Узбек определил ему смерть, назначили и день казни. В этот день, 29 октября, Александр встал рано, помолился и, видя, что время проходит, послал к ханше за вестями, сел и сам на коня и поехал по знакомым разузнавать о своей участи, но везде был один ответ, что она решена, что он должен ждать в этот самый день смерти, дома его ждал его посланный от ханши с тою же вестию. Александр стал прощаться с сыном и боярами, сделал распоряжение насчет княжества своего, исповедался, причастился; то же самое сделали и сын его Феодор и бояре, потому что никто из них не думал остаться в живых. Ждали после

[772] Примечания: 772

Полн. собр. русск. лет. III, 79; Никон. III, 164; Татищ., IV, 136; по Никон, *нецыи* клеветаша; по Татищ. оклеветали его немецкие и литовские вельможи, которым Александр не мог исполнить прежних обязательств. Но известие кажется нам позднейшим объяснением дела.

того недолго: вошли отроки с плачем и объявили о приближении убийц; Александр вышел сам к ним навстречу — и был рознят по составам вместе с сыном. Калита еще прежде уехал из Орды с великим пожалованием и с честию; сыновья его возвратились после смерти Александровой, приехали в Москву с великою радостию и веселием, по словам летописи. Тверской стол перешел к брату Александрову, Константину Михайловичу, который называется собирателем и восстановителем Тверской волости после татарского опустошения[773].

[773] Примечания: 773
Никон., III, 167.

Рис. 132. Женитьба князя Константина Михайловича. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Мы видели, что князья хорошо понимали, к

чему поведет усиление одного княжества на счет других при исчезновении родовых отношений, и потому старались препятствовать этому усилению, составляя союзы против сильнейшего. Что предугадывали они, то и случилось: московский князь, ставши силен и без соперника, спешил воспользоваться этою силою, чтоб *примыслить* сколько можно больше к своей собственности. Начало княжения Калиты было, по выражению летописца, началом насилия для других княжеств, где московский собственник распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростов Великий: три раза проиграл он свое дело в борьбе с пригородами, и хотя после перешел как собственность, как *опричнина* в род старшего из сыновей Всеволодовых, однако не помогло ему это старшинство без силы; ни один из Константиновичей ростовских не держал стола великокняжеского, ни один, следовательно, не мог усилить свой наследственный Ростов богатыми примыслами, и скоро старший из городов северных должен был испытать тяжкие насилия от младшего из пригородов: отнялись от князей ростовских власть и княжение, иму-

щество, честь и слава, говорит летописец[774]. Прислан был из Москвы в Ростов от князя Ивана Даниловича, как воевода какой-нибудь, вельможа Василий Кочева и другой с ним, Миняй. Наложили они великую нужду на город Ростов и на всех жителей его; немало ростовцев должны были передавать москвичам имение свое по нужде, но, кроме того, принимали еще от них раны и оковы; старшего боярина ростовского Аверкия москвичи стремглав повесили и после такого поругания чуть жива отпустили. И не в одном Ростове это делалось, но во всех волостях и селах его, так что много людей разбежалось из Ростовского княжества в другие страны. Мы не знаем, по какому случаю, вследствие каких предшествовавших обстоятельств позволил себе Калита такие поступки в Ростовском княжестве; должно полагать, что ростовским князем в это время был Василий Константинович[775]. Со стороны утесненных князей не обошлось без сопротивления: так, московский князь встретил врага в зяте своем, Василии Давыдовиче яро-

[774] Примечания: 774

Там же, IV, 204.

[775] Примечания: 775

Хотя в Никонов, летоп. под 1340 годом упоминается опять в живых умерший Константин Борисович.

славском, внуке Федора Ростиславича Черного; Василий, как видно, действовал заодно с Александром тверским и помогал ему в Орде, ибо есть известие, что Калита посылал перехватить его на дороге к хану, но ярославский князь отбился от московского отряда, состоявшего из 500 человек, достиг Орды, благополучно возвратился оттуда и пережил Калиту. По смерти Александра и Тверь не избежала насилий московских: Калита велел снять от св. Спаса колокол и привезти в Москву — насилие очень чувствительное по тогдашним понятиям о колоколе вообще, и особенно о колоколе главной церкви в городе. Из других князей упоминаются: князь Александр Васильевич суздальский, помогавший Калите опустошать тверские волости; Александр умер в 1332 году, его место занял брат его, Константин Васильевич, участвовавший в походе под Смоленск, Стародубский князь Федор Иванович был убит в Орде в 1329 году. Мы видели, что Галич и Дмитров достались брату Александра Невского, Константину Ярославичу, у которого упоминаются сыновья — Давыд, князь галицкий и дмитровский, и Василий, после которого видим разделение волости, ибо под 1333 годом говорится о смерти князя Бориса дмитровского, а под 1334 годом — о смерти

Федора галицкого. Упоминается князь Романчук белозерский. Под 1338 годом упоминается князь Иван Ярославич юрьевский — это, должно быть, потомок Святослава Всеволодовича, Об убиении князя Ивана Ярославича рязанского в летописи упомянуто в рассказе о походе татар с Калитою на Тверь; сын и преемник Ивана Ярославича, Иван Иванович Коротопол, возвращаясь в 1340 году из Орды, встретил родственника своего, Двоюродного брата Александра Михайловича пронского, отправлявшегося туда же с данью, или *выходом*, ограбил его, привел в Переяславль Рязанский и там велел убить; явление это объясняется тем, что старшие, или сильнейшие, князья в каждом княжестве в видах усиления своего на счет младших, слабейших, хотели одни *знать Орду*, т. е. собирать дань и отвозить ее к хану. В Смоленске княжил Иван Александрович; как видно надеясь на отдаленность своего княжества, он не хотел подчиняться хану и возить выход в Орду, и потому Узбек в 1340 году послал войско к Смоленску, куда велел также идти и всем князьям русским: рязанскому, суздальскому, ростовскому, юрьевскому, друцкому, фоминскому — и мордовским князьям; московский великий князь сам не пошел, но отправил свое войско под начальством

двоих воевод — Александра Ивановича и Федора Акинфовича. Эта рать пожгла посады смоленские, пограбила села и волости, несколько дней постояла под Смоленском и пошла назад: татары пошли в Орду с большим полоном и богатством, а русские князья возвратились домой здоровы и целы.

Новгородцы, освобожденные московским князем от Василия тверского, не могли доброжелательствовать наследникам Михайловым; они признали своим князем Димитрия, потом Александра Михайловича[776], когда он возвратился с ярлыком из Орды, но не приняли к себе Александра после убийства Шевкалова, взяли наместников московского князя и стояли за последнего против Александра и псковичей. Но Калита скоро показал новгородцам, что переменилось только имя и что значение Твери относительно Новгорода перешло к Москве. Что же теперь спасет Новгород? От Твери спасла его Москва, от Москвы должен спасти его какой-нибудь другой город, Москве враждебный: следовательно, новгородцы должны искать врагов московским князьям, пользоваться ссорами в

[776] Примечания: 776
Собр. гос. гр. и дог. I, № 15.

семействе последних; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будет других князей, кроме московского, то что тогда останется новгородцам? Останется или отказаться от своего старого быта, приравняться к Москве, или искать соперника московскому князю в Литве. Но московским князьям нужны были еще прежде всего деньги, чтоб, с одной стороны, задаривать хана, с другой — накупать как можно больше сел и городов в других княжествах; вот почему Новгород мог еще на несколько времени сохранить свой прежний быт, удовлетворяя денежным требованиям великих князей, усиливая последних на свой счет. В 1332 году Калита запросил у новгородцев серебра закамского, старинной дани печерской и за отказ взял Торжок, Бежецкий Верх, а в следующем году пришел в Торжок со всеми князьями низовскими и рязанскими и начал опустошать новгородские волости. Новгородцы отправили послов звать великого князя в Новгород, но он их не послушал и, не давши мира, поехал прочь. Новгородцы отправили за ним новых послов с владыкою Василием, которые нашли Калиту в Переяславле, давали ему пятьсот рублей, только бы отступился от слободы, которую построил на Новгородской земле; много упрашивал его владыка, чтоб помирился,

но он не послушался его. Любопытно, что тотчас по возвращении из своего неуспешного посольства к Калите владыка Василий отправился во Псков, где уже новгородские архиепископы не бывали семь лет; во Пскове княжил в это время враг московского князя Александр тверской, у которого владыка Василий окрестил сына Михаила; можно думать, что все это происходило вследствие размолвки Новгорода с Калиток. Александр и псковичи находились в тесной связи с Литвою, и вот под тем же 1333 годом новгородский летописец говорит, что вложил Бог в сердце князю Нариманту-Глебу, сыну великого князя литовского Гедимина, прислать в Новгород с просьбою позволить ему поклониться св. Софии; новгородцы послали звать его, и он немедленно приехал, принят был с честию, целовал крест ко всему Новгороду и получил пригороды — Ладогу, Орешек, Корельский городок с Корельскою землею и половину Копорья в отчину и дедину. По другим известиям, новгородцы еще прежде уговорились об этом с Наримантом[777]. Как бы то ни было, уговор этот был исполнен тогда, когда Новгороду стал нужен союз Литвы против

[777] Примечания: 777

Никон., III, 160: что ему (Нариманту) рекли в Литве идущие к Феоктисту митрополиту и слово право дали.

московского князя. На следующий год Калита принял с любовию послов новгородских и сам ездил в Новгород; неизвестно, что было причиною такой перемены: новгородцы ли уступили всем требованиям Калиты, или последний смягчил свои требования, опасаясь связи новгородцев с Литвою и Александром псковским? Можно думать также, что мир заключен был не без участия митрополита, у которого перед тем был владыка Василий. В кратких известиях летописи причины явлений не показаны; но по всему видно, что Калита не мог долго сносить пребывания Александра тверского во Пскове. В 1335 году Калита собрался с новгородцами и со всею Низовскою землею идти на Псков, но почему-то поход был отложен, хотя псковичам и не дали мира; намерение, следовательно, воевать с ними не было оставлено, и московский князь продолжал ласкать новгородцев: в том же году он позвал к себе в Москву *на честь* владыку, посадника, тысяцкого, знатнейших бояр, и они, говорит летописец, бывши в Москве, много чести видели. Но в тот самый 1337 год, когда Александр тверской отправился из Пскова в Орду и помирился с ханом, Калита, вдруг забывши крестное целование, послал рать свою на Двину за Волок, ибо заволоцкие

владения и доходы новгородцев всего больше должны были соблазнять московского князя; но предприятие не удалось: московские войска были посрамлены и поражены, как выражается летописец; имели ли какую-нибудь связь эти два события — поездка Александра в Орду и разрыв Калиты с Новгородом, — неизвестно. Новгородцы могли надеяться, что восстановление Александра на отцовском столе и новая борьба его с Калитою помешают последнему теснить их; но московский князь не терял времени, и Александр погиб в Орде. Новгородцы отправили к великому князю послов с выходом, но Калита послал к ним своих просить другого выхода: «Дайте мне еще царев запрос, чего у меня царь запросил». Новгородцы отвечали: «Этого у нас не бывало от начала мира, а ты целовал крест по старой пошлине новгородской и по Ярославовым грамотам». Калита велел своим наместникам выехать из Новгорода, и не было с ним мира.

Прежде, когда было много князей-соперников, переменявших охотно волости свои, Новгород редко оставался долгое время без князя: на смену одного спешил другой; но теперь, когда князья уселись неподвижно каждый в своей наследственной волости, в Новгороде вместо князя

видим уже бояр — наместников великокняжеских, которые выезжают при первой размолвке новгородцев с великим князем, и Новгород предоставляется самому себе. Вследствие этого нового порядка вещей стороны партии княжеские должны были исчезнуть: какие могли быть княжеские партии в Новгороде во время Калиты, когда Новгород мог иметь дело только с одним великим князем, который раз, много — два приедет в Новгород на самое короткое время? Тверской партии не могло быть, потому что ни Михаил, ни сыновья его не жили в Новгороде, не могло быть и вследствие постоянно враждебных отношений; великим князьям и не нужно теперь иметь в Новгороде приверженную к себе сторону; их цель — рано или поздно уничтожить самостоятельность Новгорода, а пока им нужно брать с него как можно больше денег; они знают, что Новгород будет их, если они будут сильны, сильнее всех других, но изменчивое расположение новгородцев не даст им этой силы. Любопытно, что с описываемого времени летописец новгородский становится видимо равнодушен к смене посадников, начинает часто пропускать их; мы уже прежде упоминали об этих пропусках. Под 1315 годом встречаем известие о вручении по-

садничества Семену Климовичу, и после того до самого 1331 года нет ни слова о посадниках в летописи; в этом году встречаем известие о посаднике Варфоломее; но под следующим, 1332 годом говорится, что встали крамольники, отняли посадничество у Федора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, причем пограбили двор Семена Судокова, а у брата его Ксенофонта села пограбили; но Захар недолго был посадником: в том же году он был свержен и на его место выбран Матвей. Под 1335 годом упоминается новый посадник Федор Данилович, неизвестно когда и на чье место избранный. Прежде, еще под 1327 годом, летописец упоминает о мятеже, во время которого народ пограбил и пожег двор Евстафия Дворянинца; потом, под 1335 годом, встречаем известие об усобице, во время которой едва не дошло до кровопролития: по обеим сторонам Волхова граждане стояли с оружием, но потом сошлись в любовь. Что касается до принятого на кормление литовского князя Нариманта, то новгородцы с самого начала увидали ненадежность этих союзов с Литвою: в 1338 году, когда новгородцы вели войну со шведами, Наримант был в Литве; новгородцы много раз посылали за ним, но он не приехал, даже и сына своего Алек-

сандра вывел из Орешка, оставил только своих наместников.

По известиям Новгородской летописи, псковичи, взявши к себе в князья Александра тверского, признали в то же самое время зависимость свою от Литвы: естественно, Псков должен был употребить это средство, чтобы защитить себя в случае нового движения северо-восточных русских князей по настоянию Калиты и по приказу ханскому. Имея особого князя, псковичи хотели получить полную независимость от Новгорода, хотели иметь и особого епископа.

В 1331 году новоизбранный новгородский владыка Василий отправился для посвящения своего на Волынь, где находился тогда митрополит Феогност. Но в то же время к митрополиту явились послы изо Пскова, от князя Александра, вместе с послами от Гедимина и всех других князей литовских; они привели с собою монаха Арсения, прося митрополита, чтоб поставил его владыкою во Псков; но Феогност отказал им в просьбе. Новгородский летописец говорит при этом: «Псковичи хотели поставить себе Арсения на владычество, но осрамились, пошли прочь ни с чем от митрополита из Волынской земли; они Новгород считали за ничто уже; вознеслись высокоумием

своим, но Бог и св. София низлагают всегда высокомыслящих, потому что псковичи изменили крестному целованию к Новгороду, посадили к себе князя Александра из литовской руки». Мы видели, что в 1333 году было сближение Новгорода со Псковом и его князем вследствие разрыва новгородцев с князем московским; но потом, когда в 1335 году новгородцы помирились с Калитою, то снова началась вражда со Псковом; в 1337 году владыка Василий поехал во Псков для своих святительских дел, на подъезд, как тогда выражались, но псковичи суда ему не дали, и он поехал прочь, проклявши их.

Еще в 1316 и 1323 годах источники западные упоминают о враждебных столкновениях новгородцев с Норвегиею; в 1326 году заключен был мир между ними на 10 лет. В 1337 году у новгородцев началась война со шведами опять по поводу корел, которые подвели шведов, побили новгородских и ладожских купцов и всех христиан, находившихся в их земле, а сами убежали в Выборг и, выходя оттуда, били новгородцев. В следующем году новгородцы с посадником Федором Даниловичем отправились в Неву и стояли под Орешком, пересылаясь с шведским воеводою Стеном; но переговоры кончились ничем; новго-

родцы возвратились домой; а шведы с корелою много воевали по Обонежью, а потом сожгли посад у Ладоги. Мстить им за это ходили *молодцы* Довгородские с воеводами: они повоевали шведскую корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлеб пожгли, скот изрубили и пришли домой все здоровы, с полоном. По их удалении шведы вышли из Выборга, воевали Толдогу[778] и оттуда пошли на Вотскую землю, но здесь ничего не взяли, потому что жители поостереглись; копорьяне напали на них в небольшом числе и разбили. После этого пришли послы в Новгород из Выборга от воеводы Петрика и объявили, что шведский князь ничего не знает о войне, начал ее своевольно Стен, воевода. Новгородцы отправили в Выборг своих послов, которые и заключили мир на тех же условиях, на каких помирился князь Юрий Данилович на Неве; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать к шведскому князю. В следующем, 1339 году новгородцы отправили двоих послов, да еще третьего от владыки, за море, к шведскому князю, и заключили с ним мир по старым грамотам; о

[778] Примечания: 778

Толдожский погост между Ямою и Копорьем, во 160 верстах от Новгорода. Арцыбаш., II, примеч. 652. О договоре с норвежцами см. Бюшингов Магазин, III, 177. Карамз., IV, прим. 310, 311.

короле же сказали так: «Если наши побегут к вам, то секите их и вешайте; если и ваши прибегут к нам, то и мы с ними будем делать то же самое, чтоб из-за них ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тех не выдадим, потому что они покрещены в нашу веру, да и мало их осталось, все померли гневом Божиим». На западе волновались корелы, на северо-востоке, в Двинской области, финские племена также не хотели быть спокойны: под 1329 годом опять встречаем известие, что новгородцы, шедшие в Югру, были перебиты устюжскими князьями. В 1326 году приезжали в Новгород послы из Литвы: брат Гедимина, Воин, князь полоцкий, Василий, князь минский, и князь Федор Святославич; они заключили мир с новгородцами и немцами. Но в 1335 году, несмотря на этот мир и несмотря на то что литовский князь Наримант кормился на пригородах новгородских, Литва повоевала Новоторжскую волость; великий князь был в это время в Торжке и немедленно послал свое войско в Литву, оно пожгли городки литовские — Осечен[779], Рясну и много других.

Под 1329 годом летопись упоминает об убиении

[779] Примечания: 779

Рясно или Рисна, местечко Могилевской губернии Чауского уезда, Осечен находим подле Рясны. Арцыб. II, примеч. 642.

в Дерпте новгородского посла, мужа честного, Ивана Сыпа, но о следствиях этого убийства не говорит ничего. И в Псковской летописи с 1323 до 1341 года мы не встречаем известий о войне с орденом Ливонским. Причина была та, что уже давно, еще с конца XIII века, в Ливонии происходили усобицы. Мы видели, что главным деятелем при утверждении немецкого владычества в Ливонии был епископ рижский, по старанию которого был учрежден рыцарский Орден, необходимо становившийся в служебное отношение к рижской церкви. Но мир не мог долго сохраниться между двумя учреждениями, из которых у одного были материальные средства, право силы, меча, у другого же — одни права исторические и духовные; первое не могло долго подчиняться последнему; но епископы также не хотели уступить магистрам Ордена своего первенствующего положения, и следствием этого была усобица. Особенно разгорелась она при магистре Бруно и архиепископе Иоанне фон-дер-Фехте, причем, не имея достаточно собственных материальных средств для борьбы с рыцарями, епископ и рижане призвали себе на помощь литовцев-язычников! Началась ожесточенная война; в течение 18 месяцев дано было девять

битв, большую часть которых выиграли рыцари; но в 1298 году литовский князь Витенес вторгнулся в Ливонию, встретился с войском рыцарей на реке Аа и нанес им страшное поражение: магистр Бруно, 60 рыцарей и множество простого войска полегли в битве; ободренные победою, войска рижские и литовцы осадили орденскую крепость Неумюль, но потерпели под нею поражение от тевтонских рыцарей, пришедших на помощь своим ливонским собратиям. Не видя возможности одолеть Орден материальными средствами, епископы ливонские прибегли к другим: в это время, т. е. в начале XIV века, внимание Западной Европы обращено было на страшный процесс Храмовых рыцарей; великий магистр их уже был в оковах вместе с братиями, находившимися во Франции, и ненависть Филиппа Красивого грозила печальным окончанием процесса. Это подало надежду ливонским епископам, что подобная же участь может постигнуть и Немецкий орден в Пруссии и Ливонии. В 1308 году они подали папе обвинительный лист, в котором приписывали Ордену неуспех в обращении литовцев, обвиняли рыцарей в истреблении жителей Семигаллии, когда те были уже христианами, и проч.; нашлось обвинение и вроде тех, которые тяготели над

несчастными Тамплиерами: епископы доносили, что когда рыцарь получал рану в битве, то остальные товарищи добивали его и сожигали тело, по обычаю язычников. Папа Климент V нарядил комиссию на месте для исследования справедливости жалоб; дело кончилось ничем; епископы не удовлетворились таким окончанием его, и когда король польский завел спор с Орденом о земле Поморской, когда архиепископ гнезенский, епископы куявский, плоцкий и познанский встали против Ордена, то архиепископ рижский соединился с ними в надежде, что такое сильное восстание достигнет наконец своей цели — низложения Ордена. Всего больше архиепископ и рижане настаивали на том, что князья литовские и народ их давно были бы христианами и католиками, если б не препятствовали тому рыцари — обвинение, имевшее на своей стороне вероятность: если б в самом деле Литва приняла христианство, то Орден, которого целию было обращение язычников, тем самым должен был прекратить свое существование. Несмотря, однако, на все старания епископов, великий магистр фон-Беффарт выиграл в Авиньоне дело в пользу Ордена, который был оправдан во всех взводимых на него обвинениях: самым лучшим

доказательством в пользу Ордена послужило представленное Беффартом папе оригинальное письмо архиепископа и рижан к литовскому князю с просьбою напасть на владения Ордена. Но дело, решенное в Авиньоне, далеко было до окончания своего в Ливонии, потому что при такой долгой борьбе за самые существенные интересы ненависть с обеих сторон достигла высшей степени и не могла скоро потухнуть. Обманувшись в надежде повредить Ордену процессом у папы, рижане обратились опять к прежнему средству и вошли в сношения с литовскими язычниками против рыцарей. Тогда магистр ливонский Ебергарт фон-Монгейм решился покончить дело оружием и, собравши большое войско, осадил Ригу. Около года длилась осада; но наконец рижане, терпя сильный голод, запросили мира и получили его на тяжких условиях: лучшие граждане должны были явиться в стан рыцарей и у ног магистра положить все свои привилегии. Потом, велевши засыпать часть городских рвов и понизить валы, магистр заложил новую крепость, которая должна была сдерживать беспокойное народонаселение.

Рис. 133. Князь Витень. Гравюра из «Описания европейской Сарматии». 1578. Национальная библиотека Варшавы

С тех пор, говорит летописец, как московский князь Иоанн Данилович стал великим князем, наступила тишина великая по всей Русской земле и перестали татары воевать[780] ее. Таково было непосредственное следствие усиления одного

[780] Примечания: 780
Никон., III, 141.

княжества, Московского, на счет всех других; в одном древнем памятнике деятельность Калиты обозначена тем, что он избавил Русскую землю от воров (татей[781]) — видно, что предки наши представляли себе Калиту установителем тишины, безопасности, внутреннего наряда, который до тех пор постоянно был нарушаем сперва родовыми усобицами княжескими, потом усобицами князей или, лучше сказать, отдельных княжеств для усиления себя на счет всех других, что вело к единовластию. Борьба эта для усиления себя на счет других с презрением родовой связи и счетов началась давно: Михаил Хоробрит московский, Ярослав тверской, Василий костромской, Андрей городецкий показали ясно новый характер борьбы; борьба Твери с Москвою была последнею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двух княжеств, стремившихся к окончательному усилению. Для Москвы средства к этой борьбе были приготовлены еще при Данииле, начал борьбу и неутомимо продолжал Юрий Данилович. Калита умел воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу с полным торжеством для своего княжества и дал современникам почувствовать

[781] Примечания: 781
Опис. Румянцев. Музея, № CCCLVIII.

первые добрые следствия этого торжества, дал им предвкусить выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя Русской земли[782].

Калита умер 31 марта 1341 года, не успев окончить дел своих с Новгородом. До нас дошли две его духовные грамоты[783]: между тремя сыновьями и женою поделил он свое движимое и недвижимое имение: старшему, Семену, отдано 26 городов и селений, в числе которых примыслы Юрия Даниловича — Можайск и Коломна; второму сыну, Ивану, 23 города и селения, из них главные Звенигород и Руза; третьему, Андрею, 21 город и селение, из них известнее Серпухов; княгине с меньшими детьми опять 26. Таким образом, величина уделов следует старшинству: самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, например Можайск был особым княжеством; старшему же должно было получить и великокняжескую область Влади-

[782] Примечания: 782

Калитою он назван потому, что носил мешок (Калиту) с деньгами, которые раздавал нищим.

[783] Примечания: 783

Собр. гос. гр. и дог. т. I, № 21 и 22.

мирскую с Переяславлем[784].

В то самое время как на северо-востоке Русская земля собиралась около Москвы, такое же собирание русских волостей в одно целое происходило и на юго-западе. Давно уже можно было ожидать, что дело собрания старой, Юго-Западной Руси предназначено князьям галицко-волынским, потомкам Романа Великого. Случайные обстоятельства были в пользу этих князей, в пользу скорого собрания Юго-Западной Руси: в старшем сыне Романовом с блестящею храбростию соединялся ясный смысл, государственное понимание, отношения его к брату Васильку волынскому представляют образец братской любви и согласия. Волости не дробятся, ибо сын Василька, Владимир, умирая бездетным, отказывает Волынь сыну Даниилову, Мстиславу; мало того, при сыне

[784] Примечания: 784

Калита купил Углич, Белоозеро и Галич; но ни в духовной самого Иоанна, ни в духовных сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Димитрий Донской говорит о них, как о купле деда своего. Карамзин (IV, гл. IX) делает предположение, что эти прикупы принадлежали не к Москве, но к великому княжению Владимирскому. Но как мог Калита прикупать к великому княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду и по смерти его могло перейти к князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать других князей на свой счет. Дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владетельных, подчиненных, однако, князю московскому, а при Димитрии Донском они были лишены этих прав.

Льва, Юрии, видим соединение Галича и Волыни под одну власть; при внуке этого Юрия, Юрии II, видим также соединение обеих волостей, потому что этот князь пишет свои грамоты то во Львове, то во Владимире. Несмотря на все эти благоприятные обстоятельства, Юго-Западная Русь не собралась в одно государство под знаменем своих родных князей из племени Романа Великого; мы не знаем никаких подробностей о княжении внуков Даниловых, мы знаем только имена их и титулы, как они сохранились в грамотах их к Немецкому ордену: читаем в этих грамотах имя Юрия, который называет себя королем русским и князем владимирским; в другой грамоте находим имена сыновей его, Андрея и Льва; наконец, есть позднейшие грамоты от Андреева сына, Юрия, князя всей Малой России[785]. Эти грамоты важны для нас еще в другом отношении: они показывают, что в Галиче и на Волыни бояре и дружина сохранили по-прежнему свое важное значение, ибо грамоты написаны не от имени одного князя, но также от имени знатнейших бояр и дружины

[785] Примечания: 785
Карамз. IV, прим. 268, 276.

вообще[786]; в числе баронов (бояр) упоминается и епископ галицкий; последняя грамота Юрия II относится к 1335 году. Но в то время как Юго-Западная Русь не воспользовалась благоприятными обстоятельствами и закоснела в старине своей, соседние государства, Литовское и Польское, успели усилиться внутри единовластием и приобрели, таким образом, возможность действовать наступательно на Русь. Мы видели, что по смерти Миндовговой предположенное соединение Руси с Литвою не состоялось: литовцы после убиения Воишелкова выбрали себе князя из своего народа. При этом князе и его преемниках продолжалось и окончилось начатое еще прежде утверждение литовского господства в русских княжествах — Полоцком, Туровском и отчасти Волынском. В 1315 г. последовала перемена в династии князей литовских, произведенная знаменитым Гедимином. Примером сильных противоречий, которыми наполнены источники литовской и малороссийской истории, служат известия о

[786] Примечания: 786

Cum nostris baronibus, nec non commilitaribus, nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque [С нашими баронами, которые не товарищи по оружию, мы вместе с нашими любимыми и верными баронами и солдатами].

происхождении Гедимина: одни[787] говорят, что Гедимин был конюшим великого князя Витенеса, в заговоре с молодою женою последнего убил своего государя и овладел его престолом; другие утверждают[788], что Гедимин был сын Витенеса и получил престол литовский по смерти отца, пораженного громом; наконец, есть известие, что Гедимин был брат Витенеса[789].

В самом начале княжения Гедимина уже упоминается о столкновениях его с князьями русскими, галицкими и волынскими; можем принять известие, что эти князья хотели сообща с Немецким орденом сдержать опасные стремления литовского владельца и первые начали против него наступательное движение. Но за верность дальнейших известий о ходе борьбы историк ручаться

---

[787] Примечания: 787
Annales Olivienses, Dlugosz, Miechovita, Bielski, Kromer.

[788] Примечания: 788
Хроника Быховца, Стрыйковский.

[789] Примечания: 789
Так как выгодно было изменить после первое предание в пользу Гедимина и его сильного потомства, то мы соглашаемся верить более этому первому преданию. Нарбут (Dzieje narod. Litew. t. IV, p. 455) старается подтверждать второе предание или мнение письмом Гедимина к папе Иоанну XXII: «Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt» [Об этом, преподобный отец, мы написали тебе, чтобы ты знал, почему наши прародители умерли в заблуждении неверия и неверия] — Нарбут находит здесь доказательство, что Гедимин происходит от

Витенеса; но можно понимать *progenitores nostri* так, что Гедимин от лица всех литовцев говорит о своих отцах. И в этом же письме находим ясное доказательство противного: Гедимин называет Витенеса только предшественником своим (praedecessor), а не отцом.

уже не может; по одним свидетельствам, в 1320 году Гедимин предпринял поход на Владимир Волынский, где княжил Владимир Владимирович, под предводительством которого граждане оказали упорное сопротивление; наконец князь Владимир пал, и стольный город его отворил ворота победителю, причем в войске Гедиминовом литва занимала незначительную часть; большинство же состояло из русских — полочан, жителей Новгородка, Гродна[790]. Таким образом, по одним известиям, Владимирское княжество завоевано Гедимином; но, по другим[791], Владимир, Луцк и вся земля Волынская досталась Любарту, сыну Гедиминову, которого последний князь этой страны, не имея сыновей, принял к дочери. Здесь сказано, что Луцк вместе с Владимиром взят был Любартом в приданое за женою; а по другим известиям, в Луцке княжил особый князь, Лев Юрьевич, который, испугавшись участи князя владимирского, бросил свой стольный город и убежал в Брянск, где у него были родственники. Луцк поддался Гедимину, и бояре, собранные со всей Волыни, признали его своим князем, удер-

[790] Примечания: 790
Narbut. IV, p. 486; Густин, летоп., стр. 348.

[791] Примечания: 791
Летописец Даниловича, стр. 27.

жав прежние права, обычаи, веру. На следующий 1321 год[792] Гедимин двинулся к Киеву, которым владел какой-то князь Станислав; на помощь к нему пришел Олег, князь переяславский, Святослав и Василий, князья брянские, и вместе с ними бежавший из Волыни князь Лев. Над рекою Ирпенем сошлись неприятели — и Гедимин победил; князья Олег и Лев были убиты, Станислав убежал в Брянск с тамошними князьями; Белгород сдался победителю, но Киев выдержал двухмесячную осаду; наконец граждане, не видя ниоткуда помощи, собрались на вече и решили поддаться литовскому князю, который с триумфом въехал в Золотые ворота. Другие города русские последовали примеру Киева; Гедимин оставил везде старый порядок, только посажал своих наместников и гарнизоны по городам. Наместником в Киеве был назначен Миндовг, князь гольшанский. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре, который вместе с татарским баскаком гнался, как разбойник, за новгородским владыкою Василием, шедшим от митрополита из Волыни; новгородцы, провожавшие владыку, остереглись, и Федор

[792] Примечания: 792

Но мы видели, что во Владимире еще в 1335 году был особый князь Юрий Андреевич.

не посмел напасть на них[793].

[793] Примечания: 793

Карамзин считает этого Федора князем российским; но для этого нет никакого основания. Стадницкий (Synowie Gedymina, II, 25) старается так представить дело: «Гедимин начал войну с двумя князьями, господствовавшими на Руси Червонной и на Волыни. Занявши Брест и Пинскую область, двинулся дальше в глубь Волыни и поразил обоих князей, причем старший Андрей (Владимир летописи) лишился жизни. Но победа не была так решительна, как ее представляет летописец: это видно уже и из того, что Гедимин не занял Руси Червонной. Умерший Андрей имел сына Юрия, с которым должно было войти в договоры. Этот Юрий до смерти своей владел Русью Червонною и Владимирским княжеством. Дядя его Лев, князь луцкий, имел только дочь, которую выдал за Любарта, сына Гедиминова. Киево-Печерская рукопись XVI века говорит, что Гедимин в 1333 году пошел на князя киевского Станислава, разбил его русско-татарское войско на реке Ирпени и, выгнавши татар, подчинил себе Киев. По Литовской летописи, Лев луцкий, тесть Любарта, поспешил на помощь киевскому собрату и нашел смерть в битве».

Рис. 134. Гедимин. Гравюра из «Описания Европейской Сарматии». 1578. Национальный музей Варшавы

Как бы то ни было, переворот, произведенный на севере своими князьями, потомками св. Владимира, был произведен на юге князем литовским, который тем или другим способом собрал Русскую землю под одну власть. Гедимин умер в 1339 году, оставив семерых сыновей — Монвида, князя карачевского и Слонимского,

который скоро последовал за отцом в могилу; Нариманта-Глеба, князя туровского и пинского, которого мы видели в Новгороде; от второй жены, Ольги, русской родом, Гедимин оставил Олгерда, который, женившись на дочери князя витебского, получил это княжество за женою в приданое; кроме Олгерда от Ольги Гедимин имел другого сына, Кейстута, князя троцкого. От третьей жены, Еввы, также княжны русской, он оставил Любарта-Владимира, князя волынского, Кориата-Михаила, князя новгородского, наконец, Евнутия, князя виленского. Последний, несмотря на то что был самый младший, получил, однако, стольный город отцовский, быть может по стараниям матери своей; но двое старших Гедиминовичей — Олгерд и Кейстут отняли у Евнутия старший стол. Олгерд и Кейстут жили между собою очень дружно, говорит летописец Западной Руси[794], а князь великий Евнутий, державший старшинство, не полюбился им, и сговорились они между собою, как бы Евнутия из Вильны выгнать. Сговорившись, положили срок, в который день взять Вильну под братом Евнутием. Князь Олгерд из Витебска не поспел к тому сроку, а

[794] Примечания: 794

Летопись Даниловича, стр. 27. Стадницкий не без основания думает, что Монвид был князь керновский, а не корачевский.

князь Кейстут один напал на Вильну и прорвался в город; великий князь Евнутий спасся бегством в горы, отморозил ноги и попался в плен. Привезли его к брату Кейстуту; тот отдал его под стражу, а сам послал гонца сказать Олгерду, чтоб шел скорее в Вильну и что Евнутий уже в их руках. Когда Олгерд пришел, то Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно». И посадил его на великом княжении в Вильне, а Евнутию дали Изяславль. Потом уговорились оба князя между собою, чтоб всей братьи слушаться князя Олгерда; условились, что добудут, город ли, волость ли, все делить пополам и жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого. Олгерд и Кейстут поклялись и сдержали клятву. Так рассказывает летописец Литовский; Московский же летописец говорит, что Олгерд и Кейстут напали внезапно в Вильне на двух братьев, Нариманта и Евнутия; жители города испугались, и Наримант бежал в Орду, а Евнутий сперва во Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к преемнику Калиты, Симеону Ивановичу, здесь был крещен и назван Иваном[795] (1346 г.).

---

[795] Примечания: 795
Никон., III, 182.

Но в то время, как единовластие утверждалось в Восточной Руси благодаря князьям московским и в Западной вследствие подчинения ее князьям литовским, в Польше также утвердилось оно после великих смут, происходивших в этой стране в конце XIII и начале XIV века. Мы видели, что в 1300 году в Кракове утвердился чужой князь, Вячеслав, король чешский. Но по смерти Вячеслава Владиславу Локетку, которого характер исправился в школе бедствий, удалось после бесчисленных затруднений утвердиться на троне и успокоить Польшу (1319 г.). Правление Локетка особенно замечательно тем, что с его времени аристократия в Польше уступает место шляхетской демократии, потому что король, имея нужду в шляхте, по причине беспрестанных и тяжких войн, призвал ее на сейм для совещания о делах общественных; таким образом, при Локетке положено начало той шляхетской воли и власти, которые имели такое сильное влияние на будущую судьбу Польши, были главною причиною ее падения. Тщетно сын и преемник Владислава Локетка, Казимир Великий, старался обуздать эту волю и власть и защищать низшее народонаселение: он не мог произвести никакой перемены

в этом отношении[796]. В истории Юго-Западной Руси Казимир Великий замечателен тем, что ему удалось присоединить к Польше королевство Галицкое. Как видно, потомство Романа Великого в мужеском колене пресеклось смертию Юрия II, и преемником последнего в Галиче мы видим племянника его от сестры Марии, Болеслава, князя мазовецкого. Но Болеслав возбудил против себя сильное негодование новых подданных: он угнетал их тяжкими податями, насиловал их жен и дочерей, окружил себя поляками, чехами, немцами, раздавал им должности мимо туземцев, наконец, старался ввести латинство. Галичане отравили его ядом; тогда Казимир Великий, пользуясь несогласием бояр относительно выбора князя, в два похода успел овладеть княжеством

[796] Примечания: 796

Dlugossi Histor Polon. lib. IX, p. 1163. Et cmethonibus colonisque, ut a m ilitaribus et Niobilibus non fierent oppressiones et injuriae: quo factum est, ut cmethones et coloni, sub m ilitaribus Nobilibus degentes, quotiescumque per suos dominos et haeredes gravabantur, toties ad ilium habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et eorum injuriis, effectualem oppositionem severe et ridig'e interponebat, ut nemo, quantum cumque magnus, potens et dives, auderet in suos esse cmethones violentus, gravis et injurius, rege Casimiro, unumquemque pro sua factione, excessu, aut demerito, digna mulcta coercente. Ob quam rem asperius (ut m ilitaribus apparebat) in eos practicatam, sugillationem vitare non potuit, quin Rusticorum Rex a Nobilibus et m ilitaribus vocitaretur... Tanto sane justitiae cultu et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes, propensus, ut colonis propriis dominos et haeredes iniquitatem et injuriam inferre prohibuerit ipsosque juxta ac peculiares tutatus est, homini de haerede suo querenti; monens ut ignili mercato et silice in campo reperto (si aliter non

daretur) incendio se ultum iret, ilium tradebat. Eaque, licentia multorum hominum mulitariurn, fortunas Subjectorum suorum expilantium, aut illos gravantium refrenavit. [А кметонианцам и колонистам, чтобы их не притесняли и не обижали солдаты и необилианцы: так случилось, что кметонианцы и колонисты, жившие под властью военной знати, всякий раз, когда они были обременены своими господами и наследниками, всегда имели верный ответ и обращение к нему, а он сам к ним и к их оскорблениям, он сурово и смешно вставил действенное противодействие, так что никто, как бы ни был он велик, могуч и богат, не осмелился быть жестоким, тяжелым и оскорбительным для его собственные кемтонцы, король Казимир, каждый достоин своей фракции, избытка или недостатка, контролирующего штрафы. По этой причине (как казалось солдатам) он не мог избежать строгости, применяемой к ним, без того, чтобы дворяне и солдаты не призвали его как царя крестьян… Он запретил лордам и наследникам причинять беззаконие и вред, и он защитил их в соответствии и, в частности, для человека, жалующегося на своего наследника; предупредив его, что он отомстит тем, что сожжет кострище и найденный в поле кремень (если не будет иного дано), он передал его ему. И она, позволив многим мужчинам быть солдатами, сдерживала состояние их подданных, которые грабили их или угнетали их].

Мстислава торопецкого и Даниила Романовича (1340 г.)

На восточной стороне Днепра замечательны для нас события, происходившие в княжестве Брянском; замечательны они по соответствию событиям, которые видим в других княжествах русских в описываемое время: везде князья обнаруживают одинакие стремления — усилиться во что бы то ни стало на счет других, и везде борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохранения, принимает суровый характер, сопровождается кровавыми явлениями. Под 1309 годом летописец говорит, что князь Святослав Глебович выгнал племянника своего, князя Василия, из Брянска и сам сел на его место, Василий ушел в Орду жаловаться хану на дядю и в следующем году пришел под Брянск с татарским войском. В городе встал сильный мятеж. В это время находился здесь митрополит Петр, который стал уговаривать Святослава поделиться волостью с племянником или, оставивши ему все, бежать из города, а не биться. Но Святослав надеялся на свою силу и на мужество; был он крепок телом, очень храбр и потому не послушался митрополита, отвечал ему: «Господин! Брянцы меня не пустят, они хотят за меня головы свои сложить». Святослав

не хотел даже защищаться в стенах города, но вышел на полдень пути от Брянска и сразился с татарами. Последние, по обычаю, сначала помрачили воздух стрелами, потом, когда дело дошло до копий и сабель, то брянцы-крамольники, как их называет летописец, выдали князя Святослава, бросили стяги и побежали; Святослав остался только с одним двором своим, бился долго, наконец был убит. Митрополит Петр затворился в церкви и там спасся от татар. Князь Василий, овладевши Брянском, не терял времени и случая: в том же году ходил с татарами к Карачеву и убил тамошнего князя Святослава Мстиславича. Смерть Василия брянского помещена под 1314 годом; в 1333 упоминается о походе князя Димитрия брянского на Смоленск с татарами: бились много и заключили мир[797]. В 1340 году брянцы, злые крамольники, по выражению летописца, сошлись вечем и убили князя своего Глеба Святославича, несмотря на увещания митрополита

[797] Примечания: 797

Никонов список считает Василия брянского сыном Александра Глебовича смоленского, дядю его Святослава Глебовичем, который был лишен Можайского княжества и взят в плен Юрием московским; Карамзин (IV, прим. 242), обвиняя (голословно) Никона в смешении разных князей, говорит, что Василий мог быть внуком прежде упомянутого брянского князя Романа. Димитрий брянский по родословным считается также Александровичем смоленским, следовательно, братом Василия.

Феогноста. В Карачевском княжестве князь Андрей Мстиславич был убит племянником своим, Василием Пантелеичем, в 1339 году.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ
Из «Курса русской истории»[798]

[798] Примечания: 798
Источник: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. СПб., 1904.

Москва начинает собирать удельную Русь. Первые известия о городе Москве. Первоначальное пространство Московского Кремля. Экономические выгоды географического положения города Москвы. Город Москва — узловой пункт разносторонних путей. Следы ранней населенности Московского края. Москва — этнографический центр Великороссии. Река Москва — транзитный путь. Политические следствия географического положения города Москвы. Москва — младший удел. Влияние этого на внешние отношения и внутреннюю деятельность московских князей. Политические и национальные успехи московских князей до половины XV в. I. Расширение территории княжества. II. Приобретение великокняжеского стола. III. Следствия этого успеха: приостановка татарских нашествий; московский союз князей. IV. Перенесение митрополичьей кафедры в Москву. Значение этой перемены для московских князей. Выводы.

Москва собирает удельную Русь

Нам предстоит изучить второй процесс, совершавшийся на Верхневолжской Руси в удельные

века. Первый процесс, нами уже рассмотренный, дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III. Одной ветви этого потомства пришлось начать обратное дело — собирать эти дробившиеся части в нечто целое. Москва стала центром образовавшегося этим путем государства.

Первые известия о городе Москве

Летопись выводит Москву в числе новых городков Ростовской земли, возникших в княжение Юрия Долгорукого. Любопытно, что городок этот впервые является в летописном рассказе со значением пограничного пункта между северным Суздальским и южным Чернигово-Северским краем. Сюда в 1147 г. Юрий Долгорукий пригласил на свидание своего союзника князя новгород-северского Святослава Ольговича, послав сказать ему: «Приди ко мне, брате, в Москов». Это — первое известие о Москве, сохранившееся в летописях. По-видимому, поселок был тогда сельской княжеской усадьбой или, точнее, станционным двором, где суздальский князь останавливался при своих поездках на киевский юг и обратно. Двор должен был иметь значительное хозяйственное обзаведение. На другой день по приезде Святослава

хозяин устроил гостю «обед силен» и хорошо угостил его свиту, для чего надобно было иметь под руками достаточно запасов и помещения, хотя Святослав приехал в «мало дружине». В 1156 г., по летописи, князь Юрий Долгорукий «заложи град Москву» пониже устья Неглинной, т. е. окружил свой москворецкий двор деревянными стенами и превратил его в город.

Рис. 135. Юрий Владимирович Долгорукий. Миниатюра «Царского титулярника». 1672

Первоначальное пространство московского Кремля

Это был московский Кремль в первоначальном

своем очертании: он занимал, как это выяснено И. Е. Забелиным в его Истории г. Москвы, западный угол кремлевской горы, обрывавшийся крутым мысом к устью Неглинной у нынешних Боровицких ворот, в названии которых сохранилась память о боре, хвойном лесе, некогда покрывавшем кремлевскую гору. Пространство, опоясанное стенами князя Юрия и имевшее вид треугольника, по соображениям г. Забелина, едва ли занимало половину, скорее третью долю нынешнего Кремля. Город возник на перепутье между днепровским югом и верхневолжским севером. С тем же значением пограничного городка Суздальской земли является Москва и в дальнейших летописных известиях. Я рассказывал о шумной борьбе, какая поднялась по смерти Андрея Боголюбского между его младшими братьями и племянниками. В 1174 г. дяди, восторжествовав над племянниками, вызвали из Чернигова укрывавшихся там своих жен. Княгинь поехал провожать сын черниговского князя Олег; он довез теток до Москвы и оттуда воротился в «свою волость» Лопасню Лопасня — село в 70 верстах от Москвы к югу по серпуховской дороге: так близко подходила тогдашняя черниговская граница к суздальскому городку Москве. Из рассказа той

же летописи видно, что Москва носила и другое, более раннее название — Куцкова. Название это она получила от местного вотчинника, боярина и, по преданию, суздальского тысяцкого Степана Куцка или Кучка, которому принадлежали окрестные села и деревни и память о котором, замечу мимоходом, сохранялась после в названии московского урочища Кучкова поля (ныне улицы Сретенка и Лубянка). С временем возникновения и с географическим положением Москвы тесно связана и ее дальнейшая политическая судьба. Как городок новый и далекий от суздальских центров — Ростова и Владимира, Москва позднее других суздальских городов могла стать стольным городом особого княжества и притом должна была достаться младшему князю. Действительно, в продолжение большей части XIII в. в Москве не заметно постоянного княжения: князья появлялись в Москве лишь на короткое время, и все это были младшие сыновья своих отцов. Сначала сидел здесь некоторое время один из младших Всеволодовичей — Владимир; потом видим здесь другого Владимира, одного из младших сыновей великого князя Юрия Всеволодовича, — это тот Владимир, который был захвачен татарами Батыя при взятии ими Москвы зимой 1237–1238 г.

Позднее из сыновей Ярослава Всеволодовича Москва досталась младшему — Михаилу Хоробриту, по смерти которого в 1248 г. опять много лет не заметно в Москве особого князя. Наконец, уже в поколении правнуков Всеволода III, по смерти Александра Невского (1263 г.) в Москве является младший и малолетний сын его Даниил. С тех пор Москва становится стольным городом особого княжества с постоянным князем: Даниил стал родоначальником московского княжеского дома. Таковы ранние известия о Москве. По ним трудно было бы угадать ее дальнейшую политическую судьбу. Ее судьба представлялась неожиданной и дальнейшим поколениям севернорусского общества. Задавая себе вопрос, каким образом Москва так быстро поднялась и стала политическим центром Северо-Восточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти ответ: быстрый политический подъем Москвы и ему казался исторической загадкой. Это впечатление отразилось в одном из многих народных сказаний, предметом которых служит первоначальная судьба этого города и его князей. Одно из этих сказаний, записанное уже в XVII в., начинается приблизительно в таком тоне: «Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто

же знал, что Москве государством слыти? Стояли на Москве-реке села красные боярина хорошего Кучка Степана Ивановича». Вы чувствуете, что записанное поздним книжником народное сказание еще не утратило признаков размеренной речи, былинного стиха. Причина загадочности первых успехов города Москвы заключается в том, что древние памятники нашей истории отметили далеко не первые моменты его роста, а уже крупные внешние приобретения, каких добилась Москва после долгих и незаметных подготовительных усилий. Но уцелели некоторые косвенные указания, в которых вскрываются таинственные исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования. Действие этих сил выражалось прежде всего в экономических условиях, питавших рост города, а эти условия вытекали из географического положения его края в связи с ходом русской колонизации волжско-окского междуречья.

Рис. 136. А. М. Васнецов. Строительство деревянных стен Кремля. XII век. 1903

Географическое положение Москвы и его выгоды

В ходе заселенья междуречья Оки и Верхней Волги можно заметить два направления, между которыми легче провести географическую, чем хронологическую, раздельную черту. По-видимому, раньше и усиленнее заселялись главные реки, окаймляющие междуречье. По обеим изогнутым линиям, по Верхней Волге от Ржева до Нижнего и

по средней Оке от Калуги до Мурома ко времени татарского нашествия вытянулись две довольно густые цепи городов, основными звеньями которых были старинные русские поселения Ярославль, Рязань, Муром. По первой линии шел колонизационный приток с новгородского северо-запада и смоленского запада, по второй — с днепровского юго-запада и с верхнеокского юга, из страны вятичей. Вслед за окрайными речными магистралями заселялись и внутренние их притоки, прорезывающие междуречье, хотя и здесь были незапамятностаринные центры, как Ростов и Суздаль. Большая часть здешних городов возникла с половины XII в. или немного раньше. Появление города на притоке служило признаком скопления вдоль реки значительного сельского населения, нуждавшегося в укрепленном убежище. Географическое размещение внутренних городов междуречья, постройку которых можно относить к XII и XIII вв., показывает, что пришлое население осаживалось по притокам всего междуречья разбросанными полосами (идя с запада на восток: Волок Ламский, Вышгород и, может быть, Боровск на Протве, Звенигород, Москва, Клин, Дмитров, Переяславль, Юрьев Польской, Владимир, Боголюбов, Нерехта,

Стародуб, Гороховец). При просторных лесистых и болотистых промежутках между притоками важное значение получали поселки, возникавшие на концах коротких переволок из одного притока в другой: здесь завязывались узловые пункты сухопутного и речного сообщения.

Москва — узловой пункт

В этом отношении географическое положение города Москвы было особенно выгодно. Верхним притоком своим Истрой река Москва подходит близко к Ламе, притоку Шоши, впадающей в Волгу. Таким образом река Москва Ламским волоком соединяла Верхнюю Волгу со средней Окой. С другой стороны город Москва возник на самом изломе реки, при ее повороте на юго-восток, где она притоком своим Яузой почти вплоть подходит к Клязьме, по которой шел через Москву поперечный путь с запада на восток. Этим путем в 1155 г. шел с чудотворной иконой Божией Матери Андрей Боголюбский, направляясь через Рогожские поля на Клязьме во Владимир с р. Вазузы, куда он поднялся Днепром из Вышгорода под Киевом. В конце XIV в. от Москвы шла, пролегая Кучковым полем, «великая дорога володимерьская», о которой упоминает одна старая

летопись по случаю сретения москвичами чудотворной иконы Божией Матери в 1395 г. Наконец, с третьей стороны через Москву пролегала из Лопасни дорога с киевского и черниговского юга на Переяславль-Залесский и Ростов. Так город Москва возник в пункте пересечения трех больших дорог. Из такого географического положения проистекли важные экономические выгоды для города и его края.

Рис. 137. Владимирская икона Богоматери. Первая треть XII в. Государственная Третьяковская галерея

Ранняя населенность Московского края

Прежде всего это положение содействовало сравнительно более ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубеже между юго-западной днепровской и северо-восточной волжской Русью, на раздельной линии говоров *о* и *я.* Это был первый край, в который попадали колонисты с юго-запада, перевалив за Угру; здесь, следовательно, они осаживались наибольшими массами, как на первом своем привале. Бледные следы этого усиленного осадка колонизации в области реки Москвы находим в старых генеалогических преданиях. Родословные росписи старинных боярских фамилий, с течением времени основавшихся в Москве, обыкновенно начинаются сказанием о том, как и откуда родоначальники этих фамилий пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдельные фамильные предания, мы получим целый важный исторический факт: с конца XIII в., еще прежде, чем город Москва начинает играть заметную роль в судьбе Северной Руси, в него со всех сторон

собираются знатные служилые люди из Мурома, Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже из Киева и с Волыни. Так, еще ко князю Юрию Даниловичу приехал на службу из Киева знатный боярин Родион, ставший родоначальником фамилии Квашниных, и привел с собой целый свой двор в 1700 человек, стоивший изрядного укрепленного города. Знатные слуги шли по течению народной массы. Генеалогические сказания боярских родословных отразили в себе лишь общее движение, господствовавшее в тогдашнем русском населении. В Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению.

Москва — этнографический центр Великороссии

Москву часто называют географическим центром Европейской России. Если взять Европейскую Россию в ее нынешних пределах, это название не окажется вполне точным ни в физическом, ни в этнографическом смысле: для того чтобы быть действительным географическим центром Европейской России, Москве следовало бы стоять несколько восточнее и несколько

южнее. Но надо представить себе, как размещена была масса русского населения, именно великорусского племени, в XIII и XIV вв. Колонизация скучивала это население в междуречье Оки и Верхней Волги, и здесь население долго задерживалось насильственно, не имея возможности выходить отсюда ни в какую сторону. Расселению на север, за Волгу, мешало перерезывающее движение новгородской колонизации, пугавшей мирных переселенцев своими разбойничьими ватагами, которые распространяли новгородские пределы к востоку от Новгорода. Вольный город в те века высылал с Волхова разбойничьи шайки удальцов-ушкуйников, которые на своих речных судах, ушкуях, грабили по Верхней Волге и ее северным притокам, мешая своими разбоями свободному распространению мирного населения в северном Заволжье. Паисий Ярославов в своей летописи Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере (XV в.) имел в виду именно эти XIII и XIV вв., когда писал, что тогда еще не вся Заволжская земля была крещена и много было некрещеных людей: он хотел сказать, что скудно было там русское христианское население. С северо-востока, востока и юга скоплявшееся в междуречье русское население задерживалось

господствовавшими там инородцами, мордвой и черемисой, а также разбойничавшими за Волгой вятчанами и, наконец, татарами; на запад и юго-запад русское население не могло распространяться, потому что с начала XIV в. там стояла уже объединившаяся Литва, готовясь к своему первому усиленному натиску на Восточную Русь. Таким образом, масса русского населения, скучившись в центральном междуречье, долго не имела выхода отсюда. Москва и возникла в средине пространства, на котором сосредоточивалось тогда наиболее густое русское население, т. е. в центре области тогдашнего распространения великорусского племени. Значит, Москву можно считать если не географическим, то этнографическим центром Руси, как эта Русь размещена была в XIV в. Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних врагов; внешние удары падали на соседние княжества — Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское — и очень редко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для окрайного русского населения, всюду страдавшего от внешних нападений. После татарского погрома более столетия, до первого Ольгердова

нападения в 1368 г., Московская страна была, может быть, единственным краем Северной Руси, не страдавшим или так мало страдавшим от вражеских опустошений; по крайней мере за все это время здесь, за исключением захватившего и Москву татарского нашествия 1293 г., не слышно по летописям о таких бедствиях. Столь редкий тогда покой вызвал даже обратное движение русской колонизации междуречья с востока на запад, из старых ростовских поселений в пустынные углы Московского княжества. Признаки этого поворота встречаем в житии преп. Сергия Радонежского. Отец его, богатый ростовский боярин Кирилл, обнищал от разорительных поездок со своим князем в Орду, от частых набегов татарских и других бедствий, бросил все и вместе с другими ростовцами переселился в глухой и мирный московский городок Радонеж. Около того же времени многие люди из ростовских городов и сел переселились в московские пределы. Сын Кирилла, решившись отречься от мира, уединился неподалеку от Радонежа в дремучем лесу скудоводного перевала с верхней Клязьмы в Дубну, Сестру и Волгу. Лет 15 прожил здесь преп. Сергий с немногими сподвижниками; но потом их лесное убежище быстро преобразилось: отку-

да-то нашло множество крестьян, исходили они те леса вдоль и поперек и начали садиться вокруг монастыря и невозбранно рубить леса, наставили починков, дворов и сел, устроили поля чистые и «исказили пустыню», с грустью прибавляет биограф и сподвижник Сергия, описывая один из переливов сельского населения в Московскую область, по-видимому не лишенный какой-либо связи с рассказанной им же ростовской эмиграцией. Таково одно условие, вытекавшее из географического положения Московского края и содействовавшее его успешному заселению.

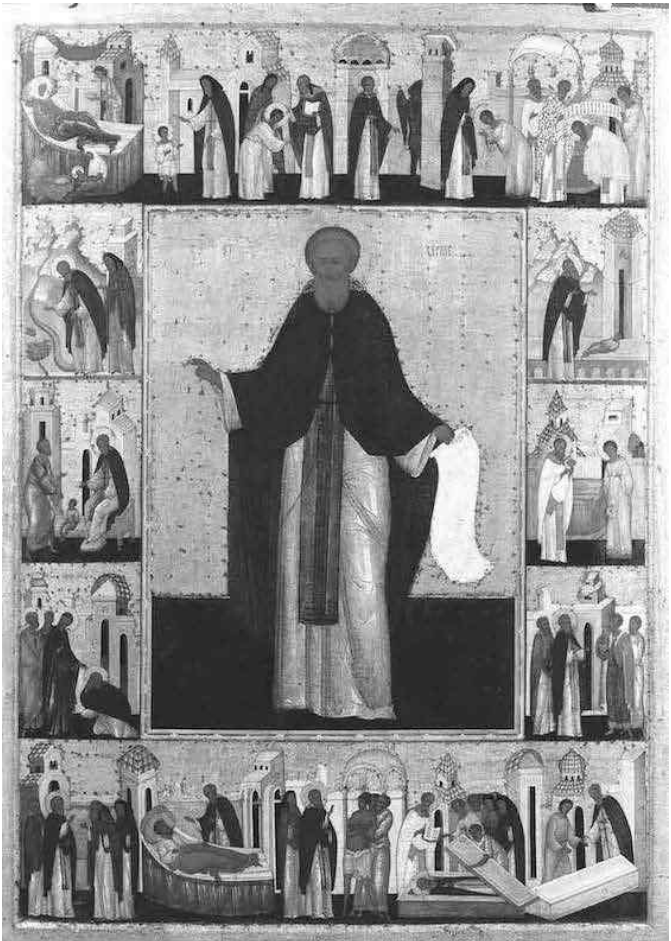


Рис. 138. Дионисий. Икона «Сергий Радонежский в житии». XV в. Коллекция Музеев Московского Кремля

Река Москва — транзитный путь

То же географическое положение Москвы заключало в себе другое условие, благоприятствовавшее ранним промышленным ее успехам. Я только что упомянул о реке Москве как водном пути между Верхней Волгой и средней Окой. В старое время эта река имела немаловажное торговое значение. Изогнутой диагональю прорезывая Московское княжество с северо-запада на юго-восток и нижним течением связывая город Москву с бассейном Оки, а верховьями близко подходя к правым притокам Верхней Волги, она служила соединительной хордой, стягивавшей концы обширной речной дуги, образуемой двумя главными торгово-промышленными путями междуречья. Одно явление указывает на такое торговое значение реки Москвы. Очень рано на самом перевале с Верхней Волги в Москву возник торговый пункт Волок на Ламе (Волоколамск). Этот город был построен новгородцами и служил им складочным местом в их торговых сношениях с бассейном Оки и с областью средней Волги.

Так географическое положение Москвы, сделав ее пунктом пересечения двух скрещивавшихся движений — переселенческого на северо-восток и торгово-транзитного на юго-восток, доставляло московскому князю важные экономические выгоды. Сгущенность населения в его уделе увеличивала количество плательщиков прямых податей. Развитие торгового транзитного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами.

Политические следствия

Рядом с этими экономическими следствиями, вытекавшими из географического и этнографического положения Москвы, из того же источника вышел ряд важных следствий политических. С географическим положением города Москвы тесно связано было генеалогическое положение его князя.

Москва — младший удел. Значение этого для ее князей

Как город новый и окрайный, Москва досталась

одной из младших линий Всеволодова племени. Поэтому московский князь не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол. Чувствуя себя бесправным, точнее, обездоленным среди родичей и не имея опоры в обычаях и преданиях старины, он должен был обеспечивать свое положение иными средствами, независимо от родословных отношений, от очереди старшинства. Благодаря тому московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями. Это обнаруживается как в их отношениях к другим князьям, так и в ведении ими внутренних дел своего княжества. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходит вокруг них, внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам. Первые московские князья выступают смелыми хищниками. Недаром один из них, Михаил Ярославич, перешел в потомство с прозванием Хоробрита, т. е. забияки: он в 1248 г. врасплох напал на своего дядю

великого князя Святослава и вопреки всякому праву согнал его с владимирского стола. Первый московский князь Александрова племени, Даниил, по рассказу летописца, точно так же врасплох напал на своего рязанского соседа князя Константина, победил его «некоей хитростью», т. е. обманом, взял его в плен и отнял у него Коломну. Сын этого Даниила Юрий в 1303 г., напав на другого соседа, князя можайского, также взял его в плен и захватил можайский удел в самых верховьях р. Москвы, потом убил отцова пленника Константина и удержал за собой Коломну: теперь вся Москва-река до самого устья стала московской. Московский князь — враг всякому великому князю, кто бы он ни был: казалось, самая почва Москвы питала в ее князьях неуважение к прежним понятиям и отношениям старшинства. Даниил долго и упорно боролся с великими князьями, собственными старшими братьями — с Димитрием переяславским, потом с Андреем городецким. Но по смерти Димитрия он сблизился с добрым и бездетным его сыном Иваном и так подружился, что Иван, умирая в 1302 г., отказал свой удел московскому своему соседу и младшему дяде помимо старших родичей. Даниил принял наследство и отстоял его от при-

тязаний старшего брата, великого князя Андрея. Но враги старшинства, московские князья были гибкие и сообразительные дельцы. Как скоро изменялись обстоятельства, и они изменяли свой образ действий. Татарский разгром надолго, на весь XIII в., поверг народное хозяйство Северной Руси в страшный хаос. Но с XIV в. расстроенные отношения здесь начали улаживаться, народное хозяйство стало приходить в некоторый порядок. С тех пор и московские князья, начав свое дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями своего удела, заботятся о водворении в нем прочного порядка, заселяют его промышленными и рабочими людьми, которых перезывают к себе из чужих княжеств, толпами покупают в Орде русских пленников и на льготных условиях сажают тех и других на своих московских пустошах, строят деревни, села, слободы. С XIV в. можем следить за ходом этого хозяйственного домостроительства московских князей по длинному ряду их духовных грамот, начинающемуся двумя завещаниями третьего московского князя из Александрова племени — Ивана Калиты. Эти грамоты объясняют нам, почему к половине XV в. в Северной Руси привыкли

смотреть на московского князя как на образцового хозяина, на Московское княжество — как на самый благоустроенный удел. Следы этого взгляда находим в одном памятнике половины XV в. Это сухой генеалогический перечень русских князей, начиная от Рюрика. Здесь, между прочим, читаем, что Всеволод Большое Гнездо родил Ярослава, Ярослав родил Александра Великого, Храброго, Александр — Даниила, а Даниил — Ивана Калиту, «иже исправи землю Русскую от татей». Итак, северное русское общество считало Ивана Калиту правителем, умевшим очистить свою землю от воров, водворить в ней. общественную безопасность. Навстречу этому взгляду идут указания с другой стороны. В приписке на одной рукописи, писанной в Москве в конце княжения Ивана Калиты, читаем хвалу правдолюбию этого князя, давшего Русской земле «тишину велию и правый суд». Канонист А. С. Павлов приписывает тому же князю введение в действие Земледельческого закона, византийского земско-полицейского и уголовного устава, составленного, как предполагают, императорами-иконоборцами в VIII в. Если так, то можно думать, что Иван Калита особенно заботился об устройстве сельского населения в своих владениях. Так, благодаря своему генеало-

гическому положению, чувствуя себя наиболее бесправным князем среди родичей, московский удельный владетель рано выработал себе образ действий, который держался не на преданиях старины, а на расчетливом соображении обстоятельств текущей минуты.

Успехи Московского княжества до половины XV в.

Таковы были первоначальные условия быстрого роста Московского княжества. Этих условий было два: географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Первое условие сопровождалось выгодами экономическими, которые давали в руки московскому князю обильные материальные средства, а второе условие указывало ему, как всего выгоднее пустить в оборот эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях, а на искусном пользовании текущей минутой. Располагая такими средствами и держась такой политики, московские князья в XIV и в первой половине XV в. умели добиться очень важных политических успехов. Перечислим их.

Расширение территории

I. Пользуясь своими средствами, московские князья постепенно выводили свое княжество из первоначальных тесных его пределов. В самом начале XIV в. на севере Руси, может быть, не было удела незначительнее московского. Пределы его далеко не совпадали даже с границами нынешней Московской губернии. Из существовавших тогда городов этой губернии в состав удельной московской территории не входили Дмитров, Клин, Волоколамск, Можайск, Серпухов, Коломна, Верея. Удел князя Даниила до захвата Можайска и Коломны занимал срединное пространство этой губернии — по среднему течению р. Москвы с продолжением на восток по верхней Клязьме, которое клином вдавалось между дмитровскими и коломенскими, т. е. рязанскими, волостями. В этом уделе едва ли было тогда больше двух городов, Москвы и Звенигорода: Руза и Радонеж тогда были, кажется, еще простыми сельскими волостями. Из 13 нынешних уездов губернии во владениях князя Даниила можно предполагать только четыре: Московский, Звенигородский, Рузский и Богородский с частью Дмитревского. Даже после того как третий московский князь

из племени Александра Невского, Иван Калита, стал великим князем, московский удел оставался очень незначительным. В первой духовной этого князя, написанной в 1327 г., перечислены все его вотчинные владения. Они состояли из пяти или семи городов с уездами. То были: Москва, Коломна, Можайск, Звенигород, Серпухов, Руза и Радонеж, если только эти две последние волости были тогда городами (Переяславль не упомянут в грамоте). В этих уездах находились 51 сельская волость и до 40 дворцовых сел. Вот весь удел Калиты, когда он стал великим князем. Но в руках его были обильные материальные средства, которые он и пустил в выгодный оборот. Тогдашние тяжкие условия землевладения заставляли землевладельцев продавать свои вотчины. Вследствие усиленного предложения земли были дешевы. Московские князья, имея свободные деньги, и начали скупать земли у частных лиц и у церковных учреждений, у митрополита, у монастырей, у других князей. Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три удельных города с округами — Белозерск, Галич и Углич, оставив, впрочем, эти уделы до времени за прежними князьями на каких-либо условиях зависимости. Преемники

его продолжали это мозаическое собирание земель. В каждой следующей московской духовной грамоте перечисляются новоприобретенные села и волости, о которых не упоминает предшествующая. Новые «примыслы» выплывают в этих грамотах один за другим неожиданно, выносимые каким-то непрерывным, но скрытым приобретательным процессом, без видимого плана и большею частью без указания, как они приобретались. Димитрий Донской как-то вытягал у смольнян Медынь; но неизвестно, как приобретены до него Верея, Боровск, Серпухов, половина Волоколамска, Кашира и до полутора десятка сел, разбросанных по великокняжеской Владимирской области и по разным чужим уделам. При Калите и его сыновьях земельные приобретения совершались путем частных полюбовных сделок, обыкновенно прикупами; но потом на подмогу этим мирным способам снова пущен был в ход насильственный захват с помощью Орды или без нее. Димитрий Донской захватил Стародуб на Клязьме и Галич с Дмитровом, выгнав тамошних князей из их вотчин. Сын его Василий «умздил» татарских князей и самого хана и за «многое злато и сребро» купил ярлык на Муром, Тарусу и целое Нижегородское княжество,

князей их выживал из их владений или жаловал их же вотчинами на условии подручнической службы. С конца XIV в. в видимо беспорядочном, случайном расширении московской территории становится заметен некоторый план, может быть сам собою сложившийся. Захватом Можайска и Коломны московский князь приобрел все течение Москвы; приобретение великокняжеской области и потом Стародубского княжества делало его хозяином всей Клязьмы. С приобретением Калуги, Мещеры при Донском, Козельска, Лихвина, Алексина, Тарусы, Мурома и Нижнего при его сыне все течение Оки — от впадения Упы и Жиздры до Коломны и от Городца Мещерского до Нижнего — оказалось во власти московского князя, так что Рязанское княжество очутилось с трех сторон среди волостей московских и владимирских, которые с Калиты были в московских же руках. Точно так же с приобретением Ржева, Углича и Нижегородского княжества при тех же князьях и Романова при Василии Темном, при постоянном обладании Костромой как частью великокняжеской Владимирской области едва ли не большее протяжение Верхней Волги принадлежало Москве; и здесь княжества Тверское и Ярославское с разных сторон были охвачены

московскими владениями. Так прежде всего московский князь старался овладеть главными речными путями междуречья, внутренними и окрайными. Наконец, с приобретением княжеств Белозерского и Галицкого открылся широкий простор для московских земельных примыслов в верхнем Заволжье. Там московский князь нашел много удобств для своего дела. Обширные и глухие лесистые пространства по Шексне с ее притоками, по притокам озер Белого и Кубенского, по верхней Сухоне в первой половине XV в. были разделены между многочисленными князьями белозерской и ярославской линии. Слабые и бедные, беднея все более от семейных разделов и татарских тягостей, иногда совместно вчетвером или впятером владея фамильным городком или даже простой сельской волостью, они не были в состоянии поддерживать державные права и владетельную обстановку удельных князей и нечувствительно спускались до уровня частных и даже некрупных землевладельцев. Чтобы привести их под свою руку, московскому князю не нужно было ни оружия, ни даже денег: они сами искали московской службы и послушно поступались своими вотчинами, которые получали от нового государя обратно в виде служебного

пожалования. Так, уже Василий Темный распоряжается вотчинами князей Заозерских, Кубенских, Бохтюжских как своими примыслами.

Рис. 139. Дмитрий Донской. Миниатюра «Царского титулярника». 1672

Заселение Заволжья

Успешному распространению московской территории в эту сторону много помогло одно народное движение. С усилением Москвы верхнее Поволжье стало безопаснее и с новгородской и с татарской стороны. Это давало возможность избытку долго скоплявшегося в междуречье населения отливать за Волгу в просторные лесные пустыни тамошнего края. Разведчиками в этом переселенческом движении явились с конца XIV в. монахи центральных монастырей, преимущественно Троицкого Сергиева; пробираясь в костромские и вологодские дебри, они основывали по речкам Комеле, Обноре, Пельшме, Авенге, Глушице обители, которые становились опорными пунктами крестьянских переселений: через несколько лет по этим рекам возникали одноименные волости с десятками деревень. С этими монастырями-колониями повторялось то же, что испытывала их метрополия, обитель преп. Сергия: они обсаживались крестьянскими поселениями, искажавшими их любимую дремучую пустыню. При совместном с новгородцами владении Вологдой и как правитель Костромской области по своему великокняжескому званию

московский князь был вправе считать своими эти волости, заселявшиеся выходцами из московских владений.

Способы расширения Московского княжества

Так можно различить пять главных способов, которыми пользовались московские князья для расширения своего княжества: это были скупка, захват вооруженный, захват дипломатический с помощью Орды, служебный договор с удельным князем и расселение из московских владений за Волгу. По духовной Василия Темного, составленной около 1462 г., можно видеть плоды полуторавековых скопидомных усилий московских князей по собиранию чужих земель. В этой духовной великое княжение Владимирское впервые смешано с Московским княжеством, со старинными вотчинными владениями и новыми примыслами в одну безразличную владельческую массу. На всем пространстве Окско-Волжского междуречья не московскими оставались только части Тверского и Ярославского княжеств да половина Ростова, другая половина которого была куплена Василием Темным. Но московские владения выходили за пределы междуречья на юг вверх по Оке и Цне, а на северо-востоке углуб-

лялись в Вятскую землю и доходили до Устюга, который в конце XIV в. уже принадлежал Москве. Владения князя Даниила далеко не заключали в себе и 500 кв. миль, так как во всей Московской губернии не более 590 кв. миль. Если по духовной Василия Темного очертите пределы московских владений, вы увидите, что в них можно считать по меньшей мере 15 тысяч кв. миль. Таковы были территориальные успехи, достигнутые московскими князьями к половине XV в. Благодаря этим успехам к концу княжения Темного Московское княжество размерами своими превосходило любое из великих княжеств, тогда еще существовавших на Руси.

Рис. 140. Василий Темный. Портрет из «Царского титулярника». 1672

Приобретение великокняжеского стола

II. Пользуясь своими средствами и расчетливой

фамильной политикой, московские князья в XIV в. постепенно сами выступали из положения бесправных удельных князей. Младшие, но богатые, эти князья предприняли смелую борьбу со старшими родичами за великокняжеский стол. Главными их соперниками были князья тверские, старшие их родичи. Действуя во имя силы, а не права, московские князья долго не имели успеха. Князь Юрий московский оспаривал великое княжение у своего двоюродного дяди Михаила тверского и погубил в Орде своего соперника, но потом сам сложил там свою голову, убитый сыном Михаила. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства боровшихся сторон были неравны. На стороне тверских князей были право старшинства и личные доблести, средства юридические и нравственные; на стороне московских были деньги и уменье пользоваться обстоятельствами, средства материальные и практические, а тогда Русь переживала время, когда последние средства были действительнее первых. Князья тверские никак не могли понять истинного положения дел и в начале XIV в. все еще считали возможной борьбу с татарами. Другой сын Михаила тверского, Александр, призывал свою

братию, русских князей, «друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться им, оборонять Русскую землю и всех православных христиан». Так отвечал он на увещание русских князей покориться татарам, когда изгнанником укрывался в Пскове после того, как в 1327 г., не вытерпев татарских насилий, он со всем городом Тверью поднялся на татар и истребил находившееся тогда в Твери татарское посольство. Московские князья иначе смотрели на положение дел. Они пока вовсе не думали о борьбе с татарами; видя, что на Орду гораздо выгоднее действовать «смиренной мудростью», т. е. угодничеством и деньгами, чем оружием, они усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов. Никто из князей чаще Калиты не ездил на поклон к хану, и там он был всегда желанным гостем, потому что приезжал туда не с пустыми руками. В Орде привыкли уже думать, что, когда приедет московский князь, будет «многое злато и сребро» и у великого хана-царя, и у его ханш, и у всех именитых мурз Золотой Орды. Благодаря тому московский князь, по генеалогии младший среди своей братии, добился старшего великокняжеского стола. Хан поручил Калите наказать тверского князя за

восстание. Тот исправно исполнил поручение: под его предводительством татары разорили Тверское княжество «и просто рещи, — добавляет летопись, — всю землю Русскую положиша пусту», не тронув, конечно, Москвы. В награду за это Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол, который с тех пор уже не выходил из-под московского князя.

Следствия этого успеха

III. Приобретение великокняжеского стола московским князем сопровождалось двумя важными последствиями для Руси, из коих одно можно назвать нравственным, другое — политическим. Нравственное состояло в том, что московский удельный владелец, став великим князем, первый начал выводить русское население из того уныния и оцепенения, в какое повергли его внешние несчастия. Образцовый устроитель своего удела, умевший водворить в нем общественную безопасность и тишину, московский князь, получив звание великого, дал почувствовать выгоды своей политики и другим частям Северо-Восточной Руси. Этим он подготовил себе широкую популярность, т. е. почву для дальнейших успехов.

Приостановка татарских нашествий

Летописец отмечает, что с тех пор, как московский князь получил от хана великокняжеское звание. Северная Русь начала отдыхать от постоянных татарских погромов, какие она терпела. Рассказывая о возвращении Калиты от хана в 1328 г. с пожалованием, летописец прибавляет: «…бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаша татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, заметка наблюдателя, жившего во второй половине XIV в. Оглянувшись назад на сорок лет, этот наблюдатель отметил, как почувствовалось в эти десятилетия господство Москвы в Северной России: время с 1328 по 1368 г., когда впервые напал на Северо-Восточную Русь Ольгерд литовский, считалось порою отдыха для населения этой Руси, которое за то благодарило Москву. В эти спокойные годы успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле.

Московский союз князей

Политическое следствие приобретения московским князем великого княжения состояло в том, что московский князь, став великим, первый начал выводить Северную Русь из состояния политического раздробления, в какое привел ее удельный порядок. До тех пор удельные князья, несмотря на свое родство, оставались чуждыми друг другу, обособленными владетелями. При старших сыновьях Александра Невского, великих князьях Димитрии и Андрее, составлялись союзы удельных князей против того и другого брата, собирались княжеские съезды для решения спорных дел. Но это были случайные и минутные попытки восстановить родственное и владельческое единение. Направленные против старшего князя, который по идее как названый отец должен был объединять младших, эти союзы не поддерживали, а скорее ослабляли родственную связь Всеволодовичей. Вокруг Москвы со времени великокняжения Калиты образуется княжеский союз на более прочных основаниях, руководимый самим московским князем. Сначала этот союз был финансовый и подневольный. Татары по завоевании Руси на первых порах

сами собирали наложенную ими на Русь дань — ордынский выход, для чего в первые 35 лет ига три раза производили через присылаемых из Орды численников поголовную, за исключением духовенства, перепись народа, число; но потом ханы стали поручать сбор выхода великому князю владимирскому. Такое поручение собирать ордынскую дань со многих, если только не со всех, князей и доставлять ее в Орду получил и Иван Данилович, когда стал великим князем владимирским. Это полномочие послужило в руках великого князя могучим орудием политического объединения удельной Руси. Не охотник и не мастер бить свою братию мечом, московский князь получил возможность бить ее рублем. Этот союз, сначала только финансовый, потом стал на более широкое основание, получив еще политическое значение. Простой ответственный приказчик хана по сбору и доставке дани, московский князь сделан был потом полномочным руководителем и судьею русских князей. Летописец рассказывает, что, когда дети Калиты по смерти отца в 1341 г. явились к хану Узбеку, тот встретил их с честью и любовью, потому что очень любил и чтил их отца, и обещал никому мимо них не отдавать великого княжения. Старшему сыну Се-

мену, назначенному великим князем, даны были «под руки» все князья русские. Летописец прибавляет, что Семен был у хана в великом почете и все князья русские, и рязанские, и ростовские, и даже тверские, столь подручны ему были, что все по его слову творили. Семен умел пользоваться выгодами своего положения и давал чувствовать их другим князьям, как показывает присвоенное ему прозвание Гордого. По смерти Семена в 1353 г. его брат и преемник Иван получил от хана вместе с великокняжеским званием и судебную власть над всеми князьями Северной Руси: хан велел им во всем слушаться великого князя Ивана и у него судиться, а в обидах жаловаться на него хану. В княжение Иванова сына Димитрия этот княжеский союз с Москвою во главе, готовый превратиться в гегемонию Москвы над русскими князьями, еще более расширился и укрепился, получив национальное значение. Когда при Димитрии возобновилась борьба Москвы с Тверью, тверской князь Михаил Александрович искал себе опоры в Литве и даже в Орде, чем погубил популярность, какой дотоле пользовались тверские князья в населении Северной Руси. Когда в 1375 г. московский князь шел на Тверь, к его полкам присоединилось 19 князей. Многие из

них, например князья ростовский, белозерский, стародубский, все потомки Всеволода III, были давнишними или недавними подручниками московского князя; но некоторые из них добровольно примкнули к нему из патриотического побуждения. Таковы были князья черниговской линии Святославичей: брянский, новосильский, Оболенский. Они сердились на тверского князя за то, что он неоднократно наводил на Русь Литву, столько зла наделавшую православным христианам, и соединился даже с поганым Мамаем. Наконец, почти вся Северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило московскому князю значение национального вождя Северной Руси в борьбе с внешними врагами. Так Орда стала слепым орудием, с помощью которого создавалась политическая и народная сила, направившаяся против нее же.

Перенесение митрополичьей кафедры в Москву

IV. Самым важным успехом московского князя было то, что он приобрел своему стольному городу значение церковной столицы Руси. И в

этом приобретении ему помогло географическое положение города Москвы. Татарским разгромом окончательно опустошена была старинная Киевская Русь, пустевшая с половины XII в. Вслед за населением на север ушел и высший иерарх русской церкви, киевский митрополит. Летописец рассказывает, что в 1299 г. митрополит Максим, не стерпев насилия татарского, собрался со всем своим клиросом и уехал из Киева во Владимир на Клязьму; тогда же и весь Киев-город разбежался, добавляет летопись. Но остатки южнорусской паствы в то тяжелое время не менее, даже более прежнего нуждались в заботах высшего пастыря русской церкви. Митрополит из Владимира должен был время от времени посещать южнорусские епархии. В эти поездки он останавливался на перепутье в городе Москве. Так, странствуя по Руси, проходя места и города, по выражению жития, часто бывал и подолгу живал в Москве преемник Максима митрополит Петр. Благодаря тому у него завязалась тесная дружба с князем Иваном Калитой, который правил Москвой еще при жизни старшего брата Юрия во время его частых отлучек. Оба они вместе заложили каменный соборный храм Успения в Москве. Может быть, святитель и не думал о

перенесении митрополичьей кафедры с Клязьмы на берега Москвы. Город Москва принадлежал ко владимирской епархии, архиереем которой был тот же митрополит со времени переселения на Клязьму. Бывая в Москве, митрополит Петр гостил у местного князя, жил в своем епархиальном городе, на старинном дворе князя Юрия Долгорукого, откуда потом перешел на то место, где вскоре был заложен Успенский собор. Случилось так, что в этом городе владыку и застигла смерть (в 1326 г.). Но эта случайность стала заветом для дальнейших митрополитов. Преемник Петра Феогност уже не хотел жить во Владимире, поселился на новом митрополичьем подворье в Москве, у чудотворцева гроба в новопостроенном Успенском соборе. Так Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической.

Рис. 141. Посвящение Феогноста в митрополи-

ты всея Руси патриархом Исайей. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Значение этой перемены

Нити церковной жизни, далеко расходившиеся от митрополичьей кафедры по Русской земле, притягивали теперь ее части к Москве, а богатые материальные средства, которыми располагала тогда русская церковь, стали стекаться в Москву, содействуя ее обогащению. Еще важнее было нравственное впечатление, произведенное этим перемещением митрополичьей кафедры на население Северной Руси. Здесь с большим доверием стали относиться к московскому князю, полагая, что все его действия совершаются с благословения верховного святителя русской церкви. След этого впечатления заметен в рассказе летописца. Повествуя о перенесении кафедры из Владимира в Москву, этот летописец замечает: «…иным же князем многим немного сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше, в себе живуща». Еще ярче выступает это нравственно-церковное впечатление в памятниках позднейшего времени. Митрополит Петр умер страдальцем за Русскую землю, путешествовал в Орду ходатайствовать за свою паству, много труда понес в своих заботах о

пасомых. Церковь русская причислила его к сонму святых предстателей Русской земли, и русские люди клялись его именем уже в XIV в. Жизнь этого святителя описана его другом и современником, ростовским епископом Прохором. Этот биограф кратко и просто рассказывает о том, как скончался в Москве св. Петр в отсутствие князя Ивана Калиты. В конце XIV или в начале XV в. один из преемников св. Петра, серб Киприан, написал более витиеватое жизнеописание святителя. Здесь встречаем уже другое описание его кончины: св. Петр умирает в присутствии Ивана Калиты, увещевает князя достроить основанный ими обоими соборный храм Успения Божией Матери, и при этом святитель изрекает князю такое пророчество: «Если, сын, меня послушаешь и храм Богородицы воздвигнешь и меня успокоишь в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и прославятся сыны и внуки твои, и город этот славен будет среди всех городов русских, и святители станут жить в нем, взойдут руки его на плеча врагов его, да и кости мои в нем положены будут». Очевидно, Киприан заимствовал эту подробность, неизвестную Прохору, из народного сказания, успевшего сложиться под влиянием событий XIV в. Русское церковное общество стало

сочувственно относиться к князю, действовавшему об руку с высшим пастырем русской церкви. Это сочувствие церковного общества, может быть, всего более помогло московскому князю укрепить за собою национальное и нравственное значение в Северной Руси.

Рассказы о. Пафнутия

Следы этого сочувствия находим и в другом, несколько позднейшем памятнике. Около половины XV в. начал подвизаться в основанном им монастыре инок Пафнутий Боровский, один из самых своеобразных и крепких характеров, какие известны в Древней Руси. Он любил рассказывать ученикам, что видел и слышал на своем веку. Эти рассказы, записанные слушателями, дошли до нас. Между прочим, преп. Пафнутий рассказывал, как в 1427 г. был мор великий на Руси, мерли «болячкой-прыщем»; может быть, это была чума. Обмирала тогда одна инокиня и, очнувшись, рассказывала, кого видела в раю и кого в аду, и, о ком что рассказывала, рассудив по их жизни, находили, что это правда. Видела она в раю великого князя Ивана Даниловича Калиту: так он прозван был, добавлял повествователь, за свое нищелюбие, потому что всегда

носил за поясом мешок с деньгами (калиту), из которого подавал нищим, сколько рука захватит. Может быть, ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднейшие поколения стали усвоять уже нравственное толкование. Подходит раз ко князю нищий и получает от него милостыню; подходит в другой раз, и князь дает ему другую милостыню; нищий не унялся и подошел в третий раз; тогда и князь не стерпел и, подавая ему третью милостыню, с сердцем сказал: «На, возьми, несытые зенки!» «Сам ты несытые зенки, — возразил нищий, — и здесь царствуешь, и на том свете царствовать хочешь». Это тонкая хвала в грубой форме: нищий хотел сказать, что князь милостыней, нищелюбием старается заработать себе царство небесное. Из этого ясно стало, продолжал рассказчик, что нищий послан был от бога искусить князя и возвестить ему, что «по бозе бяше дело его, еже творит». Видела еще инокиня в аду литовского короля Витовта в образе большого человека, которому страшный черный мурин (бес) клал в рот клещами раскаленные червонцы, приговаривая: «Наедайся же, окаянный!» Добродушный юмор, которым проникнуты эти рассказы, не позволяет сомневаться в их народном происхождении. Не

смущайтесь хронологией рассказа, не останавливайтесь на том, что в 1427 г. инокиня даже в аду не могла повстречать Витовта, который умер в 1430 г. У народной памяти своя хронология и прагматика, своя концепция исторических явлений. Народное сказание, забывая хронологию, противопоставляло литовского короля, врага Руси и православия, Ивану Даниловичу Калите, другу меньшой, нищей братии, правнук которого Василий Димитриевич сдержал напор этого грозного короля на православную Русь. Народная мысль живо восприняла эту близость обеих властей, княжеской и церковной, и внесла участие чувства в легендарную разработку образов их носителей, Калиты и московского первосвятителя. В тех же повестях о. Пафнутия есть коротенький, но выразительный рассказец. Раз Калита видел во сне гору высокую, покрытую снегом; снег растаял, а потом и гора скрылась. Калита спросил св. Петра о значении сна. «Гора, — отвечал святитель, — это ты, князь, а снег на горе — я, старик: я умру раньше твоего». Церковный колорит, которым окрашены приведенные рассказы, указывает на участие духовенства в их создании. Очевидно, политические успехи московского князя освящались в народном представлении со-

действием и благословением высшей церковной власти на Руси. Благодаря тому эти успехи, достигнутые не всегда чистыми средствами, стали прочным достоянием московского князя.

Выводы

Соединяя все изложенные факты, мы можем представить себе отношение, какое в продолжение XIV в. установилось среди северного русского населения к Московскому княжеству и его князю: под влиянием событий XIV в. в этом населении на них установился троякий взгляд. 1) На старшего, великого князя московского привыкли смотреть как на образцового правителя-хозяина, установителя земской тишины и гражданского порядка, а на Московское княжеством — как на исходный пункт нового строя земских отношений, первым плодом которого и было установление большей внутренней тишины и внешней безопасности. 2) На старшего московского князя привыкли смотреть как на народного вождя Руси в борьбе с внешними врагами, а на Москву — как на виновницу первых народных успехов над неверной Литвой и погаными «сыроядцами» агарянами. 3) Наконец, в московском князе Северная Русь привыкла видеть старшего сына русской церк-

ви, ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха, а Москву считать городом, на котором покоится особенное благословение величайшего святителя Русской земли и с которым связаны религиозно-нравственные интересы всего православного русского народа. Такое значение приобрел к половине XV в. удельный москворецкий князек, который полтораста лет назад выступал мелким хищником, из-за угла подстерегавшим своих соседей.